

1915.

Годъ 23.

УЧЕБНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 10.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1915.

1915.

Годъ 23.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 10.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1915.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 3 октября 1915 г.

№ 2040.

Ректоръ П. Пусторослевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.

Стр.

Особое мнѣніе ордин. проф. А. И. Яроцкаго по вопросу о сокращеніи, согласно циркулярному предложенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 13 августа 1915 г. за № 36466, учебныхъ плановъ преподаванія на Медицинскомъ факультетѣ И. Ю. У. для студентовъ-медиковъ 1, 2 и 3 курсовъ	1—4
Къ культурному міру воззваніе	1—5
Отвѣтъ на воззваніе „Къ культурному міру“ представителей германской науки и искусства	6—9

Научный отдѣлъ.

Проф. К. Покровскій. Строеніе хвоста комета 1910 I	1—VIII и 1— 76
--	----------------

Приложенія.

Проф. Б. В. Никольскій. Къ исторіи дареній между супругами	321—464
Проф. В. Ф. Чи жъ. Психологія деревенской частушки	1— 44

Особое мнѣніе ордин. проф. А. И. Яроцкаго

по вопросу о сокращеніи, согласно циркулярному предложенію Г. Министра Народнаго, Просвѣщенія отъ 13 августа 1915 г. за № 36466, учебныхъ плановъ преподаванія на Медицинскомъ факультетѣ И. Ю. У. для студентовъ-медиковъ 1, 2 и 3 курсовъ.

По вопросу о сокращеніи времени преподаванія на Медицинскомъ Факультетѣ съ пяти лѣтъ до четырехъ, Медицинскій Факультетъ пришелъ къ нижеслѣдующему заключенію:

Мѣра эта не можетъ способствовать въ сколько нибудь значительной степени къ увеличенію числа врачей для потребностей военнаго времени, такъ какъ при приѣмѣ на медицинскій факультетъ ежегодно одного и того-же числа студентовъ оканчивать курсъ будетъ ежегодно одно и то же число врачей, будетъ ли продолжительность ученія четыре или пять лѣтъ. Единственно въ этомъ смыслѣ, что можетъ дать эта мѣра — это выпускъ изъ университета одинъ разъ и то по прошествіи четырехъ лѣтъ со времени введенія новой программы лишнихъ полтораста-двухсотъ человекъ, а это можетъ быть достигнуто болѣе простымъ способомъ (напримѣръ, сокращеніемъ для этого одного выпуска срока пребыванія на пятомъ курсѣ), не прибѣгая къ коренной ломкѣ всего преподаванія на медицинскомъ факультетѣ.

Сократить механически продолжительность занятій на первыхъ трехъ курсахъ съ трехъ лѣтъ до двухъ не представляетъ особенныхъ трудностей. Для этого надо исключить нѣкоторыя подготовительныя науки естественнонаучнаго характера, а для другихъ (біологическихъ) сильно сократить число часовъ, но, въ общемъ, такимъ путемъ нельзя выгадать много времени, а потому

придется втиснуть въ теченіе одного учебнаго года почти всѣ предметы второго и третьяго курсовъ. Это поведетъ не только къ переобремененію студентовъ числомъ учебныхъ часовъ, но и повлечетъ за собою такое конденсированіе предметовъ преподаванія, которое студенты не будутъ въ состояніи преодолѣть и которое невыполнимо въ педагогическомъ отношеніи безъ измѣненія основъ современной постановки преподаванія медицины. Кромѣ того, при такомъ порядкѣ придется начинать преподаваніе новыхъ предметовъ въ то время, какъ не закончено преподаваніе основныхъ, на которыхъ базируется преподаваніе послѣдующихъ. Такъ, придется начинать преподаваніе фیزیологии и фیزیологической химіи раньше, чѣмъ слушатели получили достаточныя познанія въ анатоміи и притомъ слушателямъ, не имѣющимъ представленія объ органической химіи. Придется преподавать спеціальныя медицинскія науки, какъ то: врачебную діагностику, частную патологию и терапію, акушерство студентамъ, не прослушавшимъ полнаго курса фیزیологии, что является совершенно недопустимымъ.

Условія русской жизни требуютъ особенно серьезной и строго научной подготовки врачей, во-первыхъ, потому что слушатели являются зачастую изъ очень некультурной среды, а главное потому, что за границей молодой врачъ первые годы своей дѣятельности фактически не имѣетъ возможности самостоятельно работать и долженъ первое время работать подъ надзоромъ старшихъ товарищей въ качествѣ младшаго ассистента въ большой больницѣ и т. п. Между тѣмъ какъ въ Россіи только что окончившій врачъ или даже студентъ старшихъ курсовъ получаетъ въ полное распоряженіе больницы и медицинскіе участки съ нѣсколькими десятками тысячъ населенія. Молодому, самостоятельно работающему врачу въ Россіи обычно не съ кѣмъ посоветоваться, такъ какъ ближайшій врачъ находится отъ него въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ, а иногда и сотенъ верстъ, работа его протекаетъ на разстояніи въ нѣсколько дней, а иногда и недѣль пути отъ ближайшаго университетскаго города.

Несмотря на тяжелыя условія, въ которыя были поставлены медицинскіе факультеты въ Россіи, русскія медицинскія школы могутъ съ полнымъ правомъ гордиться тѣми основами и принципами, на которыхъ въ нихъ организовано преподаваніе. Организация медицинскаго преподаванія въ Россіи является однимъ изъ крупныхъ культурныхъ созиданій русской жизни, которымъ всей странѣ слѣдуетъ гордиться и относиться къ нему въ высшей степени

бережно. Между тѣмъ, въ виду того, что текстъ циркуляра не вполне ясенъ, нельзя съ опредѣленностью заключить, что эта мѣра относится только къ тѣмъ студентамъ, которые въ 1915 г. поступили на первый курсъ. Наоборотъ, въ виду указанія, что недостатокъ врачей будетъ ощущаться въ странѣ не только во время войны, но и въ послѣдующіе годы, можно опасаться, что эта мѣра будетъ примѣнена не только въ этомъ году, но и въ рядѣ послѣдующихъ. Вѣдь извѣстно, сколько у насъ существуетъ временныхъ мѣръ, дѣйствіе которыхъ продолжается въ теченіе многихъ десятилѣтій. Въ виду этого является въ высшей степени нежелательнымъ вводить такое сокращеніе программы, которое равнозначуще съ разрушеніемъ современной системы медицинскаго образованія.

Но предположимъ, что эта мѣра будетъ примѣнена только къ нынѣшнему составу студентовъ, и въ этомъ случаѣ она является въ высшей степени нежелательной. Къ ускореннымъ выпускамъ врачей страна была принуждена прибѣгать и въ Крымскую, и въ русско-турецкую и японскую войны, но при этомъ придерживались другой системы: до сихъ поръ сокращеніе курса производилось за счетъ послѣднихъ семестровъ — студенты выпускались врачами, не дослушавъ пятого и даже части четвертаго курса. При такой системѣ врачъ, хотя и выпускается раньше срока, но уже получивъ основательное естественно-историческое образованіе, которое представляетъ собою основу медицины. Имѣя таковую, молодой врачъ во время своей практической дѣятельности, особенно подъ руководствомъ старшихъ товарищей, легко можетъ совершенствоваться. Если же сократить преподаваніе основныхъ наукъ, преподаваемыхъ на первыхъ трехъ курсахъ, то уже никакая практическая дѣятельность, даже въ самой благопріятной обстановкѣ, не сможетъ заполнить пробѣлы, допущенные въ свое время. Никакіе повторительные курсы для усовершенствованія, на которые указываетъ циркуляръ, уже не помогутъ такимъ врачамъ. Они на всю послѣдующую жизнь останутся полулѣкарями, людьми съ фельдшерскимъ образованіемъ. Чтобы исправить недочеты образованія такихъ врачей, ихъ слѣдуетъ снова вернуть на первый курсъ. Совсѣмъ иное получается, когда ускореніе выпуска достигается тѣмъ, что студентовъ выпускаютъ врачами съ пятого или четвертаго курса: такой врачъ, имѣя хорошія основы, легко можетъ потомъ дополнить свое образованіе, прослушавъ недостающіе курсы.

Въ виду этого я считаю необходимымъ предложить факультету ходатайствовать передъ Министерствомъ о разрѣшеніи не производить сокращеніе программъ младшихъ трехъ курсовъ и разрѣшить производство ускоренныхъ выпусковъ тѣмъ же способомъ какъ раньше, допуская къ лѣкарскимъ экзаменамъ студентовъ девятаго или даже, въ случаѣ крайности, восьмого семестровъ.

Подписали :

Ординар. проф. А. Яроцкій.

Вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ проф. А. И. Яроцкаго.

Проф. А. Игнатовскій.

Я согласенъ съ мнѣніемъ проф. Яроцкаго, но помимо этого я считаю себя обязаннымъ исполнять предложеніе министерства, хотя оно не соответствуетъ моимъ взглядамъ.

Дегіо.

Вполнѣ раздѣляю мнѣніе проф. А. И. Яроцкаго.

Проф. И. Л. Кондаковъ.

Съ подлиннымъ вѣрно :

Деканъ Медицинскаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА Афанасьевъ.

Копія.

На правахъ рукописи.
(Переводъ съ нѣмецкаго).

Къ культурному міру воззваніе.

Какъ представители германской науки и искусства, мы заявляемъ протестъ передъ всѣмъ культурнымъ міромъ противъ лжи и клеветы, которыми наши враги стремятся запятнать чистое дѣло Германіи въ навязанной ей тяжелой борьбѣ за существованіе. Желѣзный голосъ событій уже опровергнулъ распускаемыя ими измышленія о нѣмецкихъ пораженіяхъ. Тѣмъ ревностнѣе теперь распространяются извращенныя свѣдѣнія и инсинуаціи. Противъ нихъ мы громко возвышаемъ нашъ голосъ. Онъ долженъ возвѣстить правду.

Это не правда, что Германія виновница войны. Ни народъ, ни правительство, ни императоръ не хотѣли ея. Со стороны Германіи были приняты крайнія мѣры для ея предотвращенія. Тому есть документальныя доказательства. Достаточно часто Вильгельмъ II-ой въ теченіе своего 26-ти лѣтняго царствованія являлся хранителемъ всеобщаго мира; достаточно часто даже наши враги это признавали. Да, этотъ самый императоръ, котораго они теперь осмѣливаются называть Аттилой, въ теченіе десятилѣтій подвергался насмѣшкамъ съ ихъ стороны за свое непоколебимое миролюбіе. Лишь послѣ того, какъ давно подстерегавшія насъ на нашихъ границахъ громадныя вражескія силы съ трехъ сторонъ напали на насъ, нашъ народъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ.

Это не правда, что мы преступно нарушили нейтралитетъ Бельгіи. Имѣются доказательства тому, что Франція и Англія уже раньше приняли рѣшеніе нарушить его. Имѣются доказательства тому, что Бельгія согласилась на это. Было бы равносильно самоубійству, если бы мы не предупредили ихъ.

Это не правда, что нашими солдатами были задѣты жизнь и имущество хотя бы одного бельгійскаго гражданина, когда того

властно не требовала самозащита. Несмотря на всѣ увѣщанія, населеніе все снова и снова, изъ-за угла обстрѣливало нашихъ солдатъ, уродовало раненныхъ и убивало врачей при исполненіи ихъ самарятинскаго долга. Нѣтъ болѣе гнуснаго подлога, чѣмъ замалчиваніе преступленій этихъ подлыхъ убійцъ, съ цѣлью вмѣнить нѣмцамъ въ преступленіе то справедливое наказаніе, которому тѣ подверглись.

Это не правда, что наши войска звѣрски свирѣпствовали въ Лувенѣ. Обстрѣлъ части города былъ актомъ возмездія, которому они съ тяжелымъ сердцемъ должны были подвергнуть безумствовавшее населеніе, предательски напавшее на расквартированные среди него воинскія части. Большая часть Лувена осталась неуничтоженной. Знаменитая ратуша стоитъ и теперь невредимой. Наши солдаты самоотверженно охраняли ее отъ пламени. Если въ этой ужасной войнѣ разрушены произведенія искусства или если они еще будутъ уничтожены, то каждый нѣмецъ сталъ бы это оплакивать. Не уступая никому въ любви къ искусству, мы однако рѣшительно отказываемся спасти художественное произведеніе цѣною нѣмецкаго пораженія.

Это не правда, что нашъ способъ веденія войны не считается съ законами международнаго права. Наши войска не знаютъ разнужданной жестокости, а на Востокѣ земля пропиталась кровью зарѣзанныхъ русской ордой женщинъ и дѣтей, на Западѣ пули думъ-думъ разрываютъ грудь нашихъ воиновъ. Менѣе всего имѣютъ право разыгрывать роль защитниковъ европейской цивилизаціи тѣ, кто заключали союзъ съ русскими и сербами и являютъ міру позорное зрѣлище, натравливая монголовъ и негровъ на бѣлую расу.

Это не правда, что борьба противъ нашего такъ называемаго милитаризма не есть борьба противъ нашей культуры, какъ лицемерно утверждаютъ наши враги. Безъ нѣмецкаго милитаризма нѣмецкая культура давно была бы стерта съ лица земли. На защиту этой культуры возникъ милитаризмъ изъ ея же нѣдръ въ странѣ, которая въ теченіи вѣковъ подвергалась разбойничьимъ набѣгамъ болѣе чѣмъ какая либо иная страна. Нѣмецкое войско и нѣмецкій народъ составляютъ одно цѣлое. Это сознаніе братски объединяетъ нынѣ 70 милліоновъ нѣмцевъ безъ различія уровня образованія, сословій и партій.

Мы не въ состояніи вырвать изъ рукъ нашихъ враговъ отравленнаго ложью оружія. Мы можемъ лишь громко крикнуть всему

міру, что они лжесвидѣтельствуютъ о насъ. Къ вамъ, которые знаете насъ, къ вамъ, которые до сего времени совмѣстно съ нами берегли высшее достояніе человѣчества, къ вамъ мы взываемъ: Вѣрьте намъ. Вѣрьте, что мы доведемъ эту борьбу до конца, какъ народъ культурный, для котораго завѣты Гете, Канта, Бетховена также святы, какъ собственный очагъ и родная земля.

Порукой этому наши имена и наша честь.

Подлинное воззваніе подписали слѣдующія лица:

Адольфъ фонъ-Бегеръ, профессоръ химіи, Мюнхенъ; профессоръ Петръ Беренсъ, Берлинъ; Эмиль фонъ-Берингъ, профессоръ медицины, Марбургъ; Вильгельмъ фонъ-Боден, генераль директоръ Королевскаго Музея, Берлинъ; Алоизъ Брандтъ, профессоръ, председатель общества по изученію Шекспира, Берлинъ; Люю Брентано, профессоръ политической экономіи, Мюнхенъ; профессоръ Юстусъ Бринкманъ, директоръ музея, Гамбургъ; Иоганнъ Конрадъ, профессоръ политической экономіи, Галле; Фрицъ фонъ-Леффрегеръ, Мюнхенъ; Рихардъ Демель, Гамбургъ; Адольфъ Дейсманъ, профессоръ протестантской теологіи, Берлинъ; профессоръ Вильгельмъ Дерпфельдъ, Берлинъ; Фридрихъ фонъ-Дунъ, профессоръ археологіи, Гейдельбергъ; профессоръ Павелъ Эрлихъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ; Альбертъ Эргардъ, профессоръ химіи, Карлсруэ; Гергардъ Эссеръ, профессоръ католической теологіи, Боннъ; Рудольфъ Эйкенъ, профессоръ философіи, Іена; Гербертъ Эйленбургъ; Генрихъ Финке, профессоръ исторіи, Фрейбургъ; Эмиль Фишеръ, профессоръ химіи, Берлинъ; Эдуардъ фонъ-Гебхардтъ, Дюссельдорфъ; Вильгельмъ Ферстеръ, профессоръ астрономіи, Берлинъ; Людвигъ Фульда, Берлинъ; I. I. де Кроотъ, профессоръ этнографіи, Берлинъ; Эрнестъ Гекель, профессоръ зоологіи, Іена; Максъ Гальбе, Мюнхенъ; профессоръ Эмиль фонъ Гарнакъ, генераль-директоръ Королевской Библіотеки, Берлинъ; Гергардъ Гауптманъ; Карлъ Гауптманъ, писатель; Густавъ Гелманъ, профессоръ метеорологіи, Берлинъ; Вильгельмъ Германъ, профессоръ протестантской теологіи, Марбургъ; Андреасъ Гейслеръ, профессоръ сѣверной филологіи, Берлинъ; Адольфъ фонъ-Гильдебрандъ, Мюнхенъ; Людвигъ Гоффманъ, городской архитекторъ, Берлинъ; Ангельбертъ Гумпердинкъ, Берлинъ; Леопольдъ графъ Калькрейтъ, президентъ германскаго союза искусствъ, Эдельфенъ; Артуръ Кампфъ, Берлинъ; Фрицъ Августъ фонъ-Каульбахъ, Мюнхенъ; Теодоръ Риппъ, профессоръ юриспруденціи (правовѣдѣнія), Берлинъ; Феликсъ Клейнъ, профессоръ математики, Гет-

тингенъ ; Максъ Клингеръ, Лейпцигъ ; Алоизъ Кнепфель, профессоръ юриспруденціи церковной исторіи, Мюнхенъ ; Антонъ Рохъ, профессоръ католической теологіи, Тюбингенъ ; Павелъ Лабандъ, профессоръ юриспруденціи (правовѣденія), Страсбургъ ; Карлъ Лампрехтъ, профессоръ исторіи, Лейпцигъ ; Филиппъ Ленардъ, профессоръ физики, Гейдельбергъ ; Максимилианъ Ленцъ, профессоръ исторіи, Гамбургъ ; Максъ Либерманъ, Берлинъ ; Францъ фонъ-Листъ, профессоръ юриспруденціи (правовѣдѣнія), Берлинъ ; Людвигъ Манзель, президентъ академіи искусствъ, Берлинъ ; Иосифъ Маусбахъ, профессоръ католической теологіи, Мюнстеръ ; Георгъ фонъ-Майеръ, профессоръ государственнаго права, Мюнхенъ ; Себастьянъ Меркле, профессоръ католической теологіи, Вюрцбургъ ; Эдуардъ Мейеръ, профессоръ исторіи, Берлинъ ; Генрихъ Морфъ, профессоръ романской филологіи, Берлинъ ; Фридрихъ Науманъ, Берлинъ ; Альбертъ Нейссеръ, профессоръ медицины, Бреслау ; Вальтеръ Меристъ, профессоръ физики, Берлинъ ; Вильгельмъ Освальдъ, профессоръ химіи, Лейпцигъ ; Бруно Пауль, директоръ высшей школы искусствъ, Берлинъ ; Максъ Планкъ, профессоръ физики, Берлинъ ; Альбертъ Плэнъ, профессоръ медицины, Берлинъ ; Георгъ Рейке, Берлинъ ; профессоръ Максъ Рейнгадтъ, директоръ нѣмецкихъ театровъ, Берлинъ ; Алоизъ Риль, профессоръ философіи, Берлинъ ; Карлъ Робертъ, профессоръ археологіи, Галле ; Вильгельмъ Рентгенъ, профессоръ физики, Мюнхенъ ; Максъ Рубнеръ, профессоръ медицины, Берлинъ ; Фрицъ Шалеръ, Берлинъ ; Адольфъ фонъ-Шлаттеръ, профессоръ протестантской теологіи, Тюбингенъ ; Августъ Шмидлинъ, профессоръ церковной исторіи, Мюнстеръ ; Густавъ фонъ-Шмоллеръ, профессоръ политической экономіи, Берлинъ ; Рейнгольдъ Зеебергъ, профессоръ протестантской теологіи, Берлинъ ; Мартинъ Шпанъ, профессоръ исторіи, Страсбургъ ; Гансъ Тома, Карлсруэ ; Рихардъ Трюбнеръ, Карлсруэ ; Карлъ Фолльмеллеръ, Штуттгардъ ; Рихардъ Фосъ ; Карлъ Фосслеръ, профессоръ романской филологіи, Мюнхенъ ; Зигфридъ Вагнеръ, Байрейтъ ; Вильгельмъ Вальдейеръ, профессоръ анатоміи, Берлинъ ; Августъ фонъ-Вассерманъ, профессоръ медицины, Берлинъ ; Феликсъ фонъ-Вейнгартнеръ ; Теодоръ Вигандъ, директоръ музея, Берлинъ ; Вильгельмъ Винъ, профессоръ физики, Вюрцбургъ ; Ульрихъ Вилламовичъ-Меллендорфъ, профессоръ филологіи, Берлинъ ; Вильгельмъ Виндельбандъ, профессоръ философіи, Гейдельбергъ ; Рихардъ Вильштеттеръ, профессоръ химіи, Берлинъ ; Вильгельмъ Вундтъ, профессоръ философіи, Лейпцигъ.

Разрѣшено было печатать 10-го ноября 1914 года для раздачи членамъ Совѣта Петроградскаго ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.

Печаталось въ типографіи Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О. Волховскій пер., 84.

Съ подлиннымъ вѣрно:

ДЕКАНЪ Медицинскаго Факультета **Афанасьевъ.**

ОТВѢТЪ

на воззваніе „Къ культурному міру“ представителей
германской науки и искусства.

Отъ конференціи ИМПЕРАТОРСКОЙ военно-медицинской академіи.

Гигантская борьба, задуманная давно и навязанная Европѣ Германіей, борьба, ужасы которой мы переживаемъ, есть результатъ стремленія Германіи, подчинить своему вліянію весь міръ, заставить міръ слушаться повелѣній нѣмецкой націи и только ея — вотъ наше убѣжденіе.

Величайшее преступленіе противъ человѣчества, казавшееся невозможнымъ въ новѣйшей исторіи Европы, совершено Вильгельмомъ II-мъ и его правительствомъ — это доказано теперь документально. Удивительное по незнанію истинной причины войны воззваніе „къ культурному міру“, обнародованное германскими учеными и представителями искусства, есть, по нашему мнѣнію, результатъ ослѣпленія и обмана своимъ Императоромъ и правительствомъ наиболѣе культурныхъ представителей германскаго общества. Если теперь начинающіе, можетъ быть, уже отрезвляться отъ содѣянныхъ ихъ отечествомъ злодѣяній, германскіе ученые и представители искусства, чувствуя потребность оправданія, поднимаютъ свой голосъ противъ приписываемыхъ германскому народу преступленій, завѣряя культурный міръ, безъ всякихъ притомъ доказательствъ, а только своею честью, что обвиненія, несущіяся со всѣхъ сторонъ, неправдивы, то это можетъ быть, есть только начало отрезвленія; конецъ его еще впереди, когда безпристрастная исторія окончательно откроетъ имъ глаза на все совершившееся.

Какая можетъ быть теперь, послѣ всего того, что извѣстно и стало достояніемъ исторіи, вѣра словамъ ученыхъ, отрицающихъ

существованіе насилій, грабежей, глумленія, безцѣльныхъ жестокостей со стороны австро-германскихъ армій, когда цѣлый рядъ удостовѣренныхъ повсюду фактовъ говоритъ противное, когда мы видимъ звѣрски замученныхъ воиновъ и мирное населеніе, видимъ плѣнныхъ воиновъ, которыхъ кололи штыками за то, что они не отвѣчали на вопросы о расположеніи своихъ частей? Какое можетъ быть довѣріе къ ученымъ, отрицающимъ извѣстные намъ факты пристрѣливанія раненыхъ, даже специально придуманнымъ для этого приборомъ, да еще руками санитарнаго персонала? Гдѣ почерпнуть это довѣріе, когда соотечественники ученыхъ, руководя турецкими таборами и полчищами курдовъ, стараются поднять другъ на друга все новые и новые народы, когда на всѣхъ театрахъ войны они дѣйствуютъ по одинаковому общему плану, повсюду грабя и уничтожая мирное народонаселеніе, оскверняя церкви, разрушая бомбами съ цепелиновъ мирные и незащищенные города и драгоцѣнные памятники искусства, забывая всякое представленіе о международномъ правѣ и обычаяхъ честной войны и нагло взывая къ тому-же международному праву, когда это выгодно?

Какъ вѣрить германскимъ ученымъ, когда германскіе врачи, при случайномъ плѣненіи русскаго лазарета, приказываютъ плѣнному медицинскому персоналу, чуть не подъ страхомъ смерти, бросать своихъ раненыхъ и помогать германскимъ? Какимъ образомъ вѣрить, когда сами германскіе раненые жалуются на жестокосердіе своихъ врачей? Наконецъ, мы никогда не забудемъ, что германскіе курортные врачи въ началѣ кампаніи выбрасывали на улицу ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ больныхъ, довѣрившихъ свое здоровье ихъ попеченію, не соображаясь даже съ тяжестью состоянія больныхъ, доводя ихъ этимъ иногда даже до смертнаго исхода, благодаря грубости нѣмецкой черни и полиціи.

Напрасно было бы думать, что приведенные факты единичны, что они представляютъ собой исключеніе. Наоборотъ, все, что намъ и всему міру извѣстно о несчастной Бельгіи, Сербіи, Франціи и, наконецъ, Польшѣ, относительно которой мы имѣемъ теперь уже строго провѣренныя и неопровержимыя факты, — все ярко говоритъ за то, что приемы грубаго варварства при веденіи австро-германцами войны носятъ общій характеръ. Обратное имѣетъ мѣсто, но лишь въ видѣ свѣтлаго исключенія на общемъ мрачномъ фонѣ.

Нѣтъ . . . Вѣры подписавшимъ воззваніе германскимъ ученымъ и представителямъ искусства быть не можетъ. Ихъ даже громкія, ученныя имена не заставятъ насъ молчать и смотрѣть на совершающееся иначе, какъ на преступленіе Вильгельма II-го и его націи.

Германцы забыли завѣты гуманистовъ, они замѣнили проповѣдь гуманности, правды и справедливости проповѣдью нищезанской сверхчеловѣчности, надменности, жестокости, коварства и лжи. Для націи, ослѣпленной маніей величія и во главѣ этого величія, устами даже своихъ ученыхъ, поставившей милитаризмъ, — казались легко осуществимыми и достижимыми практическія выгоды общаго порабощенія.

Но именно этого-то и не будетъ.

Рядъ культурныхъ странъ всталъ смѣло на защиту правъ человѣчества, правъ отдѣльныхъ государствъ и народовъ; другія государства отказали въ помощи германскимъ притязаніямъ. Россія, которую клеймятъ германскіе ученые и представители искусства, съ спокойнымъ презрѣніемъ относится къ ихъ навѣтамъ, сознавая себя правой. Не въ первый разъ подниматься нашему великому отечеству на защиту Европы и за свободу угнетенныхъ народовъ. Россія, заслонившая собою когда-то Европу отъ нашествія монголовъ, теперь, въ союзѣ со своими славными друзьями, спасаетъ Европу отъ нѣмецкаго насилія и глумленія надъ святыми принципами гуманности, права, правды и справедливости.

Пусть окончательно падетъ германскій милитаризмъ, въ продолженіи десятковъ лѣтъ раззорявшій всѣ страны и доведшій свою родину — Германію до безумія. Пусть погибнетъ германскій шпіонажъ, подъ покровомъ яко-бы культуры, какъ паутиной, опутавшій весь міръ. Пусть сломятся надменность и жестокость германской націи.

Пути культуры и цивилизаціи не тѣ, которыми сейчасъ идетъ германскій народъ. Гуманность и справедливость еще никогда не выражались убійствами, насиліемъ и грабежомъ и выражаться ими никогда не будутъ. Вотъ еще причина, почему воззванію германскихъ ученыхъ и представителей искусства нѣтъ и не можетъ быть вѣры.

Воззваніе германскихъ представителей науки и искусства появилось уже давно, и если конференція ИМПЕРАТОРСКОЙ военно-медицинской академіи не поднимала до сихъ поръ свой

голосъ протеста, то только потому, что желала выждать накопленія исторически документальныхъ данныхъ и безспорныхъ фактовъ, ярко указывающихъ какъ на причины войны, такъ и на безчеловѣчное и воистину варварское поведеніе австро-германскихъ войскъ. Теперь все это есть въ полной мѣрѣ, и германскимъ ученымъ, поклявшимся своей честью, остается въ новомъ воззваніи только покаяться въ своей ошибкѣ, дабы не оставаться лишенными чести.

Начальникъ академіи,
почетный лейбъ-медикъ Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА,
Тайный Совѣтникъ Макавѣевъ.

Ученый секретарь, ординарный профессоръ,
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ М. Ильинъ

Съ подлиннымъ вѣрно:
Деканъ Медицинскаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО
Юрьевскаго Университета Афанасьевъ.

Строеніе хвоста кометы 1910 I.

Исслѣдованіе

К. Покровскаго.

Оглавление.

	Стр.
Предисловіе	V—VIII
Комета 1910 I	1
Главный хвостъ	2
Западная вѣтвь	29
Снимокъ г. Сикоры въ Ташкентѣ	35
Синхроны хвоста кометы 1910 I по снимкамъ на обсерваторіи	
Ловелла	42
Второй хвостъ	58
Третій хвостъ	61
Аномальный хвостъ	63
Голова кометы	71
Заключеніе	74

Замѣченныя погрѣшности.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Надо:
13	4 снизу	—	φ считается положительнымъ, когда частица назади отъ продолженнаго радіуса-вектора
15	3 и 4 сверху	—	Пусть уголъ между направленіями на перигелій кометной орбиты и узелъ ея на эклиптикѣ — ω , а уголъ между направленіями на перигелій и узелъ на экваторѣ — ω' , такъ что
15	13 сверху	v	$v\angle$
15	14 „	v	$v\angle$
15	15 „	v	$v\angle$
15	2 снизу	хорошого	хорошаго
25	1 „	—	въ предположеніи, что начальная скорость равна нулю ($g = 0$, $G = 0$)
40	16 сверху	На чертежѣ	На чертежѣ [табл. III-ья].
48	13 „	—	$1 - \mu = 2$, $g = 0$, $G = 0$
48	5 снизу	—	$1 - \mu = 1$, $g = 0$, $G = 0$

Предисловіе.

Комета 1910 I представляла по своему виду блестящее явленіе. Вслѣдствіе этого вполне естественной является попытка выяснить съ точки зрѣнія механической теоріи кометныхъ формъ строеніе ея хвоста, а также силы, подѣйствию которыхъ онъ образовался. Но въ данномъ случаѣ это изслѣдованіе получаетъ особенный интересъ еще и потому, что за послѣднее время возникли сомнѣнія относительно справедливости теоріи Бесселя-Бредихина. Сомнѣнія эти имѣютъ своимъ источникомъ затрудненія, которыя встрѣчаются при объясненіи различныхъ подробностей, видимыхъ на фотографическихъ снимкахъ кометъ, особенно тѣхъ, которые получены съ помощью свѣтосильныхъ рефлекторовъ.

Такъ астрономъ Korff въ специальномъ изслѣдованіи „Untersuchungen über den Schweif des Kometen 1907 d. (Daniel)“. [Publikationen des Astroph. Instituts Königstuhl-Heidelberg. Band III. № 7] старался найти объясненіе лучей, наблюдавшихся на снимкахъ кометы 1907 d. Выбирая различные значенія для начальной скорости истеченій, угла положеній этихъ истеченій и отталкивательной силы, онъ вычислялъ наиболѣе приближающіяся къ лучамъ кривыя расположенія частицъ для даннаго момента наблюденія. Но во всѣхъ случаяхъ видъ этихъ кривыхъ оказался отличающимся отъ вида лучей. Можно было подобрать время истеченія и углы положенія, если принять лучъ за совокупность частицъ, вышедшихъ изъ ядра въ различное время и при

различныхъ условіяхъ. Но для объясненія строенія хвоста въ цѣломъ пришлось бы въ такомъ случаѣ предположить рядъ совершенно отдѣльныхъ истеченій въ различныхъ направленіяхъ. Съ другой стороны, какъ отмѣчаетъ Корфф, общая форма хвоста при этомъ должна бы опредѣленнымъ образомъ измѣняться со временемъ, а между тѣмъ картина расходящихся изъ головы кометы лучей оказывается приблизительно одинаковой на нѣсколькихъ снимкахъ различныхъ дней.

Въ другомъ изслѣдованіи: Ueber die Bessel-Bredichinsche Theorie der Kometenschweife“ [Astr. Nachr. B. 179. S. 213] Корфф вычисляетъ для 23 іюля 1903 года положеніе массъ въ хвостѣ кометы 1903 IV на основаніи тѣхъ результатовъ, которые получаются при примѣненіи теоріи къ наблюденіямъ этихъ массъ 24-го іюля, и отмѣчаетъ, что на фотографіяхъ 23-го іюля ничего невидно въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. То же самое указываетъ онъ и для кометы 1893 IV, подчеркивая, что для этой кометы видъ хвоста по наблюденіямъ измѣнялся значительно ото дня ко дню, тогда какъ по теоретическимъ расчетамъ онъ долженъ былъ быть въ общемъ одинаковъ вслѣдствіе сравнительно медленнаго перемѣщенія массъ, такъ какъ даже при значительной отталкивательной силѣ, въ 18 разъ превосходящей ньютоновское притяженіе, частица, отдѣлившаяся отъ ядра только черезъ 12 дней могла бы оказаться въ концѣ наблюдавшагося хвоста.

Въ виду отрицательныхъ результатовъ, полученныхъ при этихъ изслѣдованіяхъ г. Корфф приходитъ къ заключенію, что теорія Бесселя-Бредихина недостаточна для объясненія наблюдающихся въ кометахъ явленій, и думаетъ, что вѣроятно для объясненія подробностей строенія хвоста кометы кромѣ отталкивательной силы солнца нужно ввести еще другіе факторы, какъ напримѣръ, отталкивательную силу самого ядра или по крайней мѣрѣ измѣнить основное положеніе теоріи, что матерія истекаетъ изъ ядра кометы со стороны,

обращенной къ солнцу, въ томъ смыслѣ, что лучи состоятъ изъ частицъ, выброшенныхъ ядромъ въ противоположномъ отъ солнца направленіи.

Къ указаннымъ г. Корффомъ явленіямъ можно было бы присоединить еще и нѣкоторыя другія, вызывающія недоумѣніе съ точки зрѣнія механической теоріи кометныхъ формъ въ непосредственномъ ея примѣненіи*); но всѣ эти уклоненія наблюдаемыхъ подробностей отъ теоріи не могутъ представлять основанія для опроверженія ея основныхъ положеній. Во первыхъ, нѣкоторыя изъ этихъ уклоненій сомнительны. Такъ, напримѣръ, то обстоятельство, что наблюдавшихся 24-го іюля 1903 г. въ хвостѣ кометы 1903 IV массы невидны на снимкахъ 23-го и 25 іюля, еще ничего не значитъ, такъ какъ 23-го іюля эти массы могли быть очень близки къ головѣ, въ той части хвоста, гдѣ трудно выдѣлить подробности, а 25-го іюля онѣ уже значительно удалились и, растянувшись, ослабѣли, такъ что не могли быть сфотографированы. Точно также уклоненія лучей отъ теоретическихъ кривыхъ не могутъ считаться вполне убѣдительнымъ доводомъ потому, что длина лучей на снимкахъ вообще невелика, а для того, чтобы опредѣленно судить объ отталкивательной силѣ, начальной скорости и направленіи истеченія нужно взять рядъ точекъ, значительно удаленныхъ отъ ядра.

Съ другой стороны дѣйствительно возможно и вліяніе ядра на частицы, пока онѣ еще не удалились отъ него на большое разстояніе. Тѣ явленія, которыя мы наблюдаемъ непосредственно вблизи головы кометы, конечно, должны быть болѣе сложны по существу и менѣе опредѣленны по внѣшнему виду въ силу скученности, скопленія на небольшомъ протяженіи многихъ подробностей.

*) Такъ при моихъ, оставшихся неопубликованными, изслѣдованіяхъ о строеніи хвоста кометы 1902 III (1902 b) и хвоста кометы 1894 II оказалось, что направленія лучей, изъ которыхъ состояли эти короткіе хвосты, измѣняются какъ будто бы слишкомъ быстро сравнительно со временемъ, необходимымъ для образованія хвоста.

VIII

Вполнѣ возможно, что въ механической теоріи кометныхъ формъ по мѣрѣ развитія нашихъ знаній о молекулярномъ строеніи вещества и силахъ, подѣ дѣйствіемъ которыхъ происходитъ распадъ частицъ, должны будутъ быть внесены нѣкоторыя дополненія, но основныя положенія теоріи могутъ считаться безспорными и вполнѣ достаточными для объясненія очень многихъ явленій въ кометахъ. Изслѣдованіе строенія хвоста кометы 1910 I даетъ новое подтвержденіе этому. Благодаря тому, что хвостъ этой кометы имѣлъ значительную длину [до 50"] и что комета наблюдалась непосредственно послѣ прохожденія черезъ перигелій, вслѣдствіе чего явилось значительное искривленіе хвоста, можно было очень точно установить значеніе отталкивательныхъ силъ, подѣ дѣйствіемъ которыхъ онъ образовался.

Въ этомъ случаѣ оказалось возможнымъ также объяснить всѣ подробности, которыя были замѣчены при наблюденіяхъ: правое западное отѣтвление въ хвостѣ, наблюдавшееся невооруженнымъ глазомъ, рядъ поперечныхъ полосъ, видимыхъ на фотографическихъ снимкахъ, короткій сильно отклоненный къ югу хвостъ, прямой лучъ, поднимающійся справа отъ главнаго хвоста, аномальный хвостъ, направленный въ сторону солнца и наконецъ общую форму головы кометы.

Изслѣдованіе кометы 1910 I произведено мною въ три пріема въ зависимости отъ того, что наблюденія были опубликованы съ большимъ запозданіемъ и стали извѣстными мнѣ по частямъ. Сопоставляю результаты, придерживаясь въ каждомъ отдѣлѣ того порядка, въ какомъ они получены.

Комета 1910 I.

Комета 1910 I впервые была замѣчена 12-го января 1910 года рабочими алмазныхъ копей въ Трансвалѣ. Затѣмъ 15-го января ее видѣли чиновники станціи Корjes въ Оранжевой республикѣ, но вслѣдствіе пасмурной погоды подтвердить это наблюденіе удалось директору обсерваторіи въ Йоганнесбургѣ Innes'у только 17-го января.

Въ этотъ день, какъ выяснилось потомъ, комета проходила черезъ перигелій. Ея яркость была чрезвычайно велика — комета оказалась доступна невооруженному глазу въ полдень, хотя отстояла отъ солнца всего на 4° . Она наблюдалась днемъ во время кульминаціи также въ Алжирѣ 18, 19 и 20 января.

17-го января голова кометы имѣла въ діаметрѣ $5'$, но затѣмъ ея размѣры уменьшились: 19-го янв. діаметръ равнялся только $3'$, 21-го — $45''$, потомъ онъ вновь нѣсколько увеличился и въ теченіе февраля, марта, апрѣля и мая въ среднемъ составлялъ $90''$.

Длина хвоста 17-го января была всего 1° , но послѣ прохожденія черезъ перигелій при быстромъ ослабленіи блеска кометы хвостъ значительно развивается и достигаетъ въ концѣ января длины болѣе 40° .

Цвѣтъ кометы въ первое время былъ совершенно бѣлый, потомъ хвостъ имѣлъ красновато-желтый оттѣнокъ. По своей формѣ хвостъ представлялъ сильно изогнутый рогъ, значительно расширяющійся къ концу. Нѣкоторые наблюдатели зарисовали неправильное искривленіе, поднимающееся въ видѣ горба на внѣшнемъ краѣ въ 15° отъ головы. Другіе болѣе опредѣленно видѣли въ этомъ мѣстѣ отдѣленіе отъ главнаго хвоста особой вѣтви подъ угломъ въ $60''$ къ

оси рога въ сторону запада. Въ южной вѣтви хвоста отмѣчены уплотненія, какъ бы облачныя массы.

Кромѣ этого большого, развѣтвляющагося на двѣ вѣтви, хвоста виденъ былъ еще короткій прямой хвостъ, значительно отклоненный въ сторону юга, а на нѣкоторыхъ фотографіяхъ замѣтенъ еще маленькій придатокъ въ сторону солнца — аномальный хвостъ.

Въ спектрѣ головы наблюдалась 18—27 января яркая линія натрія, потомъ 26-го января появились углеводородныя полосы и послѣ еще полоса ціана. Спектръ хвоста былъ непрерывный и могъ быть полученъ до 1⁰ растоянія отъ головы.

Комета наблюдалась въ всѣхъ странахъ не только спеціалистами, но также и астрономами-любителями. Многіе изъ послѣднихъ опубликовали прекрасные рисунки кометы съ опредѣленными указаніями, какъ располагались различныя части хвоста относительно звѣздъ на небѣ.

Главный хвостъ.

Уже по общей формѣ главнаго хвоста кометы можно было предполагать, что онъ долженъ быть отнесенъ къ II-му типу Бредихина, но интересно было, конечно, опредѣлить значеніе отталкивательныхъ силъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ онъ образовался. Это я поставилъ себѣ первой задачей въ связи съ выясненіемъ непонятнаго на первый взглядъ сильнаго искривленія хвоста и его загадочнаго развѣтвленія. Я постарался использовать для этого всѣ извѣстныя мнѣ наблюденія, въ которыхъ имѣлись опредѣленные данныя. Сопоставляю ихъ по изданіямъ, въ которыхъ они опубликованы.

Monthly Notices of the Royal Astron. Soc.

Два рисунка астр. Arthur R. Hinks по наблюденіямъ на обсерваторіи въ Cambridge января 30-го въ 6^h45^m и 6^h55^m ср. Гринв. вр.

Vol. LXX № 5, Plate 13.

„As the night became darker, the zodiacal light was strong, its apex 2⁰ N. W. of Saturn. The comet's head was

lost in haze, but the tail, about 50° long, curved above α Pegasi and below γ , till it exactly joined the apex of the zodiacal light. The two were of about the same intensity near their junction. p. 463.

2) Наблюденія патера-іезуита А. L. Cortie, на обсерваторіи Stonyhurst College. „I. 29. from 5.30 to 6.40 p. m.

„To the naked eye, by reference to the star α Pegasi, the tail extended over 27° .“ p. 465.

3) Наблюденія J. L. E. Dreyer на обсерваторіи Armagh. I. 29. 6^h0^m Гринв. ср. вр.

„With the naked eye the tail was seen to reach α Pegasi and even beyond it.“

I. 30: „Tail about 30° long, α Pegasi quite immersed in it and the east edge of the tail is very slightly west of ζ Pegasi.“ p. 541.

4) Наблюденія W. H. Robinson на обсерваторіи Radcliffe, Oxford; I. 29. 6^h50^m Гринв. ср. вр.

„From the head to a distance of about 10° the tail was straight; it then curved sensibly towards the south, enveloping α Pegasi; here a division in the tail was clearly discernible, the lower portion, below α Pegasi, being the more luminous. The tail could be traced to a distance of 40° , or to about midway between α и γ Pegasi.“

И наблюденія H. G. S. Barrett I. 30. 6^h50^m Гринв. ср. вр.

„The tail of the comet was seen distinctly separated from the zodiacal light, and could be traced as far as ρ and η Piscium (or more than 50°); near this it merged into the zodiacal band. The northern edge of the tail was scharp up to a point between α and β Pegasi, whilst the southern edge was less distinct and not so well-defined. Sky transparently clear.“

Vol. LXXI, p. 140—141.

Popular Astronomy:

5) Диаграмма А. Е. Douglass, представляющая очертанія хвоста для I. 26. — II. 2. по наблюденіямъ въ Flagstaff.

„On this date [I. 26.] a southern branch was evident, a feature of peculiar interest, for it did not appear to be a separate tail starting from the head, with a stronger curve, but

it looked distinctly like a branch from the main tail at a distance of 16° from the head. This character was noticed independently by many persons, even as late as February 1, when the sharpness of the bend at the point of joining the straighter tail was much less apparent. Moreover this branch showed an increased condensation at about its apparent center in the form of a very diffused mass of cometary matter."

Координаты облачных массъ:

	1910, Гринв. ср. вр.	α	δ
I) 26	13 ^h 36 ^m	22 ^h 32 ^m	+ 7 ^o 5
27	13 24	22 46	8.8
28	13 38	22 59	10.0
29	13 39	23 17	12.5
30	13 43	23 29	14.7
31	13 44	23 38	16.4
II) 1	13 41	23 43	17.9
2	13 50	23 46	19.7
3		23 49	19.9

Vol. XVIII, p. 162—163.

6) Диаграмма и рисунокъ Н. С. Wilson по наблюденьямъ I. 27., 31. и II. 3. въ Northfield. p. 177—178.

Observatory:

7) Наблюдения Prof. Dyson на Корол. обсерватории въ Edinburgh I. 29. 5^h52^m Гринв. ср. вр.

"... the tail was seen to extend as far as α Pegasi, from which a length of more than 20° is to be inferred."

Vol. XXXIII, p. 106.

Nature:

8) Рисунокъ W. E. Rolston по наблюденьямъ въ South Harrow (Англія) I. 29. 6.20 p. m. Vol. 82, p. 410.

9) Наблюдения Miss Eleonora Armitage въ Dadnor (Herefordshire, Англія).

"The tail of the comet was well defined on the west side, reaching a little beyond and above α Pegasi, as seen with the

naked eye; on the east side it could be traced almost so far as γ Pegasi, but along most of this side the edge was very indefinite, owing to the light practically blending with that of the zodiacal light, both having apparently the same degree of luminosity. β Aquarii could be seen through the tail a little above the nucleus of the comet." p. 441.

10) Рисунокъ Dr. Allen по наблюденіямъ въ Mendip Hills (Англія) I. 30. 6—7.30 p. m. Vol. 83, p. 108.

Наблюденія эти сдѣланы при очень хорошихъ условіяхъ.

„but as seen from the Mendips, smoke, gaslamps, and clouds being absent, and the night exceptionally clear, the tail reached beyond and included α Pegasi, and then took a more pronounced curve to the left.“ Vol. 82, p. 441.

Comptes Rendus:

11) Наблюденія H. Deslandres, A. Bernard и L. d'Azambuja въ Meudon I. 29.

„Le 29 janvier, le ciel était très pur, et nous avons eu, après le crépuscule et après le coucher de la tête de la comète, un spectacle inoubliable. La queue, toujours visible, se dressait presque verticale au-dessous du carré de Pégase, et avec un crochet net vers le Sud, à son extrémité supérieure.“

„Le 29, les épreuves révèlent une queue supplémentaire, presque aussi intense que la première et faisant avec elle, vers le Sud, un angle voisin de 25° .“ T. 150, p. 255—256.

12) Наблюденія Goggia въ Marseille I. 25. (5^h52^m ср. мѣстное вр.)

„Ciel très pur. A l'oeil nu, la comète est brillante, la queue a environ 15° et se divise en deux branches, l'une rectiligne, l'autre se recourbant en panache. p. 305.

Bulletin de la Société Astronomique de France:

13) Рисунокъ F. Quénisset по наблюденіямъ на обсерваторіи въ Juvisy I. 29. 6^h50^m .

„Le spectacle était vraiment superbe. Les 29 et 30 janvier notamment, par un ciel d'une admirable pureté, on pouvait suivre la queue à une distance d'au moins 45° du noyau!

Vers α Pégase la queue s'infléchissait brusquement dans la direction de β (въпротиву γ) Pégase qu'elle dépassait."

1910. p. 105 и 110.

Кромѣ того описанія фотографическихъ снимковъ.

I. La queue principale était formée par deux aigrettes brillantes dont l'éclat diminuait assez rapidement en s'éloignant du noyau. Elles présentaient une courbure accentuée (convexité tournée vers le Nord), et le bord extérieur de l'aigrette boréale a toujours paru bien plus net que les autres. L'angle formé par ces deux aigrettes (mesuré par les tangentes menées sur la courbure extérieure, à petite distance de la tête de la comète) était d'environ 12° . Entre ces aigrettes se trouvait un espace sombre partant du noyau et visible jusqu'à une certaine distance de la tête. L'aspect général rappelle bien celui d'un paraboloïde creux et estompé.

II. Une autre aigrette, très lumineuse aussi et assez longue, mais dont le bord extérieur était parfaitement rectiligne, était visible au Sud des premières. Les 29 et 30 janvier elle formait un angle de 25° environ avec la partie médiane sombre de la queue principale. L'espace limité entre cette aigrette et celles décrites au paragraphe I était rempli d'une luminosité pâle et assez uniforme.

p. 109

14) Рисунокъ Ch. Sermasi по наблюденіямъ въ Mansura (Египетъ) I. 27. 7^а. — замѣчательный тѣмъ, что на немъ ясно видно дѣленіе хвоста на двѣ вѣтви, какъ и на диаграммѣ Дугласа I. 26.

„L'atmosphère étant très pure, on voyait le noyau de la comète juste à l'horizon, la queue avait 25° à 30° , dirigée vers le zénith et légèrement courbée, et on la distinguait jusqu'à la moitié de la distance entre α et ζ Pégase. Au Sud, on voyait une branche étrange de la queue, au-dessus d'un arc très prononcé, qui rejoignait la lumière zodiacale, elle aussi superbe, le tout entourant Venus.“

„Le 28 janvier, la comète paraissait moins brillante, et l'arc au Sud de la queue était moins prononcé.“ p. 119.

15) Наблюденія G. Raymond въ Sanary (Южная Франція, Департаментъ Var) I. 27.

„Le 27, elle (la queue) s'élargissait considérablement en s'infléchissant assez fortement sur la gauche. Cette partie re-

courbée passait un peu au-dessous de δ^*) Poissons, en pleine lumière zodiacale et d'une intensité lumineuse à peine supérieure à celle-ci.

Le 30, de 18^h à 18^h30^m , la queue était gigantesque et s'étendait jusqu'à γ Pégase.“ p. 117.

16) Наблюденія Ал. Аymé въ Souillac (Франція, Департаментъ Dordogne) I. 27.

„Vers 18^h40^m , jusqu'à la hauteur de ϑ Pégase, soit sur 12° , la queue était régulière, légèrement infléchie, plus brillante vers sa convexité. A la hauteur de ϑ , elle s'inclinait brusquement vers Saturne pour devenir parallèle à l'Equateur céleste. Elle se poursuivait ainsi, sur un espace de 10° à 12° de longueur, sur 3° de largeur environ. Cette dernière portion de la queue était inégale de forme et d'éclat. Elle renfermait un îlot plus lumineux.“ p. 117.

Astronomische Nachrichten:

17) Наблюденія Д-ра К. Graff и Маг. Н. Thile на Гамбургской обсерваторіи въ Bergedorf I. 29. 5^h40^m ср. мѣст. вр.

„Von hier (vom Kopfe) aus erstreckt sich der gebogene auf der konvexen Seite scharf begrenzte Schweif über δ Aquarii, ϑ , ζ , α Pegasi bis in die Gegend von γ Pegasi hin in einer Länge von etwa 35° — 40° und verliert sich unterhalb des letzteren Sternes in dem Schimmer des Zodiakallichtes.“

Bd. 183, S. 339.

18) Наблюденія Prof. Е. Hartwig въ Bamberg I. 31 6^h21^m ср. мѣстн. вр.

„Der Schweif war gekrümmt und reichte mit der konkaven Seite bis α Pegasi, war also etwa 24° lang, dort 1.5° breit, die konvexe Seite gegen ε Pegasi gelegen.“ S. 339.

19) Наблюденія Dr. W. Luther въ Düsseldorf I. 27. 6^h20^m ср. мѣстн. вр.

„Schweif bis in die Gegend von γ Piscium zu verfolgen.“ S. 339.

20) Наблюденія Д-ра Ph. Fauth въ Landstuhl I. 29. 6^h20^m — 6^h50^m

*) ϑ .

„Im 10-Zöller war der Schweif auf drei Gesichtsfeldbreiten noch erkennbar, mit blossen Auge bis über α Pegasi hinaus, also mindestens 27° weit, obwohl das Zodiakallicht am ganz klaren Himmel recht hell erschien.“ S. 424.

21) Наблюдения F. Gonnessiat на обсерватории въ Alger.

„Janv. 26. A l'oeil nu, malgré la clarté du crépuscule et celle de la Lune, on voit la queue se dresser jusqu'à 25° de distance environ, puis se dévier brusquement vers l'Est, sous un angle de 60° , pour former un panache diffus de 8° à 10° de longueur. Dans la partie droite, le bord ouest est nettement terminé; le bord est, au contraire, s'étale assez rapidement à une certaine distance du noyau.“

„Febr. 5. A l'oeil nu, on suit la queue, sensiblement rectiligne, jusque sur la ligne de α à μ Pégase, coupée sensiblement en son milieu; ce qui donne une longueur de 25° dans l'angle de position 45° .“

„Febr. 7. A l'oeil nu, on perçoit la queue jusqu'à 20° de distance, comme une faible traînée lumineuse dont l'intensité est comparable à celle du bord de la lumière zodiacale. L'axe passe au $\frac{1}{3}$ de μ à α Pégase, $P = 42^\circ$.“

Bd. 184, S. 55.

22) Наблюдения Prof. A. A. Nijland на обсерватории въ Utrecht.

„Am 27. Januar gewährte das Gestirn einen prachtvollen Anblick. Der Schweif konnte sicher über 26° , wahrscheinlich aber noch 9° weiter verfolgt werden. Sein konvexer Nordrand war scharf begrenzt und lief in einem Kreisbogen, dessen Halbmesser ich auf etwa 30° schätzte, genau über ζ Pegasi. In der Nähe von α Pegasi war der Schweif etwa 5° breit. Beim Kopf war im Opernglase noch ein schwächerer 5° oder 6° langer Schweifansatz von etwa 18° Öffnungswinkel sichtbar.“

S. 137—138.

Кромѣ того рисунокъ Prof. A. Nijland въ отдѣльномъ оттискѣ изъ *Hemelen Dampkring*, Februari 1910, aflevering 10.

23) Фотографическій снимокъ Prof K. Bohlin въ Stockholm I. 28. 6^h 9^m 7 ср. Евр. вр.

„Vom Kopf tritt neben dem Hauptschweif noch ein kür-

зерер Nebenschweif bis zu ungefähr 2° Länge hervor. Der Hauptschweif ist leicht gekrümmt und verläuft zwischen den Sternen δ Pegasi und ε Pegasi bis zu einer Länge von 18° . Am Ende ist der Schweif gespalten. Hier beträgt die Gesamtbreite nahezu 4° . Bd. 185, S. 261.

24) Наблюдения Д-ра С. W. Wirtz на обсерватории в Страссбург I. 30.

„Länge des Schweifes = 27° . Breite am Ende = $4^{\circ}.5$, leicht gekrümmt konkav gegen den Meridian hin. M. Z. Strb. 6^h6 PW des Schweifes = $53^{\circ}.1$.

PW des Schweifes gilt für eine Verbindungslinie des Kernes mit dem Ende der Mittellinie des Schweifes.“

Bd. 186, S. 91.

25) Наблюдения Prof. A. Ricco I. 27.

„Ad occhio nudo la cometa si vede pressocche verticale fino ad α Pegasi poi si curva bruscamente verso sud, e l'estremità si perde sotto γ Pegasi: il dà una lunghezza di circa 30° .

Dal Bollettino dell'Accademia Gioenia di Scienze Naturali in Catania.

Fasc. XI. Serie 2-a. Marzo 1910. p. 2.

26) Не опубликованные рисунки г-жи М. А. Бѣлявской въ Симеизѣ (Крымъ) I. 30. въ $7\frac{1}{2}$ час. вечера.

Главнѣйшія иллюстраціи къ этимъ наблюденіямъ сопоставлены мною на одной таблицѣ въ моей статьѣ „Der Schweif des Kometen 1910a“, напечатанной въ Трудахъ Астрон. Обсерватории Импер. Юрьевского Унив. Т. XXI. Вып. 4.

Весьма многими изъ опубликованныхъ наблюденій нельзя было воспользоваться вслѣдствіе того, что они не давали опредѣленнаго описанія хвоста, не указывали координатъ какихъ либо точекъ и не сопровождались рисунками.

Не использованы также нѣкоторыя фотографическія снимки или вслѣдствіе того, что на нихъ не видно никакихъ звѣздъ, которыми бы можно было воспользоваться для опредѣленія положенія точекъ въ хвостѣ кометы или вслѣдствіе того, что видимая на нихъ часть хвоста весьма мала.

Для каждого дня наблюдений я выбралъ по нѣсколько точекъ на среднихъ линіяхъ обѣихъ вѣтвей главнаго хвоста и опредѣлилъ ихъ координаты, если онѣ не были указаны самими наблюдателями, по сосѣднимъ звѣздамъ. Всего взято 59 точекъ.

№	Мѣсто наблю- денія	Среднее Берлин. вр.	Координаты точекъ		
			α	δ	
1	Flagstaff	I. 26.604	333.0 ⁰	+ 7.7 ⁰	Вблизи развѣтвленія.
2	"	"	338.0	7.5	Облако.
3	"	"	339.9	12.3	На западной вѣтви.
4	Mansura (Еги- петъ)	I. 27.242	330.7	6.2	На средней линіи ниж- ней части.
5	"	"	334.2	9.9	
6	"	"	342.0	15.3	} На западной вѣтви.
7	"	"	337.2	6.9	
8	"	"	344.7	2.0	} На средней линіи юж- ной вѣтви.
9	Düsseldorf	27.282	348.1	2.8	
10	Utrecht	27.294	334.8	7.9	
11	"	"	345.0	10.3	
12	Souillac	27.318	342.0	7.0	
13	Northfield	27.488	335.3 ⁰	+ 8.3 ⁰	
14	"	"	342.7	8.3	
15	Flagstaff	27.596	341.5	8.8	Облако.
16	Stockholm	28.252	328.9	6.3	} Между ядромъ и раз- вѣтвленіемъ.
17	"	"	331.9	8.6	
18	"	"	332.4	8.9	
19	"	"	335.9	11.8	На западной вѣтви.
20	Flagstaff	I. 28.605	344.8	10.0	Облако.
21	Edinburgh	29.281	345.1	14.7	
22	Armagh Obs.	29.287	345.1	14.7	
23	Landstuhl	29.290	345.1	14.7	
24	Stonyhurst Obs.	29.290	345.1	14.7	
25	South Harrow	29.295	329.1	6.9	
26	"	"	340.3	13.3	
27	Dadnor	"	345.1	14.7	
28	L'observatoire	29.315	330.2	6.5	
29	de Juvisy	"	341.5	12.5	
30	"	"	356.4	11.0	
31	Oxford	29.321	353.6	14.7	
32	Flagstaff	29.606	349.3	12.5	Облако.
33	Симензъ	30.276	345.1	15.5	
34	Strassburg	30.290	PW=58.1	{ Длина хвоста = 27°	
35	Sanary	30.291	2.2		
36	Mendip Hills	30.318	328.7	7.1	
37	"	"	345.1	15.5	
38	"	"	358.0	11.3	
39	Oxford	30.321	330.1	6.6	
40	"	"	345.1	14.7	

№	Мѣсто наблю- денія	Среднее Берлин. вр.	Координаты точекъ		
			α	δ	
41	Oxford	30.321	1.6	18.4	
42	"	"	20.7	17.3	
43	Cambridge Анг.	30.321	328.4	7.3	
44	"	"	345.0	16.0	
45	"	"	359.0	12.3	
46	"	"	15.0	7.0	
47	Flagstaff	30.609	352.3	14.7	Облако.
48	Bamberg	31.271	345.1	15.5	
49	Northfield		345.0	15.9	
50	"		356.0	18.5	
51	Flagstaff	31.609	354.5	16.4	Облако.
52	"	II. 1.607	355.8	17.9	Облако.
53	"	2.614	356.5	19.7	Облако.
54	Northfield	II. 3.	342.8	18.7	
55	"		345.1	19.8	
56	"		2.5	20.3	
57	Flagstaff	3.	357.3	19.9	Облако.
58	Alger	II. 5.	343.2	19.5	
59	"	II. 7.	342.6	21.1	

Для перехода въ плоскость кометной орбиты я пользо-
вался съ одной стороны формулами Бесселя-Бредихина,
съ другой формулами А. Я. Орлова.

Пусть $\oslash$ — долгота восходящаго узла кометной
орбиты на эклиптикѣ.

i — наклоненіе

ε — наклоненіе эклиптики къ экватору.

Тогда долготу восходящаго узла — $\oslash'$ и наклоненіе комет-
ной орбиты къ экватору — i' мы получаемъ по формуламъ:

$$\cos \frac{1}{2} i' \cdot \sin \frac{1}{2} (\oslash' + \sigma) = \sin \frac{1}{2} \oslash \cdot \cos \frac{1}{2} (i - \varepsilon)$$

$$\cos \frac{1}{2} i' \cdot \cos \frac{1}{2} (\oslash' + \sigma) = \cos \frac{1}{2} \oslash \cdot \cos \frac{1}{2} (i + \varepsilon)$$

$$\sin \frac{1}{2} i' \cdot \sin \frac{1}{2} (\oslash' - \sigma) = \sin \frac{1}{2} \oslash \cdot \cos \frac{1}{2} (i - \varepsilon)$$

$$\sin \frac{1}{2} i' \cdot \cos \frac{1}{2} (\odot' - \sigma) = \cos \frac{1}{2} \odot \cdot \sin \frac{1}{2} (i + \epsilon)$$

гдѣ σ — вспомогательный уголъ (соотвѣтствующій дугѣ кометной орбиты между эклипикой и экваторомъ). При этомъ $\sin \frac{1}{2} i'$ и $\cos \frac{1}{2} i'$ всегда положительны.

I. Формулы Бесселя-Бредихина*). Имѣя величины: $\odot'$ и i' , находимъ прямое восхождение и склоненіе полюса кометной орбиты:

$$A = \odot' - 90^\circ \text{ и } D = 90^\circ - i'$$

Эти величины постоянны для всего періода наблюденія. Взявъ по наблюденіямъ или по эфемеридѣ координаты ядра кометы, вычисляемъ для каждаго дня наблюденій вспомогательныя величины: S , P по соотношеніямъ:

$$\cos S = -\sin \delta \mathcal{C} \sin D - \cos \delta \mathcal{C} \cos D \cos (A - \alpha \mathcal{C})$$

$$\sin S \cdot \cos P = \cos \delta \mathcal{C} \sin D - \sin \delta \mathcal{C} \cos D \cos (A - \alpha \mathcal{C})$$

$$\sin S \cdot \sin P = \cos D \cdot \sin (A - \alpha \mathcal{C})$$

или по формуламъ

$$\cos \frac{S}{2} \cdot \sin \frac{P' + P}{2} = \sin \frac{A - \alpha \mathcal{C}}{2} \cdot \cos \frac{D + \delta \mathcal{C}}{2}$$

$$\cos \frac{S}{2} \cdot \cos \frac{P' + P}{2} = \cos \frac{A - \alpha \mathcal{C}}{2} \cdot \sin \frac{D - \delta \mathcal{C}}{2}$$

$$\sin \frac{S}{2} \cdot \sin \frac{P' - P}{2} = \sin \frac{A - \alpha \mathcal{C}}{2} \cdot \sin \frac{D + \delta \mathcal{C}}{2}$$

$$\sin \frac{S}{2} \cdot \cos \frac{P' - P}{2} = \cos \frac{A - \alpha \mathcal{C}}{2} \cdot \cos \frac{D - \delta \mathcal{C}}{2}$$

*) R. Jaegermann, Prof. Dr. Th. Bredichin's Mechanische Untersuchungen über Cometenformen. Сrp. 85—89 и 304—305.

причемъ S берется въ предѣлахъ $0 < S < 180^\circ$, а значеніе P' непосредственно не нужно.

Уголъ положенія p и разстоянія относительно ядра кометы точки, опредѣляемой координатами a и δ , могутъ быть вычислены по формуламъ.

$$\sin s \cdot \sin p = \cos \delta \cdot \sin (a - a_{\odot})$$

$$\sin s \cdot \cos p = m \cos (M + \delta_{\odot}),$$

гдѣ t и M вспомогательныя величины, получаемыя по соотношеніямъ

$$m \sin M = \cos(a - a_{\odot})$$

$$m \cos M = \sin \delta$$

Позиційний уголь продолженного радіуса вектора — r_0 отличается от позиційного угла солнца $r_\odot$ на 180° , такимъ образомъ

$$p_0 = p_{\odot} + 180^\circ$$

Чтобы получить линейное разстояние Δ отъ ядра и уголъ положенія φ въ плоскости кометной орбиты отъ продолженнаго радіуса вектора, можно воспользоваться формулами:

$$\sin(u - P') = \sin T \cdot \sin(p - P)$$

$$\cos S . \cos (u - P') = - \sin T . \cos (p - P)$$

$$\sin S \cdot \cos (u - P') = \cos T$$

$$\varphi = u - u_0 = (u - P') - (u_0 - P')$$

$$\Delta = \rho \frac{\sin s}{\sin (T+s)}$$

при чемъ φ считается положительнымъ,

ρ представляетъ разстояніе ядра отъ земли

и соответствует позиционному углу p

$$u_0 \text{ --- --- --- --- --- } p_0$$

и T находится въ предѣлахъ $0 < T < 180^\circ$, такъ это квадранты $u - P'$ вполне опредѣляются.

Наконецъ кометоцентрическія прямоугольныя координаты въ плоскости кометной орбиты равны:

$$\xi = \Delta \cos \varphi, \eta = \Delta \sin \varphi$$

и ξ считается по продолженному радіусу-вектору, а η по перпендикуляру къ послѣднему въ сторону, откуда движется комета.

II. Формулы А. Орлова*):

А. Я. Орловъ по даннымъ геоцентрическимъ координатамъ частицы: α и δ вычисляетъ ея гелиоцентрическія координаты въ плоскости кометной орбиты такимъ образомъ:

Если X, Y, Z — геоцентрическія экваторіальныя координаты солнца, то сначала вычисляются вспомогательныя величины X' и Y' по формуламъ

$$X' = X \cos \varnothing' + Y \sin \varnothing'$$

$$Y' = X \sin \varnothing' - Y \cos \varnothing'$$

потомъ вспомогательныя величины A, B и q по соотношеніямъ:

$$A = Z \operatorname{ctg} i' + Y'$$

$$B = \sin \delta \operatorname{ctg} i' - \cos \delta \sin (\alpha - \varnothing')$$

$$q = \frac{A}{B}$$

гдѣ $\varnothing'$ и i' — имѣютъ тѣ же значенія какъ и выше т. е. долгота узла кометной орбиты и наклоненіе къ экватору, а затѣмъ радіусъ-векторъ частицы r и уголъ этого радіуса-вектора съ направлениемъ на восходящій узелъ — v по формуламъ:

*) А. Я. Орловъ. О вычисленіи гелиоцентрическихъ координатъ частицы кометнаго хвоста. Изв. Импер. Акад. Наукъ. 1909. стр. 299.

$$r \cos v = q \cos \delta \cos (\alpha - \delta\delta') - X'$$

$$r \sin v = \frac{q \sin \delta - Z}{\sin i'}$$

Пусть уголъ между направлѣніями на перигелій кометной орбиты и узелъ ея на экваторѣ будетъ ω' , такъ что

$$\omega' = \omega + \sigma$$

тогда

$$v - \omega' = \omega''$$

представить уголъ между радіусомъ-векторомъ частицы и осью кометной орбиты.

Называя черезъ $v\mathcal{C}$ и $r\mathcal{C}$ — истинную аномалію ядра и его радіусъ-векторъ въ моментъ наблюденія, будемъ имѣть: уголъ между радіусомъ-векторомъ частицы и радіусомъ-векторомъ ядра $= v - \omega''$ и кометоцентрическія координаты

$$\xi = r \cos (v - \omega'') - r\mathcal{C}$$

$$\eta = r \sin (v - \omega'')$$

Въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣляются геліоцентрическія координаты, формулы А. Я. Орлова приводятъ къ результату скорѣе, когда ищутся координаты кометоцентрическія, преимущество ихъ менѣе замѣтно, а если при этомъ положеніе наблюдаемой точки въ хвостѣ кометы дается въ полярныхъ координатахъ, то несомнѣнно удобнѣе вычисленіе по формуламъ Бесселя-Бредихина. Вычисленіе по первому способу еще въ томъ отношеніи выгодно, что тогда для каждой точки мы получаемъ разстояніе отъ ядра, какъ видимое въ дугѣ на небѣ, такъ и дѣйствительное линейное въ плоскости кометной орбиты, что бываетъ часто очень интересно для различныхъ соображеній. Параллельное вычисленіе по двумъ способамъ можетъ имѣть значеніе хорошаго независимаго контроля.

Въ основу вычислений положена система элементовъ кометы, данная проф. Н. Kobold'омъ въ *Astron. Nachrichten*. Т. 183. Стр. 309:

$$T = 1910 \text{ янв. } 17.1235 \text{ ср. Берл. вр.}$$

$$\left. \begin{array}{l} \omega = 320^{\circ} 58'64 \\ \oslash = 88 \ 47.14 \\ i = 138 \ 47.12 \end{array} \right\} 1910.0$$

$$\lg q = 9.11153$$

Согласно этимъ элементамъ истинная аномалія — $v\zeta$ и радіусъ-векторъ — $r\zeta$ ядра кометы имѣють такія значенія:

	$v\zeta$	$r\zeta$		$v\zeta$	$r\zeta$
Янв. 26.25	109°62'	0.3917	Февр. 1.25	123°12'	0.5714
26.75	111 26	0.4075	1.75	123 57	0.5856
27.25	112 53	0.4231	2.25	124 40	0.5997
27.75	114 14	0.4386	2.75	125 21	0.6135
28.25	115 30	0.4540	3.25	126 00	0.6272
28.75	116 41	0.4692	3.75	126 37	0.6408
29.25	117 47	0.4842	4.25	127 13	0.6543
29.75	118 49	0.4991	4.75	127 47	0.6677
30.25	119 47	0.5138	5.25	128 20	0.6810
30.75	120 42	0.5284	5.75	128 52	0.6942
31.25	121 35	0.5429	6.25	129 23	0.7073
31.75	122 25	0.5572	6.75	129 52	0.7204
			7.25	130 21	0.7334

А кометоцентрическія координаты взятыхъ точекъ оказались:

№ точки	ξ	η	№ точки	ξ	η
1	0.2017	0.2317	9	—0.1069	0.6007
2	0.1317	0.3743	10	0.1588	0.2873
3	0.2908	0.3612	11	0.1142	0.5123
4	0.1500	0.1896	12	0.0427	0.4738
5	0.2547	0.3258	13	0.1509	0.3070
6	0.3683	0.3922	14	0.0239	0.4683
7	0.0907	0.3656	15	0.0900	0.4507
8	—0.1022	0.5509	16	0.1553	0.1274

№ точки	ξ	η	№ точки	ξ	η
17	0.2064	0.1898	39	0.0898	0.1619
18	0.2080	0.2029	40	0.1652	0.5129
19	0.2781	0.2725	41	0.0630	0.8238
20	0.0436	0.5189	42	-0.1451	1.0960
21	0.2009	0.5060	43	0.1643	0.0890
22	0.2009	0.5060	44	0.2304	0.5083
23	0.2009	0.5060	45	-0.1178	0.7656
24	0.2009	0.5060	46	-0.3557	0.9372
25	0.1515	0.1234	47	0.0272	0.6648
26	0.2265	0.3943	48	0.1697	0.5176
27	0.2009	0.5060	49	0.1807	0.5169
28	0.1093	0.1698	50	0.0925	0.7523
29	0.1634	0.4332	51	0.0209	0.7147
30	-0.0816	0.7221	52	0.0286	0.7499
31	0.0630	0.6794	53	0.0694	0.7838
32	0.0288	0.6039	54	0.3624	0.4707
33	0.2060	0.5088	55	0.3649	0.5379
34	0.2948	0.5168	56	-0.0490	0.8974
35	-0.0796	0.8224	57	0.0311	0.8039
36	0.1460	0.1027	58	0.3823	0.4919
37	0.2060	0.5088	59	0.5445	0.4928
38	-0.1376	0.7479			

Если же взять масштаб: 1 астрн. единица = 250^{mm}, то получимъ:

	№	ξ mm	η mm		№	ξ mm	η mm
I 26.	1	50.4	57.9	I 27.	11	28.6	128.1
	2	32.9	93.6		12	10.7	118.5
	3	72.7	90.3		13	37.8	76.8
			14		6.0	117.1	
I 27.	4	37.5	47.4	15	22.5	112.7	
	5	63.7	59.0				
	6	92.1	98.0	I 28.	16	38.9	31.9
	7	22.7	91.4		17	51.6	47.5
	8	—25.6	137.8		18	52.0	50.8
	9	—26.8	150.2		19	69.5	68.1
	10	39.7	71.9		20	10.9	129.7

	№	ξ mm	η mm		№	ξ mm	η mm
I 29.	21	50.2	126.5	I 30.	43	41.1	22.3
	22	50.2	126.5		44	57.6	127.1
	23	50.2	126.5		45	—29.5	191.4
	24	50.2	126.5		46	—89.0	234.3
	25	37.9	30.9		47	6.8	166.2
	26	56.6	98.6	I 31.	48	42.4	129.4
	27	50.2	126.5		49	45.2	129.2
	28	27.3	42.5		50	23.1	188.1
	29	40.9	108.3		51	5.2	178.7
	30	—20.4	180.5	II 1.	52	7.2	187.5
	31	17.0	169.9		53	17.3	196.0
	32	7.2	151.0		54	90.6	117.7
I 30.	33	51.5	127.2		55	91.2	134.7
	34	73.7	129.2	II 3.	56	—12.3	224.4
	35	—19.9	205.5		57	7.8	201.0
	36	36.5	25.7		58	95.6	123.0
	37	51.5	127.2	II 5.	59	136.1	123.2
	38	—34.4	187.0				
	39	22.5	40.5				
	40	41.3	128.2				
	41	15.8	206.0				
	42	—36.3	274.0				

Чтобы выяснитъ значенія силъ, подъ дѣйствиемъ которыхъ могъ образоваться хвостъ, я вычислилъ для средняго момента каждаго дня наблюденія теоретическія положенія относительно ядра кометы частицъ, которыя вышли изъ ядра безъ начальной скорости при истинной аномаліи v :

v	Моментъ	v	Моментъ
90°	Янв. 22.219	0°	Янв. 17.124
60	19.575	—15	16.618
45	18.797	—30	16.075
30	18.173	—45	15.451
15	17.630	—60	14.673

и двигались подъ дѣйствиемъ отталкивательныхъ силъ:

$$1-\mu=2.5; 1-\mu=2.0; 1-\mu=1.5; 1-\mu=1; 1-\mu=0.5.$$

Для этого я пользовался слѣдующими формулами *).

Если M — моментъ наблюденія.

M_1 — одинъ изъ выше данныхъ моментовъ истеченія.

β — уголъ между направлениемъ движенія кометы въ моментъ M_1 и продолженнымъ радіусомъ векторомъ.

P и E — полупараметръ и эксцентриситетъ въ гиперболической орбитѣ частицы.

M_π — моментъ прохожденія частицы черезъ перигелій.

V_1 и R_1 — истинная аномалія и радіусъ-векторъ частицы въ моментъ M_1 .

V и R M .

ψ — ассимптотическій уголъ гиперболы.

ω — уголъ между радіусомъ-векторомъ частицы и осью кометной орбиты **).

$v\zeta$ и $r\zeta$ — координаты кометы для момента M .

q — перигельное разстояніе кометной орбиты.

k — Гауссово постоянное, $lgk = 8.23558$

$\lambda_e = lg_{10} e$ $lg\lambda = 9.63778$

тогда

$$\beta = 90^\circ - \frac{1}{2} v_1$$

$$m = \frac{2}{\mu}$$

$$P = \frac{2q}{\mu}$$

при $1 > \mu > 0$ (Гипербола во-
гнутая)

$$E^2 = m(m-2) \sin^2 \beta + 1$$

$$\cos \psi = \frac{1}{E}$$

при $\mu < 0$ (Гипербола выпук-
лая)

$$E^2 = m(m+2) \sin^2 \beta + 1$$

$$\cos \psi = \frac{1}{E}$$

*) Jaegermann. Стр. 286, 297, 309 и 310.

**) Тотъ уголъ, который выше (стр. 15-ая) названъ былъ черезъ ω'' .

$$\cos V_1 = (m \sin^2 \beta - 1) \cos \psi$$

$$\sin V_1 = \frac{m \sin 2\beta}{2E}$$

$$b = P \operatorname{ctg}^2 \psi$$

$$\operatorname{tg} \frac{1}{2} F_1 = \operatorname{tg} \frac{1}{2} V_1 \operatorname{tg} \frac{1}{2} \psi$$

$$\begin{aligned} N_1 &= \frac{\lambda k \sqrt{\mu}}{b^{3/2}} t_1 = \\ &= \lambda E \operatorname{tg} F_1 - \lg_{10} \operatorname{tg} \left(45^\circ + \frac{1}{2} F_1 \right) \end{aligned}$$

$$M_\pi = M_1 - t_1$$

$$t = M - M_\pi$$

$$N = \frac{k \sqrt{\mu}}{b^{3/2}} t = E \operatorname{Sin. hyp} \Theta - \Theta$$

$$F = \operatorname{Am. hyp} \Theta$$

$$\operatorname{tg} \frac{1}{2} V = \operatorname{ctg} \frac{1}{2} \psi \cdot \operatorname{tg} \frac{1}{2} F$$

$$R = \frac{P}{2E \cdot \cos \frac{1}{2}(V + \psi) \cdot \cos \frac{1}{2}(V - \psi)}$$

$$\omega = v_1 - V_1 + V$$

$$\cos V_1 = (m \sin^2 \beta + 1) \cos \psi$$

$$\sin V_1 = \frac{m \sin 2\beta}{2E}$$

$$b = P \operatorname{ctg}^2 \psi$$

$$\operatorname{tg} \frac{1}{2} F_1 = \operatorname{tg} \frac{1}{2} V_1 \operatorname{ctg} \frac{1}{2} \psi$$

$$\begin{aligned} N_1 &= \frac{\lambda k \sqrt{\mu}}{b^{3/2}} t_1 = \\ &= \lambda E \operatorname{tg} F_1 + \lg_{10} \operatorname{tg} \left(45^\circ + \frac{1}{2} F_1 \right) \end{aligned}$$

$$M_\pi = M_1 - t_1$$

$$t = M - M_\pi$$

$$N = \frac{k \sqrt{\mu}}{b^{3/2}} t = E \operatorname{Sin. hyp} \Theta + \Theta$$

$$F = \operatorname{Am. hyp} \Theta$$

$$\operatorname{tg} \frac{1}{2} V = \operatorname{tg} \frac{1}{2} \psi \cdot \operatorname{tg} \frac{1}{2} F$$

$$R = \frac{P}{2E \sin \frac{1}{2}(\psi + V) \cdot \sin \frac{1}{2}(\psi - V)}$$

$$\omega = v_1 - V_1 + V$$

При этомъ надо замѣтить, что при вычисленіи величинъ m и P берется только абсолютное значеніе μ .

Для нахождения угла F особенно удобны таблицы Li-gowski „Tafeln der Hyperbelfunctionen“, въ которыхъ этотъ уголъ дается непосредственно.

Если $1 - \mu = 1$, т. е. $\mu = 0$, такъ что частица, отдѣлившаяся отъ ядра, движется по инерціи, то вычисляемъ

$$r_1 = \frac{q}{\cos^2 \frac{1}{2} v_1}$$

$$H = \sqrt{\frac{2}{r_1}}$$

$$s = H \cdot (M - M_1)k$$

$$R^2 = s^2 + r_1^2 + 2sr_1 \cos \beta$$

$$\sin a = \frac{s \sin \beta}{R}$$

$$\omega = v_1 + a$$

Найдя гелиоцентрическія координаты частицы для момента наблюденія: R и ω , получаемъ кометоцентрическія координаты ея по соотношеніямъ

$$\xi = R \cos (v \oslash - \omega) - r \oslash$$

$$\eta = R \sin (v \oslash - \omega)$$

Вычисленныя теоретическія точки были нанесены вмѣстѣ съ наблюденными точками соотвѣтствующаго дня на бумагу, раздѣленную на миллиметры.

Несомнѣнно, что визуальныя наблюденія очень неточны. Упомянутое выше сопоставленіе рисунковъ показываетъ это ясно. Въ то время какъ проф. А. Nijland въ Utrecht'ѣ рисуетъ хвостъ кометы 27 января въ видѣ правильнаго, лишь слегка изогнутаго, рога, г. Ch. Sermasi, наблюдавшій въ

Египтъ, представляет его въ видѣ двухъ вѣтвей, изъ которыхъ одна поднималась надъ горизонтомъ почти вертикально, а другая сильно изгибалась къ югу, проходя ниже звѣзды ζ Pegasi. Это сильное искривленіе хвоста подтверждаютъ и многіе другіе наблюдатели, хотя не всѣ они видѣли первую вѣтвь. Т. Н. S. Barret въ Oxford'ѣ рисуеъ для января 30-го среднюю линію хвоста кометы надъ линіей, соединяющей α и γ Pegasi въ то время, какъ большинство другихъ наблюдателей свидѣтельствуютъ, что въ это время хвостъ былъ ниже γ Pegasi.

Для того же дня А. R. Hinks въ Cambridge рисуеъ въ 6^h45^m Гринв. ср. вр. α Pegasi на заднемъ краѣ хвоста, а на другомъ рисункѣ, сдѣланномъ въ 6 ч. 55 м. помѣщаетъ эту звѣзду на переднемъ краѣ, причемъ онъ также отмѣчаетъ сильное искривленіе хвоста, которое онъ ясно видѣлъ, благодаря наступившей темнотѣ. На этомъ рисункѣ хвостъ также идетъ ниже γ Pegasi.

На рисункѣ д-ра Allen, который наблюдалъ комету въ то же время и тоже въ Англіи, но въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Кембриджѣ, направленіе сильно изогнутого хвоста то же самое, но ширина его гораздо больше, причемъ замѣтна выпуклость въ сѣверо-западномъ направленіи.

Эти и подобныя имъ разногласія отчасти могутъ быть объяснены вышними условіями, при которыхъ производились наблюденія, какъ напримѣръ прозрачностью воздуха и освѣщеніемъ фона, на которомъ вырисовывалась комета, но несомнѣнно также, что въ этомъ случаѣ сказалаь и индивидуальная способность каждаго наблюдателя къ воспріятію величественнаго явленія.

Нѣкоторыя неточности могли быть допущены при нанесеніи хвоста кометы на звѣздную карту въ зависимости отъ проэкции, въ какой сдѣлана карта, а также и потому, что въ непосредственной близости къ хвосту не было яркихъ звѣздъ.

Наконецъ возможны еще ошибки при опредѣленіи координатъ различныхъ точекъ по рисункамъ.

Но несмотря на все это, точки, взятые по наблюденіямъ, на всѣхъ чертежахъ группируются вполне опредѣленно между синдинами, соотвѣтствующими отталкивательнымъ

силамъ: $1 - \mu = 1.5$ и $1 - \mu = 0.5$, симметрично по обѣ стороны отъ синдинами $1 - \mu = 1$.

Въ нашемъ случаѣ синдинами на большомъ разстояніи отъ ядра значительно расходятся другъ отъ друга, вслѣдствіе этого является возможнымъ даже при малой сравнительно точности наблюденія опредѣлить силу, подѣйствіемъ которой образовался хвостъ, въ очень тѣсныхъ предѣлахъ.

Хвостъ кометы 1910 I дѣйствительно принадлежитъ ко второму типу Бредихина. Его ось въ каждый моментъ представляетъ расположеніе частицъ, которыя движутся подѣйствіемъ ньютоновскаго притяженія и равной ему отталкивательной силы, слѣдовательно по инерціи. Тѣ частицы, которыя наблюдались на концѣ хвоста, отдѣлились отъ ядра еще до прохожденія кометы черезъ перигелій. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется сильное искривленіе хвоста, отмѣченное наблюденіями. На чертежахъ синдинами, соответствующая отталкивательной силѣ $1 - \mu = 1$, въ той части, которая образована точками, вышедшими изъ ядра раньше 16-го января, спускается даже подѣ ось η .

Можно представить наблюденія различныхъ дней также на одномъ чертежѣ.

Ө. А. Бредихинъ обыкновенно употреблялъ для проведенія угла φ къ другой эпохѣ формулу:

$$\delta\varphi = -\frac{F}{\sin 1'} \cos^2 \varphi \sin \frac{1}{2} (v_0 + v) \sin \frac{1}{2} (v_0 - v) \sqrt{\xi^*})$$

Но въ нашемъ случаѣ эта формула неприложима, и вообще она не можетъ быть рекомендована, такъ какъ та формула Бесселя, изъ которой она получена

$$\operatorname{tg} \varphi = \frac{2\sqrt{2p}}{3r\sqrt{1-\mu}} \cdot \sqrt{\xi^{**}})$$

очень неточна. Последняя формула можетъ быть примѣ-

*) Jaegermann, стр. 308.

**) Jaegermann, стр. 143.

нена къ точкамъ, близкимъ къ головѣ, но въ непосредственной близости къ головѣ синдинамы, соответствующія различнымъ отталкивательнымъ силамъ, такъ сближаются, что по нимъ трудно опредѣлить силы, такъ какъ ошибки наблюденія при этомъ имѣютъ большое вліяніе. А для отдаленныхъ точекъ эта формула даетъ большія уклоненія и для тѣхъ частей кривыхъ, для которой ξ уменьшается съ возрастаніемъ φ , даже явно негодна.

Въ случаѣ $1 - \mu = 1$ поправку координатъ при переходѣ на другую эпоху можно вычислить по формуламъ

$$\begin{aligned} d\omega &= \frac{\cos V}{R} \cdot H k dt \\ dR &= \sin V \cdot H k \cdot dt \end{aligned} \quad (h)$$

которыя легко получаютъ дифференцированіемъ формулъ

$$\omega = v_1 - V_1 + V$$

$$R = \frac{v \sin \beta^*}{\cos V}$$

По формуламъ (h) можно также вычислить и измѣненія синдинамъ ото дня ко дню.

Съ достаточнымъ приближеніемъ можно получить разности: $d\omega$ и dR для каждой изъ наблюдаемыхъ точекъ простымъ интерполированіемъ, если извѣстны положенія ихъ между теоретическими точками, которыя вычислялись для построенія синдинамъ нѣсколькихъ сосѣднихъ дней.

Сдѣлавши такую редукцію къ эпохѣ: „Янв. 30,25“ всѣхъ точекъ, наблюдавшихся по оси нижней прямой части хвоста и южной главной вѣтви его, я получилъ въ томъ же масштабѣ [1—250^{mm}] слѣдующія значенія координатъ ξ и η :

*) Jaegermann, стр. 310 $\mu = 0$.

	№	ξ mm	η mm		№	ξ mm	η mm
I 26.	1	70.2	97.4	I 30.	33	51.5	127.2
	2	41.5	146.0		34	73.7	129.2
I 27.	4	55.9	75.6		35	—19.9	205.6
	7	31.8	132.9		36	36.5	25.7
	8	—39.4	181.9		37	51.5	127.2
	9	—42.5	195.0		38	—34.4	187.0
	10	53.6	106.9		39	22.5	40.5
	11	28.1	174.3		40	41.3	128.2
	12	9.8	164.3		41	15.8	206.0
	13	51.1	109.0		42	—36.3	274.0
	14	7.1	158.6		43	41.1	22.3
	15	26.8	152.7		44	57.6	127.1
I 28.	16	51.0	44.5		45	—29.5	191.4
	17	63.8	64.1		46	—89.0	234.3
	18	63.9	68.1		47	6.8	166.2
	20	12.7	155.8	I 31.	48	42.1	118.3
I 29.	21	53.5	140.4		49	40.0	111.6
	22	53.5	140.4		50	24.3	167.0
	23	53.5	140.4		51	7.0	158.1
	24	53.5	140.4	II 1.	52	8.1	152.0
	25	44.3	36.3	II 2.	53	16.5	146.8
	26	61.6	110.6	II 3.	54	70.4	75.3
	27	53.5	140.4		55	72.9	88.2
	28	34.1	49.6		56	— 3.4	160.8
	29	45.0	121.2		57	8.8	139.7
	30	—24.1	196.1	II 5.	58	78.7	73.2
	31	16.4	185.9	II 7.	59	82.1	54.5
	32	7.2	161.2				

Теоретическія точки.

Для той же эпохи I 30.25 были вычислены синдинами, соответствующія отталкивательнымъ силамъ $1 - \mu = 1.5$, $1 - \mu = 1$ и $1 - \mu = 0.5$.

$$1) \quad 1 - \mu = 1.5, \quad g = 0, \quad G = 0^\circ.$$

$$P = 9.7135.$$

v_1	60°	30°	15°	0°	-15°	-30°	-60°
M_1	I 19.575	18.173	17.630	17.124	16.618	16.075	14.675
lgE	0.6394	0.6846	0.6955	0.6990	0.6955	0.6846	0.6394
ψ	76° 44'	78° 4'	78° 22'	78° 28'	78° 22'	78° 4'	76° 44'
V_1	23 25	11 56	6 0	0 0	-6 0	-11 56	-23 25
M_π	I 18.382	17.732	17.424	17.124	16.824	16.516	15.866
V	68° 1'	71° 29'	72° 17'	72° 38'	72° 35'	72° 6'	69° 34'
lgR	9.9124	9.9854	0.0078	0.0209	0.0295	0.0264	9.9963
ξ	0.2749	0.3214	0.2827	0.1997	0.0814	-0.0776	-0.4586
η	0.2140	0.4868	0.6338	0.7693	0.8894	0.9690	0.9901
ξ^{mm}	68.7	80.3	70.7	50.0	20.3	-19.4	-114.7
η^{mm}	53.5	121.7	158.5	192.3	222.4	244.8	247.5

$$2) \quad 1 - \mu = 1, \quad g = 0, \quad G = 0^\circ.$$

v_1	90°	60°	30°	15°	0°	-15°	-30°	-60°	-80°
M_1	I 22.218	19.575	18.173	17.630	17.124	16.618	16.075	14.675	14.165
lgH	0.4442	0.5322	0.5796	0.5910	0.5948	0.5910	0.5796	0.5322	0.4790
lgs	9.5846	9.7961	9.8972	9.9263	9.9486	9.9611	9.9667	9.9603	9.9210
lgR	9.7808	9.8616	9.9222	9.9400	9.9538	9.9576	9.9544	9.9242	9.8528
ω	116° 45'	108° 8'	95° 46'	88° 54'	81° 41'	73° 16'	67° 30'	49° 46'	36° 18'
ξ	0.0891	0.1974	0.2498	0.2337	0.1927	0.1104	0.0357	-0.2268	-0.4331
η	0.0320	0.1468	0.3402	0.4471	0.3549	0.6582	0.7122	0.7893	0.7079
ξ^{mm}	22.3	49.4	62.4	58.4	48.2	27.6	8.9	-56.7	-103.8
η^{mm}	8.0	39.2	85.0	111.8	138.5	164.6	178.1	197.4	189.1

$$3) \quad 1 - \mu = 0.5, \quad g = 0, \quad G = 0^0.$$

$$P = 9.7135.$$

v_1	60°	30°	0°	-30°	-60°
M_1	I 19.575	18.173	17.124	16.075	14.675
lgE	0.4225	0.4638	0.4771	0.4638	0.4227
ψ	67° 47'	69° 54'	70° 32'	69° 54'	67° 47'
V_1	40 54	20 6	0 0	-20 6	-40 54
M_π	17.697	17.450	17.124	16.798	16.551
V	93° 48'	94° 56'	95° 28'	95° 36'	95° 8'
lgR	9.7975	9.8386	9.8599	9.8586	9.8311
ξ	0.1089	0.1522	0.1461	0.0840	-0.0243
η	0.0752	0.1779	0.2983	0.4047	0.4687
ξ^{mm}	27.2	38.0	36.5	21.0	-6.1
η^{mm}	18.8	44.5	74.6	101.2	117.2

На таблицѣ I-ой мы имѣемъ расположеніе этихъ синдинамъ и взятыхъ по наблюденіямъ точекъ въ хвостѣ кометы.

Ось ξ — продолженіе радіуса вектора

Ось η — по перпендикулярѣ къ радіусу-вектору, причемъ положительныя значенія η откладываются въ сторону, откуда движется комета.

Стрѣлка указываетъ направленіе движенія ядра въ моментъ, къ которому относится чертежъ, т. е. для янв. 30,25.

Почти всѣ наблюденныя точки, какъ оказывается, располагаются между синдинами, соотвѣтствующими отталкивательнымъ силамъ: $1 - \mu = 1.5$ и $1 - \mu = 0.5$.

Синдинама, соотвѣтствующая силѣ $1 - \mu = 1$, проходить какъ разъ по серединѣ между этими точками.

Такимъ образомъ и изъ совокупности всѣхъ наблюденій на одномъ чертежѣ мы приходимъ къ тому же результату, какъ по наблюденіямъ каждаго отдѣльнаго дня: именно, что хвостъ кометы 1910 I образовался подѣй-

ствіемъ весьма слабыхъ отталкивательныхъ силъ, близкихъ по своему абсолютному значенію ньютоніанскому притяженію, синдинама, соотвѣтствующая отталкивательной силѣ $1 - \mu = 1$, представляетъ съ достаточной точностью ось хвоста.

Съ помощью предыдущихъ таблицъ (стр. 26—27), въ которыхъ для всѣхъ теоретическихъ точекъ, служившихъ для построения синдинамъ, даны значенія истинной аномаліи ядра и соотвѣтствующіе моменты истечения, мы можемъ выяснить приблизительно время, когда отдѣлились отъ ядра частицы, составляющія ту или другую часть хвоста. Такъ тѣ частицы, которыя для янв. 30-го оказываются на самомъ концѣ хвоста (точка 46) могли отдѣлиться отъ ядра янв. 13.5, когда оно имѣло истинную аномалію — 75° . Та часть хвоста, которая 30-го янв. наблюдалась около звѣзды α Regasi, состояла изъ частицъ, которыя отдѣлились въ моментъ прохожденія кометы черезъ перигелій. Такимъ образомъ хвостъ, наблюдавшійся 30-го января, состоялъ изъ частицъ, которыя выдѣлились изъ ядра въ теченіе 17 дней, начиная съ 13 января, т. е. за 4 дня до прохожденія черезъ перигелій. Развитіе его является типичнымъ. Сильное искривленіе хвоста находитъ объясненіе въ томъ, что отталкивательныя силы подѣйствіемъ которыхъ онъ образовался, были малыя и истеченія изъ ядра происходили еще до перигелія, между тѣмъ какъ наблюденія производились черезъ нѣсколько дней послѣ прохожденія черезъ перигелій.

Значенія координаты ξ сначала возрастаютъ, потомъ постепенно уменьшаясь, становятся отрицательными. Для частицъ на краю хвоста даже значенія координаты η начинаютъ уменьшаться, такъ что хвостъ кометы не только сильно уклоняется отъ продолженнаго радіуса-вектора, но даже дважды закривляется.

Западная вѣтвь хвоста.

Въ описаніяхъ нѣкоторыхъ наблюдателей загибающаяся къ югу часть хвоста называется отвѣтвленіемъ отъ главнаго хвоста. Но разборъ всей совокупности наблюдений приводитъ къ заключенію, что въ данномъ случаѣ мы во все не имѣемъ дѣло съ какимъ либо непонятнымъ придаткомъ къ хвосту, что это есть непосредственное продолженіе хвоста, который въ частяхъ, болѣе близкихъ къ головѣ, является прямымъ. Искривленіе въ отдаленныхъ частяхъ естественно съ одной стороны вслѣдствіе малыхъ отталкивательныхъ силъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ образовался хвостъ, съ другой — вслѣдствіе того, что частицы, изъ которыхъ состояли удаленныя отъ головы части хвоста, отдѣлились отъ ядра до прохожденія кометы черезъ перигеній, а наблюденія хвоста всѣ были сдѣланы черезъ нѣсколько дней послѣ прохожденія черезъ перигеній. Что же въ такомъ случаѣ представляетъ западная вѣтвь, являющаяся продолженіемъ прямой части главнаго хвоста? Невольно является предположеніе, что это особый хвостъ I-го Бредихинскаго типа, нижнюю часть котораго трудно наблюдать отдѣльно, потому что вблизи головы хвосты всѣхъ типовъ идутъ вообще очень близко другъ къ другу. Но рядъ пробныхъ построений синдинамъ, соотвѣтствующихъ различнымъ значеніямъ отталкивательной силы, приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ. Направленіе этой западной вѣтви совершенно не подходитъ ни къ одной синдинамѣ. Наоборотъ оно является наклонно поперечнымъ сѣченіемъ хвоста II-го типа. Это обстоятельство даетъ основаніе къ новому предположенію, что западная вѣтвь представляетъ не что иное, какъ синхрону, т. е. совокупность частицъ вышедшихъ изъ ядра

въ одно время и въ моментъ наблюденія растянувшихся на большое протяженіе потому, что онѣ двигались подъ дѣйствіемъ различныхъ отталкивательныхъ силъ. Такъ какъ западная вѣтвь отмѣчена наблюденіями января 26-го (диаграмма Douglass'a), января 27-го (Sermasi); января 28-го (фотографическій снимокъ (Bohlin'a) и для января 29-го имѣется только указаніе Robinson'a на дѣленіе хвоста, то я сопоставилъ синдинами, соотвѣтствующія отталкивательнымъ силамъ: $1 - \mu = 2.5$, $1 - \mu = 1$ и $1 - \mu = 0.5$ для средняго времени наблюденія: января 27.250, причемъ для координатъ ξ и η точекъ, по которымъ вычерчивались кривыя, взять былъ тотъ же масштабъ, какъ и раньше: $1 - 250^{\text{мм}}$.

$$1) \quad 1 - \mu = 2.5, \quad g = 0, \quad G = 0^\circ.$$

$$\lg P = 9.2364.$$

v_1	90°	60°	30°	0°
M_1	I 22.218	19.575	18.173	17.124
$\lg E$	0.2541	0.3184	0.3557	0.3680
ψ	$56^\circ 10'$	$61^\circ 18'$	$63^\circ 50'$	$64^\circ 38'$
V_1	41 20	32 12	16 54	0 0
M_π	20.065	18.715	17.857	17.124
V	$41^\circ 42'$	$53^\circ 28'$	$58^\circ 17'$	$59^\circ 52'$
$\lg R$	9.7039	9.8570	9.9539	0.0015
ξ	0.0823	0.2700	0.3305	0.1807
η	0.0163	0.1925	0.4905	0.8013
$\xi^{\text{мм}}$	20.6	67.7	82.6	45.2
$\eta^{\text{мм}}$	4.1	48.2	122.6	200.3

2) $1 - \mu = 1, g = 0, G = 0^\circ$.

v_1	60	30	0°	-30°	-60°
M_1	I 19.575	18.173	17.124	16.075	14.673
lgH	0.5323	0.5797	0.5948	0.5797	0.5323
lgs	9.6530	9.7732	9.8358	9.8635	9.8674
lgR	9.7461	9.8084	9.8434	9.8495	9.8245
ω	$104^\circ 20'$	$92^\circ 57'$	$79^\circ 19'$	$64^\circ 5'$	$47^\circ 5'$
ξ	0.1279	0.1815	0.1579	0.0426	-0.1495
η	0.0828	0.2194	0.3856	0.5321	0.6089
ξ^{mm}	32.0	45.4	39.5	10.7	-37.5
η^{mm}	20.9	54.9	96.4	133.0	152.3

3) $1 - \mu = 0.5, g = 0, G = 0^\circ$.

$$P = 9.7135.$$

v_1	60°	30°	0°
M_1	I 19.575	18.173	17.124
lgE	0.4224	0.4636	0.4770
ψ	$67^\circ 47'$	$69^\circ 53'$	$70^\circ 31'$
V_1	40 54	20 7	0 0
M_π	17.697	17.450	17.124
V	$88^\circ 55'$	$90^\circ 51'$	$91^\circ 38'$
lgR	9.6923	9.7333	9.7526
ξ	0.0674	0.1058	0.1040
η	0.0418	0.1139	0.2050
ξ^{mm}	16.9	26.5	26.0
η^{mm}	10.5	28.5	51.3

Соединяя точки этих синдинамъ, соответствующія одинаковымъ значеніямъ истинной аномаліи v_1 , получаемъ рядъ синхронъ. Если нанести на тотъ же чертежъ точки, наблюдавшіяся на средней линіи западной вѣтви, то тогда

становится яснымъ, что направление этой вѣтви дѣйствительно совпадаетъ съ направлениемъ синхронъ, соответствующихъ значеніемъ v_1 въ предѣлахъ 40^0 — 45^0 .

Наиболѣе подходящей является синхрона, соответствующая $v_1 = 42^0 30'$, $M_1 = I 18.685$, для которой имѣемъ:

$1 - \mu$	2.5	0.5	$1 - \mu = 1.0$
lgP	9.2364	9.7135	$lgH = 0.5642$
lgE	0.3433	0.4502	$lgs = 9.7326$
ψ	$63^0 2'$	$69^0 14'$	$lgR = 9.7854$
V_1	11 47	28 39	$\omega = 98^0 7'$
M_π	18.191	17.569	$\xi = 0.1667$
V	$56^0 48'$	$90^0 12'$	$\eta = 0.1555$
lgR	9.9195	9.7109	$\xi^{mm} = 41.7$
ξ	0.3316	0.0846	$\eta^{mm} = 38.9$
η	0.3471	0.0789	
ξ^{mm}	82.9	21.2	
η^{mm}	86.8	20.0	

Такимъ образомъ западная вѣтвь хвоста кометы 1910 I представляла совокупность частицъ, отдѣлившихся отъ ядра одновременно января 18.685 и двигавшихся подѣ дѣйствіемъ отталкивательныхъ силъ, значенія которыхъ заключаются въ предѣлахъ 2.5—0.5.

Дѣйствительно, координаты точки, наблюдавшейся, по диаграммѣ Douglass'a, на развѣтвленіи хвоста, согласно таблицѣ, имѣютъ значенія:

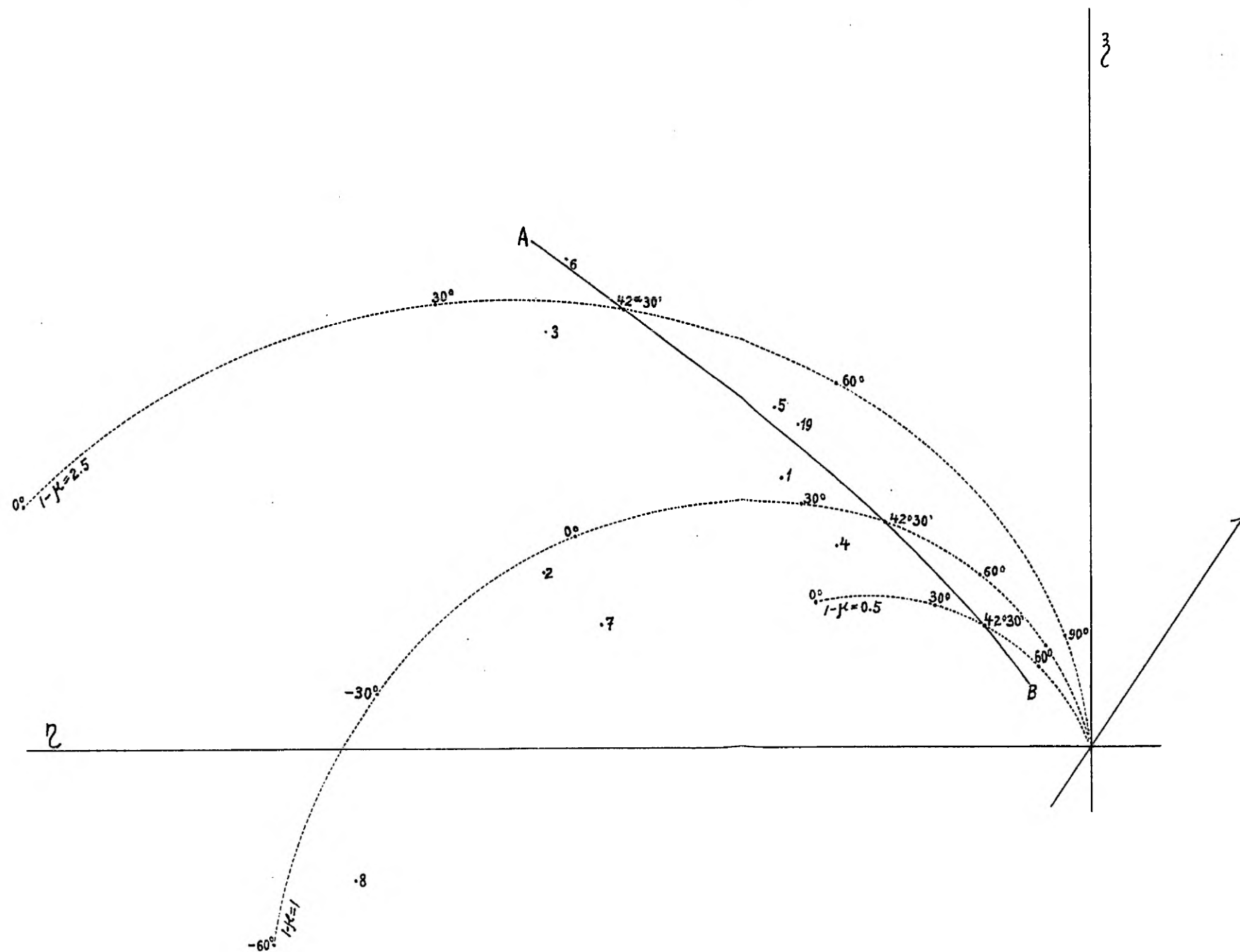
	ξ mm	η mm
1)	50.4	57.9

Для координатъ точки на южной вѣтви имѣемъ

2)	32.9	93.6
----	------	------

Для координатъ точки на западной вѣтви

3)	72.9	90.5
----	------	------

По приведеніи къ эпохѣ янв. 27.25, получимъ

	ξ mm	η mm
1)	53.9	64.7
2)	32.3	102.6
3)	78.0	101.3

Если нанести эти точки на чертежъ (табл. II), то оказывается, что точка (1) находится какъ разъ между синдиной, соотвѣтствующей отталкивательной силѣ $1 - \mu = 1$, которая представляетъ, какъ выяснено въ предыдущей главѣ, ось главнаго хвоста, и синхронной для $\nu = 42^{\circ}30'$ (AB). Точка (2) находится вблизи синдины $1 - \mu = 1$, а точка (3) значительно выше, сравнительно недалеко отъ синхроны AB .

То же имѣемъ и для наблюденія Sermasi 27 янв.

Координаты точекъ южной вѣтви

4)	37.5	47.4
7)	22.7	91.7
8)	—25.6	137.8

Координаты точекъ на западной вѣтви

5)	63.7	59.0
6)	92.1	98.0

На чертежѣ точки: 4, 7 и 8 располагаются вдоль синдины $1 - \mu = 1$, а точки: 5 и 6 вдоль синхроны AB .

Точка (19) на западной вѣтви по фотографическому снимку Bohlín'a имѣетъ координаты:

19)	62.1	68.1
-----	------	------

или по приведеніи къ эпохѣ янв. 27.25

19)	60.5	55.9
-----	------	------

На чертежѣ эта точка лежитъ весьма близко къ синхронѣ *AB*.

Такимъ образомъ, если принять западную вѣтвь хвоста кометы 1910 I за синхрону, то процессъ образованія хвоста мы должны представить такъ. Наблюдавшійся въ концѣ января хвостъ состоялъ изъ частицъ, вытекавшихъ непрерывно изъ ядра, начиная съ января 13-го и двигавшихся подѣ дѣйствіемъ ньютоновскаго притяженія и отталкивательныхъ силъ, близкихъ къ единицѣ. Черезъ $1\frac{1}{2}$ приблизительно дня послѣ прохожденія черезъ перигелій, января 18.6 въ то время, какъ ядро имѣло истинную аномалію около 42° , произошло сильное изверженіе частицъ различныхъ веществъ, на которыя дѣйствуютъ отталкивательныя силы, имѣющія значенія въ предѣлахъ 0.5—2.5.

Масса этихъ частицъ, извергнутыхъ ядромъ одновременно 18-го января, образовала западную вѣтвь, въ то время какъ южная, болѣе изогнутая часть хвоста состояла изъ частицъ, вышедшихъ изъ ядра раньше.

Западная вѣтвь вслѣдствіе постепеннаго расширенія должна была ослабѣвать въ интенсивности. Этимъ обстоятельствомъ быть можетъ и надо объяснить то, что въ послѣдніе дни января и въ первые дни февраля она сдѣлалась недоступной для наблюденій, тѣмъ болѣе, что условія наблюденій не всегда были благопріятны. Впрочемъ указаніе на дѣленіе хвоста сдѣлано Robinson'омъ еще 29-го января.

Снимокъ г. Сикоры въ Ташкентѣ.

Предположеніе, что западная вѣтвь хвоста кометы 1910 I представляетъ синхрону, нашло полное подтвержденіе въ снимкѣ астронома І. І. Сикоры, полученномъ имъ въ Ташкентѣ съ помощью небольшого короткофокуснаго объектива

27-го янв. въ 6^h22^m—6^h41^m ср. Ташкентскаго времени. На этомъ снимкѣ виденъ рядъ поперечныхъ полосъ, изъ которыхъ состоялъ хвостъ кометы, и правая полоса, являющаяся продолженіемъ прямой части хвоста, поднимается выше другихъ.

Рисунокъ представляетъ съ большей точностью видъ хвоста по этому снимку. Измѣренія были произведены непосредственно на негативѣ, который былъ любезно предоставленъ мнѣ для этого г. Сикорою.

На каждой полосѣ я выбралъ по двѣ точки на средней линіи и опредѣлилъ координаты ихъ по сосѣднимъ звѣздамъ.

Такъ какъ масштабъ снимка очень малъ (1^0 около $2^{\text{мм}}$) и изображенія размыты, то особенной точности при измѣреніяхъ не могло быть, поэтому я ограничился отсчетомъ до десятыхъ долей градуса и получилъ слѣдующія координаты точекъ:

Точка	α	δ	Точка	α	δ
1	340.5 ⁰	+6.1 ⁰	7	334.3 ⁰	+7.6 ⁰
2	337.7	5.8	8	332.3	6.2
3	338.0	7.5	9	333.3	7.6
4	335.7	6.1	10	330.2	5.5
5	335.7	7.6	11	333.3	8.5
6	333.8	6.5	12	328.0	4.7

Для момента наблюденія $M = 1.27.117$ ср. Берл. вр. координаты солнца были

$$\alpha_{\odot} = 309^{\circ}10', \quad \delta_{\odot} = -18^{\circ}35'$$

съ элементами Kobold'a (стр. 16) находимъ для того же момента координаты кометы

$$\alpha_{\zeta} = 320^{\circ}57', \quad \delta_{\zeta} = -1^{\circ}19'$$

истинную аномалію ядра

$$v_{\zeta} = 112^{\circ}31'$$

разстояніе отъ солнца

$$r_{\zeta} = 0.4191$$

разстояніе отъ земли

$$\varrho = 1.1519$$

позиціонный уголъ продолженнаго радіуса вектора

$$p = 33^{\circ}0'$$

Вспомогательныя Бесселевы величины:

$$P = 137^{\circ}10', \quad S = 110^{\circ}16'$$

По вышеприведеннымъ формуламъ (стр. 11—15) далѣе получаемъ слѣдующія значенія: p — позиціоннаго угла взятыхъ точекъ, Δ — линейнаго разстоянія ихъ отъ ядра, въ предположеніи, что всѣ точки находятся въ плоскости кометной орбиты, φ — угла отклоненія Δ отъ продолженнаго радіуса-вектора, ξ и η — прямоугольныхъ кометоцентрическихъ координатъ.

	p	$\lg \Delta$	φ	ξ	η
1	$69^{\circ}10'$	9.6547	$85^{\circ}28'$	0.0361	0.4501
2	66 56	.5953	82 8	.0539	.3901
3	62 14	.5944	73 56	.1088	.3777
4	63 21	.5431	76 2	.0843	.3389
5	58 41	.5410	66 33	.1383	.3189
6	58 21	.4859	65 48	.1255	.2793
7	56 0	.5043	60 20	.1577	.2777
8	56 21	.4389	61 6	.1327	.2405
9	53 53	.4797	54 51	.1738	.2468
10	53 44	.3595	54 28	.1329	.1862
11	51 11	.4956	47 33	.2113	.2310
12	49 6	.2684	41 39	.1386	.1233

Въ масштабѣ 1—250^{mm} величины ξ и η имѣютъ слѣдующія значенія:

	ξ	η		ξ	η
	mm	mm		mm	mm
1	9.0	112.5	7	39.4	69.4
2	13.5	97.6	8	33.2	60.1
3	27.2	94.4	9	43.5	61.7
4	21.1	84.7	10	33.2	46.6
5	34.6	79.7	11	52.8	57.8
6	31.4	69.8	12	34.7	30.8

По формуламъ гиперболическаго движенія (стр. 20) я вычислилъ для момента наблюденія положенія синдинамъ: $1 - \mu = 2$, $1 - \mu = 1$ и $1 - \mu = 0.7$, а также рядъ синхронъ и получилъ:

1) для $1 - \mu = 2$, $g = 0$, $G = 0$

$$\lg P = 9.4125$$

v_1	90°	70°	50°	40°	30°	10°
M_1	I 22.219	20.237	19.035	18.576	18.173	17.459
$\lg E$	0.3485	0.4020	0.4396	0.4533	0.4638	0.4757
ψ	63° 26'	66° 39'	68° 41'	69° 23'	69° 54'	70° 28'
V_1	26 34	21 52	16 10	13 5	9 54	3 20
M_π	I 19.539	18.868	18.301	18.046	17.805	17.346
V	46° 54'	55° 31'	60° 20'	61° 54'	63° 1'	64° 20'
$\lg R$	9.6901	9.7796	9.8534	9.8840	9.9067	9.9422
ξ	0.0705	0.1758	0.2580	0.2818	0.2837	0.2362
η	0.0187	0.0927	0.2247	0.3077	0.3959	0.5802
ξ^{mm}	17.6	44.0	64.5	70.5	70.9	59.1
η^{mm}	4.7	23.2	56.2	76.9	99.0	145.1

2) для $1 - \mu = 1$, $g = 0$, $G = 0$

v_1	90°	70°	50°	40°	30°	20°
M_1	I 22.219	20.237	19.035	18.576	18.173	17.805
$\lg r_1$	9.4125	9.2847	9.1969	9.1655	9.1417	9.1247
$\lg H_1$	0.4443	0.5092	0.5521	0.5678	0.5797	0.5882
$\lg s$	9.3699	9.5814	9.6952	9.7350	9.7668	9.7928
$\lg R$	9.6584	9.7132	9.7634	9.7846	9.8026	9.8175
ξ	0.0362	0.0958	0.1487	0.1675	0.1784	0.1810
η	0.0094	0.0477	0.1181	0.1633	0.2141	0.2674
ξ^{mm}	9.1	23.8	37.2	41.9	44.6	45.3
η^{mm}	2.4	11.9	29.5	40.8	53.5	66.9

v_1	10^0	9^0	0^0	-2^0	-18^0	-35^0
M_1	I 17.459	17.425	17.124	17.057	16.514	15.879
lgr_1	9.1149	9.1141	9.1115	9.1117	9.1223	9.1527
lgH_1	0.5931	0.5935	0.5948	0.5947	0.5894	0.5742
lgs	9.8136	9.8155	9.8302	9.8328	9.8504	9.8605
lgR	9.8293	9.8304	9.8380	9.8391	9.8453	9.8426
ξ	0.1733	0.1724	0.1562	0.1511	0.0960	0.0182
η	0.3234	0.3288	0.3786	0.3894	0.4744	0.5414
ξ^{mm}	43.3	43.1	39.1	37.8	24.0	4.6
η^{mm}	80.9	82.2	94.7	97.4	118.6	135.4

3) для $1 - \mu = 0.7$, $g = 0$, $G = 0$.

$$lgP = 9.9354.$$

v_1	90^0	70^0	50^0	40^0	30^0	20^0
M_1	I 22.219	20.237	19.035	18.576	18.173	17.805
lgE	0.6095	0.6700	0.7122	0.7272	0.7387	0.7470
ψ	$75^0 46'$	$77^0 39'$	$78^0 49'$	$79^0 12'$	$79^0 29'$	$79^0 41'$
V_1	55 0	42 3	29 42	23 41	17 43	11 47
M_2	I 17.950	17.959	17.788	17.658	17.530	17.397
V	$76^0 42'$	$80^0 33'$	$83^0 12'$	$84^0 7'$	$84^0 50'$	$85^0 19'$
lgR	9.6484	9.6882	9.7283	9.7456	9.7617	9.7732
ξ	0.0259	0.0673	0.1102	0.1253	0.1378	0.1418
η	0.0063	0.0342	0.0838	0.1165	0.1535	0.1930
ξ^{mm}	6.5	16.8	27.6	31.3	34.5	35.5
η^{mm}	1.6	8.6	21.0	29.1	38.4	48.3

v_1	10^0	9^0	0^0	-2^0	-18^0	-35^0
M_1	I 17.459	17.425	17.124	17.057	16.514	15.879
$lg E$	0.7533	0.7521	0.7533	0.7533	0.7481	0.7334
ψ	$79^0 48'$	$79^0 48'$	$79^0 50'$	$79^0 50'$	$79^0 43'$	$79^0 21'$
V_1	5 53	5 18	0 0	-1 10	-10 36	-20 41
M	I 17.261	17.247	17.124	17.096	16.878	16.654
V	$85^0 42'$	$85^0 44'$	$85^0 57'$	$85^0 59'$	$86^0 4'$	$85^0 49'$
$lg R$	9.7822	9.7828	9.7897	9.7897	9.7950	9.7918
ξ	0.1396	0.1389	0.1320	0.1282	0.0989	0.0481
η	0.2337	0.2378	0.2755	0.2830	0.3474	0.4061
ξ^{mm}	34.9	34.7	33.0	32.1	24.7	12.0
η^{mm}	58.4	59.5	68.9	70.8	86.8	101.5

По координатамъ ξ и η теоретическія точки вмѣстѣ съ точками, полученными по наблюденіямъ, были нанесены на миллиметрическую бумагу.

На чертежѣ видно, что точки

1 и 2	лежатъ вблизи синхроны, соотвѣтствующей $v_1 = -35^0$
3 и 4	" " " " $v_1 = -18$
5 и 6	" " " " $v_1 = -2$
7 и 8	" " " " $v_1 = +9$
9 и 10	" " " " $v_1 = +20^0$
11 и 12	" " " " $v_1 = +40^0$

Такимъ образомъ болѣе удаленная отъ головы кометы полоса, опредѣляемая точками 1 и 2, представляетъ собраніе частицъ, которыя отдѣлились отъ ядра приблизительно въ то время, когда послѣднее находилось въ истинной аномаліи $v_1 = -35^0$, т. е. янв. 15.88, второй полосѣ (точки 3 и 4) соотвѣтствуетъ изверженіе, происшедшее янв. 16.56, третьей (точки 5 и 6) — янв. 17.06, четвертой (точки 7 и 8) — янв. 17.43, пятой (точки 9 и 10) — янв. 17.81, шестой (точки 11 и 12) — янв. 18.60.

Очевидно шестая полоса на снимкѣ Сикоры соотвѣтствуетъ западной вѣтви хвоста, наблюдавшейся нѣкоторыми наблюдателями даже невооруженнымъ глазомъ. Въ первомъ

Табл. III.

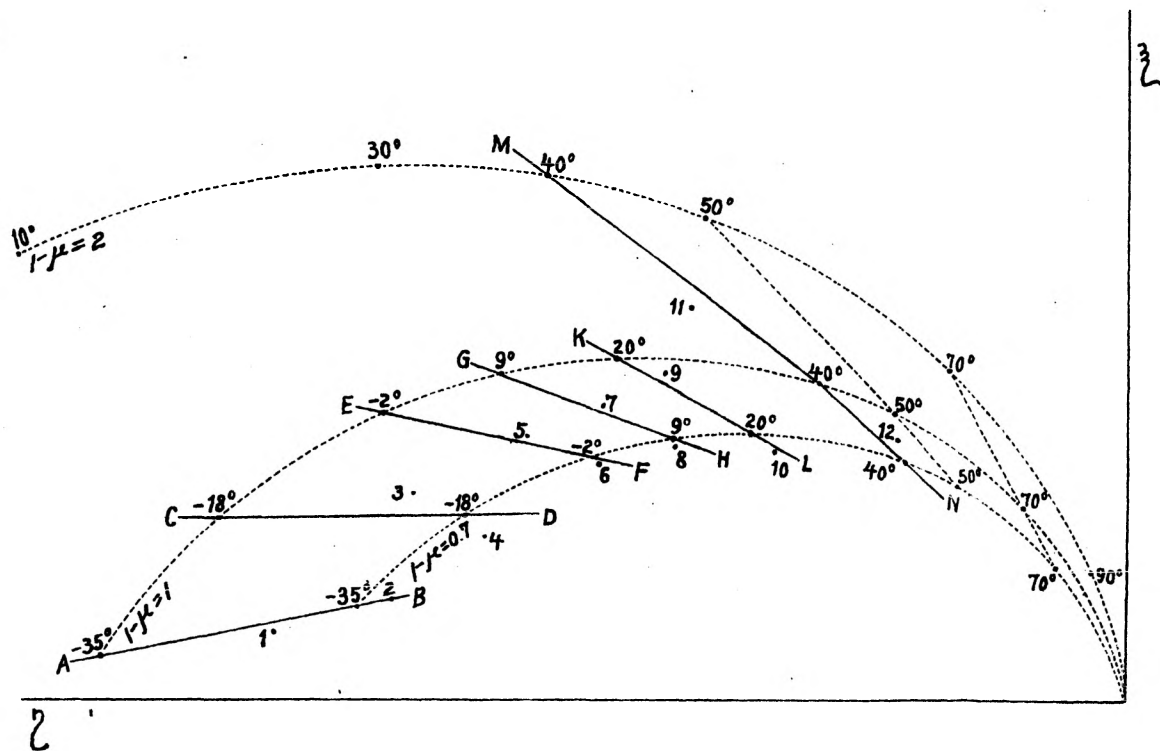
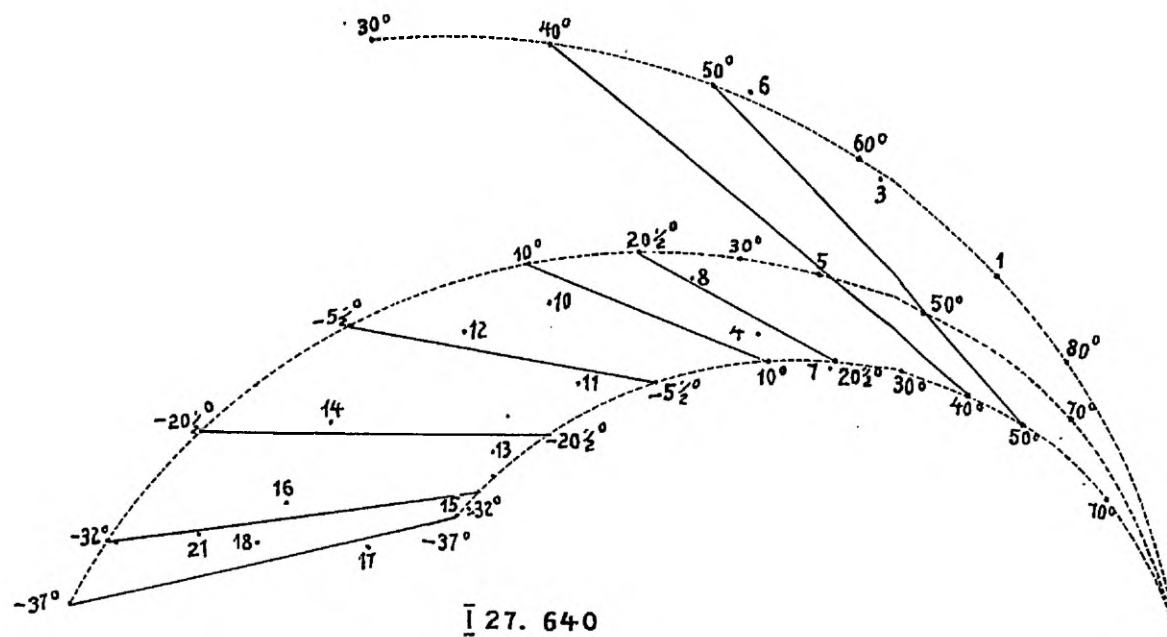
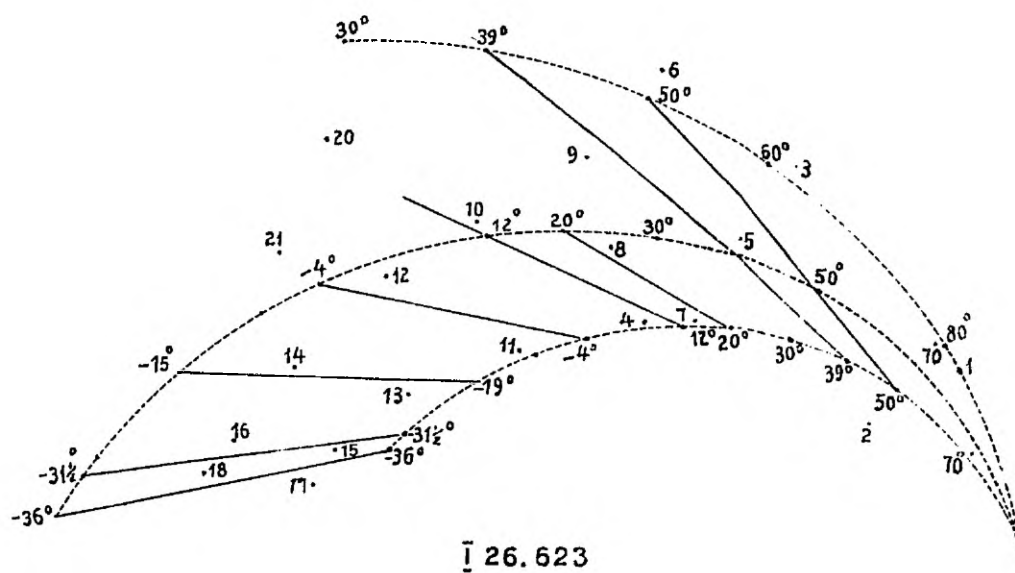
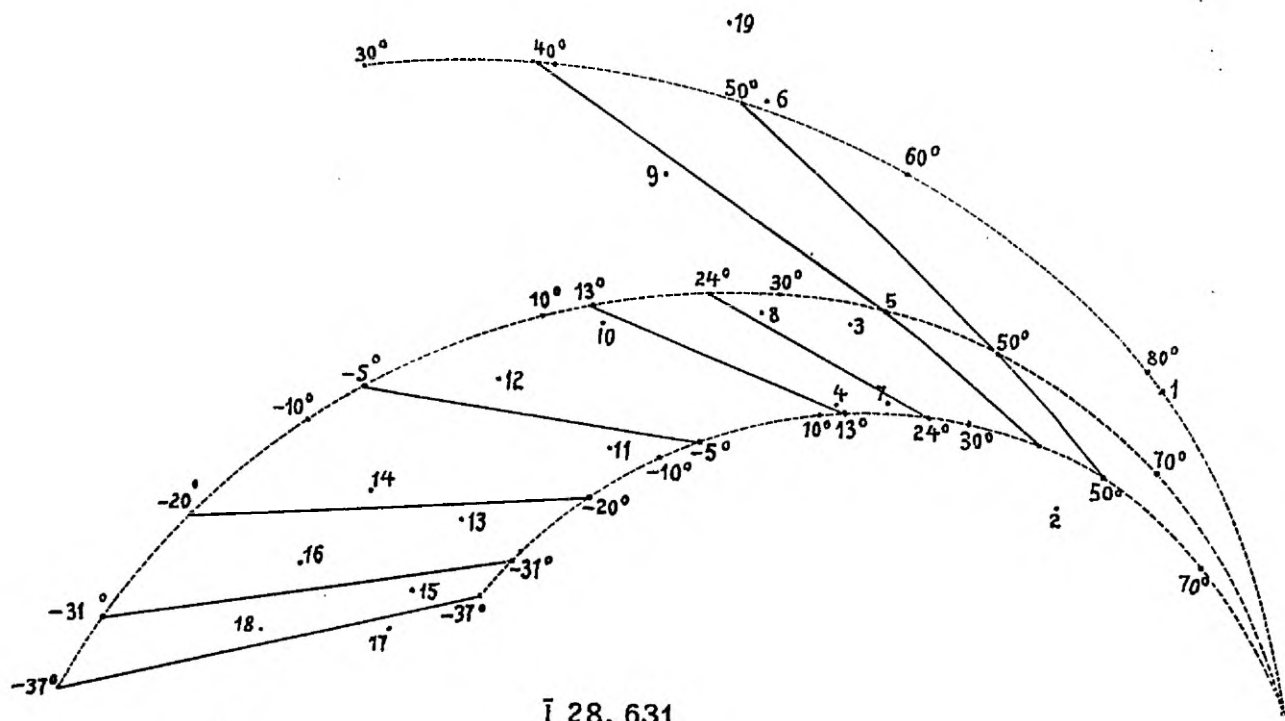

Табл. IV

I 28. 631

изслѣдованіи (стр. 32) найдены были весьма близкія значенія соотвѣствующихъ v_1 и M_1 , именно $v_1 = + 42\frac{1}{2}^0$ и $M_1 =$ янв. 18.685.

Для невооруженнаго глаза южная вѣтвь хвоста кометы представлялась сплошной, лишь съ нѣкоторыми уплотненіями. Отсюда можно заключить, что истеченія изъ ядра происходили непрерывно лишь съ нѣкоторыми усиленіями. Снимокъ г. Сикоры позволяетъ выяснитъ болѣе детально, какія колебанія происходили при истеченіи и въ какіе моменты имѣли мѣсто наиболѣе сильныя изверженія.

Полосы въ хвостѣ кометы 1910 I имѣютъ полную аналогію съ полосами въ хвостѣ кометы Донати въ октябрѣ 1858 г. и еще болѣе съ полосами кометы Chéseaux 7-го марта 1744 г. Съ этой кометой комета 1910 I можетъ быть сопоставлена также и по общей фигурѣ хвоста. Обѣ эти кометы имѣли хвосты II Бредихинскаго типа, образованные частицами, которыя двигались подъ дѣйствіемъ отталкивательныхъ силъ, близкихъ къ единицѣ, сильно изогнутые вслѣдствіе того, что кометы наблюдались вблизи перигелія.

Синхроны хвоста кометы 1910 I по снимкамъ на обсерваторіи Ловелла.

Только въ ноябрѣ 1913 года на обсерваторіи Юрьевскаго Университета былъ полученъ Lowell Observatory Bulletin № 57, въ которомъ помѣщены прекрасные снимки кометы 1910 I. На фотографіяхъ, снятыхъ съ помощью короткофокуснаго объектива Voigtländer'a [діаметръ объектива — 37^{mm}, фокусное разстояніе — 200^{mm}], ясно видны такія же поперечныя полосы въ хвостѣ кометы, какія выступаютъ на снимкѣ г. Сикоры янв. 27-го. Въ Bulletin'ѣ они воспроизведены въ увеличенномъ масштабѣ, но особенное значеніе эти снимки получаютъ потому, что они передаютъ явленіе въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ дней: 26, 27 и 28 января.

Въ Bulletin'ѣ вмѣстѣ съ этими снимками даны также координаты нѣсколькихъ точекъ въ хвостѣ кометы. Я воспользовался этими данными для возможно детальнаго изслѣдованія строенія полосъ.

Если ввести вышепринятые обозначенія величинъ, то данными, положенными въ основу изслѣдованія, будутъ:

Plate № 5. Jan. 26, 6^h57¹/₂^m—7^h8¹/₄^m *M.M.T.**)

$$\alpha\zeta = 320^{\circ}30'$$

$$\delta\zeta = -1\ 51.9$$

$$lgr = 9.60573$$

$$lq\varrho = 0.05435$$

$$S = 110^{\circ}24'0$$

$$P = 136\ 56.1$$

$$p_0 = 33\ 47.3$$

*) Mean Mountain Time — ср. Горное время [соотвѣтствуетъ меридіану 105° къ западу отъ Гринвича, и слѣдовательно на 7^h позади ср. Гринвичскаго вр.].

	α	δ	s	p	φ	Δ
1	^h 21 ^m 35.0	+ 1 ^o 50'	4 ^o 56'	^o 41.3	^o 18.1	0.1035
2	21 38.8	1 21	5 18	52.6	49.7	0.1062
3	21 55.7	6 17	11 43	45.8	30.6	0.2380
4	22 1.1	4 36	11 42	56.0	58.5	0.2344
5	21 56.5	5 23	11 16	49.9	42.3	0.2218
6	22 9.7	8 47	15 58	48.0	36.9	0.3201
7	21 56.8	4 18	10 39	54.7	55.1	0.2122
8	21 7.4	6 26	14 2	53.7	52.5	0.2753
9	22 12.5	7 56	15 58	52.0	48.1	0.3121
10	22 19.9	7 45	17 21	56.2	58.8	0.3398
11	22 10.8	5 5	14 2	60.3	68.1	0.2886
12	22 25.8	7 24	18 24	59.6	66.7	0.3659
13	22 19.6	5 7	15 59	64.1	75.4	0.3375
14	22 31.3	6 23	19 10	64.4	75.9	0.3953
15	22 22.8	4 20	16 24	67.8	81.4	0.3602
16	22 35.8	5 27	19 50	68.3	82.1	0.4226
17	22 25.1	3 49	16 46	70.2	84.8	0.3773
18	22 37.6	4 56	20 4	70.1	84.7	0.4348
19	22 15.7	10 31	18 14	46.8	—	—
20	22 36.7	10 17	22 13	56.5	59.6	0.4287
21	22 43.4	+ 5 23	21 35	70.3	68.1	0.4237

Plate № 14. Jan. 27, 7^h16^m—7^h39^m *M.M.T.*

$$\alpha_{\odot} = 321^{\circ}22'.9$$

$$\delta_{\odot} = - 0^{\circ}45.1$$

$$S = 110^{\circ}11'.0$$

$$lgr = 9.63866$$

$$P = 137^{\circ}25.9$$

$$lge = 0.06887$$

$$p_0 = 32^{\circ}13.9$$

	α	δ	s	p	φ	Δ
1	^h 21 ^m 52.2	+ 6°10'	9°35'	⁰ 43.7'	⁰ 27.6	0.2070
2	21 56.6	5 23	9 53	51.5	49.6	0.2012
3	22 4.2	8 27	13 20	46.2	34.6	0.2823
4	22 8.1	6 59	13 7	53.7	56.0	0.2664
5	22 5.6	7 30	12 58	50.3	46.5	0.2640
6	22 17.6	10 43	17 17	48.1	40.1	0.3609
7	22 1.0	5 46	11 00	53.6	55.6	0.2245
8	22 14.7	8 16	15 14	53.4	55.1	0.3079
9	22 26.2	11 25	19 22	50.7	47.5	0.3955
10	22 27.7	9 14	18 25	56.8	63.9	0.3720
11	22 22.1	7 35	16 23	59.2	69.2	0.3386
12	22 34.8	9 29	20 00	59.1	69.0	0.4056
13	22 28.3	7 10	17 33	62.9	77.0	0.3724
14	22 45.2	9 5	22 8	63.2	77.4	0.4556
15	22 34.0	6 44	18 38	66.1	82.5	0.3778
16	22 48.3	7 59	22 24	66.7	83.5	0.4735
17	22 37.2	6 20	19 13	68.1	85.8	0.4244
18	22 50.0	7 27	22 35	68.3	86.1	0.4838
19	—	—	—	—	—	—
20	—	—	—	—	—	—
21	22 57.5	+ 8 11	24 35	68.2	86.0	0.5170

Plate № 18. Jan. 28, 6^h58¹/₄^m—7^h30¹/₂^m *M.M.T.*

$$\alpha_{\odot} = 322^{\circ}9'5$$

$$\delta_{\odot} = + 0^{\circ}13.2$$

$$lgr = 0.66796$$

$$lg\Delta = 0.08236$$

$$S = 109^{\circ}59'3$$

$$P = 137^{\circ}52.6$$

$$p_0 = 30^{\circ}47.0$$

	α	δ	s	p	φ	Δ
1	^h 21 49.2 ^m	+ 6° 8'	7°50'	⁰ 40.9	⁰ 22.3	0.1838
2	21 52.3	5 5	7 38	50.4	49.2	0.1606
3	22 10.7	10 34	14 43	45.0	50.5	0.3092
4	21 13.2	8 22	13 47	53.5	57.9	0.2874
5	22 12.0	9 19	14 7	49.6	46.9	0.2989
6	22 27.2	13 5	19 23	47.9	42.1	0.4250
7	22 8.9	7 59	12 41	52.0	53.9	0.2655
8	22 21.9	10 22	16 41	52.1	54.2	0.3485
9	22 33.6	13 5	20 36	50.7	50.2	0.4363
10	22 35.5	11 37	20 7	54.9	61.8	0.4159
11	22 31.5	9 41	18 17	58.4	70.4	0.3832
12	22 43.7	11 40	21 52	57.8	69.0	0.4510
13	22 45.0	10 0	21 21	62.2	78.6	0.4512
14	22 54.4	11 13	23 58	62.0	78.2	0.4983
15	22 47.5	9 12	21 34	64.8	83.7	0.4650
16	22 0.1	10 37	24 59	64.7	83.4	0.5250
17	22 49.4	8 46	21 50	66.4	86.4	0.4764
18	23 3.6	9 58	25 33	66.8	87.1	0.5430
19	22 33.4	+ 14 29	21 27	47.6	41.2	0.4758

Если отъ координатъ: φ и Δ перейдемъ къ прямоугольнымъ: $\xi = \Delta \cos \varphi$ — по продолженному радіусу-вектору и $\eta = \Delta \sin \varphi$ — по перпендикуляру къ радіусу-вектору, то, выражая моменты по ср. Берл. времени, получимъ:

Янв. 26.623

	ξ	η		ξ	η
1	+ 0.0984	+ 0.0322	8	0.1676	0.2184
2	0.0687	0.0811	9	0.2084	0.2324
3	0.2048	0.1212	10	0.1760	0.2907
4	0.1225	0.1999	11	0.1076	0.2678
5	0.1641	0.1493	12	0.1447	0.3361
6	0.2560	0.1922	13	0.0850	0.3265
7	0.1214	0.1740	14	0.0963	0.3833

	ξ	η		ξ	η
15	+ 0.0539	+ 0.3561	19	—	—
16	0.0581	0.4186	20	+ 0.2170	+ 0.3698
17	0.0342	0.3757	21	0.1580	0.3932
18	0.0402	0.4329			

Янв. 27.640.

	ξ	η
1	+ 0.1834	+ 0.0959
2	0.1296	0.1539
3	0.2324	0.1603
4	0.1489	0.2208
5	0.1818	0.1915
6	0.2761	0.2325
7	0.1269	0.1852
8	0.1762	0.2525
9	0.2672	0.2916
10	0.1637	0.3340
11	0.1203	0.3166
12	0.1453	0.3787
13	0.0838	0.3628
14	0.0994	0.4446
15	0.0493	0.3746
16	0.0536	0.4706
17	0.0311	0.4232
18	0.0329	0.4826
19	—	—
20	—	—
21	0.0361	0.5157

Янв. 28.631.

	ξ	η
1	+ 0.1700	+ 0.0697
2	0.1050	0.1215
3	0.1967	0.2386
4	0.1528	0.2434
5	0.2043	0.2183
6	0.3154	0.2850
7	0.1564	0.2145
8	0.2038	0.2827
9	0.2794	0.3352
10	0.1965	0.3665
11	0.1285	0.3610
12	0.1616	0.4211
13	0.0892	0.4423
14	0.1019	0.4877
15	0.0510	0.4623
16	0.0604	0.5216
17	0.0299	0.4754
18	0.0275	0.5423
19	0.3580	0.3134
20	—	—

Въ масштабѣ 1—250^{мм} эти величины будутъ:

Янв. 26.623

	ξ	η		ξ	η
1	24.6	8.0	4	30.6	50.0
2	17.2	20.0	5	41.0	37.3
3	51.2	30.0	6	64.0	48.1

	ξ	η		ξ	η
7	30.4	43.5	15	13.5	89.0
8	41.4	54.6	16	14.5	104.6
9	52.1	58.1	17	8.6	94.0
10	44.0	72.7	18	10.1	108.2
11	26.9	67.0	19	—	—
12	36.2	84.0	20	54.2	92.4
13	21.3	81.6	21	39.5	98.3
14	24.1	95.8			

Янв. 27.640.

Янв. 28.631.

	ξ	η		ξ	η
1	45.8	24.0	1	42.5	17.4
2	32.4	38.5	2	26.2	30.4
3	58.1	40.1	3	49.2	59.6
4	37.2	55.2	4	38.2	60.8
5	45.5	47.9	5	51.1	54.6
6	69.0	58.1	6	78.8	71.2
7	32.2	46.3	7	39.1	53.6
8	44.1	63.1	8	50.9	70.7
9	66.8	72.9	9	69.8	83.8
10	40.9	83.5	10	49.1	91.6
11	30.1	79.2	11	32.1	90.3
12	36.3	94.7	12	40.2	105.3
13	20.9	90.7	13	22.3	110.6
14	24.8	111.2	14	25.5	121.9
15	12.3	93.6	15	12.8	115.6
16	13.4	117.4	16	15.1	130.4
17	7.8	105.8	17	7.7	118.8
18	8.2	120.6	18	6.4	135.6
19	—	—	19	89.5	78.4
20	—	—	20	—	—
21	9.0	128.9	21	—	—

Элементы кометы, которые были положены въ основу при вычисленіи приведенныхъ кометоцентрическихъ коор-

динать [именно элементы Dr. R. A. Curtis изъ № 612 Astrophysical Journal] очень близки къ элементамъ проф. Н. Kobbold'a, которыми пользовался я раньше. Поэтому я удержалъ ихъ и для дальнѣйшаго изслѣдованія.

Съ помощью этихъ элементовъ я по формуламъ гиперболическаго движенія вычислилъ для трехъ моментовъ наблюденія координаты теоретическихъ точекъ для построения синдинамъ, соотвѣствующихъ значеніямъ отталкивательной силы: $1 - \mu = 2.$, $1 - \mu = 1.$ и $1 - \mu = 0.6$ и цѣлаго ряда синхронъ, близкихъ по положенію къ тѣмъ полосоамъ, которыя даютъ наблюденія, именно:

Янв. 26.623.

$1 - \mu = 2.$

v_1	80°	60°	50°	40°	39°	30°
M_1	I 21.083	19.575	19.034	18.576	18.173	18.534
$lg E$	0.3778	0.4225	0.4396	0.4533	0.4638	0.4544
ψ	65°14'	67°47'	68°41'	69°23'	69°54'	69°26'
V_1	24°22'	19°6'	16°10'	13°5'	9°54'	12°46'
M_π	I 19.193	18.574	18.299	18.047	17.805	18.022
V	50°58'	57°40'	59°46'	61°26'	62°38'	61°32'
$lg R$	9.7108	9.7942	9.8276	9.8577	9.8842	9.8600
ξ	0.1088	0.2043	0.2380	0.2613	0.2709	0.2621
η	0.0397	0.1344	0.2014	0.2779	0.3632	0.2862
ξ^{mm}	27.2	51.1	59.5	65.3	67.7	65.5
η^{mm}	9.9	33.6	50.4	69.5	90.8	71.5

$1 - \mu = 1.$

v_1	70°	50°	30°	20°	12°	10°	—4°
M_1	I 20.237	19.034	18.173	17.805	17.527	17.459	16.990
lgr_1	9.2847	9.1969	9.1417	9.1247	9.1163	9.1149	9.1121
$lg H_1$	0.5082	0.5521	0.5797	0.5882	0.5923	0.5931	0.5945

v_1	70°	50°	30°	20°	12°	10°	-4°
lgs	9.5490	9.6678	9.7422	9.7692	9.7872	9.7908	9.8138
lgR	9.6907	9.7409	9.7805	9.7958	9.8059	9.8078	9.8193
ξ	0.0854	0.1371	0.1674	0.1710	0.1676	0.1653	0.1410
η	0.0411	0.1055	0.1951	0.2458	0.2878	0.2986	0.3724
ξ^{mm}	21.4	34.3	41.9	42.8	41.9	41.3	35.3
η^{mm}	10.3	26.4	48.8	61.5	71.9	74.6	93.1

v_1	-10°	-19°	-20°	-30°	$-31^\circ 30'$	-36°
M_1	16.789	16.478	16.443	16.075	16.017	15.839
lgr_1	9.1149	9.1235	9.1247	9.1417	9.1447	9.1551
lgH_1	0.5931	0.5888	0.5882	0.5797	0.5781	0.5730
lgs	9.8215	9.8306	9.8315	9.8385	9.8392	9.8412
lgR	9.8224	9.8248	9.8250	9.8243	9.8238	9.8218
ξ	0.1252	0.0948	0.0915	0.0488	0.0402	0.0151
η	0.4023	0.4449	0.4490	0.4907	0.4974	0.5147
ξ^{mm}	31.3	23.7	22.9	12.2	10.0	3.8
η^{mm}	100.6	111.2	112.2	122.7	124.4	128.7

$$1 - \mu = 0.6, \quad g = 0, \quad G = 0.$$

v_1	70°	50°	40°	39°	30°	20°	12°	10°
M_1	20.237	19.034	18.576	18.534	18.173	17.805	17.527	17.459
lgE	0.5220	0.5623	0.5768	0.5782	0.5879	0.5959	0.5999	0.6005
ψ	$72^\circ 30'$	$74^\circ 6'$	$74^\circ 38'$	$74^\circ 41'$	$75^\circ 2'$	$75^\circ 18'$	$75^\circ 27'$	$75^\circ 28'$
V_1	$44^\circ 56'$	$31^\circ 40'$	$25^\circ 12'$	$24^\circ 34'$	$18^\circ 50'$	$12^\circ 31'$	$7^\circ 30'$	$6^\circ 15'$
M_π	17.850	17.708	17.605	17.594	17.493	17.375	17.265	17.249
V	$82^\circ 52'$	$85^\circ 12'$	$86^\circ 4'$	$86^\circ 8'$	$86^\circ 44'$	$87^\circ 14'$	$87^\circ 36'$	$87^\circ 36'$
lgR	9.6602	9.6946	9.7105	9.7113	9.7239	9.7345	9.7431	9.7433
ξ	0.0532	0.0873	0.1019	0.1023	0.1122	0.1172	0.1200	0.1179
η	0.0247	0.0646	0.0906	0.0935	0.1203	0.1524	0.1796	0.1865
ξ^{mm}	13.3	21.8	25.5	25.6	28.0	29.3	30.0	29.5
η^{mm}	6.2	16.2	22.6	23.4	30.1	38.1	44.9	46.6

v_1	-4^0	-10^0	-19^0	-20^0	-30^0	$-31^030'$	-36^0
M_1	116.990	16.789	16.478	16.443	16.075	16.017	15.839
lgE	0.6018	0.6005	0.5964	0.5958	0.5879	0.5866	0.5818
ψ	$75^031'$	$75^028'$	$75^020'$	$75^018'$	$75^0 2'$	$74^059'$	$74^049'$
V_1	$-2^030'$	$-6^015'$	$-11^054'$	$-12^032'$	$-18^050'$	$-19^047'$	$-22^038'$
M_π	117.156	16.999	16.889	16.877	16.755	16.746	16.686
V	$88^010'$	$88^0 2'$	$88^0 4'$	$88^0 4'$	$87^058'$	$87^056'$	$87^054'$
lgR	9.7578	9.7547	9.7563	9.7560	9.7546	9.7542	9.7532
ξ	0.1133	0.1041	0.0903	0.0893	0.0664	0.0618	0.0519
η	0.2327	0.2559	0.2858	0.2884	0.3198	0.3255	0.3370
ξ^{mm}	28.3	26.0	22.6	22.3	16.6	15.5	13.0
η^{mm}	58.2	64.0	71.4	72.1	80.0	81.4	84.2

ЯНВ. 27.640.

$$1 - \mu = 2, g = 0, G = 0.$$

v_1	80^0	60^0	50^0	40^0	30^0
M_1	121.083	19.575	19.035	18.576	18.173
lgE	0.3778	0.4225	0.4396	0.4533	0.4638
ψ	$65^014'$	$67^047'$	$68^041'$	$69^023'$	$69^054'$
V_1	$24^022'$	$19^0 6'$	$16^010'$	$13^0 5'$	$9^054'$
M_π	119.199	18.575	18.301	18.047	17.805
V	$52^040'$	$58^044'$	$60^046'$	$62^020'$	$63^024'$
lgR	9.7617	9.8403	9.8775	9.9081	9.9313
ξ	0.1397	0.2430	0.2765	0.3000	0.3008
η	0.0566	0.1718	0.2497	0.3380	0.4324
ξ^{mm}	34.9	60.8	69.1	75.0	75.2
η^{mm}	14.2	42.9	62.4	84.5	108.1

$$1 - \mu = 1, g = 0, G = 0.$$

v_1	70°	50°	30°	$20^\circ 30'$	10°
M_1	120.237	19.034	18.173	17.822	17.459
lgr_1	9.2847	9.1969	9.1417	9.1254	9.1149
lgH_1	0.5082	0.5521	0.5797	0.5878	0.5930
lgs	9.6132	9.7225	9.7915	9.8154	9.8364
lgR	9.7359	9.7862	9.8248	9.8389	9.8510
ξ	0.1064	0.1617	0.1906	0.1921	0.1833
η	0.0550	0.1314	0.2338	0.2876	0.3476
ξ^{mm}	26.6	40.4	47.6	48.0	45.8
η^{mm}	13.8	32.9	58.4	71.9	86.9

v_1	$-50^\circ 30'$	-10°	$-20^\circ 30'$	-30°	-32°	-37°
M_1	116.940	16.789	16.425	16.075	15.998	15.798
lgr_1	9.1125	9.1149	9.1254	9.1417	9.1459	9.1575
lgH_1	0.5943	0.5930	0.5878	0.5796	0.5776	0.5718
lgs	9.8592	9.8640	9.8732	9.8784	9.8792	9.8808
lgR	9.8625	9.8642	9.8663	9.8652	9.8640	9.8617
ξ	0.1474	0.1320	0.0895	0.0498	0.0305	0.0002
η	0.4375	0.4619	0.5145	0.5498	0.5636	0.5829
ξ^{mm}	36.9	33.0	22.4	12.5	7.6	-0.1
η^{mm}	109.4	115.5	128.6	137.4	140.9	145.7

$$1 - \mu = 0.6, g = 0, G = 0.$$

v_1	70°	50°	40°	30°	$20^\circ 30'$	10°
M_1	120.237	19.034	18.576	18.173	17.822	17.459
lgE	0.5220	0.5623	0.5768	0.5880	0.5955	0.6005
ψ	$72^\circ 30'$	$74^\circ 6'$	$74^\circ 38'$	$75^\circ 2'$	$75^\circ 18'$	$75^\circ 28'$
V_1	$44^\circ 56'$	$31^\circ 40'$	$25^\circ 12'$	$18^\circ 50'$	$12^\circ 50'$	$6^\circ 15'$

v_1	70°	50°	40°	30°	20°30'	10°
M_π	117.852	17.707	17.605	17.493	17.379	17.249
V	85° 4'	87° 6'	87°48'	88°26'	88°49'	89° 6'
lgR	9.7010	9.7368	9.7517	9.7667	9.7763	9.7840
ξ	0.0660	0.1043	0.1183	0.1310	0.1332	0.1322
η	0.0333	0.0806	0.1109	0.1447	0.1841	0.2188
ξ^{mm}	16.5	26.1	29.6	32.8	33.4	33.1
η^{mm}	8.3	20.2	27.7	36.2	46.0	54.7

v_1	-5°30'	-10°	-20°30'	-30°	-32°	-37°
M_1	116.940	16.789	16.425	16.075	15.998	15.798
lgE	0.6015	0.6005	0.5955	0.5880	0.5860	0.5806
ψ	75°30'	75°28'	75°18'	75° 2'	74°58'	74°46'
V_1	-3°26'	-6°15'	-12°51'	-18°50'	-20° 6'	-23°17'
M_π	117.055	16.999	16.870	16.755	16.732	16.675
V	89°26'	89°28'	89°28'	89°24'	89°22'	89°16'
lgR	9.7935	9.7945	9.7944	9.7931	9.7923	9.7896
ξ	0.1207	0.1138	0.0922	0.0691	0.0622	0.0477
η	0.2780	0.2945	0.3312	0.3624	0.3697	0.3824
ξ^{mm}	30.2	28.5	23.0	17.3	15.6	11.9
η^{mm}	69.5	73.6	82.6	90.6	92.4	95.6

ЯНВ. 28.631.

$$1 - \mu = 2, \quad g = 0, \quad G = 0.$$

v_1	80°	60°	50°	40°	39°	30°
M_1	121.083	19.575	19.034	18.576	18.534	18.173
lgE	0.3778	0.4225	0.4396	0.4533	0.4544	0.4638
ψ	65°14'	67°47'	68°41'	69°23'	69°26'	69°54'
V_1	24°22'	19° 6'	16°10'	13° 5'	12°46'	9°54'

v_1	80°	60°	50°	40°	39°	30°
M_π	119.199	18.575	18.299	18.047	18.022	17.805
V	$54^\circ 8'$	$59^\circ 44'$	$61^\circ 34'$	$63^\circ 0'$	$63^\circ 4'$	$64^\circ 0'$
lgR	9.8121	9.8890	9.9224	9.9500	9.9510	9.9723
ξ	0.1789	0.2796	0.3153	0.3322	0.3308	0.3274
η	0.0749	0.2105	0.2997	0.3975	0.4047	0.5013
ξ^{mm}	44.7	69.9	78.8	83.1	82.7	81.8
η^{mm}	18.7	52.6	74.9	99.4	101.2	125.3

$1 - \mu = 1, g = 0, G = 0.$

v_1	70°	50°	30°	24°	13°	10°
M_1	120.237	19.035	18.173	17.949	17.561	17.459
lgr_1	9.2847	9.1969	9.1417	9.1307	9.1173	9.1149
lgH_1	0.5082	0.5521	0.5797	0.5852	0.5918	0.5930
lgs	9.6678	9.7698	9.8348	9.8494	9.8715	9.8768
lgR	9.7760	9.8264	9.8644	9.8733	9.8856	9.8895
ξ	0.1273	0.1859	0.2132	0.2134	0.2048	0.1986
η	0.0698	0.1586	0.2735	0.3112	0.3756	0.4001
ξ^{mm}	31.8	46.5	53.3	53.4	51.2	49.6
η^{mm}	17.4	39.6	68.4	77.8	93.9	100.0

v_1	-5°	-10°	-20°	-30°	-31°	-37°
M_1	116.957	16.798	16.442	16.075	16.038	15.798
lgr_1	9.1123	9.1149	9.1247	9.1417	9.1437	9.1575
lgH_1	0.5944	0.5930	0.5882	0.5796	0.5787	0.5718
lgs	9.8973	9.9020	9.9098	9.9142	9.9143	9.9157
lgR	9.9001	9.9016	9.9032	9.9010	9.9005	9.8976
ξ	0.1581	0.1378	0.0862	0.0349	0.0281	-0.0102
η	0.4915	0.5211	0.5794	0.6190	0.6234	0.6446
ξ^{mm}	39.5	34.4	21.6	8.7	7.0	-2.5
η^{mm}	122.9	130.3	144.8	154.8	155.9	161.1

$$1 - \mu = 0.6, g = 0, G = 0.$$

v_1	70°	50°	39°	30°	24°	13°	10°
M_1	120.237	19.035	18.534	18.173	17.949	17.561	17.459
lgE	0.5220	0.5626	0.5781	0.5880	0.5929	0.5995	0.6005
ψ	72°30'	74° 6'	74°41'	75° 2'	75°12'	75°26'	75°28'
V_1	44°56'	31°38'	24°34'	18°50'	15° 3'	8° 8'	6°15'
M_π	117.852	17.712	17.594	17.492	17.419	17.286	17.248
V	86°52'	88°38'	89°18'	89°50'	89°58'	90°18'	90°20'
lgR	9.7377	9.7742	9.7904	9.8055	9.8092	9.8185	9.8206
ξ	0.0794	0.1209	0.1366	0.1504	0.1492	0.1482	0.1465
η	0.0426	0.0974	0.1353	0.1697	0.1936	0.2384	0.2513
ξ^{mm}	19.8	30.2	34.2	37.6	37.3	37.0	36.6
η^{mm}	10.6	24.4	33.8	42.4	48.4	59.6	62.8

v_1	-5°	-10°	-20°	-30°	-31°	-37°
M_1	116.957	16.789	16.442	16.075	16.038	15.798
lgE	0.6016	0.6005	0.5959	0.5880	0.5869	0.5806
ψ	75°30'	75°28'	75°19'	75° 2'	75° 0'	74°46'
V_1	-3° 8'	-6°15'	-12°32'	-18°50'	-19°28'	-23°34'
M_π	117.062	17.000	16.876	16.756	16.743	16.696
V	90°36'	90°40'	90°40'	90°36'	90°34'	90°26'
lgR	9.8288	9.8309	9.8305	9.8283	9.8274	9.8240
ξ	0.1324	0.1242	0.1007	0.0724	0.0685	0.0470
η	0.3129	0.3334	0.3706	0.4050	0.4075	0.4264
ξ^{mm}	33.1	31.1	25.2	18.1	17.1	11.8
η^{mm}	78.2	83.4	92.7	101.2	102.0	106.6

Эти теоретическія точки вмѣстѣ съ тѣми, которыя получены по наблюденіямъ, я нанесъ на бумагу, раздѣленную на миллиметры и получилъ три слѣдующія чертежа (табл. IV).

На черт. янв. 26.623 мы видимъ, что точки 17 и 18 лежатъ вдоль синхроны, соответствующей истинной аномаліи

$v_1 = -36^\circ$, слѣдовательно частицы, составляющія эту полосу въ хвостѣ кометы, отдѣлились отъ ядра января 15.839. ср. Берл. вр.

Точки: 15 и 16 лежатъ вдоль синхроны, соотвѣтствующей $v_1 = -31\frac{1}{2}^\circ$, время истеченія частицъ этой полосы $M_1 = \text{янв. 16. 017.}$

Точки: 13 и 14 опредѣляютъ синхрону, соотвѣтствующую $v_1 = -19^\circ$, и время истеченія частицъ $M_1 = \text{янв. 16.478.}$

Точки: 11 и 12 $v_1 = -4^\circ$, $M_1 = \text{янв. 16.990.}$

„ 7 и 8 $v_1 = +20^\circ$, $M_1 = \text{янв. 17.805.}$

На чертежѣ янв. 27.640 точки: 17 и 18 опредѣляютъ синхрону $v_1 = -37^\circ$ и время истеченія $M_1 = 15.798.$

Точки: 15 и 16 $v_1 = -32^\circ$, $M_1 = \text{янв. 15.998.}$

„ 13 и 14 $v_1 = -20\frac{1}{2}^\circ$, $M_1 = \text{янв. 16.425.}$

„ 11 и 12 $v_1 = -5\frac{1}{2}^\circ$, $M_1 = \text{янв. 16.940.}$

„ 7 и 8 $v_1 = +20\frac{1}{2}^\circ$, $M_1 = \text{янв. 17.823.}$

На чертежѣ янв. 28.631.

Точки: 17 и 18 $v_1 = -37^\circ$, $M_1 = \text{янв. 18.798.}$

„ 15 и 16 $v_1 = -31^\circ$, $M_1 = \text{янв. 16.038.}$

„ 13 и 14 $v_1 = -20^\circ$, $M_1 = \text{янв. 16.443.}$

„ 11 и 12 $v_1 = -5^\circ$, $M_1 = \text{янв. 16.957.}$

„ 7 и 8 $v_1 = +24^\circ$, $M_1 = \text{янв. 17.949.}$

Очевидно, что эти пять полосъ на каждомъ изъ трехъ снимковъ являются соотвѣтственными, т. е. точки: 17 и 18 на всѣхъ трехъ снимкахъ принадлежатъ одной и той же синхронѣ, равно соотвѣтственно и точки: 15 и 16, 13 и 14, 11 и 12, 7 и 8.

Небольшія расхожденія въ соотвѣтственныхъ величинахъ v_1 могутъ быть объяснены тѣмъ, что снимки, полученные объективомъ Voigtländer'a, имѣютъ весьма малый масштаб и положенія точекъ на нихъ вслѣдствіе расплывчивости деталей не были опредѣлены точными измѣреніями, а лишь по приблизительной оцѣнкѣ относительно окружающихъ звѣздъ.

Эти синхроны можно поэтому сопоставить также съ тѣми, которыя указаны мною по снимку г. Сикоры янв. 27.117 ср. Берл. вр., именно

17 и 18 точки	соотвѣтствуютъ	точкамъ 1 и 2	на черт.	} янв. 27.717 Таб. III.
13 и 14 "	"	"	3 и 4 " "	
11 и 12 "	"	"	5 и 6 " "	
7 и 8 "	"	"	9 и 10 " "	

Кромѣ того можно отмѣтить, что линія, соединяющая точки 4 и 10 на чертежѣ янв. 26.623 почти точно совпадаетъ съ синхроной, соотвѣтствующей $v_1 = +12^\circ$ и $M_1 =$ янв. 17.53, на чертежѣ янв. 28.631 — съ синхроной, соотвѣтствующей $v_1 = +13^\circ$ и $M_1 =$ янв. 17.56, а точки, отмѣченныя такими же номерами на снимкѣ янв. 27.640, лежатъ симметрично по ту и другую сторону синхроны, соотвѣтствующей $v_1 = +10^\circ$ и $M_1 =$ янв. 17.46. Очевидно эти точки, не будучи тождественны на различныхъ снимкахъ, опредѣляютъ одну и ту же полосу, соотвѣтствующую точкамъ 7 и 8 на снимкѣ г. Сикоры, для которой $v_1 = +9^\circ$ и $M_1 =$ янв. 17.43.

Точки: 9 и 5 на чертежахъ: янв. 26.623 и янв. 28.631 близки къ синхронѣ соотвѣтствующей $v_1 = +39^\circ$ и $M_1 =$ янв. 18.53 и на чертежѣ янв. 26.531 къ синхронѣ $v_1 = +40^\circ$, $M_1 =$ янв. 18.58. Повидимому эти пары точекъ во всѣхъ случаяхъ взяты на одной полосѣ, соотвѣтствующей шестой полосѣ снимка г. Сикоры и представляющей западную вѣтвь хвоста, наблюдавшуюся и непосредственно глазомъ.

Наконецъ, точки, обозначенныя номеромъ 6, на всѣхъ снимкахъ находятся вблизи синхроны, соотвѣтствующей $v_1 = 50^\circ$ и $M_1 =$ янв. 19.04, къ которой относится и точка 19 на снимкѣ янв. 28.631.

Что касается полосы, опредѣляемой на снимкахъ, полученныхъ на обсерваторіи Ловелла, точками 15 и 16, то она на снимкѣ г. Сикоры не выдѣлилась рѣзко и соотвѣтственно этому промежутокъ между двумя первыми слѣва полосами (рис. на стр. 35) оказался нѣсколько шире.

Сопоставляя моменты истеченія матеріи, образовавшей полосы въ хвостѣ кометы 1910 I, полученные по вычисленію отдѣльно для каждаго изъ трехъ снимковъ обсерваторіи Ловелла и снимка г. Сикоры, а потомъ взявъ среднее, получимъ:

П о л о с ы.

По снимку	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
янв. 26.623	янв. 15.84	16.02	16.48	16.99	17.56	17.81	18.53	19.04
27.117	.88	—	.51	17.06	.43	.81	.58	—
27.640	.80	16.00	.43	16.94	.46	.82	.58	19.04
28.631	.80	.04	.44	.96	.56	.95	.53	19.04

Среднее янв. 15.83 16.02 16.47 16.99 17.50 17.85 18.55 19.04

Такимъ образомъ наиболѣе вѣроятные моменты, соотвѣтствующіе срединѣ каждаго истеченія, будутъ:

Полоса	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .
	янв. 15-го	16-го	16-го	16-го	17-го	17-го	18-го	19-го
	19,9 час.	0,5 "	11,3 "	23,8 "	12,0 "	20,4 "	13,0 "	1,0 "
	ср. Берл.	"	"	"	"	"	"	"
	вр.	"	"	"	"	"	"	"

Второй хвостъ.

Второй — короткій, прямой, сильно отклоненный къ югу хвостъ отмѣченъ: 1) на диаграммѣ Douglass'a янв. 26-го, на диаграммѣ Wilson'a янв. 27-го, 3) на первомъ рисункѣ Hinks'a янв. 30-го, 4) на фотографическомъ снимкѣ Bohlin'a янв. 28-го [отпечатокъ въ журналѣ The Astrophysical Journal XXXIII, № 2], 5) на снимкѣ Quenisset янв. 29 и 6) на снимкахъ, полученныхъ на обсерваторіи Ловелла съ объективомъ Brashear doublet, съ отверстіемъ объектива 127^{mm} и фокуснымъ разстояніемъ 890^{mm} янв. 27, 28 и 29.

Для трехъ послѣднихъ наблюденій въ № 57 Bulletin Lowell Observatory даны кометоцентрическія координаты точекъ на краю хвоста. Для пяти первыхъ наблюденій я самъ выбралъ точки въ хвостѣ и опредѣлилъ ихъ координаты по сосѣднимъ звѣздамъ такъ же, какъ и раньше при изслѣдованіи главнаго хвоста. Приведа ихъ къ эпохѣ янв. 30-го я получилъ слѣдующія значенія координатъ ξ и η конечныхъ точекъ хвоста:

	ξ	η
1)	0.0300	0.0752
2)	0.0244	0.0952
3)	0.0188	0.0432
4)	0.0140	0.0432
5)	0.0448	0.1212
6)	0.0220	0.0436
7)	0.0144	0.0576
8)	0.0116	0.0436

или въ масштабѣ 1—250^{мм}:

	ξ	η
	mm	mm
1)	7.5	18.8
2)	6.1	23.8
3)	4.7	10.8
4)	3.5	10.8
5)	11.2	30.3
6)	5.5	10.9
7)	3.6	14.4
8)	2.9	10.9

Расположеніе этихъ точекъ не соотвѣтствуетъ ни одной изъ синдинамъ, но онѣ группируются вдоль синхронъ, соотвѣтствующихъ $v_1 = -30^\circ$ и -40° именно въ предѣлахъ силы: $1 - \mu = 0.15$ и $1 - \mu = 0.05$.

Синдинамы для этихъ силъ опредѣляются величинами

$$1 - \mu = 0.15, g = 0, G = 0.$$

v_1	30°	0°	-30°	-40°
M_1	I 18.173	17.124	16.075	15.672
$lg E$	0.1246	0.1313	0.1246	0.1195
ψ	$41^\circ 22'$	$42^\circ 21'$	$41^\circ 22'$	$40^\circ 35'$
V_1	$26^\circ 12'$	$0^\circ 0'$	$-26^\circ 12'$	$-35^\circ 3'$
M_π	I 17.249	17.124	16.999	16.981
V	$110^\circ 29'$	$110^\circ 37'$	$110^\circ 49'$	$110^\circ 52'$
$lg R$	9.7562	9.7643	9.7621	9.7582
ξ	0.0534	0.0599	0.0501	0.0426
η	0.0547	0.0925	0.1278	0.1373
ξ^{mm}	13.4	15.0	12.5	10.6
η^{mm}	13.7	23.2	32.0	34.3

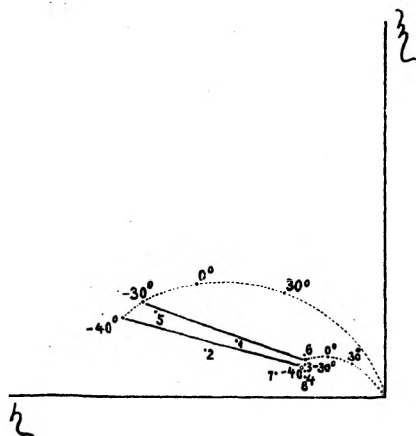
$$1 - \mu = 0.05, g = 0, G = 0.$$

v_1	30°	0°	-30°	-40°
M_1	I 18.173	17.124	16.075	15.672
$lg E$	0.0408	0.0436	0.0408	0.0389
ψ	$24^\circ 27'$	$25^\circ 14'$	$24^\circ 27'$	$23^\circ 54'$
V_1	$28^\circ 38'$	$0^\circ 0'$	$-28^\circ 38'$	$-38^\circ 14'$
M_π	I 17.156	17.124	17.092	17.084
V	$116^\circ 28'$	$116^\circ 30'$	$116^\circ 36'$	$116^\circ 39'$
$lg R$	9.7268	9.7300	9.7288	9.7271
ξ	0.0189	0.0224	0.0200	0.0177
η	0.0181	0.0308	0.0425	0.0456
ξ^{mm}	4.7	5.6	5.0	4.4
η^{mm}	4.5	7.7	10.6	11.4

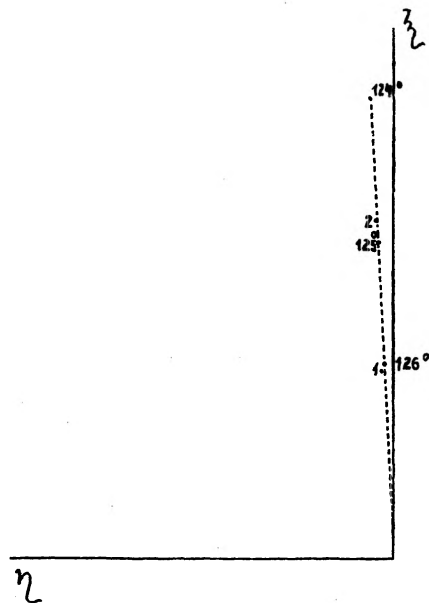
На черт. 1-омъ табл. V-ой мы имѣемъ эти синдинами и точки, опредѣляющія положеніе второго хвоста по наблюденіямъ. Очевидно, что этотъ хвостъ есть не что иное, какъ синхрона и состоитъ изъ частицъ, вышедшихъ изъ ядра при истинной аномаліи равной приблизительно $v_1 = -35^\circ$ т. е. около янв. 15.8 и движущихся подъ дѣйствіемъ отталкивательныхъ силъ, находящихся въ предѣлахъ $1 - \mu = 0.05$ и $1 - \mu = 0.15$ т. е. эта синхрона хвоста, который относится къ III Бредихинскому типу.

Вѣроятно частицы, вошедшія въ составъ этого хвоста, отдѣлились отъ ядра во время вспышки образовавшей первую полосу главнаго хвоста, опредѣляемую точками 17—18 на снимкахъ, полученныхъ на обсерваторіи Ловелла, такъ что наиболѣе подходящія значенія будутъ: $v_1 = -36^\circ$ и $M_1 = \text{янв. 15.84}$.

Табл. V

Черт. 1.

Черт. 2.

Третій хвостъ.

Въ Lowell observatory Bulletin № 57 даны кометочен-трическія координаты точекъ, опредѣляющихъ направленіе двухъ прямыхъ лучей, которые на снимкахъ, полученныхъ съ помощью объектива Brashear 27, 28 и 29 января, тянутся къ сѣверу отъ главнаго хвоста. Но длина этихъ лучей слишкомъ мала ($1^{\circ}3$ — $2^{\circ}8$), и выводить какія-либо заключенія по координатамъ конечныхъ точекъ ихъ очень рискованно. Нѣсколько болѣе опредѣленные данныя мы имѣемъ въ аналогичномъ наблюденіи С. В. Орлова на обсерваторіи Аршинова въ Москвѣ 6-го февраля. На снимкѣ С. В. Орлова кромѣ главнаго широкаго хвоста виденъ еще прямой узкій хвостъ длиной въ $3^{\circ}8$. Благодаря любезности С. В. Орлова, представившаго въ мое распоряженіе негативъ, я могъ самъ опредѣлить направленіе этого хвоста. Правда, я не имѣлъ возможности произвести точныхъ измѣреній, такъ какъ негативъ оказался очень слабымъ, но я оцѣнилъ положеніе двухъ точекъ на оси хвоста по звѣздамъ такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Я получилъ:

Время наблюденія 1914 февр. 6-го 6^h38^m ср. Моск. вр. =
= II. 6.210 ср. Берл. вр.

$$\alpha_{\odot} = 326^{\circ}56'$$

$$\delta_{\odot} = 5\ 52 \quad \text{Бесселевы величины: } S = 108^{\circ}50'$$

$$\alpha_{\odot} = 319\ 30 \quad P = 140^{\circ}42'$$

$$\delta_{\odot} = -15\ 44$$

$$lgr = 0.1768$$

Точка	1	2
α	327°40'	328°16'
δ	+7 45	+9 13
s	2 2	3 36
p	20 48	21 26
φ	2 36	2 45
Δ	0.0992	0.1814
ξ	0.0991	0.1792
η	0.0045	0.0088
1—250 ^{mm}	ξ^{mm}	24.8
	η^{mm}	1.1
		44.8
		2.2

Эти точки весьма близко лежат къ синдинамѣ [таб. V, черт. 2] соответствующей силѣ 1 — $\mu = 36$, для которой при $g = 0$ и $G = 0$.

v_1	124°	125°	126°
M_1	II 1.777	2.498	3.248
$lg E$	0.0056	0.0054	0.0052
ψ	9°11'	9° 1'	8°51'
V_1	1 20	1 18	1 19
M_π	I 31.905	II 1.570	II 2.262
$lg R$	9.9772	9.9417	9.9089
ξ	0.2420	0.1676	0.1040
η	0.0144	0.0079	0.0038
ξ^{mm}	60.5	41.9	26.0
η^{mm}	3.6	2.0	1.0

Повидимому узкій прямой лучъ, наблюдавшійся въ хвостѣ 6-го февраля, образовался подѣйствию отталкивательной силы, превышающей ньютоновское притяженіе въ 36 разъ и представляет слѣдовательно хвостъ I-го Бредихинскаго типа.

Такимъ образомъ хвостъ кометы 1910 а имѣла всѣ три типа хвостовъ.

Аномальный хвостъ.

Придатокъ въ направленіи къ солнцу, такъ называемый аномальный хвостъ отмѣченъ наблюденіями:

1) Астронома Coggia въ Марселѣ 25 января въ 5^h52^m ср. Марс. вр.

„Une aigrette d'environ 4' se dirige vers le Soleil“.

Comptes Rendus. T. 150, p. 305.

2) Астронома J. Comas Solà на обсерваторіи Фабра въ Барселонѣ.

„Mais je veux surtout appeler l'attention sur la partie gauche, ou queue secondaire, beaucoup plus pâle que l'autre, quoique beaucoup plus large près de la tête et qui se continuait au delà du noyau c'est-à-dire vers le Soleil“.

C. R. T. 150, p. 373.

3) Астрономовъ Quénisset et Baldet на обсерваторіи Juvisy 29 января.

„Une particularité très remarquable peut s'observer sur les phototypes des 29. et 30. janvier. C'est une queue anormale une sorte d'aigrette en éventail, dont la pointe arrondie s'étend à 8' en avant de la tête de la comète, vers le Soleil par conséquent et dont la partie évasée vient se replier sur les deux bords de la queue principale. Le bord boréal de cette queue anormale présente une concavité sensible, comme une sorte de crochet, en avant du noyau“.

„On a pu constater visuellement à l'équatorial l'existence de la queue anormale le 29. janvier“.

Bulletin de la Société Astronomique de France 1910 Mars, p. 110.

4) Астронома М. Wolf на обсерватории въ Königstuhl 31 января.

„Was aber das Aussehen dieses Kometen von anderen auszeichnet, ist ein Kegel schwach leuchtender Materie, der sich mit der Basis auf der Koma stehend, gegen die Sonne zu, steil erhebt. Die zuckerhutförmige Lichtpyramide schwach leuchtend sieht genau aus wie eine verkleinerte Abbildung des Zodiakallichtes.

Ein solcher ganz schwacher Lichtkegel, mit schwach gekrümmten Rändern, stieg also über die übliche hell leuchtende kugelförmige Koma gegen die Sonne hin empor. Die Spitze des Gebildes ist etwa 13' vom Kern emporgehoben (1910 Jan. 31).

Der *PW* der Achse des abgekehrten Schweifes war etwa 35° .

Die Spitze des Zodiakalkegels liegt gegen den Kern im *PW* $215^{\circ} = 180^{\circ} + 35^{\circ}$, also genau in der Rückwärtsverlängerung der Schweifachse; und auch die Hülle des Hauptkegels lässt sich als Fortsetzung dieses der Sonne zugekehrten Kegels denken. Da aber der erste Teil des hellen der Sonne abgekehrten Schweifes im *SW* einen hellen Ast enthält, so legt das Auge den Schwerpunkt dorthin, und man hat fälschlich den Eindruck, als ob die Zodiakalpyramide gegen den Hauptkegel geknickt wäre“.

Astronomische Nachrichten, B. 184, S. 174

5) На фотографическихъ снимкахъ, полученныхъ на обсерватории Ловелла съ помощью объектива Brashear doublet, діаметромъ 127^{mm} и фокуснаго разстоянія 890^{mm} января 26, 27, 28, 29 и 30-го.

Lowell observatory Bulletin № 57, p. 42—45.

По свидѣтельству J. Comas Solà, аномальный хвостъ представлялъ продолженіе въ сторону солнца второго хвоста, который былъ отклоненъ къ югу отъ главнаго хвоста на 25° — 30° .

Это подтверждает снимокъ Quénisset и Baldet, на которомъ аномальный хвостъ является почти точнымъ продолженіемъ второго хвоста, и составляетъ съ осью главнаго хвоста уголъ въ 162° въ сторону запада.

Позиціонный уголъ главнаго хвоста вблизи головы для соотвѣтственнаго момента можно принять въ 36° . Въ такомъ случаѣ позиціонный уголъ аномальнаго хвоста будетъ равенъ приблизительно 234° .

Разстояніе отъ ядра конечной точки аномальнаго хвоста, по оцѣнкѣ на фотографіи, составляетъ $0^{\circ}8'$.

Такимъ образомъ видимыя кометоцентрическія координаты конца аномальнаго хвоста будутъ:

$$s = 0^{\circ}8', \quad p = 234^{\circ}$$

Моментъ наблюденія для янв. 29-го — $6^{\text{h}}30^{\text{m}}$ ср. Парижскаго врем.

Наблюденія М. Wolf'a относятся къ янв. 31-го $6^{\text{h}}23^{\text{m}}3$ ср. Кёнигшт. вр. и даютъ

$$s = 0^{\circ}13' \quad p = 215^{\circ}$$

По наблюденіямъ на обсерваторіи Ловелла

										s	p
Янв. 26	$6^{\text{h}}59^{\text{m}}5$	$M. M. T.$	$= 13^{\text{h}}59^{\text{m}}5$	ср. Гринв. вр.						$0^{\circ}10'$	245°
27 7	7.8	" "	" = 14	7.8	"	"	"	"	"	10	244
28 7	8.6	" "	" = 14	8.6	"	"	"	"	"	10	241
29 7	1.5	" "	" = 14	1.5	"	"	"	"	"	10	241
30 6	57.5	" "	" = 13	57.5	"	"	"	"	"	10	239

Какъ среднее арифметическое изъ всѣхъ этихъ наблюденій мы получимъ:

$$\text{Янв. 29.1 ср. Берлин. вр. } s = 0^{\circ}10', \quad p = 237^{\circ}.$$

Для янв. 29.1 ср. Берл. вр. имѣютъ значенія:

Бесселевы величины

$$S = 109^{\circ}54', \quad P = 138^{\circ}5'$$

Координаты солнца

$$\alpha_{\odot} = 20^{\text{h}}44^{\text{m}}50^{\text{s}}, \quad \delta_{\odot} = -18^{\circ}4'$$

Координаты ядра кометы

$$v_{\zeta} = 117^{\circ}27', \quad r_{\zeta} = 0.4796, \quad q_{\zeta} = 1.2263$$

$$\alpha_{\zeta} = 21^{\text{h}}29^{\text{m}}48^{\text{s}}, \quad \delta_{\zeta} = +0^{\circ}38'$$

Съ этими величинами по формуламъ, приведеннымъ на стр. 13—15, находимъ прямоугольныя кометоцентрическія координаты конца аномальнаго хвоста, считая его лежащимъ въ плоскости кометной орбиты:

$$\xi = -0.0015, \quad \eta = -0.0036.$$

По предположенію Θ . А. Бредихина аномальные хвосты состоятъ изъ сравнительно большихъ частицъ, для которыхъ вліяніе отталкивательной силы не чувствуется, такъ что онѣ движутся около солнца подѣйствіемъ обыкновеннаго притяженія по закону всемірнаго тяготѣнія. Но орбиты ихъ нѣсколько отличаются отъ орбиты кометнаго ядра, потому что при отдѣленіи отъ ядра онѣ получаютъ нѣкоторый толчекъ, извѣстную скорость. Весьма вѣроятно, что эти тяжелыя частицы отдѣляются отъ ядра во время наиболѣе сильныхъ изверженій.

Пусть начальная скорость частицы при изверженіи изъ ядра — j , уголъ ея съ радіусомъ-векторомъ — J , разстояніе ядра отъ солнца — r_1 , скорость ядра — $H = \sqrt{\frac{2}{r_1}}$, тогда скорость частицы въ ея орбитѣ опредѣлится изъ соотношенія:

$$H_1^2 = H^2 + j^2 - 2Hj \cos(\beta - J) *$$

уголъ этой скорости H_1 съ продолженнымъ радіусомъ-векторомъ

$$\beta_1 = \beta + \gamma, \text{ при чемъ } \sin \gamma = \frac{j}{H_1} \sin(\beta - J)$$

Начальное разстояніе частицы отъ солнца равно разстоянію отъ солнца ядра r_1 . Въ такомъ случаѣ параметръ орбиты частицы

$$P = H_1^2 r_1^2 \sin^2 \beta_1 = m_0 r_1 \sin^2 \beta_1,$$

эксцентриситетъ

$$E = \sqrt{m_0 (m_0 - 2) \sin^2 \beta_1 + 1},$$

большая полуось

$$A = \frac{r_1}{2 - m_0}.$$

Истинная аномалія V_1 въ моментъ истеченія M_1 можетъ быть получена по формулѣ:

$$\cos V_1 = \frac{1}{E} (m_0 \sin^2 \beta_1 - 1)$$

и моментъ прохожденія частицы черезъ перигелій по соотношеніямъ:

*) Jaegermann, стр. 459—463.

$$\operatorname{tg} \frac{1}{2} U_1 = \sqrt{\frac{1-E}{1+E}} \cdot \operatorname{tg} \frac{1}{2} V_1$$

$$t_1 = \frac{A^{3/2}}{k} [U_1 - E \sin U_1], \quad M_\pi = M_1 - t_1$$

причемъ t_1 имѣетъ тотъ же знакъ, какъ и V_1 ; k выражено въ секундахъ, т. е. $k = 3548''.187$, $\lg k = 3.5500066$.

Далѣе для момента наблюденія M значенія радіуса-вектора частицы — R и ея истинной аномаліи — V найдемъ по формуламъ:

$$t = M - M_\pi$$

$$U - E \sin U = \frac{kt}{A^{3/2}}$$

$$\operatorname{tg} \frac{1}{2} V = \sqrt{\frac{1+E}{1-E}} \operatorname{tg} \frac{1}{2} U$$

$$R = \frac{P}{1 + E \cos V}$$

и прямоугольныя кометоцентрическія координаты частицы въ плоскости кометной орбиты по формуламъ:

$$\omega = v_1 - V_1 + V$$

$$\xi = R \cos (v - \omega) - r$$

$$\eta = R \sin (v - \omega)$$

Въ нашемъ случаѣ — кометы 1910 I наиболѣе вѣроятнымъ моментомъ истеченія частицъ, образовавшихъ аномальныя

хвостъ, можно считать янв. 18.685 ср. Берлин. вр., когда, по-видимому, имѣло мѣсто большое изверженіе образовавшее наибольшую поперечную полосу въ хвостѣ кометы, которая была видима, не только на фотографическихъ снимкахъ, но также и невооруженнымъ глазомъ, ясно выдѣляясь, на большомъ протяженіи, какъ отдѣльная западная вѣтвь [стр. 32].

Если принять начальную скорость $j = 0.017$ и предположить, что она направлена по радіусу-вектору, т. ч. уголъ $J = 0$, то мы будемъ имѣть:

$$j = 0.017, \quad J = 0.$$

$$M_1 = \text{I. 18.685 ср. Берл. вр.}$$

$$v_1 = 42^{\circ}30', \quad \beta = 90^{\circ} - \frac{v_1}{2} = 68^{\circ}45'$$

$$\lg r_1 = 9.17273$$

$$\lg H = 0.56415$$

$$\lg H_1 = 0.56342$$

$$\gamma = 0^{\circ}14'53''$$

$$\beta_1 = 68 \ 59 \ 53$$

$$\lg P = 9.41254$$

$$\lg E = 9.99740$$

$$\lg A = 1.33720$$

$$V_1 = 42^{\circ}8'5''$$

$$M_{\pi} = \text{I. 17.131}$$

и для момента наблюденія — $M =$ янв. 29.1 ср. Берл. вр.

$$\lg A = 1.07809$$

$$V = 117^{\circ}28'52''$$

$$\omega = 117\ 50\ 47$$

$$\lg R = 9.67911$$

$$\xi = -0.0019$$

$$\eta = -0.0033$$

Эти значенія довольно близко подходят къ тѣмъ, которыя получаются для конца аномальнаго хвоста. Въ данномъ случаѣ согласіе такого же рода, какъ въ изслѣдованіи $\Theta.$ А. Бредихина объ аномальномъ хвостѣ кометы 1882 II *) и изслѣдованіяхъ А. А. Бѣлопольскаго объ аномальныхъ хвостахъ кометъ 1844 III и 1862 III **).

Принятое значеніе начальной скорости $j = 0.017$ соотвѣтствуетъ 510 метрамъ, т. е. круглымъ числомъ $\frac{1}{2}$ километра въ секунду.

Результатъ такого изслѣдованія долженъ считаться впрочемъ только, какъ приближенный, лишь характеризующій условія, при которыхъ могли истекать изъ ядра частицы, образующія аномальный хвостъ. Болѣе точное рѣшеніе вопроса трудно, потому что аномальный хвостъ былъ очень короткій и недостаточно рѣзокъ.

*) Ann. de l'obs. de Moscou. Vol. IX, livr. 2. 1883, p. 72, 77 [Jaegermann, p. 464].

**) Ann. de l'obs. de Moscou. Deuxième Série. Vol. I, livr. 1. 1886. p. 64—69. Jaegermann, p. 463].

Голова кометы 1910 I.

Въ головѣ кометы 1910 I истеченій изъ ядра непосредственно не наблюдалось, но измѣренія оболочки даютъ основаніе для сужденія о начальной скорости истеченій и направленіи ихъ.

Въ предположеніи, что начальная скорость истеченія g постоянна для всѣхъ угловъ G , мы имѣемъ соотношенія:

$$\xi_0 = \varepsilon = \frac{g^2 r^2}{2(1-\mu)}$$

$$\frac{\eta_0}{2\varepsilon} = \sin 2G^*)$$

которыя позволяютъ опредѣлить g и предѣльные значенія G .

Здѣсь ε — разстояніе вершины оболочки отъ центра ядра.

η_0 — разстояніе оболочки отъ центра ядра въ перпендикулярномъ направленіи къ оси.

r — разстояніе ядра отъ солнца.

$1 - \mu$ — отталкивательная сила.

Я использовалъ наблюденія г.г. Ebell'я и Graff'a, произведенныя 22-го января:

Наблюденія астронома М. Ebell'я на Кильской обсерваторіи янв. 22-го въ 5^h5^m средн. Кильскаго времени [Astr. Nachr. B. 188, S. 299].

„Vom Kern geht eine parabolisch begrenzte Haube aus. Scheitel in Richtung nach der Sonne; vom Kern bis Scheitel der Haube 25'', Sehne durch Kern senkrecht dazu 40'' geschätzt“.

*) Jaegermann, стр. 185 и 187.

Наблюдения астронома К. Graff'a на Гамбургской обсерватории въ Bergedorf янв. 22-го въ 4^h22^m ср. Гринвич. вр. [Mitteilungen der Hamburger Sternwarte № 12 S. 61 und Tafel 4].

„Die sehr gleichmässigen Ausströmungen bilden eine intensiv gelbe fast rötliche Haube, deren Durchmesser [Scheitelabstand der hellen äusseren und der inneren dunklen Begrenzung] sich um 4^h22^m M. Z. Gr. aus drei Messungen zu 17'' ergibt“.

Средній моментъ этихъ двухъ наблюдений $M = I. 22.229$ ср. Берл. вр.

Для этого момента разстояние кометы отъ земли $\varrho = 0.9640$

„ „ „ „ „ „ солнца $r = 0.2589$

По измѣренію Ebell'я	ε 25''	η_0 20''
„ „ Graff'a	17	17
Среднее	21''0	18''5

Такимъ образомъ

$$lg \varrho = 9.9841$$

$$lg \sin \varepsilon'' = 6.0078$$

$$lg \eta_0 = 5.9919$$

Такъ какъ среднее значеніе силъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ образовался главный хвостъ, равняется единицѣ, ($1 - \mu = 1$) то $g = 0.0541$ или въ километрахъ въ секунду $g = 1.61$ клм.

Далѣе

$$lg \sin 2G = lg \frac{\eta_0}{2\varepsilon} = 9.6440$$

$$2G = 26^{\circ}8'$$

$$G = \pm 13^{\circ}4'$$

т. е. голова кометы 1910 I состояла изъ частицъ, отдѣляв-

шихся отъ ядра съ начальной скоростью 1.6 километра въ секунду, въ направлѣніяхъ, которыя заключались въ предѣлахъ 13° по ту и другую сторону отъ радіуса-вектора.

Найденное значеніе g находится въ томъ же соотношеніи съ значеніемъ отталкивательной силы, какое установлено Θ . А. Бредихинымъ*).

*) Jaegermann, стр. 392.

Заключение.

Наблюдения, которые могли быть положены въ основу изслѣдованія, не отличаются большею точностью. Вслѣдствіе этого они и не могли быть обработаны со всей полнотой и строгостью. Такъ, на примѣръ; не была усчитана толщина хвоста, и всѣ взятыя по наблюдениямъ точки хвоста принимались находящимися въ плоскости кометной орбиты. Точно также при вычисленіи формы хвоста кометы и расположенія синхронъ не было сдѣлано никакихъ предположеній относительно начальной скорости частицъ и направленія истеченій, т. е. во всѣхъ этихъ случаяхъ предполагалось $g = 0$ и $G = 0$.

Поправки, которые должны были бы быть при этомъ введены, оказываются слишкомъ малыми сравнительно съ уклоненіями, происходящими отъ ошибокъ наблюденія. Онѣ не могутъ измѣнить общей картины и главнѣйшихъ результатовъ, выясняющихся изъ всей совокупности наблюденій. А цѣль изслѣдованія и заключалась въ установленіи общихъ положеній. Было интересно выяснить, можетъ ли строеніе большой яркой кометы 1910 I быть объяснено согласно механической теоріи Бесселя-Бредихина въ своихъ главнѣйшихъ существенныхъ особенностяхъ.

Оказалось, что дѣйствительно эта теорія даетъ разъясненіе всѣмъ наиболѣе опредѣленнымъ изъ наблюдавшихся въ кометѣ явленіямъ, именно.

Сильное искривленіе главнаго хвоста является слѣдствіемъ того, что онъ въ своихъ отдаленныхъ отъ головы частяхъ состоялъ изъ частицъ, вышедшихъ изъ ядра до прохожденія его черезъ перигелій, между тѣмъ какъ комета наблюдалась послѣ прохожденія черезъ перигелій.

Главный хвостъ принадлежитъ къ второму Бредихинскому типу.

Частицы, образовавшія его, двигались подъ дѣйствіемъ отталкивательныхъ силъ въ предѣлахъ: $1 - \mu = 1.5$ и $1 - \mu = 0.5$.

Истечение частицъ изъ ядра происходило неравномѣрно, а по временамъ усиливалось, происходили какъ бы взрывы, вслѣдствіе чего хвостъ кометы представлялъ изъ себя рядъ поперечныхъ полосъ съ болѣе слабыми по интенсивности промежутками.

Наибольшее изверженіе, образовавшее наиболѣе длинную полосу, которая выдѣлялась, какъ отдѣльная вѣтвь хвоста, и была отмѣчена даже наблюденіями невооруженнымъ глазомъ, произошло янв. 18 около 13 часовъ ср. Берл. вр.

Прямой, короткій, сильно отклоненный къ югу, хвостъ принадлежитъ къ третьему Бредихинскому типу. Но это не былъ сплошной хвостъ, состоящій изъ частицъ, вышедшихъ изъ ядра въ теченіе большого промежутка времени, а лишь только поперечная полоса заключающая частицы, вышедшія изъ ядра янв. 15-го около 20 час. ср. Берл. вр. и движущіяся подъ дѣйствіемъ отталкивательныхъ силъ въ предѣлахъ: $1 - \mu = 0.15$ и $1 - \mu = 0.05$.

Прямой узкій, отклоненный къ сѣверу отъ главнаго хвоста лучъ является, повидимому, хвостомъ третьяго Бредихинскаго типа. Частицы, его образовавшія, находились подъ дѣйствіемъ отталкивательной силы $1 - \mu = 36$.

Аномальный хвостъ могъ состоять изъ тяжелыхъ частицъ, вышедшихъ изъ ядра въ моментъ наиболѣе сильнаго изверженія 18-го января съ начальной скоростью около $1/2$ клм. по направленію радіуса-вектора въ сторону солнца.

Размѣры головы кометы указываютъ, что истечения частицъ, образовавшихъ главный хвостъ, происходили съ начальной скоростью, не превосходящей 1,6 клм. въ сек. подъ угломъ $\pm 13^\circ$ къ радіусу-вектору въ направленіи къ солнцу.

Всѣ эти результаты являются вполне опредѣленными въ своей сущности. Частичныя поправки, какъ небольшія измѣненія въ числахъ, были бы возможны при другихъ данныхъ наблюденія, но главные положенія остались бы по существу тѣ же.

Комета 1910 I даетъ намъ такимъ образомъ новое надежное подтвержденіе справедливости механической теоріи кометныхъ формъ, развитой главнымъ образомъ трудами Бесселя и Θ . А. Бредихина.

Она является одной изъ наиболѣе пригодныхъ для опредѣленной иллюстраціи главнѣйшихъ положеній этой теоріи. И для дальнѣйшихъ изслѣдованій можно особенно рекомендовать кометы, подобныя по своимъ особенностямъ кометѣ 1910 I, т. е. такія, которыя будутъ наблюдаться вскорѣ послѣ прохожденія черезъ перигелій и разовьютъ большой, значительно изогнутый хвостъ.

Юрьевъ Лифл. 1914.

рією, познакоимся съ нею въ его изложеніи, имѣющемъ, къ тому же, свои характерныя особенности. Но такъ какъ первоначальнымъ поводомъ изложить свое мнѣніе для Савиньи послужила его полемика съ Бурхарди, ужъ отмѣченная нами (ср. выше, стр. 302), то мы съ этой полемики здѣсь и начнемъ.

837 г.

Посвятивъ особую статью вопросу о *possessio civilis*, Бурхарди долженъ былъ коснуться и положенія *uxor res a marito donatas civiliter non possidet*. Это положеніе онъ (стр. 36 слл.) считаетъ возможнымъ объяснить такъ же, какъ и другое, столь же общепринятое, но и столь же сомнительное, — *filiusfamilias civiliter non possidet*. Сначала, полагаютъ онъ, послѣднее правило было безусловно вѣрно, а потомъ, съ ослабленіемъ родительской власти, повторялось въ старой формѣ, не взирая на перемѣну условій. То же можно сказать и относительно владѣнія одареннаго супруга.

Мнѣніе
Бурхарди.

Недѣйствительность дареній между супругами шла отъ древней *conventio in manum*, когда и не могло быть иначе, такъ какъ у жены ничего не было, что она могла бы подарить мужу, а если мужъ дарилъ что либо женѣ, то всетаки оставался собственникомъ, ибо ему принадлежало все, что приобретала жена, — да притомъ послѣдняя, какъ *persona alieni iuris*, цивильно не могла даже и считаться владѣлицею. Такимъ образомъ, въ природѣ вещей было то, что ей доставалось только *possessio naturalis*, лишенное юридическихъ послѣдствій, и она *res donatas civiliter non possidebat*.

Manus mariti и владѣніе жены подаренною вещью.

Когда же позднѣе недѣйствительность супружескихъ дареній, какъ положительный запретъ, распространилась и на вольные браки, то старое правило всетаки осталось, даже получило такой широкій смыслъ, что охватило и случаи владѣнія мужа подаренными ему женою вещами (Dig. 41, 2, 1, 4; 41, 2, 16; 41, 6, 1, 2; 24, 1, 26 пр.; 24, 1, 46), отчего можетъ быть и отвергнута была узуканія вещей, подаренныхъ между супругами (такъ, по крайней мѣрѣ, намекаетъ Dig. 41, 6, 1, 2: при подручномъ бракѣ, разумѣется, не могло и возникнуть вопроса объ *usucapio*), хотя для этого

Запретъ дареній и владѣніе супруговъ подаренными вещами.

она слишкомъ тонка и второстепенна, чтобы могла разъединить Гофманна съ Бринцемъ. Впрочемъ,

окончательное выясненіе слабостей Савиньи мы можемъ дать только по поводу возрѣній Гофманна.

было и болѣе вѣское основаніе, а именно: требующаяся для узупапіи bona fides могла бы здѣсь имѣться только при ошибочной мысли, будто дареніе дѣйствительно, — но эта мысль, какъ ошибка въ правѣ, не могла обосновать bona fides, ведущей къ узупапіи (Dig. 22, 6, 4; 41, 3, 31, pr.; 41, 4, 2, 15—16; Cod. 7, 71, 4). Однако къ вольному браку древнее правило не подходило и сохранялось при немъ, какъ безсмысленный обломокъ старины.

Какъ видите, Бурхарди беретъ (хотя не дѣлая ссылокъ) теорію Бриссона въ постановкѣ Бѳмера и въ томъ опопшленномъ видѣ, какъ она изложена у Глюкка, и отъ нея, какъ общеизвѣстной, выводитъ свою гипотезу.

II. Савиньи.

Возраженія
Савиньи.

Что же возразилъ ему Савиньи? Бурхарди, говорить онъ (169), пробуетъ на новый (sic) ладъ объяснить, какъ возникъ запретъ дареній между супругами, и приложить это новое (sic) ученіе къ possessio civilis. Этотъ запретъ произошелъ, будто бы, отъ древней in manum conventio, при которой жена не обладала имуществомъ и въ частности, какъ persona alieni iuris, не могла имѣть possessio civilis. Однако, тогда запретъ долженъ былъ бы коснуться не однихъ дареній, а всякихъ отчужденій вообще. Да и какъ могли бы здравымъ путемъ дойти до мысли — преобразовать въ запретъ при вольныхъ бракахъ то, что безо всякаго запрета, само собою, какъ чистая невозможность, выходило въ подручныхъ бракахъ, — въ то время какъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ имущественное право въ вольномъ бракѣ вырабатывалось совершенно самостоятельно и въ ясно проведенной противоположности браку подручному?

Отношеніе
Савиньи
къ прежней
литературѣ.

Итакъ, для Савиньи не существуетъ гся прежняя литература до Глюкка включительно и теорію Бриссона онъ добродушно приписываетъ, какъ новинку, — Бурхарди! Куріозно, что онъ и позднѣе высказывается въ томъ же смыслѣ: „недавно (sic) выдвинутое воззрѣніе“ — будто запретъ дареній сложился въ строгомъ бракѣ (IV, 166, прим. а). Во всякомъ случаѣ онъ отрицательно отнесся къ до-гаевской литературѣ въ лицѣ Бурхарди: „консервативнымъ“ этого назвать нельзя; но когда Савиньи черезъ пять лѣтъ кос-

1837 г

1841 г

нулся нашего вопроса отъ своего собственного лица, то примкнулъ по существу именно къ консервативному направлению.

841 г.

Было бѣ ошибочно, говорить онъ (IV, 197, прим. f, и IV, 277, прим. а), безъимянно возражая на радикальную теорію, было бѣ ошибочно принять на основаніи Vat. Fr. § 302, будто запрещеніе супружескихъ дареній возникло позднѣ Цинціева закона. Отдѣльныя изъятія изъ этого запрещенія также не разъясняютъ дѣла, ибо они слишкомъ незначительны, частью и слишкомъ поздно образовались, чтобы привлечь къ себѣ такого рода вниманіе въ очень древнее время. Вѣроятно, данное постановленіе должно было облегчить и поддержать дозволенные между супругами даренія *mortis causa* и *divortii causa*, что, конечно, было бы вполне справедливо¹. Въ подтвержденіе мысли, что въ l. *Cincia* могло имѣться въ виду изъятіе въ пользу *mortis causa donatio*, Савиньи ссылается на положеніе *morte Cincia removetur*, въ которомъ видить прообразъ позднѣйшаго закона объ упрощеніи супружескихъ дареній смертью дарителя раньше одареннаго.

Собственная теорія Савиньи.

Совершенно ясно, что Савиньи ни въ чемъ не отступаетъ отъ своихъ предшественниковъ по существу, хотя въ его изложеніи замѣтно желаніе быть и тутъ оригинальнымъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ни Гассе, ни Унтергольцнеръ, ни Шиллингъ не упускали изъ виду дареній *divortii causa*, такъ что Савиньи напрасно отрещивается отъ этихъ ученыхъ; напротивъ, *mortis causa donationes* Цинціевъ законъ едва ли имѣлъ и могъ имѣть въ виду.

Мнимая обособленность Савиньи.

Но еще труднѣе, чѣмъ обособиться отъ писателей, съ которыми онъ въ существѣ дѣла согласенъ, было бы для Савиньи сочетать въ одно цѣлое свои взгляды. Едва ли ошибемся мы, если скажемъ, что его собственныя историческія представленія по вопросу о дареніяхъ между супругами не были окончательно выработаны. По крайней мѣрѣ то, что онъ говоритъ въ видѣ общей характеристики нашего ученія, очень смутно. Съ одной стороны онъ не согласенъ съ

Несоответственность его воззрѣній.

¹ По поводу этихъ дареній ср. разсужденія Савиньи IV, 171, прим. m и n, и IV, 276. Онъ не считаетъ правильнымъ и возможнымъ

признать ихъ изъятіями изъ общаго правила о недействительности дареній между супругами.

позднимъ происхожденіемъ „запрета“ и даже склоненъ приурочивать его къ „очень древнему“ (см. кромѣ приведеннаго мѣста еще I, 63 — *uralte Nationalansicht* и VIII, 526, — *uraltes Rechtsinstitut*) времени, а съ другой — рѣшительно высказывается противъ естественныхъ выводовъ изъ своего взгляда, рѣзко полемизируя съ Бурхарди и обнаруживъ свое незнаніе прежней литературы. Запретъ дареній между супругами, по его словамъ, утверждается на нравственныхъ воззрѣніяхъ, а не на юридическихъ принципахъ (I, 63): но и тутъ зловѣщимъ признакомъ является то, что всѣ такіа сингулярныя учрежденія, не вытекающія изъ юридическихъ принциповъ, могутъ, по мнѣнію самого Савиньи, быть сведены какъ положительныя нормы къ волѣ опредѣленнаго законодателя, кромѣ только именно нашего запрета¹. Если же судить по его соображеніямъ въ § 15-мъ (I, 56), то можно понять его въ томъ смыслѣ, что онъ признавалъ даренія между супругами противными добрымъ нравамъ, *boni mores*². Видно по всему, что Савиньи не успѣлъ еще выработать положительнаго отвѣта, полагая взяться за него въ послѣднихъ томахъ своей системы. Недаромъ онъ отказывается объяснить, какъ именно вытекаетъ наше ученіе изъ *rationes interdicti*, и обѣщаетъ это сдѣлать въ общей связи съ изложеніемъ семейнаго права (IV, 166). Во всякомъ случаѣ, это не отвѣтъ, а только обѣщаніе отвѣтить. По моему, Л'офманнъ (297, прим. 29 въ концѣ) справедливо сомнѣвался, чтобы Савиньи смогъ удовлетворительно выполнить свое обѣщаніе.

1881 г.

III. Значеніе консервативной теоріи.

Мертвая
точка.

Оцѣнка консервативной теоріи, если взять ее въ чистомъ видѣ, откинувъ оговорки, которыми усложняетъ ее Савиньи (о нихъ мы вскорѣ еще скажемъ), не можетъ со-

¹ Ср. его же слова, что нормы о недействительности дареній между супругами носятъ строго позитивный характеръ, VIII, 335; также IV, 5.

² Ср. опять-таки VIII, 335, гдѣ указано, что ихъ недействительность должна содѣйствовать поддержанію нравственной чистоты брака, а также VIII, 527. Именно

такъ, какъ говорится въ текстѣ, его и понималъ Зейффертъ. Можетъ быть не безъ вліянія Зейфферта сложились и неудачныя воззрѣнія Лотмара, *Der unmoralische Vertrag*, Leipzig 1896, стр. 31—32. Обо всемъ этомъ, впрочемъ, уже сказано въ предшествующей главѣ, стр. 146—148, 150 и 152—153.

1868 г.

1896 г.

ставить большого труда для того, кто знакомъ въ полномъ объемѣ съ прежнею литературою вопроса. По существу эта теорія должна бы была согласовать прежніе взгляды съ новыми открытіями. Выводъ изъ нея, даже на почвѣ неправильнаго пониманія § 302-го, долженъ бы былъ быть одинъ: *Vat. Fr.* § 302 ни въ чемъ не мѣняютъ прежней постановки вопроса; недѣйствительность дареній между супругами — исконное, древнее учрежденіе; однако, древни и изъятія изъ общаго правила, такъ какъ уже въ эпоху Цинціева закона законодателью приходилось съ ними считаться. Но такого вывода послѣдователи консервативной теоріи не сдѣлали, а просто на просто забыли всю работу прежнихъ поколѣній, быть можетъ, полагая, что она вся исчерпана въ тѣхъ пошлостяхъ, изъ которыхъ состоитъ изложеніе Глюкка. Получилась какая-то интерференція стараго съ новымъ, пустое мѣсто: сдѣланное ранѣе — начисто забыто, а новаго ничего не сдѣлано; обѣщанія Савиньи остались обѣщаніями. Немудрено, что такая теорія не могла выдержать никакого соперничества и была вытѣснена радикальною теоріею, нынѣ господствующею. Разсказавъ объ этой побѣдѣ, мы еще разъ вернемся къ консервативной теоріи и разъясимъ ея главную силу, до сихъ поръ отмѣченную вкратцѣ уже Шрадеромъ, но зато только имъ однимъ; покамѣстъ посмотримъ, хорошо ли побѣдившее радикальное ученіе.

§ 15. Радикальная теорія.

І. Франке.

326 г. Мы видѣли, что его родоначальникомъ, но очень робкимъ и нерѣшительнымъ, былъ Шрадеръ, оставшійся на нѣсколько лѣтъ въ полномъ одиночествѣ. Первымъ, кто примкнулъ къ нему, оказался Франке.

335 г. Предположеніе, говоритъ онъ (XVIII, 1 слл.), будто запрещеніе дареній между супругами существовало въ римскомъ правѣ искони, совершенно недоказуемо. Юридически невозможными такіа даренія отнюдь не были, кромѣ случаевъ брака *cum manu*. Вѣрнѣе можемъ мы приписать возникновеніе запрета лишь позднѣйшему времени республики, когда вообще возникли многія нормы, приписываемыя практикѣ, *veteri iurisprudentiæ, moribus*.

Цинціевъ
законъ.

Въ данномъ случаѣ даже есть прямое доказательство. Именно, l. Cincia (550 отъ о. г.), вводя, какъ извѣстно, право дареній въ болѣе тѣсныя рамки, причисляетъ и супруговъ къ лицамъ, остающимся свободными отъ юридическихъ ограниченій (Vat. Fr. § 302). При такомъ сопоставленіи супруговъ съ другими лицами, между которыми даренія дозволены, нѣтъ, кажется, возможности считать уже для того времени общимъ правиломъ недѣйствительность дареній между супругами. Правда, этого старались достигнуть тѣмъ, что относили изъятіе закономъ къ тѣмъ немногимъ исключеніямъ, когда даренія между супругами считались дѣйствительными по позднѣйшему праву; однако, эти исключенія были отчасти введены лишь конституціями императоровъ или позднѣйшими юристами. Недѣйствительность дареній тѣмъ менѣе можетъ быть принята для эпохи изданія Цинціева закона, что, по самому тексту послѣдняго, понятіе *excerptae personae*, а въ ихъ числѣ, стало быть, и супруговъ, опредѣлено тѣмъ, что *iis omnibus inter se donare capere liceto*.

Перемѣна
правовъ.

Непосредственно вслѣдъ затѣмъ Франке развиваетъ свою мысль о перемѣнѣ нравовъ, какъ бытовой причинѣ, вызвавшей недѣйствительность дареній между супругами. Эта часть его воззрѣній полностью изложена нами въ предшествующей главѣ (стр. 148—149).

II. Брунсъ.

Совпаденіе
съ Франке.

Мы сейчасъ приступимъ къ разбору ученія Франке, но сначала укажемъ, что независимо отъ него, примыкая непосредственно къ Шрадеру, однородную мысль высказалъ Брунсъ въ своей первой, еще студенческой, литературной работѣ. Правда, книга Брунса была издана позже статьи Франке, но написана одновременно съ ея появленіемъ въ Архивѣ, причемъ даже въ позднѣйшей обработкѣ мы ссылокъ на Франке въ ней не встрѣчаемъ, да и въ самомъ изложеніи не замѣтно ни заимствованія, ни даже вліянія; наконецъ, инныя частности несомнѣнно свидѣтельствуютъ о полной самобытности Брунса.

Старшинство
Цинц-

То, что мужъ и жена изъяты изъ ограниченій Цинціева закона, говорить онъ (116), должно казаться удивительнымъ

329 г. тѣмъ, кто полагаетъ, будто Шиллингъ¹ доказалъ, что уже цѣва за- тогда были запрещены даренія между супругами. Но такъ какъ это мнѣніе и съ другой точки зрѣнія весьма сомнительно, то конечно § 302 подкрѣпляетъ мысль, что такое постановленіе сложилось только послѣ развращенія римскихъ нравовъ. Недѣйствительность этихъ дареній, замѣчаетъ Брунсъ нѣсколько далѣе (141), не была выведена изъ началъ цивильнаго права, но была принята *propter utilitatem*.

III. Оцѣнка и критика радикальной теоріи.

Таковы мнѣнія Франке и Брунса. Мы остановимся здѣсь только на первомъ, какъ на обоснованномъ и подробнѣй изложенномъ, тѣмъ болѣе, что по существу возраженія противъ нихъ одинаковы. Но сперва признаемъ, что радикальная теорія несравненно послѣдовательнѣй и убѣдительнѣе, чѣмъ консервативная, если глядѣть съ общей обѣимъ точки зрѣнія, т. е. понимать *Vat. Fr.* § 302 въ смыслѣ свѣдѣтельства о подлинномъ текстѣ Цинціева закона. Радикальная теорія — продумана и цѣльна, независимо отъ ея правильности или неправильности. Засимъ, радикальная теорія не требуетъ пересмотра старинной литературы и не обѣщаетъ рѣшенія въ будущемъ, а даетъ его сейчасъ, въ видѣ положительнаго утвержденія. Наконецъ, радикальная теорія по существу нова, сравнительно съ прежними воззрѣніями.

Общая
Оцѣнка.

Всѣмъ этимъ объясняется, что она постепенно, несмотря на громкій авторитетъ приверженцевъ консервативной теоріи, привлекла къ себѣ вниманіе и сочувствіе, сперва немногихъ, потомъ многихъ и, наконецъ, большинства. Правда, уже въ 1840 году ее, хотя не дѣлая ссылокъ на Франке или Брунса, повторилъ Либе (127 прим. 1); но все же можно сказать, что первые успѣхи достались ей на долю во Франціи: сперва ее принялъ Пелла (358), отъ Пелла ее заимствовалъ Машеларъ (236), а за ними она перешла въ качествѣ непререкаемой догмы во всѣ монографіи, учебники и курсы, такъ что во Франціи вотъ уже полвѣка господствуетъ, можно сказать, безраздѣльно. Изъ французской же литературы она

Судьба ра-
дикальной
теоріи.

¹ Онъ имѣетъ въ виду цитированныя уже выше *Bemerkungen* Шиллинга (I, 181—183). Брунсъ не

знаетъ, что Шиллингъ только пересказываетъ мысль Гассе, о чемъ также упомянуто выше.

340 г.

353 г.

356 г.

перешла и въ итальянскую, гдѣ донинѣ пользуется безусловнымъ успѣхомъ. Послѣ всѣхъ ее приняла нѣмцы: прежде другихъ Кунтце и Бехманъ, за ними Дербургъ и Чиларжъ, затѣмъ Кейссеръ, Гофманъ, и наконецъ въ настоящее время кажется всѣ, касающіеся вопроса объ отношеніи Цинціева закона къ исторіи дареній между супругами, расходясь, конечно, въ частностяхъ и отгѣнкахъ, но соглашаясь по существу¹.

Критика.

При всемъ томъ, теорію Франке никакъ нельзя признать удовлетворительною.

Неправильное
пониманіе
Wat. Fr.
§ 302.

Во-первыхъ, она вся держится только тѣмъ заблужденіемъ, которое нами разоблачено выше, — неправильнымъ пониманіемъ Wat. Fr. § 302. Вѣдь если Цинціевъ законъ не упоминалъ мужа и жену, то у насъ пропадаетъ всякая возможность утверждать, будто недѣйствительность супружескихъ дареній была провозглашена позже его изданія, и мы, даже безъ посредства консервативной теоріи, должны вернуться къ Бёмеру. Съ другой стороны, какъ правильно указалъ Алибранди, если Цинціевъ законъ можетъ служить доказательствомъ, что въ VI-мъ вѣкѣ города даренія были дѣйствительны, то мы на основаніи *lex Julia repetundarum* (см. ниже теорію Алибранди) должны то же признать и для VII-го вѣка города. Или даренія были недѣйствительны еще въ эпоху Цинціева закона, или они были дѣйствительны и въ эпоху самовласти Цезаря: радикальной теоріи надо принять или то, или другое.

Анахронизмъ и
возраженіе
Менза.

Во-вторыхъ, радикальная теорія совершенно не годится въ силу того возраженія, которое было выдвинуто противъ нея Мензомъ. Принимая, что *lex Cincia* касалась супруговъ, Мензъ склоняется, хотя нерѣшительно, въ пользу консервативной теоріи. Радикальная, думаетъ онъ, безсильна помочь затрудненію, ибо даренія между супругами во всякомъ случаѣ были недѣйствительны въ эпоху составленія Ватиканскихъ отрывковъ (2, 397, прим. 26). И дѣйствительно, это лаконическое замѣчаніе чрезвычайно вѣско, такъ что большимъ ущербомъ для науки надо считать, что оно до

¹ Въ русской литературѣ Гуляевъ, косвенно затронувшій наше ученіе, высказывается настолько кратко, что его нельзя причислить

ни къ поборникамъ консервативной, ни къ поборникамъ радикальной теоріи.

1867 г
1868 г
1878 г
1881 г

1892 г

1845 г

1891 г

сихъ поръ осталось никѣмъ не замѣченнымъ. Было ли упоминаніе супруговъ недосмотромъ составителя Ватиканскихъ отрывковъ, включившаго въ ихъ текстъ отмѣненное право? Но тогда въ томъ же недосмотрѣ приходится обвинить и Павла: еслибъ онъ оговорилъ, что постановленіе о супругахъ ужъ отмѣнено, то составитель Ватиканскихъ отрывковъ не могъ бы ихъ не вычеркнуть; а разъ онъ ихъ не вычеркнулъ, значить у Павла не было никакой оговорки. Кто же, однако, можетъ повѣрить такому вопіющему недосмотру со стороны Павла?

Наконецъ, въ-третьихъ, независимо отъ этой преюдициальной неудовлетворительности, радикальная теорія страдаетъ тѣми же слабостями, которыя нами обнаружены въ теоріи Бёмера (см. выше, стр. 285 слл.), даже въ гораздо большей, сравнительно съ нею, степени. Ссылка на *mores* еще менѣе понятна и убѣдительна для поздней республиканской эпохи, чѣмъ для болѣе ранней. По прежнему непонятно, какъ могли юристы (*propter utilitatem* Брунса; но и Франке не могъ бы обойтись безъ юристовъ) безъ основанія въ законѣ провести такое стѣснительное для гражданской свободы воззрѣніе ¹ и какъ, безо всякаго писанаго закона, могли быть объявлены недѣйствительными сдѣлки, не только не содержащія въ себѣ по своей природѣ ничего предосудительнаго, но даже какъ нельзя болѣе похвальные и естественные. О злоупотребленіяхъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ даренія были недѣйствительны независимо отъ корыстныхъ видовъ или безкорыстія и такъ какъ, напр., даренія *mortis causa*, *divortii causa* и т. д. были дѣйствительны, хотя бы служили самымъ хищническимъ и безнравственнымъ цѣлямъ; а вѣдь еще Солоново законодательство должно было считаться съ однородными злоупотребленіями именно на почвѣ предсмертныхъ распоряженій. Вѣдь это была не мелочь, не тонкость, которую можно было соблюдать *iuris rigore* или не соблюдать *propter utilitatem*; а наряду съ этимъ несомнѣнно правы были императоры, провозглашая, что *heredem eripere forsitan adversus voluntatem supremam eius, qui donaverit, durum et avarum est*. Пусть поборники ради-

Недостаточность
ссылки на
mores.

¹ Эту стѣснительность „запрета“ для гражданской свободы выпукло очертилъ еще Савиньи VIII, 335—

336. Ср. также Губера съ его „*inter inexpectata iuris civilis*“, выше стр. 67.

кальной теоріи укажутъ намъ примѣръ ограниченія гражданской свободы въ Римѣ *motibus*, или пусть попробуютъ доказать, что недѣйствительность дареній между супругами не посягала на гражданскую свободу: иначе пусть не притязаютъ на признаніе за ихъ воззрѣніемъ научнаго значенія.

Заключеніе.

Однимъ словомъ, радикальная теорія ни на шагъ не подвигаетъ насъ впередъ, сравнительно съ Бёмеромъ, по части историческаго пониманія недѣйствительности, а только перемѣщаетъ хронологически, и притомъ невѣрно, ея возникновеніе изъ древнѣйшей эпохи въ очень, сравнительно, позднюю.

IV. Судьба радикальной теоріи.

Успѣхъ и преобладаніе радикальной теоріи.

До 60-хъ годовъ радикальная теорія въ Германіи не имѣла сторонниковъ кромѣ Либе. Отчасти ея заброшенность объясняется вообще заброшенностью въ ту пору семейнаго римскаго права въ наукѣ¹. Кромѣ работы Гассе объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ и Вехтера о разводѣ въ 20-хъ годахъ и антикварной, а не юридической, книги Россбаха въ 50-хъ, что можно признать за это время заслуживающимъ вниманія? Поворотная точка въ данномъ отношеніи падаетъ на изслѣдованіе Дернбурга о компенсаціи. Съ него начинается цѣлый рядъ работъ по дотальному праву, — Фойгта, Бехмана, Шёйрля, Чиларжа и друг. Отъ него же приходится выводить, хоть и косвенно, поздній успѣхъ радикальной теоріи и образованіе на почвѣ послѣдней нѣсколькихъ ученыхъ разногласій. Все это вынуждаетъ съ особеннымъ тщаніемъ отнестись къ воззрѣнію Дернбурга и выяснить должное къ нему отношеніе хотя бы по существу.

1840

1824

V. Кунтце.

Кунтце.

Впрочемъ, ранѣе Дернбурга мы должны отмѣтить воззрѣніе Кунтце, самостоятельно примкнувшаго къ радикальной теоріи Франке. Хронологическій порядокъ мы этимъ рѣзко нарушимъ; но внутренняя связь идей цѣннѣе внѣшнихъ признаковъ. Кунтце стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ

1867

¹ Ср. кромѣ того правильныя разсужденія Франке о причинахъ слабой разработки римскаго семейнаго

права въ нѣмецкой наукѣ: Archiv 26, 64 слл.

Дернбурга. Онъ цѣликомъ повторяетъ основныя положенія Франке и только прибавляетъ къ нимъ лаконическую оговорку, что въ недѣйствительности супружескихъ дареній мы имѣемъ передъ собою порожденіе того, что онъ называетъ *mos civitatis* (534). Иными словами, онъ полагаетъ, что его объясненіе римскаго понятія *mores* примѣнимо и къ данному случаю, — и, такимъ образомъ, восполняетъ пробѣлъ, отмѣченный нами у Франке, который, какъ мы сказали, безъ *auctoritas prudentium* не могъ бы обойтись. Посмотримъ, удовлетворительно ли это восполненіе.

Кунтце различаетъ *mores* и *auctoritas prudentium* (508, 509 и *passim*), хотя не *expressim*, а въ видѣ подразумѣваемой предпосылки, напр., когда говоритъ, что *auctoritas veterum* могла превратиться въ обычное право; съ другой стороны въ этой *auctoritas* онъ видитъ чуть ли не главный элементъ обычнаго права. Римляне приравнивали *mos publicus* къ *tacita civium conventio*. Чѣмъ они въ этомъ руководились? Конечно, не отвлеченною теоріей, а, какъ и всегда въ такихъ общихъ положеніяхъ, сознательными или несознательными воспоминаніями о дѣйствительныхъ историческихъ событіяхъ. Какія же историческія данныя могли они имѣть въ виду въ данномъ случаѣ? Отвѣтъ мы находимъ у Цицерона, когда онъ ставитъ рядомъ *lex* и *mos*. Это были *bonorum virorum arbitria*, изреченія опытныхъ отцовъ семейства, дѣловитыхъ домохозяевъ, извѣстныхъ дѣльцовъ, осмотрительныхъ капиталистовъ, коммерческихъ людей изъ всѣхъ отраслей оборота, которыя всѣ привыкли замѣчать и принимать во вниманіе. *Boni viri* были *in iudicio* свободными представителями правилъ солиднаго оборота, въ которыхъ отражается *naturalis ratio*. *Bonus vir* и *bonus iudex* стали техническими выраженіями; они играли большую роль въ римскомъ оборотѣ.

Такова мысль Кунтце въ чистомъ видѣ. Въ ней, конечно, весьма много вѣрнаго и цѣннаго; между прочимъ, она близко совпадаетъ съ тѣми воззрѣніями, на почвѣ которыхъ раньше его В. И. Сергѣевичъ велъ свою полемику противъ теорій исторической школы объ обычномъ правѣ, а еще раньше неизвѣстный ни Кунтце, ни Сергѣевичу Зейхемъ, — см. выше стр. 235 сл.. Но для пониманія римскихъ источниковъ она не пригодна, какъ и всякая теорія, вно-

Mores и
недѣйстви-
тельность.

Критика
взглядовъ
Кунтце.

сящая въ общее понятіе *mos* какіе нибудь положительные признаки. *Mos* у римскихъ юристовъ достовѣрно значить только *sine lege scripta*. Чтобы выяснитъ его положительную природу, необходимъ цѣлый рядъ частныхъ изысканій о всѣхъ учрежденіяхъ, которыя такъ или иначе выводились у римлянъ изъ *more*s. Однимъ изъ такихъ изслѣдованій является, между прочимъ, и настоящая работа. Пока они всѣ не сдѣланы, всякая положительная характеристика понятія *mos* была бы преждевременна. А засимъ, примѣнительно къ нашему предмету, теорія Кунтце совершенно непригодна. Всѣ перечисленные имъ почтенныя личности безсильно были бы лишитъ юридической силы сдѣлки, не запрещенныя закономъ, а тѣмъ болѣе стѣснить гражданскую свободу лица въ самой интимной части дѣлового оборота, провозгласивъ ничтожными даренія между супругами. Тутъ авторитетная личная инициатива не поможетъ. Какъ бы авторитетно ни нарушались сдѣлки, онѣ не могутъ лишиться своей законной силы. А правомочія судьи никогда не были свободны отъ авторитета законовъ, обычаевъ, эдикта и т. д. „Всемогущество“ римскаго судьи относительно этихъ силъ выдуманно въ концѣ XIX-го столѣтія и является едва ли не самую слабою выдумкой этого вѣка.

§ 16. Дербургъ.

I. Дотальный искъ, ретенціи и даренія между супругами.

Ученіе Дербурга. Къ сожалѣнію, съ этимъ мнимымъ всемогуществомъ мы встрѣчаемся ужъ у Дербурга въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя теперь подлежатъ нашему разсмотрѣнію.

Древнее дотальное право. Говоря о компенсаціи, Дербургъ не могъ обойти дотальныхъ исковъ и оставить безъ разсмотрѣнія вопросъ о ретенціяхъ. А эта необходимость повлекла для него за собою другую — высказать общій взглядъ на дотальные иски (96—97)¹. По существу дѣла его мысль, нынѣ принятая большинствомъ ученыхъ, сводится къ слѣдующему. Перво-

¹ Излагая теоріи Дербурга, слѣдую второму изданію его Компенсаціи. Различать оттѣнки двухъ изданій по такому побочному для насъ предмету было бы ненуж-

нымъ педантизмомъ. Гдѣ встрѣчается надобность, я особо оговариваю нужныя различія. Цифры безъ оговорокъ указываютъ страницы 2-го изданія.

начально, говоритъ онъ, дотальное имущество поступало окончательно и безвозвратно въ собственность мужа, былъ ли бракъ подручнымъ или вольнымъ; различіе сводилось къ тому, что въ подручномъ бракѣ все безусловно имущество жены становилось собственностью мужа, но зато она наслѣдовала ему по закону на правахъ дочери, а въ бракѣ вольномъ въ собственность мужа поступало только специально указанное приданое и жена не получала права наслѣдованія мужу по закону (97—98). Конечно, въ послѣднемъ случаѣ неизбежны были невыгодныя для жены послѣдствія, но фактически шероховатости права сглаживались дѣйствительностью и могли ощутительно сказаться только при разводѣ (98). Но до VI вѣка города разводы были и рѣдки, и стѣснены, благодаря вліянію нравовъ, такъ что съ установившимся порядкомъ было возможно мириться (99).

Перемѣна нравовъ пошатнула всѣ прежніе устои. Къ этой эпохѣ Дербургъ относитъ возникновеніе стипуляцій *de reddenda dote*, но оговаривается, что онѣ не могли помочь всѣмъ трудностямъ, возникавшимъ при новыхъ условіяхъ. Между тѣмъ, хотя юридически приданое составляло собственность мужа, фактически жена не могла отрѣшиться ото взгляда на него, какъ на свое достояніе (99). Общественное мнѣніе было въ этомъ на ея сторонѣ, а подъ его давленіемъ и юриспруденція должна была создать для женщинъ способъ оградить ихъ интересы. Этимъ историческимъ условіямъ и приписываетъ Дербургъ возникновеніе *actio rei uxoriae*, первоначально, по его мнѣнію, вовсе римлянамъ неизвѣстной (99—100).

Возникнове-
ніе до-
тальныхъ
исковъ.

Не соглашаясь съ учеными, полагавшими, что интересы жены могли быть ограждены кондикціею *sine causa*, Дербургъ утверждаетъ, что женщины могли взыскать только къ естественной справедливости, чтобъ осуществить свои интересы послѣ развода или смерти мужа. Однако, эта справедливость не чтò иное, какъ еще слагающееся право, не вполне въ самомъ себѣ устойчивое, опирающееся объ инстинкты потребности, а не о внѣшнія нормы (100). Ею руководствуясь, и принуждалъ преторъ мужа избрать съ женой арбитра, который бы разобрался въ ихъ имущественныхъ отношеніяхъ на основаніи всѣхъ обстоятельствъ

Природа
первоначальнаго
иска *rei uxoriae*.

дѣла и по свободному усмотрѣнію. Начало такихъ порядковъ, согласно Геллію, *Nost. Att.* 4, 3, 1 сл., относится къ концу V-го вѣка города. Этотъ новый искъ, причисленный позднѣе къ *bonae fidei iudicia*, первоначально отличался отъ нихъ какъ формулою (101), такъ и по существу. Въ *bonae fidei iudicium* истецъ съ самаго начала основывается на правѣ *ex fide bona* и требуетъ его признанія; въ *actio rei uxoriae* истица не могла выступать, взывая къ существующему праву: она должна просить, чтобы ей было создано ея право. Позднѣй это различіе сгладилось; однако первоначальный взглядъ предпопредѣлилъ цѣль и развитіе дотальнаго права: на него до Юстиніана никогда не смотрѣли, какъ на прямое имущественное право; усмотрѣнію судьи предоставлялся самый широкій просторъ и оно въ концѣ концовъ оставалось верховною нормою (102—103).

Aequius
melius и
вычеты
изъ при-
даннаго.

Конечно, цѣнность приданнаго была вѣскимъ даннымъ при установленіи *aequius melius*; однако на рѣшеніе судьи вліяли и другія данныя. Встрѣчныя притязанія, которыхъ основанія также коренились въ супружескихъ отношеніяхъ, не могли быть оставлены безъ вниманія и оцѣнки. Отсюда и вытекла своеобразная система, согласно которой отвѣтчикъ получилъ право на опредѣленные вычеты, — то въ наказаніе женѣ, то для зачета имущественныхъ притязаній. Въ толкованіи Боетія на *Cic. Тор.* 6, 17, Дербургъ находитъ подтвержденіе этому взгляду для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, дареній (104—105).

Retentio-
nes.

Отсюда и выводитъ Дербургъ, послѣ подробныхъ частныхъ изысканій, возникновеніе римской аксіомы о томъ, что *dos ipso iure minuitur*. Въ классической юриспруденціи, по его мнѣнію, эта аксіома означала, что уменьшается самое приданое, а не отдѣльные предметы. Если дотальный искъ содержитъ въ себѣ денежныя требованія, то они сами собой уменьшаются вычетомъ пассива; если же предметомъ иска являются только тѣлесныя вещи, то онѣ остаются дотальными и разность между ними и уменьшенной *ipso iure* цѣнностью приданнаго уравнивается только при помощи удержанія самыхъ вещей, пока жена не возмѣститъ мужу этой разности (140). Съ другой стороны удержаніе *propter impensas* отличается отъ остальныхъ ретенцій тѣмъ, что причина его кроется въ самомъ существѣ приданнаго, а не въ природѣ

дотального иска (141). Противоположное надо сказать объ остальных ретенціяхъ. Онѣ основаны не на той мысли, что приданое внутренно уменьшилось, а на той, что есть причины, по которымъ приданое не подлежитъ возврату цѣликомъ и безъ вычетовъ. Ихъ историческое оправданіе въ томъ, что первоначально приданое вполнѣ оставалось у мужа, а позднѣе жена хоть и могла его требовать обратно, но только по соображеніямъ справедливости: вѣдь эти же соображенія могли иногда вести и къ тому, что та или другая часть оставлялась у мужа. Вначалѣ, такимъ образомъ, эти удержанія въ высокой степени зависѣли отъ усмотрѣнія судьи, но потомъ установились на опредѣленныхъ нормахъ. Въ частности всѣ пять классическихъ видовъ удержанія, сходясь въ томъ, что вытекаютъ, какъ и самый дотальный искъ, изъ супружескихъ отношеній, различаются между собой очень значительно. Между прочимъ, *retentio propter res donatas* принадлежитъ къ тѣмъ удержаніямъ, въ которыхъ особенно замѣтенъ имущественный характеръ, въ основѣ которыхъ лежатъ истинныя встрѣчныя притязанія, но которыя ведутъ только къ вычету, а не къ иску (142—143).

II. Критика воззрѣнія Дербурга.

Остановимся нѣсколько на изложенныхъ исходныхъ воззрѣніяхъ Дербурга. Они не относятся непосредственно къ предмету нашего изслѣдованія и на насъ не лежитъ, такимъ образомъ, обязанности подвергать ихъ разсмотрѣнію во всемъ ихъ объемѣ. Однако необходимость сосчитаться съ ними хотя бы въ формѣ сжато изложеннаго согласія или несогласія остается и для насъ. Притомъ эти воззрѣнія составляютъ основу почти всѣхъ современныхъ изслѣдованій о дотальномъ правѣ, такъ что значать болѣе, чѣмъ личное мнѣніе знаменитаго ученаго. Наконецъ — самое главное — они такъ тѣсно слиты съ ученіемъ Дербурга и послѣдующихъ писателей объ исторіи дареній между супругами, что это ученіе въ сущности не что иное какъ выводъ изъ только что изложенныхъ положеній, ихъ частное примѣненіе. А считается съ выводами независимо отъ посылокъ или невозможно, или ненаучно.

Связь ученія Дербурга съ вопросомъ о супружескихъ дареніяхъ.

Признавая всѣ достоинства теоріи Дербурга — цѣль- Возраже-

не про-
тивъ Держ-
бурга.

ность, наглядность, объединяющую въ одной концепціи разрозненные данныя нашихъ источниковъ, и чрезвычайную простоту мысли, — я не могу присоединиться къ ней и признать ее за вполне согласованную съ источниками и вполне доказанную. Несомнѣнно, въ первоначальномъ подручномъ бракѣ все имущество поступало въ собственность мужа и дотальные иски едва-ли были возможны; однако ни того, ни другого нельзя утверждать съ полною достовѣрностью ни для позднѣйшихъ подручныхъ браковъ *per coemptionem*, — ибо *in mancipationibus quodcumque pactum est, id valere manifestissimum est* (Dig. 2, 14 48)¹, а стало быть и *pacta dotalia* должны были въ нихъ *valere*, — ни для древнѣйшихъ браковъ *sine manu*. Уже въ XII таблицахъ содержались постановленія о разводѣ и о возвратѣ женѣ ея имущества (XII Т., IV, 10). Всѣ данныя гласятъ, что дотальные иски, которые намъ извѣстны, сложились не на почвѣ XII таблицъ; но изъ этого не слѣдуетъ, будто XII таблицъ вовсе не знали никакихъ имущественныхъ исковъ при расторженіи брака. Извѣстные намъ иски сложились примѣнительно къ вольнымъ бракамъ (такъ называемымъ *iuris gentium*), совершенно непохожимъ на древнія супружества: несходны браки — несходны иски; можно ли изъ непригодности новыхъ исковъ для старыхъ браковъ заключать, будто послѣдніе вовсе не знали дотальнаго права и вовсе не ограждали судебнымъ порядкомъ имущественныхъ интересовъ жены? Текстъ Геллія ничуть не разрѣшаетъ этого вопроса, ибо касается только новыхъ исковъ и *cautiones*, ни словомъ не упоминая древнихъ исковъ. Значить ли это, что таковыхъ и не было? По моему, это значить только, что Геллій не видѣлъ надобности говорить о нихъ, и вполне основательно, были они или не были. Далѣе, я совершенно отказываюсь допустить, чтобы преторъ могъ *partibus censoriis fungi* и безъ юридическихъ основаній создавать самостоятельныя права женѣ. Пресловутое изреченіе Катона (*iudex pro censore Gell. Noct. Att. 10, 23, 4*) отнюдь этого не доказываетъ, даже если принимать его въ прямомъ смыслѣ, а не въ качествѣ метафоры. Наконецъ, еслибъ оно и значило то, что въ немъ

¹ Въ дигестахъ *traditionibus* — сомнѣнно интерполяція вмѣсто *mancipationibus*: а *coemptio* и была однимъ изъ видовъ манципаций.

находятъ ученые, то мы нуждались бы еще въ объясненіи такой странности, а не могли бы довольствоваться ея простымъ констатированіемъ. Правда, нынче не стѣсняются такими затрудненіями; но и самъ Дербургъ не отважился одобрить тѣхъ выводовъ, къ которымъ съ комичнѣйшею развязностью пришли иные рѣзвые „революціонеры“ современной романистики; однако въ ребяческихъ домыслахъ учениковъ нельзя не видѣть діалектической Немезиды недостаткамъ учителя, хотя бѣ онъ отъ такихъ учениковъ и отрепчивался.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, можно сказать, что разногласіе съ Дербургомъ въ изложенныхъ пунктахъ лишаетъ возможности принять и всѣ его выводы. Съ точки зрѣнія Дербурга ретенціи представляются какъ бы переживаніями первоначальной безусловной и безповоротной собственности мужа на приданое. У него выходитъ, что не ретенціи постепенно стѣснили широкій первоначально объемъ дотального иска, а напротивъ, дотальный искъ ограничилъ постепенно собственность мужа, эвентуально уцѣлѣвшую въ видѣ ретенцій. Съ такимъ взглядомъ я принципиально не согласенъ¹; а этимъ несогласіемъ предопредѣляется и отношеніе къ ученію Дербурга объ удержаніяхъ *propter res donatas*, къ которому теперь намъ предстоитъ обратиться.

Невозможность принять его выводы.

§ 17. Бехманъ и Дербургъ.

I. Дербургъ о дареніяхъ между супругами.

Въ первомъ изданіи Дербургъ стоитъ на слѣдующей точкѣ зрѣнія. Даренія, говоритъ онъ, сдѣланныя мужемъ во время брака, управомочивали къ вычетамъ изъ приданого. Если жена извлекала пользу изъ его щедрости, то и ей нечего было требовать возврата приданого полностью: мужъ могъ удержать изъ него равную долю. Возвращеніе приданого полностью жена могла за собой обез-

Retentiones propter res donatas.

¹ Считаю, впрочемъ, необходимымъ оговориться, что вовсе не примыкаю къ воззрѣнію Фойгта съ его „баснословнымъ“ (Дербургъ, Пандекты², 3, 25, 1 fin.) закономъ

Менія, хотя нахожу, что Фойгтъ, если откинуть его крайности, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ Дербургъ. Дѣло не въ законѣ Менія, а въ принципиальныхъ воззрѣніяхъ.

печить только тѣмъ, что возвращала до произнесенія рѣшенія все подаренное ей за время брака. Это прямо высказано въ Dig. 24, 3, 66, 1, гдѣ только составители дигестъ классическое *ex dote retenturum* интерполировали словами *in dotem compensaturum* (153). Другія упоминанія о вычетѣ по поводу дареній и похищеній находятся еще въ Dig. 24, 1, 66, 2, гдѣ Сцевола признаетъ дѣйствительность даренія словами *non posse de dote deduci*; Dig. 24, 3, 7, 1; 24, 3, 15, 1; 24, 3, 25; 33, 4, 5; 24, 1, 50 pr. (154, прим. 2). Впрочемъ, по поводу своихъ дареній мужъ располагаетъ не только правомъ вычета изъ приданого: здѣсь онъ можетъ стать и совсѣмъ на другую точку зрѣнія. Несмотря на внѣшнее соблюденіе всѣхъ формальностей, даренія между супругами юридически недѣйствительны по древне-римскому обычному праву. Даритель остается собственникомъ и можетъ прибѣгнуть къ виндикаціи, если подаренный предметъ еще въ наличности, и къ кондикціи, если онъ уже консуммированъ и одаренный обогатился изъ него. Конечно, если онъ воспользовался этими исками, то ужъ ему нечего и думать о вычетѣ изъ приданого, при которомъ именно подаренное-то и оставляется женѣ, а мужъ ищетъ удовлетворенія въ удержаніи части приданого (154—155). Весьма интересными, наконецъ, находятъ Дернбургъ слова Павла въ Dig. 24, 1, 55, изъ которыхъ, по его мнѣнію, можно вывести, что и жена могла посредствомъ *actio rei uxoriae* искать съ мужа наряду съ приданнымъ сдѣланныя ему даренія: юристъ допускаетъ обратное взысканіе даренія въ случаѣ несостоятельности и замѣчаетъ, что *erit deterior causa viri, si ei pecunia condicatur, quam si dotis iudicio conveniatur* (154, прим. 3 fin.).

II. Бехманъ противъ Дернбурга.

Бехманъ
и отноше-
ніе къ нему
Дернбурга.

На плечахъ Дернбурга стоитъ Бехманъ со своимъ *Dotalrecht*. Основную теорію Дернбурга онъ всецѣло усвоилъ по существу, но въ частностяхъ обогатилъ и развилъ ее довольно значительно. Многое изъ этихъ новшествъ принялъ позднѣй и самъ Дернбургъ. Потому мы воздержимся пока-мѣстъ отъ разбора его первоначальной теоріи: самъ авторъ произнесъ надъ нею свой судъ; но все жъ отмѣтимъ и здѣсь ея особенности, къ которымъ намъ еще придется вернуться. Дернбургъ строить, какъ видимъ, на почвѣ консервативной

1867

теоріи, считая недѣйствительность супружескихъ дареній древнимъ національнымъ юридическимъ порядкомъ римлянъ. Кромѣ того, онъ считаетъ ретенціи позднѣйшимъ, сравнительно съ виндикаціей и кондикціей, образованіемъ, сложившимся въ области дотальныхъ отношеній помимо и независимо отъ этихъ средствъ.

Теперь обратимся къ теоріи Бехмана.

Относительно формы ретенцій Бехманъ полагаетъ, что онѣ не входили въ составъ исковой формулы *rei uxoriae*; относительно ихъ существа онъ, по примѣру Дербурга, утверждаетъ, что онѣ — специфически дотальное учрежденіе. Онѣ не формальное только средство, какъ *ius retentio-nis*, для достиженія самостоятельной имущественно-правовой цѣли: онѣ и то, и другое, — и средство, и цѣль. Онѣ производятся не для того, чтобы пріостановкой обязательственнаго дѣйствія вынудить жену къ обязательственному же дѣйствію, но для того, чтобы мужъ окончательно удержалъ за собою нѣчто, на что онъ въ остальномъ не имѣлъ бы никакого притязанія. Фактически удержаніе не что иное, какъ только осуществленіе принадлежащаго мужу права дѣлать вычеты изъ приданого. Это право не имѣетъ самостоятельнаго, внѣ дотальныхъ отношеній лежащаго, основанія. Право мужа дѣлать вычеты основано на томъ, что онъ обязанъ вернуть приданое. Этимъ ретенція и отличается отъ эксцепціи (въ матеріальномъ смыслѣ): всякая эксцепція имѣетъ независимое отъ иска, противъ котораго ее выдвигаютъ, основаніе. Въ ретенціяхъ мы имѣемъ дѣло не съ извнѣ входящимъ ограниченіемъ дотальнаго притязанія жены (притязанія, въ самомъ себѣ неограниченнаго), какъ при зачетѣ или *exsertio doli*: нѣтъ, притязаніе жены возможно только съ ретенціями, ибо иначе гдѣ было бы *aequius melius*? По этимъ причинамъ соответственныя права и могутъ быть проведены только въ формѣ ретенцій, и не иначе. Матеріальный смыслъ ретенцій утратился бы, еслибъ огражденные ими притязанія приняли форму иска или зачета. Изъ дотальнаго отношенія для мужа не возникаетъ никакихъ самостоятельныхъ притязаній къ женѣ, а только правомочіе отказать въ полномъ возвратѣ приданого. Всѣ самостоятельныя притязанія мужа возникаютъ на какой угодно другой почвѣ, но только не на дотальной. Оттого ретенціи явля-

Дотальная
природа
ретенцій.

ются ограниченіями вовсе не кондемнаціи, но самага долга.

Замѣчае-
мая ис-
ключенія.

Изложивъ эти общія положенія (326—328), Бехманъ признаетъ, что имъ не вполне соотвѣтствуютъ удержанія *propter res amotas* и *propter res donatas*, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ у мужа по классическому праву имѣются самостоятельныя иски, совершенно не зависящіе отъ вопроса о приданомъ, и, стало быть, ретенція здѣсь, не имѣя чисто дотальнаго характера, является лишь одной изъ формъ, въ которыя могутъ облекаться извѣстныя права мужа. Однако онъ въ этомъ несоотвѣтствіи не видитъ опасности для своей теоріи. Прежде всего, вѣдь форму ретенціи такъ легко было распространить и на не-дотальныя притязанія, особенно въ виду ея характерныхъ удобствъ сравнительно, напр., съ компенсаціей. А во-вторыхъ, Бехманъ допускаетъ и иное объясненіе. Онъ полагаетъ, что въ обоихъ случаяхъ ретенціи были древнѣйшей изъ параллельныхъ формъ. *Actio rerum amotarum* — сравнительно позднее образованіе въ исторіи римскаго права. Она — только развитіе, только формальное и матеріальное расширеніе ретенціи *propter res amotas*. Было время, когда *res amotae* могли быть возвращены только при помощи ретенціи, такъ что она имѣла чисто дотальный характеръ (331—333).

Retentio
propter
res do-
natas.

Сомнительнѣе дѣло съ ретенціею *propter res donatas*. Въ ней, конечно, никакъ нельзя признать первоначальнаго зародыша учрежденія тому, кто въ запрещеніи дареній между супругами усматриваетъ древнѣйшее римское обычное право и даже находитъ для него безотносительныя нравственныя основанія¹. Но именно это воззрѣніе Бехманъ и считаетъ ошибочнымъ. Запрещеніе дареній могло быть порождено только своеобразными нравственными, вѣрнѣе: безнравственными условіями, которыя сложились въ Римѣ въ послѣднее время республики. Этому есть и положительное доказательство: *lex Cincia* упоминаетъ супруговъ въ перечнѣ *personae excerptae*. Было бы само по себѣ

¹ Это все — безъимянный выпадъ въ сторону консервативной теоріи, главнымъ образомъ противъ Гассе, Савинья (см. выше, стр. 137 сл., 320,

322 сл.) и Дерибурга, но отчасти и Пухты. О Пухтѣ у насъ подробно шла рѣчь въ предшествующей главѣ, — см. выше стр. 143 сл.

произвольно считать это постановление относящимся къ тѣмъ случаямъ, когда даренія дозволены между супругами; а вѣдь надо еще принять во вниманіе, что всѣ эти изыятія, поскольку они и безъ того не принадлежать безспорно къ очень поздней эпохѣ, имѣютъ совсѣмъ второстепенное значеніе. Такъ что не только запретъ былъ еще неизвѣстенъ въ половинѣ VI вѣка города, но даже напротивъ того была въ это время тенденція поощрять даренія между супругами. Если взвѣсить затѣмъ, что запретъ, какъ всѣми признано, возникъ путемъ обычая, то тѣмъ упорнѣе напрашивается мысль о постепенномъ, продолжительномъ его образованіи. Поэтому, заключаетъ Бехманъ, я считаю, хоть еще и не доказаннымъ, однако ничуть не невозможнымъ или невѣроятнымъ, что *retentio propter res donatas* точно такъ же явилась зародышемъ позднѣйшаго запрета супружескихъ дареній, какъ *retentio propter res amotas* была зерномъ *actio rerum amotarum*. Въ классическомъ правѣ, конечно, обѣ онѣ потеряли специфическое матеріально-правовое значеніе (333—334). Мнѣніе Дернбурга, добавляетъ онъ (334 прим. 1), что жена могла искать свои даренія искомъ *rei uxoriae*, не противорѣчитъ этой теоріи; но оно само стоитъ въ непримиримомъ разногласіи съ положеніемъ Павла въ *Vat. Fr.* § 103: *rei uxoriae titulo id solum peti potest, quod in dotem datum est*, ср. *Cod.* 5, 3, 1. И на самомъ дѣлѣ *Dig.* 24, 1, 55 допускаетъ и другое, болѣе естественное, чѣмъ у Дернбурга, пониманіе: именно, что *beneficium competentiae*, принадлежащее мужу при дotalьномъ искѣ, отпадаетъ при кондикціи.

Такова теорія Бехмана. При ея изложеніи онъ не только по существу, но и формально, ссылаясь на Франке, примыкаетъ къ радикальной теоріи. Примѣнительно къ вопросу о супружескихъ дареніяхъ онъ діаметрально противоположенъ мнѣнію Дернбурга. „Запретъ“ дареній для него позднее исторически учрежденіе, а ретенція *propter res donatas* болѣе раннее юридическое образованіе, чѣмъ виндикація и кондикція.

Предварительно оцѣнки этой теоріи необходимо еще ознакомиться съ тѣмъ вліяніемъ, которое она оказала на Дернбурга, отступившаго ради взглядовъ Бехмана отъ своего первоначальнаго мнѣнія.

Связь
Бехмана
съ ради-
кальною
теоріею.

III. Побѣда радикальной теоріи.

Уступка
Дернбурга.

Вполнѣ естественно, говорить онъ во второмъ изданіи (151—152), что судья принималъ во вниманіе при спорѣ о приданомъ даренія, сдѣланныя женѣ мужемъ за время брака. Преимущество тутъ уравнивалось преимуществомъ, щедрость одной стороны щедростью другой стороны. Первоначально, можетъ быть, судья просто производилъ оцѣнку подареннаго и вычиталъ изъ приданаго эту стоимость. Но уже Лабенъ призналъ за женою право вернуть вещь такъ, какъ есть. Въ классическую эпоху мужъ не ограниченъ только правомъ удержанія. По обычному праву даренія между супругами недѣйствительны и у дарителя имѣются еще и виндикація, и кондикція. Это право, какъ указалъ Бехманъ, гораздо моложе, чѣмъ право вычета изъ приданаго. И точно, съ юридической точки зрѣнія надо признать, что эти способы огражденія права противоположны одно другому. При удержаніи предполагается, что дареніе дѣйствительно, и потому дотальный искъ уменьшается на его стоимость, а при кондикціи и виндикаціи дареніе считается недѣйствительнымъ и потому взыскивается самый предметъ или обогащеніе. Въ частности Дернбургъ не вполнѣ отказывается отъ своего толкованія Dig. 24, 1, 55, такъ какъ Vat. Fr. § 103 имѣетъ, по его мнѣнію, специальный смыслъ: дотальнымъ искомъ можно получить только то, что было дано женою въ приданое, а не то, что симулятивно обѣщано мужемъ (стр. 152, пр. 3 fin.).

Другіе
сторонники
Бехмана.

Какъ видите, радикальной теоріи въ лицѣ Бехмана досталась полная побѣда. Дернбургъ уступилъ по существу въ обоихъ основныхъ положеніяхъ. На эту же точку зрѣнія раньше Дерибурга и почти одновременно съ Бехманомъ сталъ Кунтце (533—534), черезъ 2 года Бринцъ, еще черезъ годъ Чиларжъ (Dotalrecht, 352—353) и Виндшейдъ (въ своихъ Пандектахъ, — см. 3⁸, стр. 46, прим. 1), а затѣмъ и цѣлый рядъ другихъ нѣмецкихъ писателей. Радикальная теорія стала и въ Германіи господствующимъ мнѣніемъ, хотя приняла новый обликъ.

IV. Критика теоріи Бехмана.

Ложная
предпо-
сылка.

Выиграла ли отъ этого наука? Отвѣтъ не затруднителенъ: не только не выиграла, но много проиграла. Консер-

1868

186'

186'

вативная теорія была, конечно, мертвою точкой: она ничего, въ сущности, не утверждала и лишь пассивно отсрочивала пересмотръ вопроса. Напротивъ, радикальная теорія зиждется на положительномъ утвержденіи, но это утверждение — хронологическое соотношеніе *lex Cincia* и дареній между супругами — есть ошибка. И эта ошибка и была заложена краеугольнымъ камнемъ въ основаніе теоріи Бехмана. Сказаннымъ предрѣшается приговоръ о цѣнности и устойчивости его мнѣнія: вопросъ по прежнему требуетъ коренного пересмотра.

Во-вторыхъ, Бехманъ даже не возбуждаетъ вопроса о томъ, что значить возникновеніе запрета путемъ обычая. Значить ли это — „эдиктомъ претора“? Или — *obscurum per obscurius* — „*auctoritate prudentium*“? Или — *obscurius per obscurissimum* — „*officio iudicis*“? Во всякомъ случаѣ онъ оставляетъ безъ объясненія самое главное въ историческомъ отношеніи: слово *moribus* у Ульпіана, Dig. 24, 1, 1 pr. Вѣковая загадка и въ новой теоріи продолжаетъ быть загадкою. Мы ни на шагъ не пошли далѣе глоссаторовъ, если примкнули къ Бехману. Печальный итогъ для 500-лѣтнихъ ученыхъ усилій!

Къ сказанному однако необходимо сдѣлать весьма существенныя оговорки. И прежде всего, не принимая дернбурговской (нынѣ господствующей) гипотезы объ исторіи дотальнаго иска и отвергая поправку Бехмана, построенную на почвѣ радикальной теоріи, я считаю безусловно вѣрною мысль послѣдняго о сравнительно наибольшей древности ретенцій между всѣми способами процессуальнаго проявленія недѣйствительности супружескихъ дареній. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія выяснятся частныя доказательства, которыхъ я въ данномъ мѣстѣ не имѣю возможности предвосхищать; но и а priori можно утверждать, что ретенція — чрезвычайно древняя процессуальная форма. Въ ней нельзя не видѣть чего-то вродѣ пассивной *pignoris capio*. Если же разсматривать ее съ активной точки зрѣнія, то пассивнымъ коррелятивомъ ей оказалась бы *potheca deditio*. Ретенція во всякомъ случаѣ своего рода легальное самоуправство на почвѣ имущественныхъ отношеній, — а глубокая древность всѣхъ видовъ легальнаго самоуправства не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ.

Теорія Бехмана не является со ссылкой на *mores*.

Древность ретенцій.

V. Возраженія Бехману.

Возраженія
Бехману.

Противъ этой мысли Бехмана было, правда, сдѣлано нѣсколько возраженій.

Граден-
витцъ.

Прежде другихъ возразилъ Граденвитцъ. Однимъ изъ его возраженій служить (206) ссылка на *rationes interdicti*: но объ этой части его ученія нами уже сказано выше, стр. 151 слл. Другое возраженіе Граденвитца (204) касается мысли Бехмана въ той формѣ, въ какой онъ самъ ее высказалъ, и въ этомъ смыслѣ вполне убѣдительно, — см. немного ниже, стр. 346, — но существа мысли нисколько не колеблеть.

Асколи.

Послѣ Граденвитца высказался Асколи (500). Онъ также опирается на *rationes interdicti*, но главнымъ образомъ съ цѣлью отмѣтить, что запретъ касался и мужа и жены, а *retentiones* могли бы повліять только на даренія мужа женѣ. Въ концѣ настоящей главы это возраженіе отпадетъ само собой и потому здѣсь мы не будемъ на немъ останавливаться.

Ссылка на
систему
изложенія
Ульпіана.

Другое возраженіе Асколи, повторенное де-Медіо (I, 368), сводится къ тому, что порядокъ изложенія римскихъ юристовъ плохо вяжется съ предположеніемъ о возникновеніи недѣйствительности изъ ретенцій. Такъ, напр., Ульпіанъ сначала говоритъ о ретенціяхъ вообще, въ томъ числѣ и о ретенціяхъ *propter res donatas* (6, 9), а сразу вслѣдъ затѣмъ о запретѣ дареній между супругами (7, 1). Но и это возраженіе не годится. Ульпіанъ до насъ дошелъ въ сокращенномъ видѣ и связь изложенія въ подлинникѣ намъ неизвѣстна. Но и въ своемъ теперешнемъ видѣ онъ свидѣтельствуетъ прямо противъ Асколи. Ульпіанъ, 6, 9, перечисляетъ виды ретенцій и затѣмъ говоритъ о ретенціи *propter liberos* (6, 10), *propter mores* (6, 12—13), *propter impensas* (6, 14—17), *propter res donatas* (7, 1), *propter res amotas*, (7, 2). Только два мѣста, 6, 11, и 7, 3 не вяжутся съ этою послѣдовательностью; но они зато свидѣтельствуютъ намъ объ обиліи сокращеній въ данномъ случаѣ, а съ другой стороны о совершенной произвольности рубрикъ въ сохранившемся до насъ извлеченіи. Напротивъ, всѣ наши свѣдѣнія о римскихъ юридическихъ системахъ свидѣтельствуютъ, что ученіе о дареніяхъ между супругами всегда излагалось въ связи съ удержаніями изъ приданого.

Помимо наибольшей древности удержанія между другими процессуальными формами проявленія недѣйствительности супружескихъ дареній, я готовъ признать, что оно явилось если не зерномъ, то во всякомъ случаѣ первымъ юридическимъ проявленіемъ самой недѣйствительности. Опять-таки, данная мысль здѣсь можетъ быть только намѣчена, ибо ея полному развитію въ дальнѣйшемъ посвящена не одна страница; но и здѣсь уже ясно изъ изложеннаго, что діалектическій путь, которымъ Бехманъ пришелъ къ вѣрному выводу, представляется мнѣ ложнымъ путемъ. Правда, и самый выводъ вѣренъ только въ основѣ своей; но все жъ онъ, по моему, вѣренъ, — а это главное. Зато, съ другой стороны, этотъ выводъ, разъ отвергнуть ходъ мыслей, который привелъ къ нему Бехмана, послужить вѣскимъ возраженіемъ противъ исторической гипотезы Дернбурга. Если даренія между супругами независимы отъ ретенціи, то и ретенція *propter res donatas* имѣетъ основаніемъ не дотальное отношеніе, а нѣчто другое; между тѣмъ она не одна изъ формъ проявленія недѣйствительности супружескихъ дареній, а (первоначально) единственная существующая форма; слѣдовательно, матеріальное основаніе ретенцій невѣрно понято Дернбургомъ и Бехманомъ, а стало быть неправильно и ихъ пониманіе самой *actio rei uxoriae*, такъ какъ оно неразрывно связано съ ихъ пониманіемъ удержаній.

Послѣдняя оговорка въ пользу Дернбурга и Бехмана — признаніе за ними весьма цѣнной научной заслуги. Они впервые сблизили ученіе о дареніяхъ между супругами съ общимъ дотальнымъ правомъ. Конечно, они сдѣлали свое сближеніе не изъ заботы о нашемъ предметѣ, который имъ только мѣшалъ, какъ докучная подробность; но это не можетъ умалить ихъ заслуги. Ихъ сближеніе знаменуетъ собою второй поступательный шагъ, сдѣланный въ направленіи, намѣченномъ геніальною догадкою Бриссона: первый былъ сдѣланъ Бёмеромъ. Правда, Дернбургъ и Бехманъ не создали устойчивой теоріи; но они коснулись реальной исторической почвы обычно-правового происхожденія недѣйствительности супружескихъ дареній. Въ ихъ изслѣдованіяхъ обнажилась неразрывная связь дотальнаго права съ правомъ дареній между супругами. Степень сознательности этого открытія и умѣнья его использовать

Неправильность предпосылокъ Бехмана.

Сближеніе ученія о дареніяхъ между супругами съ дотальнымъ правомъ.

ничуть не может повліять на цѣнность самаго открытія: кладъ остается кладомъ, кто бы, гдѣ бы и при какихъ бы условіяхъ его ни нашель.

Можно ли
вывести не-
дѣйстви-
тельность
супруже-
скихъ да-
реній изъ
retentio
propter res
donatas.

Съ другой стороны, мнѣ предстоитъ указать и частныя слабости разбираемой теоріи, которыя сами по себѣ грозятъ ей каждая въ отдѣльности смертельной опасностью. Прежде всего, Бехманъ не выяснилъ, какъ могла ретенція повести къ образованію обычно-правовымъ путемъ запрета дареній между супругами. Дербургъ очень мѣтко нанесъ ударъ, самъ того повидимому не сознавая, какъ разъ въ это большое мѣсто, высказавъ, что удержаніе *propter res donatas* предполагаетъ дѣйствительность дареній. Совершенно вѣрно; но тогда — откуда же запретъ? Именно противъ Бехмана выдвинулъ эту мысль Дербурга (правда, на него не ссылаясь) Граденвитцъ. Ретенція по поводу дареній, говоритъ онъ (202), объясняется гораздо естественнѣй, если признать даренія дѣйствительными, чѣмъ если признать ихъ недѣйствительными при ея возникновеніи. Самое выраженіе *res donatæ* показываетъ, что она появилась тогда, когда даренія считались дареніями, т. е. еще не признавались вовсе не бывшими, *nullæ ipso iure*. Зато съ другой стороны, если видѣть, какъ самъ Бехманъ, въ ретенціяхъ первое проявленіе недѣйствительности дареній (ибо иначе какъ могла бъ эта ретенція быть зародышемъ позднѣйшаго запрета?), то положеніе надо признать еще безвыходнѣе. Бехманъ находитъ опасною для своей теоріи мысль о глубокой древности взгляда на супружескія даренія, какъ на недѣйствительныя; но еще опаснѣе мысль о сравнительной новизнѣ этого учрежденія. И на самомъ дѣлѣ, допустимъ, что въ ретенціяхъ впервые проявилась недѣйствительность супружескихъ дареній: это обязываетъ насъ допустить, что ретенціи были невозможны въ ту эпоху, до *l. Cincia*, когда даренія были дѣйствительны, а стало быть, надо принять одно изъ двухъ: или что ретенціи „имманентны“ иску *rei uxoriæ*, но тогда пришлось бы и этотъ искъ считать возникшимъ позже Цинціева закона; или что ретенціи возникли независимо отъ иска *rei uxoriæ*, т. е. стоятъ не на основаніи дотальнаго отношенія, а на какомъ-то другомъ, совершенно самодовлѣющемъ. Чтобы спасти свою теорію, Бехманъ долженъ признать *actio rei uxoriæ* и *retentio propter res donatas*

одновременно или почти одновременно возникшими учреждениями. Но тогда ему приходится отказаться отъ радикальной теоріи и отъ своего собственного взгляда. Или же онъ долженъ доказать, что ретенціи не могли возникнуть одновременно съ *actio rei uxoriæ*, такъ какъ она возникла ранѣе, чѣмъ даренія между супругами стали фактически и юридически возможными: но тогда Бехманъ не можетъ допустить вовсе промежуточной эпохи, когда бѣ эти даренія были въ силѣ, — однако радикальная теорія вынуждаетъ его допустить такой періодъ для времени Цинціева закона. Если же даренія сначала признавались дѣйствительными, а потомъ стали опорочиваться при помощи *reteniones propter res donatas*, то надо признать, что основаніе этихъ ретенцій не могло лежать въ самомъ дотальномъ отношеніи, а обрѣталось гдѣ то внѣ его, ибо иначе — гдѣ были ретенціи въ эпоху дѣйствительности супружескихъ дареній? Этой внутренней антиномичности не исцѣлить никакими діалектическими уловками. А вѣдь надо еще признать вполне справедливымъ и то возраженіе, которое Бехману дѣлаетъ Гофманнъ¹: недѣйствительность дареній между супругами, говоритъ онъ, есть предположеніе, а не послѣдствіе ретенціи *propter res donatas* (297). Я, правда, сказалъ бы не „предположеніе“, а „коррелятивъ“; но существа дѣла эта поправка не мѣняетъ.

81 г.

§ 18. Послѣдователи Бехмана.

I. Вліяніе Бехмана.

378 г.

Чтобы покончить съ теоріею Бехмана, слѣдуетъ еще Кейссеръ. указать на то развитіе, которое она получила у Кейссера. Кейссеръ совсѣмъ не оригиналенъ и плохо подготовленъ къ своей задачѣ. Вся его ученость почерпнута у Савиньи, Бехмана, Франке и Кёппена. Тѣмъ не менѣе, быть можетъ подъ непосредственнымъ личнымъ вліяніемъ Кёппена или самого Бехмана, Кейссеръ очень недурно обставилъ научными подробностями теорію послѣдняго. Притомъ книга

¹ Къ Дернбургу оно не относится, ибо Гофманнъ упустилъ изъ виду отмѣченную нами (самоубійственную діалектически) оговорку Дерн-

бурга о томъ, что ретенція предполагаетъ дѣйствительность дареній; но къ Бехману это возраженіе относится въ полной мѣрѣ.

Кейссера, какъ единственная за послѣднее время нѣмецкая монографія по нашему предмету, вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ, постоянно цитируется наряду со статьей Гофманна и книгою Граденвитца, почему пользуется сравнительной извѣстностью. Все это вмѣстѣ взятое лишаетъ насъ возможности обойти ее молчаніемъ. Впрочемъ, изъ болтливаго историческаго введенія мы отмѣтимъ лишь существенныя мысли, которыя сами засвидѣтельствуютъ нашимъ читателямъ о степени какъ самостоятельности, такъ и научной серьезности Кейссера.

II. Зейффертъ.

Зейф-
фертъ.

Однако, предварительно мы особо должны отмѣтить весьма цѣнную мысль, обогатившую разсужденія Кейссера можетъ быть лучшими ихъ особенностями. Эту мысль вполне самостоятельно высказалъ, мимоходомъ и внѣ связи со своимъ предметомъ, Лотаръ Зейффертъ, самъ едва ли оцѣнивъ въ полной мѣрѣ значеніе своей догадки для нашего вопроса. Коснувшись, по поводу ратигабиции, дареній между супругами, онъ говоритъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ дурно понятыхъ имъ воззрѣній Савиньи, что эти даренія считались у римлянъ *contra bonos mores*, и, вкратцѣ перебирая *rationes* недѣйствительности, прибавляетъ (123, прим. 4): мы не ошиблись бы, допустивъ, что въ старину, при запрещеніи дареній между супругами, менѣе руководились назидательными соображеніями этого сорта, чѣмъ просто заботой о сохраненіи имущества въ семьѣ (въ интересѣ агнатовъ).

1868

III. Кейссеръ.

Началь-
ная исто-
рія учре-
жденія.

Вотъ это краткое, но вѣское, замѣчаніе и усвоилъ къ своей большой литературной выгодѣ и еще большей нравственной невыгодѣ (безмолвно) Кейссеръ. Кейссеръ начинаетъ съ компилятивнаго по Савиньи положенія, что въ подручномъ бракѣ даренія были немыслимы: они были бы все равно, что даренія самому себѣ (5).

1878

Вольные
браки.

Но этотъ порядокъ измѣнился съ возникновенія вольныхъ браковъ, — возникновенія, обусловленнаго, вѣроятно, столкновениемъ интересовъ подручной жены и ея законныхъ опекуновъ агнатовъ: поступая подъ руку мужа, женщина лишала ихъ наслѣдственныхъ правъ въ пользу своего мужа

и своихъ дѣтей. Это столкновение могло быть примирено только путемъ вольнаго брака, въ которомъ женщина не мѣняла ни своего семейнаго, ни своего имущественнаго положенія, ни, стало быть, правъ своихъ опекуновъ. Мужу при этомъ доставалась только часть ея имущества въ видѣ приданаго, да и эта часть обыкновенно возвращалась ей путемъ *praelegatio dotis*, хоть и давалась, конечно, *ut semper apud maritum sit* (Ulp. 6, 5).

Дареніямъ между супругами первоначально и въ вольныхъ бракахъ не могло быть мѣста: юридически они были возможны, но фактически исключались интересами опекуновъ. Именно, дареніе мужа женѣ шло бы не въ ея пользу, а въ пользу ея опекуновъ, ибо при жизни она могла располагать своимъ парафернальнымъ имуществомъ только съ согласія опекуновъ, а послѣ смерти оно шло имъ же, опекунамъ, а не ея дѣтямъ, ибо вольные браки не создавали агнатической связи между матерью и дѣтьми; даренія же мужу со стороны жены не могли встрѣчать сочувствія опекуновъ и не принадлежали къ тѣмъ сдѣлкамъ, при которыхъ преторъ *ex magna causa* принуждалъ опекуновъ къ *auctoritatis interpositio* (7).

Опека
агнатовъ
надъ женщиною.

Только послѣ устраненія опеки агнатовъ надъ женщиною стали фактически возможны даренія между супругами въ вольныхъ бракахъ. И о томъ, что они съ тѣхъ поръ встрѣчались, свидѣтельствуетъ намъ *lex Cincia*, гдѣ супруги причислены къ *personae exceptae* (8).

Цинціевъ
законъ.

Однако при упадкѣ нравовъ въ концѣ республики, когда браки стали заключаться и расторгаться ради прихоти или наживы, мысль о томъ, что въ бракъ не должно вступать по другимъ какимъ либо побужденіямъ, кромѣ взаимной любви, должна была повести къ возникновенію правовыхъ нормъ, стремящихся устранить возможность своекорыстныхъ видовъ въ отношеніяхъ между супругами. Отсюда преторское наслѣдованіе супруговъ послѣ всѣхъ родственниковъ, на послѣднемъ мѣстѣ (9). Отсюда эдиктъ *de alterutro*. Отсюда, наконецъ, и ретенціи *propter impensas, res amotas* и *res donatas*.

Новые
нравы.

Если женщина вступала въ бракъ изъ корыстныхъ видовъ, то въ ея интересѣ было дать все ея имущество мужу въ приданое. Этимъ она исключала для себя возможность возникновеніе недѣйствительно-сти супру-

жескихъ дареній. дѣлать подарки мужу, благодаря *actio rei uxoriæ*, и открывала полный просторъ для выпрашиваній у него въ свою пользу, чтобы развестись по минованіи надобности (10). Чтобы бороться съ такими явленіями, пришлось превратить *actio rei uxoriæ* въ разбирательство всѣхъ имущественныхъ отношеній, обусловленныхъ бракомъ, — разбирательство, которое исключало бы возможность наживы посредствомъ брачнаго союза и вычитало бы изъ долга мужа всѣ *lucra*, извлеченныя женой изъ его имущества. По римскимъ воззрѣніямъ, мужъ долженъ былъ возвращать приданое потому, что не долженъ былъ видѣть въ немъ побужденія къ корыстному заключенію брака, разъ оно давалось не въ видѣ дара мужу, а ради интересовъ жены. Потому правовому чувству римлянъ не могла не показаться противною дѣйствительность дареній мужа женѣ, когда эта дѣйствительность вела къ возможности для нея послѣ развода взыскать все приданое, поживившись еще богатыми дареніями. Это были уже не подарки изъ чувства нравственного долга, какія имѣлъ въ виду Цинціевъ законъ, это были вымогательства, въ которыхъ сказывался упадокъ нравовъ. Вполнѣ естественно, что въ народѣ сложилось убѣжденіе: мужъ, одарившій жену во время брака, обязанъ вернуть приданое только за вычетомъ своихъ дареній.

Rationes
удержанія.

Въ этой *retentio propter res donatas* былъ *implicite* высказанъ принципъ: допустимость дареній между супругами предполагаетъ простые и чистые нравы; при упадкѣ нравовъ право должно отказать въ признаніи этимъ дареніямъ. Они или даютъ возможность супругамъ обирать другъ друга при помощи притворной любви (*Dig. 24, 1, 1 pr.*), или отказъ въ нихъ служить предлогомъ къ разводу (*Dig. 24, 1, 2*), или же (11) они разоряютъ лучшаго изъ супруговъ, обогащая худшаго, и во всякомъ случаѣ роняютъ добрую славу обоихъ, возбуждая подозрѣніе, что ихъ согласіе держится не безкорыстною любовью, но цѣной имущественныхъ выгодъ (*Dig. 24, 1, 3 pr.*).

Связь съ
ними
запрета.

Указанные тексты подтверждаютъ, что именно таковы были причины, по которымъ всеобщій запретъ дареній между супругами сталъ обычнымъ римскимъ правомъ. Напротивъ, изъ источниковъ нельзя вывести, что *retentio propter res donatas* явилась исходнымъ историческимъ пунктомъ запре-

щенія. Однако эта мысль сама собою напрашивается. Дозволенные даренія прежде всего должны были оспариваться тамъ, гдѣ стояли въ очевидномъ противорѣчii съ *aequitas*. Этотъ случай представлялся при требованіи приданого женою, неосновательно расторгнувшею бракъ или вынудившею своимъ поведеніемъ его расторженіе. Дотальный искъ былъ *actio in æquum et bonum concepta*. Его ввели на тотъ случай, что справедливость требовала бы возврата приданого женѣ при неосновательномъ разводѣ со стороны мужа (12). *Aequitas* была предположеніемъ этого иска и согласно съ нею долженъ былъ судья опредѣлять, на чтѣ имѣетъ право жена *dotis nomine*. Согласно съ нею же долженъ былъ онъ дѣлать и вычеты въ пользу мужа, — а на такіе вычеты мужъ могъ притязать и *propter res donatas*, когда жена разводомъ доказывала, что не имѣла тѣхъ супружескихъ чувствъ, которыя мужъ предполагалъ въ ней, дѣлая дареніе.

Отсюда весьма вѣроятно, что общій запретъ супружескихъ дареній постепенно развился изъ удержаній *propter res donatas*. А когда опытъ показалъ, что и мужья способны обирать женъ при посредствѣ дареній, то естественно отъ ретенціи мужа додумались и до иска о возвратѣ дареній для жены. Этимъ искомъ первоначально былъ, по видимому, искъ *rei uxoriae*. Однако и онъ, и ретенція не вполне упрочивали порядокъ: ихъ предположеніемъ была дача приданого. Гдѣ не было приданого, они были бесполезны (13). Помочь дѣлу могъ только всеобщій запретъ дареній. *Ratio interdicti* уже было дано въ правовомъ убѣжденіи народа, породившемъ ретенцію: стало быть, общій запретъ оставался дѣломъ простого умозаключенія. Поводомъ къ такому умозаключенію и должны были послужить браки безъ приданого. Такъ шагъ за шагомъ пришло римское право къ запрету дареній между супругами. Упадокъ нравовъ вынудилъ этимъ запретомъ возвести въ правовую норму нравственное требованіе, чтобы браки заключались только по безкорыстной взаимной склонности (14).

Въ такомъ видѣ излагаетъ Кейссеръ теорію Бехмана. На первый взглядъ все это очень правдоподобно и основательно; однако, первому впечатлѣнію не слѣдуетъ довѣряться. Оно обусловлено только ученой обстановкой, а не научною силой и вѣрностью мысли. Обильныя подробности

Развитіе запрета.

Разборъ теоріи Кейссера.

только заслоняють, а не восполняютъ логическую безсвязность и неустойчивость положеній.

Опека
надъ жен-
щинами.

Такъ, напр., все разсужденіе о вліяніи опеки надъ женщинами, безъимянно заимствованное, какъ мы только что указали, у Зейфферта, не лишено извѣстной цѣнности; но къ чему оно въ данномъ случаѣ Кейссеру? Для историческаго объясненія нашего учрежденія важно знать не то, почему оно могло возникнуть раньше или позже, а то, почему оно вообще возникло, все равно, рано или поздно. Между тѣмъ вся забота Кейссера направлена именно на первую задачу. Въ отношеніи ко второй онъ стоитъ на почвѣ радикальной теоріи, — стало быть, раздѣляетъ участь всѣхъ стоящихъ на этой почвѣ.

„Имманентность“
ретенцій.

Однако у него невыясненъ и самый существенный исходный пунктъ его собственнаго разсужденія. Его мысль о началѣ ретенцій основана просто на непониманіи всѣхъ разъясненій природы ретенціи Дернбургомъ и Бехманомъ, которымъ онъ принципиально слѣдуетъ. Согласно съ его изложеніемъ на стр. 10—11 *actio rei uxoriae* первоначально явилась безъ *retentio propter res donatas* и лишь потомъ обогатилась ею, какъ какою то прибавкою. Гдѣ же тутъ бехмановская „имманентность“ ретенцій *иску rei uxoriae*? А вѣдь откинувъ эту „имманентность“, мы должны отказаться и ото всей теоріи самого дотальнаго иска, а стало быть и отъ исторической гипотезы Бехмана, которую принимаетъ Кейссеръ.

Зарожденіе
ретенцій.

Далѣе, почему до введенія ретенціи и, стало быть, задолго до признанія супружескихъ дареній недѣйствительными жена и сключала для себя возможность дѣлать даренія мужу, давъ ему въ приданое все свое имущество? Мнѣ думается, что тутъ вошіющая непродуманность. Вѣдь если даренія не были „запрещены“, то ихъ совершеніе устраняло примѣненіе *actio rei uxoriae* въ полномъ объемѣ и уменьшало притязаніе жены на сумму сдѣланныхъ дареній. „Правовое чувство“ и т. п. тутъ ничего не доказываютъ, — напротивъ, ихъ то самихъ и надо еще доказать.

*Rationes
interdicti.*

Далѣе, Кейссеръ объясняетъ недѣйствительность дареній тѣми *rationes interdicti*, съ которыми мы встрѣчаемся въ дигестахъ. Но изъ предшествующей главы мы знаемъ цѣну и значеніе этихъ *rationes*. Притомъ, какова бы ни

была ихъ цѣна, историческимъ объясненіямъ они нисколько не помогаютъ.

Затѣмъ Кейссеръ подхватываетъ неточную мысль Дербурга, исправленную Бехманомъ, о томъ, что жена могла взыскивать свои даренія посредствомъ *actio rei uxoriae*. Дербургъ правъ, поскольку жена дѣлала даренія изъ приданого; но Бехманъ правъ потому, что этотъ искъ не годился для поворота дареній изъ парафернальнаго имущества. Правда, за Дербургомъ осталось послѣднее слово, но неправота его очевидна, особенно въ толкованіи Dig. 24, 1, 55: объясненіе Бехмана не оставляетъ никакихъ сомнѣній.

Въ концѣ концовъ остается только прибавить, что, помимо указанныхъ промаховъ, и для Кейссера остаются въ силѣ возраженія, сдѣланныя по существу противъ Дербурга и Бехмана.

Dig. 24,
1, 55.

Общая не-
удовлетво-
ритель-
ность
теоріи
Кейссера.

IV. Карлова.

Въ самое недавнее время теорія Бехмана пережила послѣднюю метаморфозу подъ перомъ Карловой. По внѣшности изложеніе послѣдняго — простой пересказъ того, что раньше говорили Франке и Бехманъ; но на дѣлѣ эта внѣшность обманчива. Карлова, такъ сказать, отрѣшаетъ ихъ мысли отъ того ствола и тѣхъ корней, на которыхъ онѣ выросли и созрѣли. Запретъ дареній, говоритъ онъ (II, 226), сложился, согласно Ульпіану, путемъ обычнаго права. Но какъ же могло юридически проявиться враждебное супружескимъ дареніямъ настроеніе? При этомъ вопросъ мысль невольно обращается къ ретенціи *propter res donatas*. Мысль о поворотѣ даренія всего раньше должна была возникать у дарителя при разводѣ и мужу представлялся случай осуществить ее въ *iudicium rei uxoriae*. Необычайная свобода усмотрѣнія, которая въ немъ была предоставлена арбитру, благодаря *aequius melius* исковой формулы, открывала ему возможность признавать даренія мужа недѣйствительными и вычитать ихъ стоимость изъ приданого. А когда ретенціи *propter res donatas* стали общимъ порядкомъ, то на нихъ нельзя было остановиться. Справедливость требовала предоставить и женѣ право на поворотъ ея сдѣланныхъ дареній. Но тутъ ретенція была невозможна. Тогда и пришли, конечно, не безъ поддержки

Вариантъ
ученія
Бехмана.

со стороны юристовъ, къ общему положенію о томъ, что даренія между супругами имѣютъ только фактическій, прекарный характеръ, — до востребованія (II, 227).

Разборъ
теоріи
Карловы.

Прежде всего, надо сказать, что въ этой отрѣшенной формѣ теорія Бехмана всего ближе къ истинѣ. Ни то или другое воззрѣніе на природу ретенціи, ни даже принятіе или непринятіе радикальной теоріи (Карлова, слѣду оговориться, безпрекословно ее принимаетъ) не мѣшаетъ принять мысль о томъ, что ретенція была первымъ проявленіемъ зарождающагося ученія о недѣйствительности супружескихъ дареній. Но зато Карлова на первый планъ выдвинулъ все то же неизбежное судейское усмотрѣніе. Вполнѣ естественно, что въ отрѣшенномъ видѣ мысль о ретенціяхъ не имѣетъ никакой почвы; а та, на которой пытается утвердить его Карлова, болѣе чѣмъ неустойчива. Никогда не удастся доказать, будто какая нибудь формула могла дать судѣ право по усмотрѣнію признавать или не признавать дѣйствительность тѣхъ или другихъ сдѣлокъ. Даже преторскому эдикту не всегда это удавалось; а *in integrum restitutio* никогда не могло имѣть такого общаго и безусловнаго характера, какъ наше учрежденіе. Кто не вѣруетъ во всемогущество римскаго судьи, для того изложеніе Карловы только наборъ пустыхъ словъ. Даже де-Медіо, не робѣющій идти на самыя невѣроятныя предположенія, смутился въ данномъ случаѣ. По-истинѣ, говоритъ онъ (I, 367), какъ бы широко ни было усмотрѣніе арбитра въ силу *aequius melius*, кто же станетъ серіозно утверждать, будто онъ могъ объявлять даренія недѣйствительными и въ силу этого распоряжаться вычетомъ ихъ стоимости изъ цѣны приданаго, если они не были самымъ правомъ признаны недѣйствительными? Совершенно вѣрно. Противъ Дернбурга и даже Бехмана это возраженіе можетъ быть не совсѣмъ годится, но противъ Карловы оно неотразимо.

§ 19. Бринцъ и Гофманнъ.

I. Бринцъ.

Обособлен-
ность
Бринца.

Здѣсь мы кончаемъ разсмотрѣніе Бехмановской вѣтви радикальной теоріи и обращаемся къ другой группѣ писателей, сошедшихся на той же почвѣ въ одномъ направленіи

и сосредоточившейся около Бринца. Замѣчу, впрочемъ, что самъ Бринцъ стоитъ совсѣмъ особнякомъ въ отношеніи къ нашему вопросу. Онъ не примыкаетъ ни къ радикальной, ни къ консервативной теоріи, и ни однимъ намекомъ не возражаетъ ни противъ той, ни противъ другой. Но, какъ мы сейчасъ выяснимъ, его теорія сложилась на почвѣ ученій Бехмана и кромѣ того послѣдователи Бринца вполне опредѣленно примкнули къ теоріи радикальной; а стало быть именно въ данномъ мѣстѣ намъ всего удобнѣй ознакомиться съ его воззрѣніями.

Мнѣніе Бринца касается исторической стороны ученія, но его исходныя разсужденія вытекаютъ изъ догматическихъ запросовъ. Положеніе, что даренія безповоротны, говоритъ онъ (3, 788 сл.), не имѣетъ мѣста между супругами. Между ними поворотъ дареній возможенъ. Зато съ другой стороны ихъ даренія не только подлежатъ поворотамъ, но еще сверхъ того и запрещены съ силою *lex perfecta*, т. е. ничтожны, хотя запретъ основанъ только на обычаяхъ, такъ что въ сущности здѣсь передъ нами даже вовсе нѣтъ дареній и, стало быть, супруги не то что освобождены, а исключены изъ сферы общаго права, лишены возможности совершать обоюдно даренія.

Однако спрашивается, не была ли все же именно поворотность цѣлью учрежденія, а недѣйствительность только средствомъ къ ея достиженію, такъ что о *prohibitio* или *interdictum* заговорили позже, въ нѣкоторомъ родѣ для объясненія принятой недѣйствительности? Съ одной стороны, это вполне возможно: вѣдь недѣйствительность могли провозгласить для того, чтобы вывести поворотъ изъ рамокъ простой кондикціи или иныхъ облигаторныхъ или чисто персональных средствъ. Чтѣ же касается съ другой стороны правдоподобія такой мысли, то многое говоритъ скорѣе въ пользу ея, чѣмъ противъ нея.

Во-первыхъ, при ней намъ яснѣ самая причина недѣйствительности. Во вторыхъ, отсюда же понятно, почему не взыскиваются даренія, отъ которыхъ даритель не становится бѣднѣе. Правда, реквизитъ обогащенія одареннаго указываетъ какъ будто и еще на чтѣ-то, кромѣ помощи дарителю; но при ближайшемъ разсмотрѣніи эта видимость исчезаетъ:

Догматическія предпосылки Бринца.

Недѣйствительность и поворотность.

Rationes недѣйствительности и реквизитъ обогащенія.

вѣдь если бы взыскивать даренія даже при отсутствіи обогащенія одареннаго, такъ это значило бы дѣлать его бѣднѣе въ интересахъ дарителя. По той же причинѣ требуется и наличность обогащенія не только въ моментъ даренія, но и при *litis contestatio* (Dig. 24, 1, 5 ult; 24, 1, 57 fin; 24, 1, 1, 7 pr.; Cod. 5, 16, 8; 5, 16, 17), и понятно, почему обогащеніе взыскивается не въ полномъ размѣрѣ, а только до предѣловъ даренія.

Возраженія
противъ пер-
вичной не-
дѣйстви-
тельности.

Напротивъ, если какая нибудь (мудрено сказать, какая именно) неодобрительность супружескихъ дареній послужила зерномъ запрета и недѣйствительности, то не только эти реквизиты обѣднѣнія и обогащенія оказываются безъ основанія, но и самый ходъ историческаго развитія отъ безусловной недѣйствительности къ частичной дѣйствительности въ силу *Oratio* 206 г. становится необъяснимымъ. Отчего дареніе, недѣйствительное принципиально или само по себѣ, оживаетъ потому, что умеръ даритель? Иное дѣло, если недѣйствительность была не первичнымъ явленіемъ, а только послѣдствіемъ права *roenitentiae*: послѣднее, очевидно, должно было ограничиваться усмотрѣніемъ самого дарителя и, стало быть, предѣлами его жизни.

Обычнопра-
вовое прои-
схожденіе.

Наконецъ, заключаетъ Бринцъ, даже какъ продуктъ обычнаго права (Dig. 24, 1, 1 pr.) данное сингулярное право понятнѣй, если его началомъ было право поворота, а запретъ только рефлексіей. Ибо именно права, по преимуществу, чѣмъ старше, тѣмъ крѣпче коренятся въ обычаѣ; запреты же бывають обыкновенно порожденіями не обычаевъ, но законовъ (3, 795).

II. Оцѣнка ученія Бринца.

Вліяніе
Бехмана и
самобыт-
ность
Бринца.

Бринцу неотъемлемо принадлежитъ та заслуга, что онъ внесъ въ науку дѣйствительно новую мысль; но безпристрастіе требуетъ отъ насъ, чтобы мы признали на этой мысли косвенное вліяніе Бехмана. Сказать, что недѣйствительность явилась только выводомъ изъ поворотности супружескихъ дареній, было нетрудно послѣ того, какъ было сказано, что запретъ выработался на почвѣ ретенцій *propter res donatas*. Конечно, мысль Бринца отъ этого не менѣе принадлежитъ Бринцу и его заслуга ничего не теряетъ оттого, что онъ имѣлъ предшественниковъ.

Воззрѣніе Бринца повліяло на науку какъ въ догматическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Первое мы покамѣстъ оставимъ безъ разсмотрѣнія, но тѣмъ внимательнѣе прослѣдимъ второе. Дѣло въ томъ, что Бринцъ не столько разрѣшаетъ, сколько ставитъ вопросъ по новому. Для его догматическихъ цѣлей этого было, пожалуй, и достаточно; но остановиться на одной постановкѣ вопроса было, конечно, невозможно: требовался положительный отвѣтъ, откуда взялась поворотность супружескихъ дареній, какъ превратилась она въ недѣйствительность, откуда взялся, наконецъ, запретъ, несвойственный, по собственному признанію Бринца, нормамъ обычнаго права. Притомъ, такъ какъ Бринцъ не примыкаетъ открыто ни къ консервативной, ни къ радикальной теоріи, то не исключаетъ ни для той, ни для другой возможности быть пріуроченною къ его мысли. И на самомъ дѣлѣ случилось и то, и другое. Консервативную теорію сочеталъ съ воззрѣніями Бринца, какъ мы уже предупредили читателей, Гофманнъ, а радикальную — де-Медіо.

Вліяніе
Бринца.

III. Гофманнъ.

381 г.

Гофманнъ обнародовалъ свое мнѣніе въ 1881 году, но, какъ самъ заявляетъ (286, прим. *), по рукописи, составленной еще въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, т. е. тогда, когда радикальная теорія только начала завоевывать преобладаніе въ наукѣ. Этимъ въ значительной степени объясняется отношеніе къ ней Гофманна. Какъ бы то ни было, консервативная точка зрѣнія спасла его отъ многихъ ошибокъ и дала возможность высказать нѣсколько безусловно цѣнныхъ мыслей, частью совпадающихъ съ забытыми нынче наблюденіями Бёмера, частью же совершенно новыхъ. Благодаря ей же, Гофманнъ пользуется и до-гаевской, а частью (правда, очень поверхностно и неудачно) и до-глюкковскою литературою.

Консервативный
духъ теоріи
Гофманна.

Хотя римское право, говоритъ онъ (286 сл.), и запретило даренія между супругами, объявивъ ихъ недѣйствительными, хотя юристы очень настойчиво подчеркивали безусловность этой недѣйствительности въ силу запрета, однако въ жизни онъ сказывался менѣе строго и круто, чѣмъ въ теоріи. Недѣйствительное дареніе не влекло за собою пени, не было

Бытовой
характеръ
супружескихъ
дареній.

turpis, а только iniusta causa, и пока супруги жили въ мирѣ и совѣтѣ, имъ и не нужна была юридическая охрана дареній, да въ сущности не нужны и самыя даренія въ юридическомъ смыслѣ.

Недѣйстви-
тельность.

Потому даренія, сдѣланныя при отношеніяхъ, когда мое и твое такъ мало различаются, не должны были обязывать юридически. Таково было національное воззрѣніе. А ужъ какъ оно затѣмъ проявится въ области права, было вопросомъ техническимъ, безразличнымъ для народнаго сознанія. Римскіе юристы рѣшительно высказались въ пользу недѣйствительности, тогда какъ для неспеціалистовъ должно было казаться, что рѣчь идетъ только о поворотности. Юристы пришли къ своей мысли, чтобы, какъ говоритъ Бринцъ, освободить поворотъ отъ рамокъ кондикціи или другихъ способовъ взысканія.

Извѣстія.

Къ этому надо прибавить, что 1) множество дареній не подлежало запрету, а въ частности mortis causa donationes всегда были дозволены, что 2) именно этотъ запретъ и послужилъ для римскихъ юристовъ поводомъ очень тѣсно ограничить самое понятіе дареній, такъ что многія въ бытовомъ смыслѣ даренія не могли подъ него подойти, и что, наконецъ, 3) поворотность отпадала при отсутствіи обогащенія.

Manus
mariti.

Возникновеніе правилъ о супружескихъ дареніяхъ Гофманнъ, какъ и до-гаевская литература, выводитъ изъ manus mariti (288 сл.). Жена ничего не имѣла и даренія мужа могли самое большее принять характеръ пекулія, но никакъ не выйти изъ его имущества. Когда жъ эти условія отпали въ вольныхъ бракахъ, то римляне уже привыкли придавать дареніямъ между супругами только фактическое значеніе. Это во многихъ случаяхъ должно было даже вліять на apud, съ которымъ даренія совершались (289). А съ упадкомъ нравовъ прибавились и новыя соображенія, въ силу которыхъ народное воззрѣніе, путемъ научной рефлексіи, выразилось въ запретительной юридической нормѣ. Установивъ эти положенія, Гофманнъ пространно подтверждаетъ ихъ аналогією съ недѣйствительностью дареній между отцомъ и подвластными дѣтьми (290—294), а также вступаетъ въ споръ съ Савиньи (въ защиту Бурхарди), о чемъ мы скажемъ далѣе.

Ходъ исто-

Въ связи съ такимъ ходомъ историческаго развитія,

по мнѣнію Гоффманна (295), стоитъ и то, что было ужъ отмѣчено Савиньи (IV, 174), — что, хотя правила о недѣйствительности касаются обоихъ супруговъ, однако ихъ вліяніе сказывается глубже при дареніяхъ жены мужу. Далѣе, эта мысль вполне согласна съ предположеніемъ Бринца, что поворотность была первичнымъ, а запретъ вторичнымъ моментомъ развитія. Будь оно иначе, такъ правила о супружескихъ дареніяхъ были бы введены какимъ нибудь закономъ; а между тѣмъ мы совершенно не имѣемъ права допустить, будто даренія между супругами пользовались когда нибудь юридическою защитой (кромѣ, конечно, изъятыхъ изъ общаго правила).

рического
развитія.

Начало и основаніе этихъ правилъ были неизвѣстны римскимъ юристамъ, а потому они и приписали ихъ обычному праву и упражнялись въ попыткахъ его мотивировки. Выраженія, въ которыхъ это дѣлаетъ Ульпіанъ, — *moribus apud nos receptum est, ne inter virum et uxorem donationes valerent*, — точнѣе, чѣмъ выраженія *Oratio* 206 г., — *maiores nostri inter virum et uxorem donationes prohibuerunt*, — ибо Ульпіанъ 1) только констатируетъ существованіе правила, тогда какъ *Oratio* говоритъ объ актѣ его введенія, и 2) выдвигаетъ на первый планъ недѣйствительность, а не запретъ (295, прим. 24). Что же касается законодательныхъ мотивовъ у юристовъ, то въ нихъ нельзя не видѣть рефлексій о дѣйствующемъ правѣ, которое хотятъ объяснить, но никакъ не соображеніи, которыя бы могли породить это право: для того они слишкомъ шатки. Впрочемъ, возможно, что эти или подобныя соображенія содѣйствовали укорененію мысли о недѣйствительности супружескихъ дареній въ эпоху вольныхъ браковъ, — всего болѣе, надо полагать, слѣдующее: или супруги остаются супругами, но тогда имъ не къ чему даренія въ юридическомъ смыслѣ, кромѣ какъ на случай смерти, — а даренія *mortis causa* искони считались дѣйствительными; или же они предусматриваютъ разводъ, — но тогда есть всѣ основанія опасаться постыдѣйшихъ злоупотребленій. Такія соображенія все болѣе должны были напрашиваться при растущемъ легкомысліи въ отношеніи брачныхъ союзовъ и все рѣшительнѣе окрашивать non valege отгѣнкомъ *prohiberi*, — что впрочемъ, вовсе не обязываетъ насъ приурочивать къ этой эпохѣ зарожденіе самаго правила (296).

Обычно-
правовое
происхо-
жденіе
недѣйстви-
тельности.

Развитіе
недѣй-
ствитель-
ности въ
исторіи.

Высказавъ затѣмъ свое несогласіе съ Бехманомъ (ужь отмѣченное нами выше), Гофманнъ отказывается признать, чтобы запретъ, начавшись съ отдѣльных пунктовъ, постепенно расходился все болѣе широкими кругами: напротивъ, говорить онъ (297—298), первоначальная всеобщая недѣйствительность дареній между супругами была постепенно все болѣе суживаема, — частью все болѣе точною выработкою тѣснаго понятія даренія, частью изъятіями и, наконецъ, въ особенности при посредствѣ *Oratio* 206 г. Между прочимъ къ эпохѣ *Oratio* относятся и другія важныя перемѣны въ ученіи о дареніяхъ. Старѣйшее изъ дошедшихъ до насъ извѣстіе о *querela inofficiosae donationis* (Dig. 31, 87, 3) немногимъ моложе 206 г.; Северъ приравнялъ *mortis causa donationes* къ легатамъ въ отношеніи *quarta Falcidia* (Cod. 8, 56, 2; 6, 50, 5; cf. Dig. 5, 2, 8, 6) и притомъ именно какъ нововведеніе (Dig. 39, 6, 42, 1): подобное же теоретическое приравненіе еще Ульпіаномъ высказано безъ особенной увѣренности („credo“, „puto“, Dig. 37, 5, 3 pr.; cf. Dig. 47, 4, 18, 1). Составитель *Oratio* видимо держалъ въ мысляхъ положеніе *morte Cincia removetur*: въ историческомъ отношеніи это подтверждаетъ, полагаетъ Гофманнъ, мысль объ отношеніи поворотности къ недѣйствительности.

Гофманнъ
о полемикѣ
Савиньи
противъ
Бурхарди.

Кромѣ положительныхъ мнѣній, статья Гофманна замѣчательна еще тѣмъ участіемъ, которое онъ черезъ 45 лѣтъ принялъ въ полемикѣ Савиньи съ Бурхарди, ужь изложенной нами съ полной обстоятельностью. Въ свое время Бурхарди не только не отвѣчалъ Савиньи, за которымъ осталось такимъ образомъ послѣднее слово, но даже сдался своему противнику и смиренно подчинился его авторитету (Burchardi, *Lehrbuch des Römischen Rechts*, II, 1, 258). Упустивъ изъ виду эту капитуляцію, за него и заступился Гофманнъ, снова примкнувшій, какъ мы увидимъ далѣе, къ поборникамъ теоріи Бриссона, по вѣрному инстинкту поддерживая въ то же время консервативную теорію, которой главнымъ представителемъ въ XIX вѣкѣ являлся именно Савиньи. Антиномичность воззрѣній Савиньи, о которой нами уже сказано, была выяснена Гофманномъ хоть и неполно, но всетаки довольно отчетливо.

Даренія и
другія
сдѣлки.

На слова Савиньи, что запретъ коснулся бы всѣхъ отчужденій, а не однихъ дареній, Гофманнъ возражаетъ

(289, прим. 7), что о возмездныхъ отчужденіяхъ супруги не могли и думать въ эпоху строгихъ браковъ, но даренія въ фактическомъ смыслѣ этого слова, конечно, и тогда мужья дѣлали своимъ женамъ; притомъ въ эпоху, когда сдѣлки между отцомъ и сыномъ уже признавались въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительными, *pater donare non poterat*, Vat. Fr. § 294, ср. Mandry, *Familiengüterrecht* 1,275, и такіа даренія были недѣйствительны въ еще большей степени, чѣмъ другія, попрежнему невозможныя, приобрѣтательныя сдѣлки между отцомъ и сыномъ.

Далѣе, на вопросъ Савиньи, какъ могли дойти до мысли — превратить въ запретъ при вольныхъ бракахъ то, что было естественною невозможностью при бракахъ подручныхъ, Гофманнъ отвѣчаетъ, что дошли вслѣдствіе учащающихся разводовъ и вообще упадка нравовъ; да притомъ запретъ не былъ разомъ высказанъ съ самаго начала въ какомъ нибудь законѣ, а первоначальная недѣйствительность была въ послѣдствіи претворена въ запретъ путемъ научной догадки.

Причины
запрета.

Наконецъ, заключительныя слова Савиньи Гофманнъ просто считаетъ устарѣвшими послѣ работъ Бехмана, Шёйрля и другихъ: Шёйрль такъ прямо находитъ, говоритъ онъ, что сквозь все дотальное право красною нитью проходить *imitatio* юридическаго строя подручныхъ браковъ (290, прим. 7).

Параллель
между
подруч-
ными и
вольными
браками.

IV. Оцѣнка ученія Гофманна.

Вотъ какъ смотреть на дѣло Гофманнъ. Мы уже ска-
зали, что его теорія только сливается мнѣніе Бринца съ консервативною теоріей и мыслью о *manus mariti*, какъ первоисточникъ недѣйствительности. Онъ инстинктивно поворачивается къ до-гаевской литературѣ, хотя, не будучи съ нею знакомъ, не въ силахъ извлечь изъ нея тѣхъ указаній, которыя она даетъ. Напримѣръ, если бы Гофманнъ зналъ Бёмера, несомнѣнно онъ еще точнѣй и содержательнѣй оформилъ бы свою мысль о мотивировкѣ недѣйствительности юристами. Наряду съ этимъ, однако, онъ высказываетъ нѣсколько весьма цѣнныхъ и мѣткихъ замѣчаній.

Литератур-
ное пре-
емство.

Такова, напр., его, по моему мнѣнію, безусловно пра-
вильная, догадка о томъ, что недѣйствительность была про-

Недѣйстви-
тельность и
юристы.

возглашена юристами, тогда какъ въ жизни на дѣло смотрѣли, какъ на поворотность.

Запретъ и
обычай.

Цѣнно затѣмъ то измѣненіе, которому онъ подвергаетъ мысль Бринца о несвойственности запретительныхъ нормъ обычному праву: Гофманнъ уже прямо говоритъ, что если бы даренія между супругами когда нибудь признавались въ Римѣ, то ихъ недѣйствительность могла бы явиться послѣдствіемъ только закона. Опять совершенно вѣрная мысль, которая наводитъ насъ и на обратное заключеніе: изъ того, что недѣйствительность дареній между супругами была порожденіемъ обычая, а не закона, необходимо слѣдуетъ, что эти даренія никогда не считались дѣйствительными. Съ точки зрѣнія радикальной теоріи принять этого невозможно; но тогда ей остается лишь одинъ исходъ: заподозрить обычно-правовое происхожденіе недѣйствительности и приурочить ея начало къ какому либо законодательному акту. Какъ сейчасъ увидимъ, этого выводъ и не замедлилъ сдѣлать Алибранди, съ другого, такъ сказать, конца вернувшись на точку зрѣнія глоссаторовъ. Наконецъ и въ другихъ замѣчаніяхъ Гофманна, здѣсь особо не разбираемыхъ, но воспроизведенныхъ выше, въ изложеніи его взгляда, много вѣрнаго и цѣннаго, что намъ еще пригодится впослѣдствіи.

§ 20. Итоги консервативной теоріи и мысли Бриссона.

І. Возраженія противъ Гофманна.

Manus
mariti.

Съ другой стороны, очевидная неправота Савиньи въ его спорѣ съ Бурхарди обезпечила Гофманну легкую побѣду. Благодаря его статьѣ, мысль Бриссона получаетъ и въ нынѣшней обстановкѣ характеръ современной теоріи, а обычай недѣйствительности супружескихъ дареній вновь приурочивается къ древнѣйшимъ временамъ Рима. Въ этомъ смыслѣ Гофманнъ дѣлаетъ первый шагъ къ уплатѣ того долга, для котораго консервативная теорія, какъ мы сказали, явилась лишь отсрочкою. Проведемъ же его мысль до конца и посмотримъ, можетъ ли *manus mariti* помочь намъ въ толкованіи словъ *moribus receptum est*.

Возраженія
противъ
Гофманна.

Разберемъ сначала сдѣланныя противъ него возраженія, поскольку они имѣютъ самостоятельную цѣнность, незави-

симо отъ принадлежности авторовъ къ радикальной теоріи или вообще предвзятыхъ воззрѣній.

II. Граденвитцъ.

7 г.

Прежде всѣхъ Граденвитцъ выдвинулъ противъ него двойной рядъ доводовъ.

Гофманъ, говоритъ онъ, указываетъ, что въ подручномъ бракѣ едва ли были возможны другія сдѣлки между супругами, кромѣ дареній; но если даже съ нимъ согласиться, то мы все-таки не объяснимъ дѣйствительности этихъ другихъ сдѣлокъ въ бракахъ вольныхъ; вѣдь всѣ сдѣлки были ничтожны при бракахъ подручныхъ, — почему же недѣйствительность осталась для однихъ дареній? Притомъ, какъ объяснить намъ съ этой точки зрѣнія недѣйствительность дареній жены мужу? (201, прим. 1). Во всякомъ случаѣ для дареній выводить ихъ изъ природы подручнаго брака значитъ доказать слишкомъ много: это приводитъ насъ къ выводамъ, которые фактически не соответствуютъ дѣйствительности. Для объясненія запрета надо найти основаніе, которое было бы примѣнимо только къ дареніямъ и не могло коснуться сдѣлокъ безъ *animus donandi* (201—202).

Даренія и другія сдѣлки между супругами.

А затѣмъ изъ приводимыхъ римлянами *rationes interdicti* никакъ не выходитъ, будто юридически супругамъ невозможно (или было невозможно) дарить другъ другу; они смотрятъ на запретъ, какъ на продуктъ цѣлесообразнаго намѣренія, но не юридической необходимости; въ основѣ ихъ воззрѣнія лежитъ цѣль (*ne mutuo amore invicem spoliarentur*), а вовсе не отголосокъ древняго права. Они говорятъ, что супруги не должны другъ другу дарить, а вовсе не говорятъ, будто они этого не могутъ (205—206).

Rationes interdicti.

III. Де-Медіо.

12 г.

Послѣ Граденвитца высказался въ томъ же духѣ де-Медіо (I, 363—364; II, 7—9), повторивъ въ позднѣйшей редакціи своей работы первое возраженіе Граденвитца (II, 8).

Точка зрѣнія Гофманна, по его мнѣнію, предполагаетъ во всякомъ случаѣ причинную связь между невозможностью дареній въ подручномъ бракѣ и ихъ недѣйствительностью въ бракѣ вольномъ. Но этой связи-то и нѣтъ. Недозволенность предполагаетъ матеріально-юридическую воз-

Причинная связь между невозможностью и недѣйствительностью.

возможность запретнаго дѣйствія. Причемъ же тутъ привычка, будто бы, римлянъ считать невозможными даренія между супругами, о которой говоритъ Гофманнъ? Исчезли подручные браки, исчезла и невозможность, а стало быть, не въ нихъ надо искать причины недѣйствительности въ бракахъ вольныхъ, ибо и сами римляне очевидно не могли этого въ свое время.

Аналогія со
сдѣлками
между вла-
стителями
и подвла-
стными.

Второе возраженіе де-Медіо принципиально касается вопроса объ аналогіи сдѣлокъ между супругами въ подручномъ бракѣ и между отцомъ и подвластными дѣтьми. Въ первыхъ, говоритъ онъ (I, 364—365; II, 9), въ вольномъ бракѣ жена не находится *in manu* мужа, тогда какъ отцовская власть остается, не взирая на пекуліарную имущественную независимость сына. Во-вторыхъ, въ отношеніи къ дѣтямъ существовало правило о приобрѣтеніи ими для отца *ex re patris*, а у отца существовалъ *узусфруктъ* на имущество дѣтей, тогда какъ ни то, ни другое не касается супруговъ. Отношенія здѣсь и тамъ существенно различны, такъ что нечего и говорить объ аналогіи въ развитіи.

IV. Критика возраженій.

Недоразу-
мѣніе
Граден-
витца.

Изъ возраженій Граденвитца первое удобнѣе разсмотрѣть въ связи съ возраженіями де-Медіо, гораздо тщательнѣе продуманными и несравненно болѣе основательными; второе же исходитъ изъ предположенія, будто бы запретъ является исконною причиною недѣйствительности; между тѣмъ Гофманнъ совершенно ясно высказался, что запретъ въ его глазахъ явленіе позднѣйшее, ибо нуженъ былъ только для вольныхъ браковъ. Граденвитцъ просто его не понималъ. Съ другой стороны сами *rationes interdicti*, какъ мы ужъ оговорились, не могутъ и не должны служить доводомъ по нашему вопросу.

Причинная
связь.

Напротивъ, очень серіозны доводы де-Медіо, особенно первый: нельзя не признать вполне вѣрнымъ, что между невозможностью дареній въ подручномъ бракѣ и ихъ недѣйствительностью въ бракѣ вольномъ не усматривается никакой причинной связи. Мы въ свое время видѣли, какъ неудачно кончилась попытка Бёмера найти эту связь въ *auctoritas prudentium* и какъ съ тѣхъ поръ никому не удалось восполнить пустого мѣста между двумя учрежденіями. Въ

частности это отсутствіе причинной связи показываютъ и обнаруженныя Граденвитцемъ несоотвѣтствія: дѣйствительно, *is erit mihi magnus Apollo*, кто укажетъ, почему, если бы существовала эта связь, недѣйствительность коснулась бы однихъ только дареній, а не всѣхъ слѣлокъ между супругами? Вѣдь если сослаться на упадокъ нравовъ, такъ незачѣмъ сослаться на примѣръ подручнаго брака; а съ другой стороны непонятно, почему упадокъ нравовъ повлекъ за собою недѣйствительность однихъ дареній, а напр. не интерцессій супруговъ? Безспорно, разгадки должно искать въ чемъ-то иномъ: но тогда ссылка на *manus mariti* совершенна неумѣстна и ненужна.

Столь же основательно и второе возраженіе де-Медіо. Аналогія. Дѣти подвластны, а жены неподвластны: какая же тутъ аналогія? Дѣти *ex re patris* пріобрѣтаютъ отцу, а жена *ex re mariti*, какъ намъ категорически свидѣлствуютъ юристы (*Dig. 24, 1, 44*), не мужу, а себѣ: чтò тутъ общаго? Наконецъ, скажу я, дѣти по закону отцу наследуютъ, а жена только въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, какъ на это указывалъ уже Палиніанъ, *Vat. Fr. § 294, 2*. Почему это соображеніе кажется Гофманну „не юридическимъ“, не понимаю. Доводы Гофманна ничего ровно не доказываютъ.

Со своей стороны прибавлю, что Гофманнъ проводитъ аналогію совсѣмъ не такъ, какъ его обязывало принятое имъ воззрѣніе Бриссона. Гофманнъ указываетъ, что исцѣленіе дареній въ силу *Oratio 206 г.* было понемногу распространено и на дѣтей: это совсѣмъ не то, чтò требуется. У насъ рѣчь идетъ о недѣйствительности, а пока вовсе не объ исцѣлимости. Если недѣйствительность коренилась въ *manus mariti*, то надо сравнить съ подручной и вольною женою подвластныхъ и неподвластныхъ, эманципированныхъ дѣтей: вотъ это аналогія, точно; зато и гласить она безусловно противъ Гофманна: даренія между родителями и неподвластными дѣтьми подлежатъ общимъ правиламъ о дареніяхъ. А вѣдь это насъ обязываетъ и къ дальнѣйшимъ выводамъ: во-первыхъ, отсюда слѣдуетъ, что не въ личныхъ отношеніяхъ супруговъ намъ должно искать корней недѣйствительности дареній между ними; а во-вторыхъ, мы, слѣдовательно, должны искать этихъ корней въ отношеніяхъ имуществен-

Ея неправ-
вильность
у Гофман-
на.

ныхъ и притомъ именно имущественныхъ отношеніяхъ между супругами, такъ какъ аналогія съ родителями и дѣтьми ясно указываетъ, что ни отцовская власть, ни пекуліарное право къ недѣйствительности дареній сами по себѣ не приводили.

Итоги
полемики

Однимъ словомъ, если неправъ Савиньи въ своихъ поверхностныхъ возраженіяхъ противъ Бурхарди, то и Гофманну не удалось спасти защищаемой имъ мысли.

V. Итоги теоріи Бриссона.

Значеніе
Бриссона.

Между тѣмъ, догадка Бриссона имѣеть, по моему, неотъемлемое научное достоинство; только надо ею воспользоваться не съ тою цѣлью, съ какой она была высказана.

Manus mariti
старше
недѣйстви-
тельности.

Безспорно, что первоначально громадное большинство браковъ были браками подручными; а такъ какъ въ бракахъ подручныхъ даренія между супругами юридически невозможны, то мы можемъ смѣло утверждать, что, стало быть, юридическія даренія супруговъ между собою должны были въ свое время явиться новшествомъ, не имѣющимъ никакихъ корней въ преданіяхъ и бытовой старинѣ. И, конечно, сознаніе новизны ихъ не могло не служить подкрѣпляющимъ доводомъ для тѣхъ, кто нашелъ бы другія положительныя основанія для признанія недѣйствительности супружескихъ дареній. Словомъ, это былъ не законодательный доводъ для введенія недѣйствительности и не историческая причина ея возникновенія, но прекрасное доказательство по аналогіи въ пользу ея провозглашенія въ томъ случаѣ, если бы жизнь давала къ нему бытовые поводы и юридическая теорія или судебная практика испытывали въ немъ потребность.

Апулей.

Великолѣпной иллюстраціе къ изложенному можетъ послужить одно мѣсто изъ Апулея, *Metam.* 5, 29, p. 126 Helm, совершенно никѣмъ не использованное для нашего вопроса. Онъ описываетъ Венеру, обращающуюся съ гнѣвною рѣчью къ сыну:

Velim ergo scias, говоритъ богиня, multo te meliorem filium alium me genituram, immo, ut contumeliam magis sentias, aliquem de meis adoptaturam vernulis eique donaturam istas pinnas et flammam et arcum et ipsas sagittas et omnem meam suppellectilem, quam tibi non ad hos usus dederam. Nec enim de patris tui bonis ad instructionem istam quicquam concessum est.

Подарю другому твой *пекулій*, восклицаетъ гнѣвная мать къ подвластному сыну: въ немъ ничего нѣтъ отцовскаго, все мое. Эта прелестная шутка вполне ясна только на почвѣ римскаго семейно-имущественнаго права съ его дотальной системой и недѣйствительностью дареній между супругами: даренія ничтожны не только между самими супругами, но и между всѣми подвластными агнатами. Даренія Венеры сыну изъ своего имущества нисколько ея не связываютъ: она подарила, она и отниметъ. Другое дѣло, если бы въ ея дарахъ было что нибудь отцовское.

Вторая безусловная цѣнность мысли Бриссона состоитъ въ томъ, что благодаря ей наша задача весьма упрощается. И точно, вѣдь никто не споритъ (да и нельзя спорить) противъ того, что въ ней вѣрно доказана невозможность дареній между супругами въ подручномъ бракѣ. Слѣдовательно, откуда бы ни взялась позднѣйшая всеобщая недѣйствительность этихъ дареній, мы должны объяснить ее только для браковъ вольныхъ. И это упрощеніе задачи остается во всякомъ случаѣ, будемъ ли мы признавать оспариваемую де-Медіо причинную связь, или не будемъ; въ первомъ случаѣ оно даже нагляднѣе для наблюдателя, чѣмъ во второмъ.

Третье, что мы можемъ вывести изъ теоріи Бриссона, лишь очень издалека касается дареній между супругами; но жаль было бы не исчерпать этотъ предметъ до конца, хотя бы въ краткихъ чертахъ, и потому я прошу еще ненадолго вниманія у моихъ читателей. Недѣйствительность дареній между родителями и подвластными дѣтьми и между супругами въ подручномъ бракѣ нисколько не касается и не исключаетъ возможности дареній въ фактическомъ смыслѣ слова. Даже въ настоящее время подарки домашнимъ (кромѣ прислуги и т. п.) юридическаго значенія не имѣютъ. Всякая затрата отца или мужа на дочь или жену фактически несомнѣнно есть дареніе, хотя бы даритель и дарилъ *officio patris*, *officio mariti ductus*. Мужъ опредѣляетъ къ женѣ купленныхъ для нея рабынь, покупаетъ ей туалеты, носилки съ носильщиками, обстановку для ея комнаты, модную прялку изъ Карфагена, — развѣ все это не даренія? Жена собственноручно, *de suo*, изговила мужу тогу и обшила ее пурпуромъ (см. примѣръ *Porph. in Hor. Od. 2, 18, 7*), затратила свои карманные деньги на покупку ему изящнаго кубка, за-

Объясненіе
нужно
только для
вольныхъ
браковъ.

Фактическія
даренія въ
подручномъ
бракѣ.

казала ученому чужому рабу переписать на широкомъ папирусь съ раскрашенными рубриками и заглавными буквами Трипертиты С. Элія, — развѣ это не даренія? И развѣ все это невозможно въ бракѣ *cum manu*? Нѣтъ брака, въ которомъ бы это было невозможно, нѣтъ семьи, которая была бы возможна безъ этого.

Юридическая судьба домашнихъ дареній.

Спрашивается теперь, какое значеніе могли въ Римѣ имѣть даренія въ этомъ родѣ? Если судить съ точки зрѣнія изучаемаго нами обычнаго права, — никакого. Но совсѣмъ иной отвѣтъ получится, если мы взглянемъ съ точки зрѣнія всей системы римскихъ семейно-имущественныхъ отношеній. Вѣдь юридическая недѣйствительность домашнихъ дареній можетъ обнаружиться только въ трехъ случаяхъ:

1) властитель юридически и фактически сохраняетъ за собою полный произволъ отмѣнить подарокъ, когда, почему и какъ ему заблагоразсудится; юридической защиты у подвластныхъ нѣтъ;

2) въ случаѣ выхода изъ-подъ отцовской¹ руки подвластный не выводитъ изъ-подъ нея *ipso facto* подареннаго имущества: требуется подтвержденіе властителя и отъ его усмотрѣнія зависитъ *ademptio peculii*;

3) не отказанный завѣщаніемъ *peculius* составляетъ часть наслѣдственной массы, — опять таки, разумѣется, не столько фактически, сколько юридически, т. е. не *in natura*, а своею цѣнностью.

Смерть и разводъ.

Примѣняя къ только что сказанному вопросъ о дареніяхъ между супругами въ подручномъ бракѣ, мы можемъ сказать: эти даренія могли оказаться юридически недѣйствительными при разводѣ и при смерти мужа. Но какіе же могли быть разводы въ древности при строгомъ подручномъ бракѣ? Остается наслѣдованіе *ab intestatu* жены *iure suitatis*. Здѣсь даренія женѣ ничѣмъ не отличались отъ дареній дѣтямъ. Остается лишь прибавить, что вѣроятно приданое первоначально по преимуществу бывало предметомъ личнаго управленія и завѣдыванія жены, откуда и могли развиваться отказы мужемъ приданаго женѣ и все ученіе о *praelegatio dotis*. Въ концѣ концовъ ремонтъ приданаго

¹ Говорю „отцовской“, ибо жена была подвластна мужу *filiae iuso*, т. е. отцовская и супружеская власть

ничѣмъ не отличались одна отъ другой.

вѣдь и сводился, съ точки зрѣнія инвентаря, къ тому, что *uxoris causa emptum factum comparatum est*.

Второе заключеніе само собою напрашивается изъ вышеизложеннаго. Даренія между супругами въ подручномъ бракѣ не могли быть болѣе недѣйствительны, чѣмъ даренія между родителями и дѣтьми, прежде всего уже потому, что у недѣйствительности нѣтъ и не можетъ быть степеней. Но въ такомъ случаѣ нельзя найти причинъ, по которымъ бы на нихъ не могли быть распространены тѣ же послѣдствія, которыя были присвоены дареніямъ перваго рода. Эти юридическія послѣдствія фактическихъ дареній и составили римское ученіе о пекуліи. Если же такъ, то мы даже не можемъ утверждать, чтобы даренія между супругами въ бракѣ *cum manu* были безусловно лишены всякаго правового значенія. *Peculium* не было безразличнымъ явленіемъ въ юридическомъ отношеніи: *naturalis obligatio* рабовъ, подвластныхъ между собой, между властителемъ и подвластными, *actio de peculio* и т. д. Конечно, все это явленія сравнительно позднія; но по существу это нисколько не мѣняетъ дѣла. Если подручные браки вымерли къ тому времени, когда народились нормы пекуліарнаго права, то бытовое зарожденіе пекуліарныхъ отношеній навѣрное было современнымъ эпохѣ подручнаго брака¹.

Домашнія даренія и пекуліи жены.

Поканчивая на этомъ разработку блестящей мысли Бриссона и выплачивая, въ предѣлѣ своихъ силъ, долгъ наукѣ, разсроченный на цѣлое столѣтіе консервативною теоріею, мы считаемъ невозможнымъ разстаться на этомъ мѣстѣ съ Гофманномъ. Онъ не только послѣдній въ наукѣ представитель мысли Бриссона въ ея первоначальномъ видѣ, но и послѣдній поборникъ консервативной теоріи. Если онъ раздѣляетъ ея заблужденіе, — неправильное пониманіе *Vat. Fr. § 302*, — то его воззрѣнію свойственны и ея достоинства. А что консервативная теорія въ нашемъ вопросѣ жизнеспособнѣе радикальной, это, полагаю, вполне вытекаетъ изъ

Итоги консервативной теоріи.

¹ Изложеннымъ вполне, полагаю, характеризуется мое отношеніе къ спорному вопросу о пекуліи жены, — см. *Wächter, Ehescheidungen*, стр. 114, а главнымъ образомъ *Mandry, Familiengüterrecht*, II,

39 слл. Предметъ моей работы избавляетъ меня отъ необходимости вмѣшиваться въ этотъ споръ и перебирать доводы сторонъ. Ср. также выше, стр. 164—165.

нашего изложенія, не взирая на ту безпощадную критику, которой мы сочли долгомъ научной совѣсти ее подвергнуть. Въ частности здѣсь намъ остается лишь отмѣтить, согласно данному нами обѣщанію (ср. выше, стр. 318 сл.), главную, только Шрадеромъ оцѣненную, силу этого воззрѣнія.

Ея жизне-
способ-
ность.

Дѣло въ томъ, что радикальная теорія могла заглушить, но не могла убить консервативную своимъ преобладаніемъ. Допустимте, что недѣйствительность была введена позже Цинціева закона: всетаки его изъятіе не могло не быть распространено на тѣ даренія, которыя не были подведены подъ недѣйствительность, — напр. *divortii causa*. Стало бытъ, радикальная теорія должна принять въ себя консервативную; разногласіе между ними сводится только къ хронологическому опредѣленію. Съ этой точки зрѣнія даже мое личное возраженіе противъ консервативной теоріи побуждаетъ меня отвергнуть ее лишь формально, а не по существу. Я утверждаю, что *exceptio legis Cinciae* коснулась супруговъ благодаря интерпретаціи, а не прямому велѣнію закона: это ничуть не мѣшаетъ мнѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждать, что эксцепція ихъ коснулась. Да къ тому же приходятъ по необходимости сами сторонники радикальной теоріи, — напр. де-Медіо. Не успѣлъ онъ на стр. I, 372, прим. 2, II, 18, пр. 2, высказать свое несогласіе съ Савиньи, какъ на I, 373, II, 19, утверждаетъ, что существованіе запрета вовсе не уничтожаетъ изъятія Цинціева закона въ отношеніи къ *vir et uxor*. Но тогда изъ-за чего же ему и спорить!

Теоріи ин-
терполя-
ціонна-
го.

Теперь намъ остается лишь изложить двѣ новѣйшія теоріи, возникшія въ Италіи на почвѣ Бринцъ-Гофманновскихъ воззрѣній и интерполяціоннаго направленія, — теоріи Алибранди и де-Медіо. Изъ нихъ Алибранди примыкаетъ къ Гофманну, де-Медіо — къ Бринцу; но такъ какъ они оба, каждый по своему, интерполяціонисты, оба принимаютъ радикальную теорію, и притомъ Алибранди высказался на 10 лѣтъ раньше, чѣмъ де-Медіо, то мы ихъ и рассмотримъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Граден-
витцъ.

Собственно говоря, хронологически имъ обоимъ предшествуетъ Граденвитцъ; но въ историческомъ отношеніи онъ не даетъ ничего положительнаго. Его отношеніе къ дѣлу чисто скептическое. Изъ источниковъ, говоритъ онъ (208), во всякомъ случаѣ ничего нельзя вывести, кромѣ

общаго соціально-политическаго обоснованія. Поскольку его критическія замѣчанія имѣютъ какое нибудь значеніе для настоящей главы, постольку мы сослались на нихъ въ изложеніи тѣхъ теорій, противъ которыхъ онѣ сдѣланы, — ср. выше, стр. 344 и 363 слл.; а его взгляды на *rationes interdicti* упомянуты въ предшествующей главѣ, — см. выше, стр. 151—152.

§ 21. Теорія Алибранди.

892 г.

Выраженіе *moribus receptum est*, начинается Алибранди, § 1. Литературныя теоріи. понималось двояко. Одни приурочивали обычай къ древнѣйшимъ временамъ Рима и подручнымъ бракамъ, а другіе — къ эпохѣ вольныхъ браковъ, на почвѣ которыхъ и созда-лась нецѣлостность.

Первое мнѣніе, какъ онъ думаетъ, встрѣчаетъ непреодолимое затрудненіе въ объясненіи *hoc autem receptum est, ne mutuato amore invicem spoliarentur*, которое было бы смѣшно, если бы нецѣлостность вытекла изъ власти мужа надъ женою. Впрочемъ, само по себѣ это мнѣніе построено на совершенно правильной мысли; только она непригодна для поясненія тѣхъ теорій супружескихъ дареній, которыя мы находимъ въ юстиніановскихъ и до-юстиніановскихъ источникахъ римскаго права. Второе мнѣніе также встрѣчаетъ много трудностей, которыя приводятъ къ заключенію, что Ульпіанъ не могъ написать словъ, стоящихъ подъ его именемъ въ дигестахъ. § 2. Возраженія противъ нихъ.

Опасеніе прійти къ такому выводу не должно удерживать насъ отъ изслѣдованій о началѣ запрета, какъ онъ отразился въ юстиніановомъ правѣ. Ссылаясь на Гуго, Граденвитца и пресловутый § 10 конституціи *Дедожеу*, Алибранди приводитъ нѣсколько типичныхъ интерполированныхъ мѣстъ и заключаетъ: если взять какой нибудь отрывокъ изъ дигестъ, а въ особенности стоящій въ началѣ какого либо титула, то, прежде чѣмъ его содержаніе будетъ подвергнуто тщательной провѣркѣ, вѣроятность, что онъ дошелъ до насъ въ подлинномъ видѣ, для насъ равна вѣроятности, что онъ интерполированъ. § 3. Девизъ интерполяціонизма.

Затѣмъ Алибранди примыкаетъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ къ радикальной теоріи, ссылаясь въ отношеніи къ ней, какъ на свой источникъ, на *Précis de droit de fa-* § 4. Цинцлевъ законъ.

mille Ривьера, но даетъ къ ней отъ себя добавленіе, которое мы ужъ имѣли случай упомянуть ранѣе (см. выше, стр. 319). Цинціевъ законъ, говоритъ онъ на основаніи перечня въ Vat. Fr. § 302, позволялъ неограниченныя даренія и между махихой и пасынкомъ, тогда какъ согласно праву, которое считается *moribus rescriptum*, всякія даренія между этими лицами были запрещены, если пасынокъ былъ подъ отцовскою властью, — случай, который нельзя не считать наиболѣе обыкновеннымъ, Dig. 24, 1, 3, 4.

§ 5. Дѣйствительность дареній въ VI вѣкѣ города.

И дѣйствительно, кто повѣритъ, чтобы въ VI вѣкѣ города возобладалъ въ Римѣ обычай для супруговъ воздерживаться отъ всякихъ дареній между собой, если прочтеть, какъ Плавтъ бичуетъ слабость мужей, доводившихъ себя до долговъ, чтобъ удовлетворять расточительности женъ (Plaut. Aulul. 532—535). А вѣдь замѣьте, что у насъ идетъ рѣчь объ обычномъ правѣ, которое должно было опираться на всеобщій и постоянный образъ дѣйствій гражданъ. Затѣмъ, если бы римляне VI вѣка, мужья и жены, питали отвращеніе къ обоюднымъ дареніямъ, то совершенно неумѣстна была бы рѣчь Катона, черезъ семь лѣтъ послѣ Цинціева закона, которую намъ сохранилъ Титъ Ливій. Женщины желали отмѣны Оппіева закона, препятствовавшего ихъ чрезмѣрной роскоши, — и вотъ Катонъ говоритъ: *Quæ de suo poterit, parabit; quæ non poterit, virum rogabit. Miserum illum virum, et qui exoratus et qui non exoratus erit, quum, quod ipse non dederit, datum ab alio videbit. Simul lex modum sumptibus uxoris tuæ facere desierit, tu numquam facies* (Liv. 34, 4). Оппіевъ законъ былъ отмѣненъ и предсказанія Катона, какъ видно изъ Валерія Максима, 9, 1, 3, сбылись.

§ 6. Дѣйствительность дареній въ VII вѣкѣ города.

Скажутъ, что новый обычай былъ введенъ въ слѣдующемъ вѣкѣ. Однако и въ VII столѣтіи отъ основанія города сохранялись прежніе порядки, когда Квинтъ Муцій установилъ свой критерій по вопросу, откуда взялись вещи замужней женщины, которыхъ происхожденіе неизвѣстно (Dig. 24, 1, 51; Cod. 5, 16, 6). Особенно тутъ важны слова *verius et honestius*. Первое показываетъ, что фактъ былъ изъ числа обыкновенныхъ (Dig. 50, 17, 114); второе, что въ немъ не видѣли ничего дурного. А вѣдь надо согласиться, что если какое нибудь дѣйствіе отнесено не положительнымъ закономъ, а народнымъ обычаемъ къ числу тѣхъ, отъ

которыхъ каждый долженъ воздерживаться, то причиной этому можетъ быть только осужденіе такого дѣйствія общественнымъ мнѣніемъ, какъ дурного и неприличнаго. Въ концѣ того же VII вѣка, когда Цезарь провелъ *legem Juliam perpetuam*, дареніе между супругами должно было считаться дозволеннымъ, ибо мы находимъ, что этотъ законъ, запрещая провинціальнымъ магистратамъ принимать подарки, дѣлаетъ исключенія, между прочимъ въ пользу жены (Dig. 48, 11, 1). Такимъ образомъ и тутъ, какъ въ Цинціевомъ законѣ, жена принадлежала къ числу изъятыхъ лицъ и могла дарить мужу безо всякихъ ограниченій (Dig. 48, 11, 7, 1). А разъ изъ Цинціева закона выводятъ, что въ VI вѣкѣ не только былъ неизвѣстенъ запретъ, но даже наблюдается склонность поощрять даренія между супругами, то развѣ можно не слѣлать того же вывода изъ Юліева закона для конца VII вѣка?

Въ эту эпоху жилъ уже знаменитый юристъ Требацій § 7. Введеніе не-
Теста и былъ юношею, какъ выходитъ изъ письма Цицерона, дѣйстви-
гдѣ тотъ проситъ Цезаря помочь ему въ военной карьерѣ тельности
(Cic. ad fam. 7, 5). Но когда этотъ юристъ былъ уже старъ, Августомъ.
возникло дѣло о разводѣ Мецената съ Теренціей (о ихъ
супружествѣ см. Suet. Aug. 66) и, приглашенный разрѣшить
споръ объ одномъ дареніи Мецената женѣ, Требацій нашелъ,
что дареніе недѣйствительно, если только не было сдѣлано
divortii causa (Dig. 24, 1, 64). Это навѣрное случилось до
746 г. отъ основанія города, когда, какъ мы знаемъ изъ Діона
Кассія 55, 7, умеръ Меценатъ. Другое мнѣніе Требація,
касающееся запрета дареній между супругами, встрѣчается
въ Dig. 41, 6, 3. Отсюда слѣдуетъ заключить, что нашъ
запретъ былъ введенъ въ эпоху Октавіана. И дѣйствительно
Алфень (Dig. 24, 1, 38), Лабеонъ (Dig. 24, 1, 65 и 67) и
другіе позднѣйшіе юристы говорятъ о дареніяхъ между су-
пругами, какъ о запрещенныхъ и недѣйствительныхъ. Но
кто же повѣрять, говоритъ Алибранди, чтобы въ эпоху
Августа, время самыхъ распушенныхъ нравовъ, сложился
народный обычай, который, въ разрѣзъ съ прежними по-
рядками, связалъ бы личную свободу въ домашней жизни
и косвенно отмѣнилъ законъ Юлія Цезаря и который бы
еще при жизни Мецената сталъ до того всеобщимъ между
всеми *cives romani* и такъ упрочился долгимъ теченіемъ

лѣтъ, что приобрѣлъ бы силу, приравниваемую въ нашихъ источникахъ къ *inveterata consuetudo* (Dig. 1, 3, 32, 1) и *auctoritas consuetudinis ususque longævi* (Cod. 8, 53, 2)? Только закрывъ глаза, кончаетъ Алибранди, можно не видѣть, что передъ нами положительный законъ, предложенный Августомъ.

§ 8. Плутархъ и имп. Константинъ о законодательномъ происхожденіи недѣйствительности.

И точно, Плутархъ, въ своихъ *Γαμικὰ παραγγέλματα*, 34, пишетъ: *Καὶ γὰρ ὁ Ῥωμαῖος νομοθέτης ἐκώλυσε δῶρα δίδοναι καὶ λαμβάνειν παρ' ἀλλήλων τοὺς γεγαμηκότας*, а императоръ Константинъ, Vat. Fr. § 273, выводитъ этотъ запретъ отъ *prisca legum æquitate*, дѣйствія же въ обходъ его называютъ поступками *ad eludendas legum sanctiones*. Эти *legum sanctiones* касались и другихъ лицъ, кромѣ супруговъ (Dig. 24, 1, 3, 5—6), имѣли свои исключенія (Ulp. 7, 1) и, что еще важнѣе, были выражены точными словами, на которыхъ юристы упражняли свой умъ.

Остатки текста.

Потому и писалъ Ульпіанъ, толкуя эти постановленія: *verbum potestatis non solum ad liberos trahimus, verum etiam ad servos* (Dig. 24, 1, 3 3). Какимъ образомъ слово *potestas* входило въ *legum sanctiones*, намъ говоритъ императоръ Александръ, Cod. 5, 16, 4: *Nec inter eas quidem personas, quarum iuri subiecti sunt vir et uxor, qui quæve in eorum potestate sunt, donationes iure civili fieri possunt*. Нечего и прибавлять, что такое сложное постановленіе не могло быть введено народнымъ обычаемъ. Но, оставляя всѣ подробности, достаточно отмѣтить и то, что слово *potestas* — текстуально.

§ 9. Значеніе остатковъ текста.

Но не взято ли это слово изъ *Oratio* 206 года? Алибранди отрицаетъ эту возможность: цѣлью *Oratio* было смягчить, а не усилить прежнія постановленія (*ut aliquid laxaret ex iuris rigore*, Dig. 24, 1, 32 pr.), а они то какъ разъ и занимали Ульпіана въ 32 книгѣ *ad Sabinum*, откуда извлечены слова Dig. 24, 1, 3, 3, ибо къ *Oratio* онъ обращается только въ 33-й книгѣ: *Quum hic status... esset, quem antea rettulimus, imperator etc.*, Dig. 24, 1, 32 pr., и начинаетъ цитировать и толковать слова *Oratio*, совсѣмъ отличныя отъ тѣхъ, которыя толковалъ въ книгѣ 32-й. Однако, если постановленія эпохи до Севера были выражены опредѣленными словами, то они должны были заключаться въ положительномъ законѣ.

Да иначе и быть не могло, ибо они содержали прямой § 10. Не-
запретъ, какъ говорятъ и сами Северъ и Каракалла: *maiores* возмоз-
nostri inter virum et uxorem donationes prohibuerunt, обычно-
Dig. 24, 1, 3 pr. Никакой трудности не могутъ составить правового
слова *maiores nostri*, такъ какъ они отлично могутъ отно- возникно-
ситься къ закону, проведенному черезъ комиции. Далѣе, вѣнныя не-
когда какое нибудь дѣйствіе осуждается народнымъ обы- дѣйстви-
чаемъ, это происходитъ не потому, чтобъ имѣлся дѣйстви- тельности.
тельный запретъ, но потому, что общественное мнѣніе при-
знаетъ это дѣйствіе дурнымъ и неприличнымъ. Справедливо
говорить Квинтилианъ о нормахъ обычнаго права, что онъ
persuasione, etsi non omnium, eius tamen civitatis aut
gentis, in qua res agitur, in mores recepta sunt (I. O. 5, 10, 13).
Такъ что, если бы пожелали пренебречь словомъ *prohibue-*
runt и сказали, что въ первомъ вѣкѣ имперіи всеобщій
образъ дѣйствій и общественное мнѣніе высказались противъ
дареній между супругами, то не мѣшаетъ замѣтить слѣдую-
щее. Во-первыхъ, на дѣлѣ замѣтна тенденція именно про-
тивъ запрета, а не въ его пользу, какъ видно изъ Сенеки,
de benef. 7, 9, и Ювенала, 6, 149 слл. Во-вторыхъ, надо
прибавить, что обычай не могъ бы сообщить утвердившемуся
правилу силы *lex perfecta*, т. е. способности дѣлать недѣй-
ствительнымъ всякій актъ въ обходъ правила: и однако
именно таковъ былъ запретъ, о которомъ идетъ рѣчь, —
sciendum est, ita interdictam inter virum et uxorem donatio-
nem, ut ipso iure nihil valeat, quod actum est, Dig. 24, 1, 3, 10.
Въ-третьихъ, наконецъ, если бы современники Августа счи-
тали неприличными даренія мужу или женѣ, то ужъ тѣмъ
болѣе должны бѣ они были считать неприличными даренія
публичнымъ женщинамъ: и однако послѣдняго рода даренія
считались дѣйствительными, Dig. 39, 5, 5, по свидѣтельству
Ульпіана въ той же 32-й книгѣ *ad Sabinum*.

Даже даренія *ex causa turpissima* не были недѣйстви- § 11. Не-
тельны и собственность на подаренную вещь переходила къ дѣйстви-
одаренному; дарителю давался только личный искъ, *соп-* ввелъ за-
dictio, Dig. 24, 1, 6 (ср. весь титулъ Dig. 12, 5). Итакъ, ясно, конъ, быв-
что Августъ хотѣлъ сдѣлать свой законъ *lex perfecta*, мо- шій *lex*
жетъ быть потому, что видѣлъ, какъ Цинціевъ законъ, *perfecta*.
будучи *lex imperfecta*, оставался во многихъ случаяхъ без-
сильнымъ.

§ 12. Не-
дѣйстви-
тельность
соотвѣт-
ствуетъ
духу Авгу-
стова зако-
нодатель-
ства.

Не скажутъ ли, что нѣтъ указаній, будто Августъ от-
носился неодобрительно къ дареніямъ между супругами?
Это было бы неточно. Уже Мензъ (1, 277, русск. перев. стр.
153), говоря о *lex Papia*, отмѣтилъ, что этотъ законъ обна-
руживаетъ особенную строгость въ отношеніи къ проявлені-
ямъ щедрости супруговъ между собою. Что „*lex decimaria*“
(выраженіе Далелея, *Bas.* 45, 5, 2, *schol. Κατὰ τὸ ἀρχαῖον*, IV,
544) и запретъ дареній между супругами внушены однимъ
и тѣмъ же духомъ, подтверждается Θεодосіемъ II и Вален-
тиніаномъ III въ *Cod. Theod.* 5, 1, 9, — ср. слова *antiqui*
pec quod extraneis ac saepe ignotis in donationibus suc-
cessionibusque tribuatur coniugibus concesserunt, repri-
mendum inter hos potius, ut in loco ancipiti, quam incitandum
favorem mutuum arbitrati, къ которымъ Годфруа дѣлаетъ
примѣчаніе: *Legem Papiam decimariam indicat, sed et ius mo-*
ribus receptum donationum inter virum et uxorem prohibita-
*rum*¹. И на самомъ дѣлѣ, если бы супругамъ дана была
власть дѣлать при жизни обоюдныя даренія, децимарныя
ограниченія завѣщаній оставались бы обыкновенно бесплод-
ными. А кромѣ того достойно замѣчанія, что императоры
въ *Cod. Th.* 5, 1, 9 приписываютъ древнимъ относительно
дареній и наслѣдованій отказъ супругамъ въ томъ, что доз-
волено между чужими, отказъ по сознанію необходимости
стѣснить взаимную склонность, которая побуждаетъ су-
пруговъ къ дареніямъ: но вѣдь если бѣ обычай, который
проявляется *rebus ipsis et factis* гражданъ (*Dig.* 1, 3, 32, 1),
ввелъ наше суровое правило, то эти *facta* были бы возможны
не для холостыхъ и вдовыхъ, а только для супруговъ, —
и они то, стало быть, и создали сами для себя запретъ, счи-
тая нужнымъ подавлять въ себѣ склонность, которая такъ
естественна въ любящихъ другъ друга? Неужели все это
серіозно?

§ 13. Не-
дѣйстви-
тельность
и *lex de-*
cimaria.

Связь между *lex decimaria* и запретомъ сказывается
также и въ *Oratio* 206 г. Въ силу *Oratio* даренія исцѣля-
лись не въ полномъ объемѣ, а *fini decimarum*, какъ выра-
жается Папиніанъ, *Vat. Fr.* § 294, т. е. въ предѣлѣ не свыше
одной десятой части. На эту норму намекаютъ слова *fine*

¹ Въ Риттеровскомъ изданіи еео-
досіева кодекса съ толкованіями

Годфруа т. I, стр. 475, прим. 1.

præstituto Dig. 24, 1, 32, 24 и выражение quatenus firmare potuit dominium въ Cod. 5, 16, 14 fin.

Мысль, которая побудила Августа издать законы Юлія § 14. Ratio и Папія, сказывается и въ Dig. 24, 1, 2,—nec esset eis studium liberis potius educendi: расточая свое имущество, супруги не будутъ заботиться о томъ, чтобъ имѣть потомство. Между тѣмъ, какъ всѣмъ извѣстно, законодательство Августа, какъ одну изъ главныхъ цѣлей, преслѣдовало именно поддержаніе такой заботы. Онъ хотѣлъ, чтобы граждане не только давали отечеству законное потомство, но и воспитывали своихъ дѣтей и берегали для нихъ наслѣдственное достояніе,—ср. заключительныя слова его рѣчи у Діона Кассія, 56, 3: *καὶ τὰ κτήματα ὅσα αὐτοὶ κτησάμενοι κατέλιπον ὅμιν, καὶ ὅμοις ἑτέροις ἐξ ὁμῶν αὐτῶν γερονόσι καταλίπετε.*

И вотъ, если допустить, на основаніи изложеннаго, что въ законѣ Юлія de maritandis ordinibus, а послѣ его слиянія съ закономъ Папія—въ основѣ той части, которая получила название decimarіa, стояло запрещеніе дареній между супругами и что Ульпіанъ упомянулъ объ этихъ законахъ въ текстѣ, помѣщенномъ нынче въ началѣ титула Dig. 24, 1, то станетъ ясно, что слово decimarіa не могло быть терпимо составителями дигестъ, разъ въ рубрикѣ Cod. 8, 58 говорилось de decimarіis sublatiis, и что, согласно ихъ системѣ, они должны были изгладить въ текстѣ Ульпіана упоминаніе о децимарныхъ законахъ, какъ они изъяли изъ классическихъ текстовъ прямое упоминаніе о lex Julia caducaria, причѣмъ у нихъ patrimonium caducum превратилось даже въ patrimonium cadens (Cod. 10, 10, 5: Cod. Th. 10, 8, 5). Въ концѣ концовъ, что касается Dig. 24, 1, 1 pr., имъ не было и надобности заново изобрѣтать всю фразу, потому что и Ульпіанъ уже могъ написать приблизительно слѣдующее: Moribus antiquis penes nos receptum erat, ne inter virum et uxorem donationes valerent, quum uxores apud viros filiarum familias loco essent. Postea D. Augustus in lege Julia et Papia decimarіa eas prohibuit, ne coniuges mutuo amore invicem spoliarentur etc. При этихъ условіяхъ достаточно было вычеркнуть нѣсколько словъ, чтобы придать тексту ту форму, въ которой мы его теперь читаемъ. При такомъ гипотетическомъ возстановленіи текста Ульпіана можно даже понять, почему написано ne donationes inter virum et uxorem va-

§ 15. Lex decimarіa и интерполляція Dig. 24, 1, 1 pr.

l e r e n t (теперь эти слова являются въ дигестахъ солецизмомъ: должно бы было быть *moribus apud nos receptum, ne valeant*). Въдь если бы Юліанъ вмѣсто *Rectissime etiam illud receptum est, ut leges etiam per desuetudinem abrogentur*, Dig. 1, 3, 32 fin., написалъ *abrogarentur*, то не избѣжалъ бы цензуры грамматиковъ.

§ 16. Даль-
нѣйшія ин-
терполяціи.

Интерполяція въ Dig. 24, 1, 1 pr. повела къ другой, въ Dig. 24, 1, 5, 18, гдѣ сказано: *in donationibus autem iure civili impeditis hactenus revocatur donum ab eo ab eave, cui donatum est, ut, si quidem exstet, res vindicetur, si consumpta sit, condicatur*. Во-первыхъ, это стоитъ въ противорѣчій съ Dig. 24, 1, 6, гдѣ исключена возможность виндикаціи. Во-вторыхъ, тутъ нормамъ *iuris civilis* приписана способность уничтожать дѣйствія, съ ними несогласныя. Но это невѣрно: въдь и даренія, несогласныя съ Цинціевымъ закономъ, были *iure civili impeditæ*, — и однако, если бывали совершены, имѣли силу. Ясно, стало быть, что составители дигестъ поставили родовой терминъ *ius civile* вмѣсто опредѣленно поименованнаго закона, *lex perfecta*, касавшагося дареній между супругами. А это усиливаетъ доказательства, которыя приведены выше въ пользу того, что текстъ Dig. 24, 1, 1 pr. попалъ въ пандекты съ нѣкоторыми измѣненіями противъ подлинника: если вполнѣ вѣрно, что текстъ Dig. 24, 1, 5, 17 умѣстенъ, какъ часть *Corpus iuris*, будучи согласенъ съ конституціею Cod. 1, 14, 5, писанною на два вѣка позже Ульпіана, которая признаетъ ничтожными всѣ и всякія дѣйствія вопреки закону, то, рассматриваемый какъ подлинникъ Ульпіана, онъ не вяжется съ началами, принятыми въ эпоху этого юриста. Итакъ, заключаетъ Алибранди, все сходится къ тому, чтобы признать запретъ дареній между супругами имѣющимъ другой источникъ, чѣмъ тотъ, который намъ навязываютъ составители дигестъ.

§ 22. Разборъ ученія Алибранди.

Общая
оцѣнка
теоріи
Алибранди.

Теорія Алибранди изложена нами съ тою полнотою, которой она безусловно заслуживаетъ. Мы откинули только немногія неидушія къ дѣлу частности и слегка сократили дословныя выписки, а также безъ оговорокъ исправили опечатки въ его ссылкахъ, весьма многочисленныя. Но и кромѣ

невольнаго желанія воспроизвести изящную простоту слога и стройность изложенія подлинника, мы имѣли къ виду, какъ мало распространено въ Россіи знакомство съ итальянскимъ языкомъ вообще и съ произведеніями Алибранди въ частности. Наконецъ, и самая теорія, хотя мы ея не раздѣляемъ, принадлежитъ къ лучшимъ ученымъ концепціямъ въ области нашего вопроса. Прекрасно задуманная, своеобразная съ начала до конца, превосходно проведенная, обставленная съ удивительнымъ искусствомъ всею роскошью обильныхъ научныхъ данныхъ, усыпанная цвѣтами обширной начитанности, она производитъ на читателя неотразимое впечатлѣніе. Сначала она можетъ показаться насильственною, но постепенно это недовѣріе сглаживается и читатель шагъ за шагомъ все болѣе подчиняется діалектическому очарованію. Немудрено, что она провела глубокій слѣдъ въ наукѣ. Такъ, ее всецѣло усвоилъ и воспроизвелъ Асколи (497—505), признавъ догадку Алибранди самою вѣроятною при нашемъ состояніи источниковъ (504), глубокой и геніальною (501). Теперь Киппъ въ 8-мъ изданіи Пандектъ Виндшейда (3, стр. 46, прим. 1) примкнулъ къ „весьма остроумному и вѣрному“ ходу мыслей Алибранди¹. Даже несогласный съ Алибранди де-Медіо почтилъ его теорію эпитетомъ² „впрочемъ, довольно геніальной“ — *per altro assai geniale* (стр. 361). Не скрою, наконецъ, что и лично я не сразу разглядѣлъ слабыя стороны этой блистательной теоріи, тѣмъ болѣе, что ея обоснованность на множествѣ доказательствъ не даетъ возможности опровергнуть ее однимъ принципиальнымъ возраженіемъ. Какъ нельзя опрокинуть пирамиду, такъ и эту теорію. Необходимо выяснить шаткость всѣхъ ея основаній, разобрать всю ее по камню. Къ этой работѣ мы теперь и обратимся.

¹ Единственный, сколько знаю, кто рѣшительно высказался противъ Алибранди и Киппа, — Эрлихъ, *Recht und Prätor* въ *Grünhuts Zeitschrift*, 31, 349, пр. 7.

² Правда, эпитетъ нѣсколько своеобразенъ; но что онъ приложенъ отъ

чистаго сердца, безо всякой прони, ясно изъ дальнѣйшаго, гдѣ догадка Алибранди признается поучительною, благодаря тонкости нѣкоторыхъ замѣчаній, заложенныхъ въ основаніе теоріи (368).

I. Принципіальныя возраженія.

1. Rationes interdicti.

Первое принципіальное возраженіе, которое можно сдѣлать Алибранди, сводится къ тому, что онъ придаетъ совершенно неподобающее значеніе тѣмъ rationes interdicti, которыя приводятся въ источникахъ. Въ предшествующей главѣ ясно обнаружена ихъ истинная цѣнность и потому всѣ доводы, почерпнутые изъ нихъ Алибранди, отпадаютъ сами собою.

2. Крайности интер- поляціо- низма.

Второе, столь же принципіальное, касается интерполяціоннаго метода толкованія. Самъ по себѣ это вполне законный методъ, которому мы обязаны многими весьма цѣнными научными успѣхами. Я готовъ идти дальше и сказать, что ему предстоитъ еще не малое поприще и не мало новыхъ завоеваній. Однако залогомъ прочныхъ успѣховъ его поборникамъ должна быть крайняя осторожность въ его примѣненіи. Никакое предположеніе объ интерполяціи не должно выступать въ наукѣ безъ тщательной оцѣнки всѣхъ доводовъ противъ ея возможности тамъ, гдѣ она предполагается, и никакая заманчивость доводовъ въ пользу ея не должна обольщать научной совѣсти изслѣдователя. А эти доводы противъ интерполяціи легко обнаруживаются, если начать выводить ея необходимыя послѣдствія и повѣрять ихъ источниками, по возможности — источниками до-юстиніановскими, правда, все еще крайне скудными. Однако въ настоящее время не любятъ такой сложной и трудной работы. Многочисленные добровольцы предпочитаютъ искать, точно трюфелей, скрытыхъ интерполяцій въ каждомъ словѣ обширной *silva legum iustiniana*. Вмѣсто достовѣрнаго юстиніанова и до-юстиніанова права создается какое-то воображаемое классическое право, — что-то вродѣ воображаемаго пространства четырехъ измѣреній. Для удобства при этихъ странныхъ упражненіяхъ гасятъ свѣточъ критики, закрываютъ глаза на очевидность и, точно спиритическихъ стуковъ, добиваются изъ подъ предполагаемыхъ интерполяцій п о т у - с т о р о н н и хъ классическихъ текстовъ. Прискорбно видѣть, какъ это ложное направленіе бесплодно поглощаетъ силы ученаго міра, отвлекая ихъ отъ менѣ заманчивыхъ, менѣ легкихъ, но зато истинно-научныхъ задачъ; еще прискорбнѣе, когда къ нему примыкаютъ истинныя, крупныя силы, пропадающія для науки; но самое прискорбное то, что край-

ности направленія дискредитируютъ цѣнный методъ, неповинный въ злоупотребленіяхъ, которыя во имя его совершаются.

Къ числу выдающихся ученыхъ, бесплодно погубившихъ много драгоценныхъ силъ на „исканьи“ интерполяцій, принадлежалъ, къ несчастью, Алибранди, а блестящимъ примѣромъ, какъ непроизводительно гибнуть при ложномъ направленіи первоклассныя дарованія, можетъ послужить его разбираемая теорія, когда мы вполнѣ выяснимъ ея дѣйствительную цѣнность. Здѣсь, съ принципиальной точки зрѣнія, ограничимся утвержденіемъ, что девизъ интерполяціонистовъ, выраженный Алибранди, является прямою противоположностью здравымъ требованіямъ научной критики. Вѣроятность того, что каждый данный текстъ дигестъ воспроизводитъ намъ классическій подлинникъ, равна вѣроятности, что онъ интерполированъ, провозглашаетъ Алибранди; какъ разъ наоборотъ: *quilibet praesumitur bonus, donec probetur contrarium*. Этотъ юридическій принципъ по-своему вѣренъ и для исторической герменевтики.

Въ-третьихъ, съ принципиальной точки зрѣнія слѣдуетъ поставить Алибранди въ упрекъ смѣшеніе понятій, различіе которыхъ существенно важно для его задачи.

Прежде всего, Алибранди совершенно не считаетъ нужнымъ отличать недѣйствительность дареній отъ ихъ поворотности съ одной стороны и ихъ недѣйствительность отъ запрета съ другой. А это влечетъ за собою важныя неточности въ сужденіяхъ и не малую шаткость доводовъ какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ: защищаемыя мнѣнія у него остаются недоказанными, оспариваемыя—неопровергнутыми.

Затѣмъ, Алибранди не беретъ на себя труда хотя бы предположительно выяснить роль факторовъ и формъ обычнаго права въ отношеніи къ ученію о супружескихъ дареніяхъ. Чтò могли внести юристы, чтò судебная практика, чтò преторы, чтò народныя привычки и обыкновенія (*usages*), у него остается неизвѣстнымъ. Въ то же время *mores* онъ все время понимаетъ въ положительномъ смыслѣ, какъ обобщенныя въ юридическую норму народныя привычки и обыкновенія. Я вовсе не говорю, чтобы различать эти частности было всегда и вездѣ существенно важно; нерѣдки случаи, когда эти понятія можно подразумѣвать *promiscue*

Крайности
Алибранди.

3. Смѣшеніе
понятій.

Недѣйстви-
тельность,
поворот-
ность и за-
претъ.

Факторы
обычнаго
права.

безо всякаго ущерба для изслѣдованія; но по крайней мѣрѣ такое безразличное подразумѣваніе должно быть сознательнымъ и не предрѣшать никакихъ выводовъ: а ни того, ни другого нельзя сказать про Алибранди. Онъ не только не различаетъ, но и смѣшиваетъ, и потому путаетъ понятія. Частные примѣры будутъ приведены въ дальнѣйшемъ.

Дареніе въ бытовомъ и въ юридическомъ смыслѣ.

Наконецъ, Алибранди не различаетъ дареній въ фактическомъ и дареній въ юридическомъ смыслѣ. Дача пекунія въ бытовомъ смыслѣ — дареніе сыну или рабу; а въ юридическомъ тутъ нѣтъ никакого даренія. Далѣе, всѣ расходы потребительнаго свойства на жену или дѣтей (столъ, гардеробъ, приемы, выѣзды, обученіе и проч.) не являются дареніями, такъ какъ исключаютъ возможность обогащенія, а въ бытовомъ смыслѣ всѣ они должны разсматриваться какъ *liberalitates*, — по-русски приходится также сказать „даренія“, за неимѣніемъ надлежащаго синонима. Между тѣмъ, практика дареній въ бытовомъ смыслѣ не имѣетъ никакого соотношенія съ практикою дареній въ смыслѣ юридическомъ.

II. Частныя возраженія.

§ 4. Радикальная теорія.

Обращаемся къ частнымъ возраженіямъ. Относительно § 4-го эта задача для насъ очень упрощена тѣмъ, что Алибранди примыкаетъ къ радикальной теоріи: все, что сказано въ ея опроверженіе, касается и Алибранди; а въ частности его замѣчаніе касательно мачихи и пасынка нами ужъ использовано именно какъ доводъ противъ раздѣляемаго имъ воззрѣнія, см. выше, стр. 319.

§ 5. Смѣшеніе понятій.

Въ § 5 мы наблюдаемъ цѣлый рядъ недоразумѣній, основанныхъ на тѣхъ промахахъ, которые мы уже выяснили принципиально.

Алибранди подъ обычаемъ все время тутъ разумѣетъ бытовую привычку; но почему не судебную практику и т. п.? „Всеобщій и постоянный образъ дѣйствій гражданъ“: но почему не всеобщій и постоянный образъ дѣйствій присяжныхъ судей? Ср. Paul. 5, 4, 6: *iniuriarum actio... more ...introducta est*; 5, 4, 7: *moribus, quotiens factum pro qualitate sui arbitrio iudicis aestimatur*.

Плавтъ.

Обратимся теперь къ Плавту и Катону. Плавтъ бичуетъ мужей, дающихъ женамъ разорять ихъ: но развѣ онъ

говорить объ обогащеніи женъ на счетъ мужей? Ничуть не бывало. Онъ имѣеть въ виду расточительность, которая возможна безо всякихъ дареній въ юридическомъ смыслѣ и, стало быть, равно возможна и тамъ, гдѣ даренія между супругами дѣйствительны, и тамъ, гдѣ они недѣйствительны. Прошу прочесть весь монологъ Мегадора въ той сценѣ, изъ которой Алибранди цитируетъ нѣсколько заключительныхъ строкъ. Плавтъ вовсе не бичуетъ слабость мужей, а издѣвается надъ старческою скарედностью *boni patrisfamilias*, который тяготится всякимъ расходомъ, брюзжитъ и преувеличиваетъ, а его ровесникъ Эвкліонъ приходитъ въ умиленіе отъ столь разумныхъ рѣчей. Помимо того, гдѣ тутъ обогащеніе жены на счетъ мужа, когда мужъ сѣтуетъ, что жена сама хочетъ жить по средствамъ своего приданого и мѣшаетъ ему наживаться на счетъ дотальныхъ доходовъ, — сравните слова:

*Equidem dotem ad te adtuli
Maiorem multo, quam tibi erat pecunia.*

Да наконецъ и цитируемыя Алибранди слова говорятъ не о дареніяхъ мужей женамъ, а объ избалованныхъ своимъ богатствомъ женахъ:

*Haec sunt atque aliæ multæ in magnis dotibus
Incommoditates sumptusque intolerabiles:
Nam quæ indotatast, ea in potestatest viri;
Dotatæ mactant et malo et damno viros.*

Центральное мѣсто всей сцены—это слова:

*Hoc si ita fiat, mores meliores sibi
Parent pro dote, quos ferant, quam nunc ferunt.*

Неужели при этомъ можно видѣть намекъ на даренія въ брюзжаньи старика, что если бы сыновья богатыхъ женились на безприданницахъ, то все было бы лучше

Et nos minore sumptu simus, quam sumus?

Наконецъ, если бы Плавтъ бичевалъ въ этой сценѣ слабость мужей, разоряющихся на женъ, то какой смыслъ имѣло бы приписывать расточительность богато дотированнымъ женщинамъ и *facere verba ad parsimoniam*, предпочитая имъ безприданницъ? Неужели въ Римѣ бѣднымъ несвойственно было желаніе обогатиться на счетъ мужа, а богатымъ свойственно? Нѣтъ, шутки Плавта могли сложиться только на почвѣ недѣйствительности дареній между супругами.

Рѣчь Ка-
тона.

Переходимъ къ вопросу о рѣчи Катона. Относительно Ливія вполне достовѣрно извѣстно, что приводимыя у него рѣчи почти безъ изъятій сочинены имъ самимъ; болѣе того, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ зналъ подлинныя рѣчи историческихъ дѣятелей, уцѣлѣвшія до его времени, онъ не включалъ ихъ въ свой рассказъ, а только на нихъ ссылался¹. Такимъ образомъ, Алибранди могъ бы использовать свой источникъ только какъ свидѣтельство для эпохи Ливія, но никакъ не Катона. Однако признаемъ, что Ливій вѣрно воссоздаетъ намъ подлинныя мысли и сужденія Катона, допустимъ даже, что онъ сохранилъ подлинную рѣчь Катона: вѣдь и въ ней рѣчь идетъ о расходахъ на жену или расходахъ жены, *sumptus mulieris*, а вовсе не о сбереженіяхъ жены на счетъ мужа, вовсе не о ея наживѣ черезъ его расточительность. Опять, стало быть, если и говорить тутъ о дареніяхъ, то только въ бытовомъ смыслѣ. Замѣчу, притомъ, что правило о недѣйствительности супружескихъ дареній именно должно было явиться побужденіемъ къ расточительности и упадку нравовъ: желающая воспользоваться щедростью мужа или любовника женщина должна была торопиться истратить все, что получила, ибо, при недѣйствительности дареній и *praesumptio Muciana*, ея сбереженія шли въ чью угодно, только не въ ея пользу. Съ другой стороны эти же правила должны были разлагать семью, покровительствуя распутству изъ корыстолюбія. И точно, древняя литература сохранила намъ картины безпримѣрной продажности женщинъ. При малѣйшей падкости женщины на подарки, любовникъ былъ сильнѣе мужа, такъ какъ не дарилъ только тогда, когда не хотѣлъ, а мужъ, какъ бы пламенно ни желалъ, не имѣлъ возможности подарить женѣ что либо безповоротно. Влагаемая Ливіемъ въ уста Катону соображенія получаютъ полную силу только на почвѣ недѣйствительности супружескихъ дареній. Оппіевъ законъ и другіе законы о роскоши всетаки до извѣстной степени

¹ Наиболѣе типично мѣсто Liv. 45, 25, 3: *Non inseram simulacrum viri copiosi quae dixerit referendo: ipsius oratio exstat, Originum quinto libro inclusa.* Ср. примѣчаніе Вейссенборна *ad Liv.* 34, 4, 19—20;

Schanz, *Geschichte der römischen Litteratur*, 2, 12, 266; тамъ же, стр. 267. То же у Тейффеля, I, 600, прим. 12. О занимающей насъ рѣчи Катона уже сказано у насъ подробно выше, стр. 174—176.

уравнивали шансы мужей и любовниковъ, всетаки защищали семью отъ повальной продажности женщинъ. Въ концѣ концовъ, стало быть, § 5-й столь же бездоказателенъ, какъ § 4-й, и мы можемъ сказать, что дѣйствительность супружескихъ дареній въ VI вѣкѣ города не доказана.

Переходимъ къ § 6-му, разбирающему судьбу этихъ дареній въ VII вѣкѣ. Алибранди и въ это время считаетъ ихъ дѣйствительными на основаніи *præsumptio Muciana* и Юліева закона *repetundarum*. *Præsumptio Muciana* уже была нами подвергнута подробному изученію выше, стр. 162 слл.; но и на почвѣ свѣдѣній Алибранди его утвержденіе не можетъ устоять передъ критикою. Конечно, если исходить изъ предположенія, что въ эпоху Кв. Муція даренія между супругами считались дѣйствительными, то въ словахъ *et verius et honestius* можно найти смыслъ, влагаемый въ нихъ Алибранди; но если не исходить изъ этого предположенія, то смыслъ ихъ прямо противоположный. Кв. Муцій даетъ, въ сущности, частное развитіе аксіомѣ *quilibet præsumitur bonus, donec probetur contrarium*. Признавъ сомнительныя вещи дареніемъ мужа, приходилось оставить ихъ за мужемъ. Конечно, это было *honestius*, чѣмъ оставлять за женою вещи, о которыхъ она не можетъ сказать, откуда ихъ получила; съ другой стороны это было *verius*, ибо, въ силу приведенной аксіомы, *quod est honestius, est verius*. А засимъ нѣтъ надобности отвергать и мнѣніе Алибранди: бытовые даренія между супругами несомнѣнно были дѣломъ весьма обыкновеннымъ и несомнѣнно въ нихъ не было ничего предосудительнаго ни по существу, ни въ глазахъ общественнаго мнѣнія; только это не имѣетъ никакого отношенія къ судьбѣ дареній въ смыслѣ юридическомъ.

Далѣе, вновь наблюдается смѣшеніе недѣйствительности съ поворотностью и съ запретомъ. Самъ Алибранди признаетъ, что запретъ не могъ быть порожденіемъ обычая; стало быть, нельзя говорить, будто обычай призналъ даренія между супругами такими дѣйствіями, отъ которыхъ должно воздерживаться: надо сказать, что бытовые даренія были поворотны, юридическія недѣйствительны. Во-вторыхъ, Алибранди здѣсь понимаетъ *more* въ положительномъ смыслѣ, какъ бытовую привычку. Но вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что *singularitas* права супружескихъ дареній была *singularitas odiosa*.

§ 6. *Præsumptio Muciana*.

Недѣйствительность, поворотность и запретъ.

Singularitas odiosa.

ritas odiosa, а никакъ не singularitas benigna (ср. Dig. 24, 1, 3, 1 fin., melior conditio): мыслимо ли добровольное созданіе путемъ бытовой привычки singularitas odiosa? Конечно, примѣры есть, — монашество, столпничество, юродство, скопчество и т. д.; но данный случай не можетъ быть отнесенъ къ ихъ числу, такъ какъ охватываетъ не группу исключительныхъ лицъ, а всю массу нормальныхъ гражданъ. Какой же отсюда выводъ? Да очень простой: недѣйствительность супружескихъ дареній, а тѣмъ болѣе запретъ ихъ, не могли сложиться путемъ бытовой привычки. И только. Конечно, есть и еще выводъ: если недѣйствительность и запретъ не могли сложиться путемъ бытовой привычки и притомъ, какъ ясно изъ выраженія moribus resciptum est, не вытекли изъ положительнаго закона, то мы должны заключить, что они возникли либо на почвѣ судебной практики, либо на почвѣ научнаго обобщенія, либо при взаимодействіи этихъ двухъ факторовъ; но Алибранди этого вывода не дѣлаетъ и не признаетъ.

Итакъ, слово honestius отнюдь не свидѣтельствуетъ противъ обычно-правового возникновенія недѣйствительности супружескихъ дареній, а præsumptio Muciana никоимъ образомъ не доказываетъ, что въ эпоху Кв. Муція эти даренія считались дозволенными.

Lex Julia
repetun-
darum.

Обратимся къ вопросу о lex Julia repetundarum. Точно, Юліевъ законъ считается съ дареніями между супругами; но это обязываетъ насъ, какъ правильно думаетъ самъ Алибранди, къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ и упоминаніе (мнимое) дареній въ Цинціевомъ законѣ: т. е., мы должны или допустить, что въ эпоху Юліева закона даренія между супругами считались еще дѣйствительными (радикальное пониманіе), или что Юліевъ законъ имѣлъ въ виду изъятія изъ недѣйствительности этихъ дареній (консервативное пониманіе), или, наконецъ, что супруги не были expressim упомянуты Юліевымъ закономъ, но подведены подъ его нормы путемъ интерпретаціи, какъ мы выше признали по поводу Цинціева закона. Въ частности относительно Юліева закона я считаю всего правдоподобнѣе консервативное пониманіе, хоть и не исключаю возможности распространительнаго толкованія; а въ концѣ концовъ остается еще третье предположеніе, не распространена ли эксцепція Юліева закона на

жену позднѣе, путемъ интерпретаціи, какъ я это рѣшительно утверждаю для Цинціева закона: способъ выраженія юриста и здѣсь, и тамъ ничего не говоритъ противъ этой мысли, — напоминаю правило Dig. 50, 16, 6, 1. Почему такое несходство сравнительно съ Цинціевымъ закономъ? Потому, что, какъ я полагаю, за истекшія 150 лѣтъ изъятія изъ правилъ о недѣйствительности успѣли сложиться въ прочную практику и теорію, особенно благодаря *mortis causa* и *divortii causa donationes*: какъ можно судить изъ Dig. 24, 1, 12 (*quandoque futuri*), этими изъятіями нерѣдко пользовались съ цѣлью обхода общаго порядка. О томъ, что этотъ обходъ не составлялъ въ сущности затрудненія уже въ началѣ II-го вѣка по Р. Х., достаточно свидѣтельствуетъ Ювеналь, 1, 2, 58—59 и схолиастъ къ нему (*omne patrimonium suum vivus donavit uxori*), причемъ нѣтъ даже, по моему, надобности вмѣстѣ съ Бейнкерсгукомъ (I, 166) ограничивать мысль одними только дареніями *mortis causa*, въ виду хотя бы стиха 61-го¹. Въ концѣ концовъ, стало быть, Юліевъ законъ столь же мало опровергаетъ недѣйствительность супружескихъ дареній въ VII вѣкѣ, какъ Цинціевъ въ VI-мъ. А стало быть и § 6 у Алибранди ничего ровно не доказываетъ.

§ 7 въ первой половинѣ не содержитъ никакого матеріала для спора, хотя въ предшествующей главѣ показано, что слѣды недѣйствительности дареній между супругами встрѣчаются и ранѣе Требація; вторая же половина его почти въ тѣхъ же словахъ можетъ быть повторена противъ самого Алибранди (Кто же повѣритъ и пр.), если принять во вниманіе сдѣланныя нами выше разъясненія. Конечно, не въ Августову эпоху могъ сложиться такой обычай. Въ противномъ случаѣ, если принять во вниманіе цитированный нами текстъ Ювенала, почему не пойти дальше и не провозгласить, наравнѣ съ нѣкоторыми писателями XVIII вѣка, въ особенности съ Гейнеке, Воордой и другими, что даренія и запрещены только съ *Oratio* 206 г. (см. выше, стр. 272—276)? Алибранди едва ли бы могъ миновать такого вывода, если

§ 7 и его
неубѣди-
тельность.

¹ Отсюда же мы имѣемъ право заключить, что въ началѣ II-го вѣка по Р. Х. даренія между супругами

уже подводились подъ изъятіе Цинціева закона.

бы не упустилъ изъ виду нашъ текстъ Ювенала и Марціала 10, 41, которые, однако, съ нашей точки зрѣнія ничего не доказываютъ. Во всякомъ случаѣ, выводъ § 7 о положительномъ законѣ Августа безусловно необфѣднтеленъ; по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ доводовъ, на которыхъ Алибранди обосновалъ его, не выдерживаетъ непредвзятой критики.

§ 8. Выра-
женіе Плу-
тарха.

Теперь намъ предстоитъ разобраться въ тѣхъ соображеніяхъ, которыми Алибранди расчитываетъ подкрѣпить съ обратной силою свою гипотезу. И прежде всего выраженіе *Ῥωμαῖος νομοθέτης* у Плутарха ничего ровно не доказываетъ. Плутархъ не юристъ и пользуется словами не въ техническомъ смыслѣ; да и техническое значеніе слова *νομοθέτης* будетъ номоетъ, а вовсе не императоръ: но въ Римѣ номоетовъ не было и, стало быть, говоря о римлянахъ, Плутархъ употреблялъ это выраженіе въ общелитературномъ смыслѣ. Какъ и мы теперь нерѣдко говоримъ о „римскомъ законодательѣ“, подразумѣвая вообще нормы римскаго права, такъ и у Плутарха *Ῥωμαῖος νομοθέτης* является иногда синонимомъ для *Ῥωμαϊκὴ νομοθεσία*. Наконецъ, Плутархъ говорить нерѣдко о римскомъ законодательѣ, когда имѣетъ въ виду обычаи древнѣйшей старины. Какъ на типичный примѣръ можно сослаться на *Ῥωμαϊκὰ* 65 ult.: *Καθάπερ ὁ Σόλων ἔγραψε, μῆλον κωδωνίου τὴν νόμῳ ἐντραγοῦσαν εἰς τὸν θάλαμον βαδίζειν, ὅπως τὸ πρῶτον ἀσπασμα μὴ δυσχερὲς γένηται, μηδ' ἀχάριστον οὕτως ὁ Ῥωμαῖος νομοθέτης, εἰ δὴ τι προσῆν αἰτοπον τῷ σώματι καὶ δυσχερὲς, ἔκρινεν*. Последнее, чего не имѣлъ въ виду Алибранди, но чтò предполагала еще самая старинная литература по нашему вопросу, — это возможность подразумѣвать въ данномъ мѣстѣ Ромула подъ *Ῥωμαῖος νομοθέτης*. Выше, стр. 184, уже показано, что именно такова и была мысль Плутарха. Она невѣрна, но толковать Плутарха надо такъ, какъ онъ на самомъ дѣлѣ думалъ, а не такъ, какъ хочется Алибранди.

Выраженіе
имп. Кон-
стантина.

Не болѣе доказываетъ и слово *legum* въ конституціи Vat. Fr. § 273. Выпишемъ для удобства этотъ текстъ дословно въ нужной для насъ первой части:

Prisca legum æquitate prolusa¹, variis ambagum versutiis

¹ Испорченный въ данномъ словѣ текстъ крайне слабо исправленъ Моммсенемъ. Рукопись даетъ *prisca*

legum æquitate provisā; Моммсенъ читаетъ — крайне тяжело и безсвязно — *prisca legum æquitate*

exquisita donatio, licet titulum emptionis vel debiti tenorem comprehendere videatur, tamen claris testationibus probata, debet in irritum devocari, si quidem consultissima ratione videatur easse provisum matrimonio constante donationes inter virum et uxorem altrinsecus agitas nullam firmitatem habere.

Допустимъ сначала, что *leges* обозначаетъ здѣсь нормы, первоначально провозгласившія недѣйствительность дареній между супругами, и подразумеваетъ Юліевъ и Папіевъ законъ. Но чтò намъ тогда дѣлать съ выраженіемъ *maiores* въ Dig. 24, 1, 3 pr.? Правда, Алибранди, какъ мы видѣли, даетъ ему совсѣмъ своеобразное толкованіе; но ниже показана полная невозможность этого толкованія и досадное слово остается вѣскимъ опроверженіемъ. Если же согласиться, что здѣсь императоры говорятъ не о первоначальномъ законодательствѣ (самъ Алибранди приводитъ, какъ надо помнить, недѣйствительность дареній между супругами въ связь съ первоначальными подручными браками), то почему подъ *legum sanctiones* понимать непременно Юліевъ и Папіевъ законъ? Почему не другія конституціи императоровъ, изданныя задолго до Константина и даже до Севера? Множественное число *legum* лучше вяжется съ этимъ пониманіемъ. Вполнѣ аналогично — чтò также упустилъ изъ виду Алибранди — выражается и Юстиніанъ въ Nov. 74, 4: *οἱ πρὸ ἡμῶν νομοθέται*. Или Алибранди и его привлекъ бы себя въ союзники вмѣстѣ съ Константиномъ? Но тогда гдѣ же было бы византійское коварство интерполяторовъ?

Вторая половина § 8-го въ очеркѣ Алибранди также содержитъ два ряда доказательствъ: сложность правилъ о дареніяхъ между супругами и слово *potestas* въ Dig. 24, 1, 3, 3. Послѣднему самъ Алибранди, какъ видно изъ заключительныхъ словъ, придаетъ главное, рѣшающее значеніе. И дѣйствительно, слово *potestas* на первый взглядъ производитъ впечатлѣніе толкуемаго юристомъ легальнаго термина. Однако это впечатлѣніе сохраняется только при готовности раздѣлить гипотезу Алибранди. Какъ онъ самъ

§§ 8 и 9.
Мнимые
остатки
легальна-
го текста.

praeclusa. Я полагаю, что, принявъ во вниманіе дальнѣйшее *eludendae legum sanctiones*, надо читать *pro-lusa*, относя это не къ *donatio*, а къ *aquitate*. Тогда вся конструкція

фразы становится и легкой, и стройной, и цѣлесообразною. Въ моей выпискѣ знаки разставлены согласно съ моимъ чтеніемъ.

доказываетъ въ § 9-мъ, это слово не могло быть заимствовано Ульпіаномъ изъ *Oratio* 206 г.; какъ мы только что доказали, у насъ нѣтъ ни малѣйшаго права заподозрѣвать обычно-правовое происхожденіе правилъ о супружескихъ дареніяхъ; остается, стало быть, или приписать это выраженіе эдикту¹, или, какъ предлагаетъ Ленель², Сабину, котораго Ульпіанъ въ данномъ текстѣ комментируетъ, или, наконецъ самому Ульпіану, *Dig.* 24, 1, 3, 2, причемъ только во множественномъ числѣ *trahimus* надо видѣть просто *plurale modestatis*. Во всякомъ случаѣ, надо заранѣе принять гипотезу Алибранди, чтобы понять это мѣсто въ желательномъ для него смыслѣ. Что же касается сложности правилъ, охватывающихъ обширный кругъ лицъ и имѣвшихъ множество исключеній, то, пожалуй, это и могло бы свидѣтельствовать противъ возникновенія ихъ изъ бытовой привычки; но противъ возникновенія благодаря научному обобщенію судебной практики эти доводы ничего не доказываютъ. Въ итогѣ, стало быть, §§ 8-й и 9-й отнюдь не могутъ привести къ заключенію, будто источникомъ правилъ о супружескихъ дареніяхъ былъ положительный законъ.

§§ 10 и 11.
Неточность
выраженія
„запретъ“.

Сложнѣе ходъ мыслей, развиваемыхъ въ §§ 10-мъ и 11-мъ. Въ основномъ положеніи, впрочемъ, кроется ужъ отмѣченное нами смѣшеніе понятій. Алибранди подчеркиваетъ, что даренія между супругами были запрещены, *prohibitae*, ссылаясь на *Dig.* 24, 1, 3 пр. Дѣйствительно, источники много разъ употребляютъ и это (*Dig.* 24, 1, 3, 1 *prohibitae donationes*; 24, 1, 3, 2 *prohibentur sibi donare*; 24, 1, 3, 5 *prohibetur donare*; 24, 1, 3, 6 *prohibitum est donare*; 24, 1, 3, 7 *non est prohibitum*; 24, 1, 32, 16 *donare prohibentur*; *Paul.* 2, 23, 2 *donare non prohibentur*), и еще болѣе точныя выраженія: *interdicta donatio* *Dig.* 24, 1, 3, 10; *impedita donatio* *Dig.* 24, 1, 5, 18; *non concessa donatio* *Dig.* 24, 1, 6; *interdictae species donationis* *Dig.* 24, 1, 13, 2; *antiqui nec... in donationibus... coniugibus concesserunt*, *Cod. Th.* 5, 1, 9; даже *iuris civilis interdictum* *Cod.* 5, 16, 20. Дѣйствительно, скажу далѣе, запреты не

¹ Ср. толкованіе слова *potestas* примѣнительно къ эдикту у того же Ульпіана, *Dig.* 15, 1, 1, 5.

² Lenel, *Das Sabinussystem*, 1892, стр. 65.

могутъ быть порожденіемъ обычнаго права въ смыслѣ бытовой привычки: она можетъ состоять или изъ многократныхъ дѣйствій, или изъ отсутствія какихъ либо дѣйствій, но никакъ не изъ запрета. Но если такъ, то намъ остается только признать, согласно съ Бринцемъ и Гофманномъ, ср. выше, стр. 355 и 358, что запретъ явился ученымъ обобщеніемъ обычая, сдѣланнымъ юристами, — и только. Характерно, что наряду съ глаголами *interdicere, prohibere, impedire, non concedere* и производными отъ нихъ въ источникахъ ни разу не встрѣчается техническое для *leges perfectae* выраженіе *vetare*. Контрастъ этихъ выражений, ясный самъ по себѣ, особенно наглядно сказывается нпр. у Гая, 2,110 и 2,111 въ рядомъ стоящихъ положеніяхъ, — *prohibeantur ratione civili* въ одномъ случаѣ и *lege Julia vetantur* въ другомъ. Замѣчу, притомъ, что въ стилистическомъ отношеніи слово „запретъ“ несравненно удобнѣе, чѣмъ „недѣйствительность“ и тѣмъ болѣе „поворотность“, чѣмъ и долженъ быть объясненъ его литературный успѣхъ: вѣдь даже въ настоящей книгѣ „поворотность“ неологизмъ. А практическихъ выводовъ изъ понятія „запретъ“ римскіе юристы никогда и нигдѣ не дѣлали. У нихъ это просто синонимическая формулировка принципа недѣйствительности, — вродѣ нпр. *Dig. 16, 1, 1, 1*, гдѣ сказано, что *moribus civilia officia adempta sunt feminis et pleraque ipso iure non valent*, причемъ эта мнимая *ademptio* рядомъ, *Dig. 16, 1, 1, 2*, разсматривается, какъ помощь, — *mulieribus succurritur*, а въ другомъ мѣстѣ ясно указано, что никакой *ademptio* и не было: *moribus (impediuntur, ne iudices sint) feminae et servi, non quia non habent iudicium, sed quia receptum est, ut civilibus officiis non fungantur*, *Dig. 5, 1, 12, 2*. Съ другой стороны, недѣйствительность сама по себѣ вовсе не служить признакомъ неодобрительности пристигаемыхъ ею дѣйствій предъ судомъ общественнаго мнѣнія: она часто является только послѣдствіемъ невозможности, бытовой или юридической, соотвѣтствующихъ дѣйствій, нерѣдко не только вполне одобрительныхъ, но даже весьма желательныхъ: сошлюсь хотя бы на правило *nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest*. Что же касается запретовъ вообще, то они нерѣдко поражаютъ дѣйствія, сами по себѣ не всегда предосудительныя, но лишь опасныя въ общественномъ отношеніи: напомнимъ

„запретъ“ *senatusconsultum Macedonianum*. И стало быть, въ концѣ концовъ, вся цѣпь умозаключеній Алибранди рвется, какъ паутина. Обычно-правовое происхождение недѣйствительности дареній между супругами обязываетъ насъ признать, что эта недѣйствительность возникла не въ формѣ запрета, и вовсе не обязываетъ принять, какъ необходимую предпосылку, будто эти даренія считались предосудительными въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Зато въ положительномъ смыслѣ это происхождение обязываетъ насъ допустить, что недѣйствительными даренія между супругами оказались не потому, чтобы ихъ лишали какія нибудь причины пріобрѣтенной ими юридической силы, а потому, что они по самому порядку вещей вовсе и не могли пріобрѣсти этой силы. Недѣйствительность, иными словами, являлась не репрессією, но лишь выраженіемъ невозможности извѣстныхъ бытовыхъ явленій вылиться въ законныя правовыя нормы. А съ этой точки зрѣнія цѣликомъ отпадаетъ и тотъ доводъ Алибранди, что обычай не можетъ сообщить укоренившемуся правилу силы *legis perfectæ*. Это вѣрно для обычая — поскольку такой обычай возможенъ — репрессивнаго, но вовсе не для обычнаго воззрѣнія на какое либо фактически возможное дѣйствіе, какъ на дѣйствіе невозможное юридически. Такъ, напр., въ древнѣйшую эпоху недѣйствительность сдѣлокъ съ перегриномъ, не имѣвшимъ *ius commercii*, была послѣдствіемъ не репрессіи, а только невозможности заключить цивильную сдѣлку. Такъ точно и для дареній между супругами. Если мы признаемъ ихъ недѣйствительность послѣдствіемъ запрета, то должны признать за этимъ запретомъ силу *legis perfectæ*¹; но мысль о запретѣ совершенно ненужна, разъ мы примемъ, что недѣйствительность была только выраженіемъ цивильной невозможности. Наконецъ, наряду съ другими соображеніями, параллель, проводимая Алибранди между дареніями женѣ и дареніями публичной женщинѣ, а также и дареніями *ex turpissima causa* въ § 11-мъ, конечно, обязываетъ насъ признать, что римское общество не могло считать предосудительными даренія между супругами, какъ таковыя; но вѣдь

¹ Напомню кстати, что именно эта сила-то и сомнительна; неда- ромъ уже второе столѣтіе въ на-

укѣ не прекращаются сомнѣнія въ истинной недѣйствительности супружескихъ дареній.

отсюда мы должны сдѣлать и другой выводъ, — что, стало быть, причиной ихъ недѣйствительности была не ихъ предосудительность, а что нибудь другое, и уже на этомъ одномъ основаніи съ недовѣріемъ отнестись къ *rationes interdicti*, приводимымъ у римскихъ юристовъ и сводящимся къ усвоенію дареній между супругами свойствъ либо предосудительныхъ, либо общеопасныхъ.

Займемся двумя остальными вопросами, которые подымаетъ Алибранди въ § 10-мъ. Именно, онъ утверждаетъ, что въ первомъ вѣкѣ имперіи не только не замѣтно слѣдовъ осужденія общественнымъ мнѣніемъ дареній между супругами, но даже, напротивъ, сказывается тенденція противъ „запрета“. Ея проявленіемъ Алибранди считаетъ тексты Сенеки и Ювенала. Нельзя не признать даннаго соображенія самымъ слабымъ мѣстомъ теоріи. Даже удивительно, какъ могъ Алибранди прибѣгнуть къ такимъ неудовлетворительнымъ доказательствамъ.

Мнимая
тенденція
противъ
запрета.

Сенека въ указанномъ мѣстѣ говоритъ о томъ, что мудрость даетъ намъ въ обладаніе весь міръ. Мудрецъ владѣетъ всѣмъ, даже будучи нищимъ, и ничего не желаетъ. Воображаемый собесѣдникъ возражаетъ Сенека, что если мудрецъ всѣмъ владѣетъ, то ему ничего нельзя подарить, ибо все, что можно подарить, ему принадлежитъ ужъ и безъ того. Сенека пространно возражаетъ, что обладаніе мудреца не то, что обладаніе въ юридическомъ смыслѣ; притомъ подарить (очевидно, въ бытовомъ или же въ разговорномъ смыслѣ слова) можно даже тому, кто юридически обладаетъ даримымъ предметомъ. Съ другой стороны мудрецъ, въ высшемъ смыслѣ обладая всѣмъ, хотя бы міру казался нищимъ, даже погнушался бы обладать всѣмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ слово собесѣдникъ Сенеки. Такъ, напр., если бы Димитрію (о немъ Сенека говорилъ раньше) *res nostras aliquis deorum possidendas velit tradere sub lege certa, ne liceat donare, adfirmaverim repudiaturum dicturumque etc.* Затѣмъ идетъ перечисленіе всевозможныхъ предметовъ чудовищной роскоши, въ особенности женской. Въ этихъ словахъ Алибранди находитъ проявленіе „тенденціи“ въ пользу дареній между супругами...

Сенека.

Не лучше цитата изъ Ювенала. Бичуя нравы, онъ споритъ съ воображаемыми противниками своего мрачнаго

Ювеналь.

взгляда. „Вѣдь вотъ Ценсеннія нравится мужу“. Еще бы, отвѣчаетъ сатирикъ, когда дала ему¹ миллионъ сестерцій: *vidua est, locuples quæ nupsit avaro*. „Ну, а Бибула, въ которую влюбляетъ ея мужъ?“ Красива. Пусть явятся три морщины, почернѣютъ зубы или завянутъ формы, — *exiocius et propega*, услышитъ она мигомъ отъ либерта. А покамѣстъ, зато,

*Interea calet et regnat poscitque maritum
Pastores et ovem Canusinam ulmosque Falernos —
Quantulum in hoc? — pueros omnes, ergastula tota,
Quodque domi non est, sed habet vicinus, ematur.*

Еслибъ это мѣсто привели въ поясненіе довода *ne invicem spoliarentur, donationibus non temperantes*, то ссылку еще можно было бы понять; но гдѣ тутъ слѣды тенденціи къ признанію дѣйствительности дареній между супругами, — „мудрый Эдипъ, разрѣши!“ Говоря словами самого Алибранди, *e serio tutto questo?* Неужели все это серьезно?

Выраженіе
„*maiores*“
въ *Oratio*
206 г.

Вторая подробность, привлекающая наше вниманіе, — толкованіе, которое даетъ Алибранди слову *maiores* въ *Oratio* 206 г.: оно указываетъ, по его мнѣнію, что запретительный законъ былъ проведенъ черезъ народное собраніе. Пока не даны достовѣрные примѣры такой семасіологіи слова *maiores*, мнѣніе Алибранди не имѣетъ научнаго значенія и трудность имъ нимало не устранена. Притомъ, замѣчу, она и не единственная: Алибранди забылъ, что слово *maiores* въ той же связи, какъ Северъ и Каракалла, употребляетъ и Прокулъ, *Dig.* 24, 1, 31, 7, въ устахъ котораго оно никакъ не можетъ обозначать комицій, принявшихъ законъ Юлія и Папія: это уже было нами указано (выше, стр. 262 сл.) по поводу такой же разсѣянности Джентиле². Не признать ли ужъ и этотъ текстъ интерполированнымъ? Если же стать на положительную почву нашихъ источниковъ, то *maiores* должно быть растолковано или въ смыслѣ *Dig.* 38, 10, 10, 2, — т. е. *parentes ultra tritavum, qui non habent speciale nomen*, — или

¹ *Bis quingena dedit* понимаютъ: принесла въ приданое. Но вѣрнѣе здѣсь видѣть дареніе *adipiscendum honorem causa*, какъ свидѣтельствуется собранный у самого же Фридендера *ad h. l.* матеріаль.

² Куріозно, что слово *maiores* въ *Dig.* 24, 1, 31, 7 погибельно для итальянскихъ ученыхъ, которые роковымъ образомъ о немъ забываютъ въ самую нужную для нихъ минуту.

въ смыслѣ Dig. 50, 6, 6 pr., coll. Gell. Noct. Att. 2, 15, 1, — т. е. antiquissimi Romanorum. Нечего и говорить, что оба толкованія погибельны для Алибранди. Вообще, матеріалы Ретеса (см. выше, стр. 264 сл.) достаточно ясно свидѣтельствуютъ, что для римлянъ приписать учрежденіе эпохъ maiores или признать его существовавшимъ искони, всегда, было почти одно и то же.

III. Заключительныя возраженія.

Итакъ, дополнительные доводы Алибранди оказываются еще слабѣе, чѣмъ тѣ, которые привели къ его гипотезѣ. Въ сущности можно даже на этомъ мѣстѣ считать вопросъ исчерпаннымъ и споръ съ нимъ рѣшеннымъ тѣмъ, что нами сейчасъ изложено; но обрывать разсужденіе было бы неудобно и мы доведемъ его до конца, чтобы навсегда покончить съ разбираемымъ воззрѣніемъ.

Опроверженіе § 12-го уже предрѣшено во многомъ выше § 12. Недѣй-
данными возраженіями. По поводу Августа намъ даже ствитель-
нѣтъ пищи для спора. Алибранди утверждаетъ, что leх духъ Авгу-
decimaria внушена тѣмъ же духомъ, какимъ и (мнимый) стова зако-
запретъ дареній между супругами. Съ этимъ до извѣстной датель-
степени слѣдуетъ согласиться, но только съ поправкою слова ства.
„внушена“ на слово „проникнута“. Очень похоже на то, что
децимарныя правила, навѣрное стѣснившія обходы недѣй-
ствительности, были направлены, между прочимъ, и къ ук-
рѣпленію правила о недѣйствительности супружескихъ да-
реній, хоть и оказались, въ концѣ концовъ, судя по тек-
стамъ Ювенала, безсильными достигнуть этой цѣли. Али-
бранди, правда, полагаетъ, будто даренія между супругами
были запрещены Августомъ ради соблюденія децимарныхъ
нормъ, такъ какъ послѣднія остались бы непримѣнными,
если бы существовали даренія между супругами. Но го-
раздо проще обратное, предложенное нами, объясненіе, какъ
потому, что недѣйствительность древнѣй эпохи Августа, что
бы ни говорилъ Алибранди, такъ и потому, что децимар-
ныя ограниченія болѣе похожи на дополнительный законъ,
чѣмъ на коренное постановленіе. Съ другой стороны мо-
жемъ сослаться на вполне вѣрное соображеніе Асколи (503),
что цѣль была бы вполне достигнута простымъ подчиненіемъ
дареній децимарнымъ нормамъ. Правда, самъ Асколи ду-

маетъ, что запретъ вѣрнѣе достигалъ цѣли, такъ какъ примѣненіе децимарныхъ нормъ приходилось бы отсрочивать до прекращенія супружества. Но ему можно возразить, что и предполагаемый запретъ фактически не примѣнялся иначе. Правильно, поэтому, приводить его мысль противъ Алибранди де-Медіо, причемъ даетъ ей самостоятельное дальнѣйшее развитіе. На что же было, говорить де-Медіо (I, 373—374), вмѣсто такой простой мѣры прибѣгать къ *singularitas odiosa* полного запрета дареній между супругами, идущаго въ разрѣзъ съ чистымъ и святымъ чувствомъ, — съ потребностью выражать подарками любовь и привязанность къ тѣмъ, кто съ нами раздѣляетъ участь всей нашей жизни? Совершенно справедливо. Въ этомъ же смыслѣ, пожалуй, можно примириться и со ссылкой Алибранди на *Cod. Theod.* 5, 1, 9, или, вѣрнѣе, на комментарий и авторитетъ Годфруа. Возможно, что императоры Θεодосій и Валентиніанъ въ данномъ указѣ имѣли въ виду децимарныя нормы и недѣйствительность дареній между супругами, хотя, замѣчу мимоходомъ, самъ Годфруа (что также упустилъ изъ виду Алибранди) допускалъ и другую возможность. *Ceterum, quos antiquos Theodosius h. l. vocat, videamus, говорить онъ (стр. 476, столбецъ 2). Primum ius moribus receptum intelligit, quo scilicet donationes inter virum et uxorem constante matrimonio prohiberi notum est: idque est quod de donationibus h. l. dicitur. Possis tamen et id referre ad Cod. Theod. 2, 21, 2 et 9, 42, 1.* Конечно, и это возможно. Наконецъ, Алибранди упустилъ изъ виду тѣ справедливыя соображенія, которыя мы находимъ у Лефевра (несомнѣнно съ Алибранди вовсе незнакомаго). Августъ, говоритъ Лефевръ (123), первый отмѣнилъ всякое поручительство женъ и мужей, *Dig.* 16, 1, 1 пр., послѣ того какъ обычай уже запретилъ всякое безповоротное дареніе между супругами, обычай, измѣнять который не могло бы ему и на мысль прийти, до такой степени казалось необходимымъ въ эту эпоху основывать нормы брачнаго права на мысли о предосторожностяхъ и недовѣрїи. Вотъ съ этимъ сопоставленіемъ Лефевра нельзя не согласиться. Зато оно прямо противоположно догадкамъ Алибранди. Недѣйствительность дареній не только не Августомъ введена, а напротивъ ему-то и внушила аналогичныя съ нею законодательныя мѣры,

1902

1900

въ которыхъ децимарныя нормы совершенно ни при чемъ.

Заключительныя мысли разбираемаго параграфа построены вновь на смѣшеніи понятій, уясненномъ нами въ числѣ принципиальныхъ возраженій. Конечно, еслибъ у насъ имѣлся запретъ, создающій *singularitas odiosa*, то онъ не могъ бы явиться бытовою привычкою тѣхъ самыхъ лицъ, которымъ невыгоденъ. Но такъ какъ у насъ нѣтъ ни запрета, ни репрессіи, то всѣ сомнѣнія Алибранди разрѣшаются сами собою.

Смѣшеніе
понятій

Не будемъ останавливаться на вопросѣ о связи *lex decimarum* съ *Oratio* 206 г. Вѣдь если *Oratio* не отмѣняла, ни прямо, ни косвенно, децимарныхъ правилъ, то, конечно, имъ должны были подчиняться даренія въ тѣхъ ея послѣдствіяхъ, которыя подъ эти правила подходили. Ничего болѣе нельзя вывести изъ цитируемыхъ въ § 13 текстовъ.

§ 13. *Lex decimarum*
и *Oratio*
206 г.

Равнымъ образомъ нельзя не согласиться, что по духу исполнѣ родственна Августову законодательству *ratio interdicti* у Павла *Dig.* 24, 1, 2; но изъ этого слѣдуетъ только то, что самый доводъ могъ войти въ обиходъ у юристовъ не ранѣе I-го вѣка имперіи. Если бы мы, какъ, въ сущности, долженъ Алибранди, признали доводъ Павла подлиннымъ зиждительнымъ доводомъ въ пользу запрета, то, по справедливому замѣчанію де-Медіо (I, 374), должны были бы съ нимъ встрѣчаться вездѣ на первомъ мѣстѣ, въ особенности у юристовъ, наиболѣе близкихъ къ вѣку Августа. Отъ себя я прибавлю къ этому, что намъ было бы тогда трудно понять и успѣхъ всѣхъ другихъ доводовъ, и ихъ необыкновенное обиліе и разнообразіе. Съ этой точки зрѣнія совершенно неудовлетворительно подготавливаетъ читателей къ теоріи Алибранди мысль Асколи (499), — а именно, что хороши или дурны эти доводы, они всѣ приурочены къ факту законодательнаго введенія недействительности и совершенно не пригодны для объясненія, на какихъ легальныхъ основаніяхъ могла бы основать юриспруденція признание дареній между супругами неимѣющими юридической силы. Для меня эта мысль — сама по себѣ исполнѣ справедливая — является лучшимъ доказательствомъ полной неудовлетворительности всѣхъ этихъ доводовъ; но и только. А возвращаясь къ де-Медіо, не могу не признать очень

§ 14.
Rationes
interdicti

02 г.

08 г.

вѣскимъ отмѣченный имъ фактъ, что самый близкій по времени къ Августу изъ юристовъ, касавшихся *rationes interdicti*, Прокулъ, высказывается совсѣмъ въ другомъ духѣ, чѣмъ Павелъ, и согласно съ другими юристами, въ Dig. 24, 1, 31, 7.

§ 15. Не-
правдопо-
добность
интерпо-
ляцій,
предпола-
гаемой
Алибранди.

Впрочемъ, можно, пожалуй, примириться съ догадкой Алибранди, изложенной въ § 15-мъ, — что, говоря о *rationes interdicti* и объ исторіи супружескихъ дареній, юристы упоминали объ Августовомъ законодательствѣ и децимарныхъ правилахъ и что эти упоминанія были вычеркнуты составителями дигестъ. По крайней мѣрѣ такъ всего легче объяснить нѣсколько насильственную стилистически спайку отрывка изъ Павла, Dig. 24, 1, 2, съ отрывкомъ изъ Ульпіана, Dig. 24, 1, 1. Но въ томъ смыслѣ и въ той формѣ, какъ пользуется этою догадкою самъ Алибранди, она, разумѣется, не можетъ быть принята. Противъ нея говорить ужъ и то соображеніе, которое совершенно правильно приводитъ де-Медіо. Если бы даже составители дигестъ, говорить онъ, и хотѣли устранить упоминаніе о *lex decimaria*, то какая надобность была имъ изглаживать названіе самого закона? Это не похоже на ихъ обычный образъ дѣйствій. А затѣмъ, кто согласится, будто они, вычеркнувъ упоминаніе о децимарной нормѣ, приписали *moribus* то, что было постановлено Августомъ? Если жъ они бы хотѣли только устранить лишнія историческія подробности, то имъ достаточно было бы редактировать, напр., такъ: *D. Augustus donationes inter virum et uxorem prohibuit, ne coniuges mutitato amore etc.* Тогда и отрывокъ былъ бы короче, и упоминаніе о децимарной нормѣ было бы устранено (I, 371, прим. 1).

Неудовле-
творитель-
ность грам-
матиче-
ской кри-
тики текста
Dig. 24, 1,
1 гр.

Ссылка Алибранди на синтаксисъ, приводимая въ заключеніе § 15-го, также не оправдывается при ближайшемъ разсмотрѣніи. Выраженіе *receptum est* можно понимать и какъ *perfectum passivi* отъ *recipere*, и какъ *praesens* отъ *sum*. Въ первомъ случаѣ *ut* требуетъ *valerent*, во второмъ — *valeant*. Примѣровъ такой шаткости имѣется болѣе, чѣмъ достаточно. Въ разбираемомъ же мѣстѣ не только нѣтъ никакого солецизма, но даже несомнѣнно правильно Ульпіанъ смотритъ на *receptum est*, какъ на *perfectum*: вѣдь излагаемый у него въ 32-й книгѣ *ad Sabinum status donationum*, основанный на *mores*, былъ прежній *status*, отмѣненный съ 206 г.

IV. Пересмотръ текстовъ.

Намъ остается подвергнуть послѣдней провѣркѣ теорію § 16. Доку-
Алибранди, — прикинуть къ источникамъ тѣ выводы, къ ментальное
которымъ она обязывается. Самъ Алибранди замѣтилъ, что опроверже-
одной интерполяціей ему не отдѣлаться: какъ говорятъ будто слова
нѣмцы, *wer hat A gesagt, muss auch B sagen*. Но и двумя *ius civile*
интерполяціями нельзя покрыть всѣхъ трудностей, какъ мы въ *Dig.*
сейчасъ увидимъ. Во-первыхъ, Алибранди предполагаетъ, 21, 1, 5, 18
что слова *ius civile* въ *Dig.* 24, 1, 5, 18 замѣняютъ *legem*
Juliam et Papiam. Но если такъ, то мы должны допустить, интерпо-
что интерполированы и всѣ другія мѣста, которыя говорятъ лированы.
о запретѣ¹ *ex iure civili*; а такихъ мѣстъ не только набе-
рется цѣлый десятокъ, но даже въ ихъ числѣ окажется
текстъ изъ *Vat. Fr.* § 96. На него ссылается уже де-Медіо,
какъ на лучшее возраженіе противъ Алибранди (I, 371—372).

Но во всякомъ случаѣ пересмотримъ и юстиніановскіе Пересмотръ
тексты, чтобъ исчерпать окончательно весь вопросъ². текстовъ.

Dig. 23, 4, 5, 1. *Ac ne illa quidem pacta servanda sunt, 1. Dig. 23,*
ne ob res donatas vel amotas ageretur, quia altero pacto ad 4, 5, 1.
furandum mulieres invitantur, altero ius civile impugnatur.

Если бъ это была интерполяція, то почему бы не сказать
было составителямъ дигестъ просто *lex impugnatur*? Осо-
бенно это важно рядомъ съ *publica coercitio* въ *pr. legis*.

Dig. 41, 2, 1, 4. *Si vir uxori cedat possessione donati- 2. Dig. 41,*
onis causa, plerique putant possidere eam, quoniam res facti 2, 1, 4.
infirmari iure civili non potest.

И здѣсь можно сдѣлать то же возраженіе, что въ предъ-
идущемъ случаѣ: почему *iure civili*, а не *iure*?

¹ Я подчеркиваю слово запретъ, ибо тамъ, гдѣ изъ *ius civile* выводится недействительность дареній или возможность кондикціи, теорія Алибранди не обязываетъ еще насъ предполагать интерполяцію: вѣдь онъ соглашается приурочить начало недействительности къ подручнымъ бракамъ и *mores* и, стало быть, для него *ius civile* не вяжется только съ запретомъ. Потому, напр., противъ него ничего не говорить *civili* *liter* consiste въ *Cod.* 4, 50, 1, ибо

тамъ рѣчь идетъ о кондикціи. Равнымъ образомъ въ данной связи преждевременно касаться *Dig.* 23, 4, 27, ибо тамъ говорится не о запретѣ, а о недействительности (слово *improbanda*).

² Большая часть этихъ мѣстъ была собрана одновременно со мною, хотя съ совершенно другою цѣлью, Эрлихомъ, *Beiträge zur Theorie der Rechtsquellen*, I. Berlin 1902. Стр. 44—46.

3. Dig. 24,
1, 26 pr.

Dig. 24, 1, 26 pr. Si eum, qui mihi vendiderit, iusserim eam rem uxori meae donationis causa dare et is possessionem iussu meo tradiderit, liberatus erit, quia, licet illa iure civili possidere non intelligatur, certe tamen venditor nihil habet, quod tradat.

Опять то же замѣчаніе: къ чему была бы здѣсь интерполяція ¹?

4. Dig. 24,
1, 3, 12.

Dig. 24, 1, 3, 12. Sed si (quis) debitorem suum (uxori) solvere iusserit, hic quaeritur, an nummi fiant eius debitorque liberetur. Et Celsus libro 15 digestorum scribit videndum esse, ne dici possit et debitorem liberatum et nummos factos mariti, non uxoris: nam et si donatio iure civili non impediretur, eum rei gestae ordinem futurum, ut pecunia ad te a debitore tuo, deinde a te ad mulierem perveniret etc.

Помимо того же замѣчанія, характерно, что Цельзъ выводитъ, какъ и Dig. 24, 1, 5, 18, изъ ius civile полную nullitas negotii, считая ничтожною самую традицію, т. е. сохраняя за мужемъ виндикацію на случай, если nummi exstant. Прошу запомнить это слѣдствіе: оно сейчасъ намъ пригодится.

5. Dig. 23,
3, 5, 9.

Dig. 23, 3, 5, 9. Si quis certam quantitatem patri donaverit ita, ut hanc pro filia daret, non esse dotem profecticiam Julianus libro 17 digestorum scripsit: obstrictus est enim, ut det, aut, si non dederit, condictione tenetur. Hoc et in matre iuris esse ait, si forte sub ea conditione uxor marito det, ut pro filia genero in dotem daret, nec videri uxorem marito donasse. Rectissime ergo ait ², ut non sit interdicta donatio iure civili: non enim ad hoc dedit, ut ipse habeat, sed ut

¹ Замѣчу кстати, что этотъ злополучный текстъ много погубилъ ученыхъ досуговъ на непроеизводительныхъ толкованіяхъ. Пресловутое учение о civiliter possidere все основано на соединеніи словъ possessio и ius civile. Владѣніе всегда и вездѣ одно; если же ius civile и побуждаетъ иногда — въ данномъ случаѣ вслѣдствіе недействительности дареній между супругами — не считаться съ фактомъ владѣнія stricta interpretatione, то все жъ оно rem facti infirmare non potest и

владѣніе всетаки остается въ силѣ. Теоретикамъ владѣнія не мѣшало бы принять это къ свѣдѣнію.

² У Моммсена другая разстановка знаковъ: nec videri uxorem marito donasse rectissime ergo ait, ut non etc. Однако, при этой разстановкѣ самъ Моммсенъ требуетъ вычеркнуть ergo. Но и это ни мало не исцѣлитъ топорной конструкціи. Перестановка точки спасаетъ ergo, возстановляетъ непринужденность оборота и вполне выясняетъ смыслъ.

genero pro filia expendat; denique si non dederit, condictione tenetur. Esse igitur dotem istam adventiciam Julianus ait et ita utimur.

Здѣсь слова iure civili уже безусловно излишни и, если составители дигестъ замѣнили ими что нибудь другое, то почему они просто не вычеркнули ненужныя для нихъ слова подлинника? Или можетъ быть Алибранди сталъ бы самъ защищать ихъ подлинность съ той точки зрѣнія, что здѣсь рѣчь идетъ не о nullitas absoluta, а только о кондикціи? Но вѣдь кондикція здѣсь только потому и дается, что Юліанъ не признаетъ въ данномъ случаѣ даренія между супругами и считаетъ сдѣлку дѣйствительною, какъ между чужими; а quo casu inter externos conditio nascitur, inter maritos nihil agitur, Dig. 24, 1, 52, 1: стало быть, будь тутъ супружеское дареніе, жена имѣла бы виндикацію.

Этому положенію можно даже найти прямое доказательство въ пресловутомъ текстѣ Vat. Fr. § 269. Безчисленныя разногласія по его поводу заслуживали бы при другихъ обстоятельствахъ подробнаго разбора; но, строго держась своей темы, я здѣсь ограничусь изложеніемъ толкованія, которое считаю правильнымъ. Ульпіанъ говоритъ, что constat, quod utendum filiæ (scil. a matre) datum est, non esse donatum; sed etsi donatum esset, æque donatio non valeret (scil. a matre) in filiam collata, quæ in patris erat potestate (quoniam, scilicet, inter virum et uxorem donatio esse videretur, quam non valere constat). Plane, si in dotem mater filiæ dedisset, valet, quod factum est (scil. post nuptias): potest enim (scil. ad hoc) donare filiæ, cum, quamvis res mariti (scil. mariti matris, i. e. patris puellæ, qui eam in potestate habet) fiant (donec puella nubat), quandoque filia vel sola (scil. soluto matrimonio), si sui iuris fuerit, vel voluntate filiæ pater, habeat rei uxoriae actionem. Merito igitur Sabinus ait, si inscia uxore (scil. patris, id est, inscia matre puellæ) vel invita (scil. cum mater filiæ rem utendam vel dono dederit) maritus¹ (scil. matris, id est pater puellæ) in dotem dedit, rem mariti (prout quisque volet, utrum patris rem non esse factam propter iuris civilis interdictum ideoque nec genero eam recte tradi a socero in

Vat. Fr.
§ 269.

¹ Моммсенъ пропускаетъ стоящее въ подлинникѣ maritus, очевидно вслѣдствіе общепринятаго

(съ которымъ я несогласенъ) пониманія даннаго текста.

dotem potuisse, an generi non esse factam quoniam rem patris non fuisse, quippe quae ab uxore in filiam, in patris potestate constitutam, propter iuris civilis interdictum donationis titulo contuli non potuisset) non esse factam et ideo vindicari ab herede mulieris (*scil. ab herede matris puellae*) posse; quodsi sciente ea (*scil. muliere, matre*) hoc (*scil. in dotem datio*) factum sit, consequens erit dicere, in dotem conversum esse id, quod (*scil. marito puellae a socero*) datum est (*scil. quoniam tunc non fuisse donationem neque igitur quidquam iure civili infirmari potuisse: non enim, Dig. 23, 3, 5, 9, ad hoc dedit, ut pater ipse habeat, sed ut genero pro filia expendat; denique si non dederit, condictio- ne teneretur: esse igitur dotem istam adventiciam Julianus ait et secundum Ulpianum ita utimur. Cf. denique Dig. 24, 1, 34 fin.*).

6. Dig. 24,
1, 32, 1.

Dig. 24, 1, 32, 1. Oratio autem imperatoris nostri de confirmandis donationibus non solum ad ea pertinet, quæ nomine uxoris a viro comparata sunt, sed ad omnes donationes inter virum et uxorem factas, ut et ipso iure res fiant eius, cui donatae sunt, et obligatio sit civilis, et de Falcidia, ubi possit locum habere, tractandum sit.

Намъ безразличны, въ данномъ случаѣ, догматическіе споры по поводу отмѣченнаго выраженія: какъ бы ихъ ни разрѣшать, ясно, что исцѣленіе дареній дѣлаетъ обязательство цивильнымъ, а стало быть оно ранѣе не было цивильнымъ, т. е. non valebat civiliter, iure civili non valebat.

Таковы тексты дигестъ. Менѣе вѣски императорскія постановленія, но и они не лишены доказательной силы. Мы ихъ приведемъ поэтому въ извлеченіяхъ, сохраняя только нужные для насъ мѣста.

7. Cod. 5.
9, 6 pr.

Cod. 5, 9, 6 pr. о дареніяхъ между супругами говорится, что они *etsi constante matrimonio civili iure interdictae sint, morte tamen donatoris ex certis causis confirmari solent.*

8. Cod. 5,
16, 4.

Cod. 5, 16, 4. Nec inter eas quidem personas, quarum iuri subiecti sunt vir et uxor, quive in eorum potestate sunt, donationes iure civili fieri possunt. Этотъ текстъ, которымъ пользуется и самъ Алибранди, замѣчательнѣе еще тѣмъ, что сказуемое стоитъ въ настоящемъ времени. Будь слова *ex lege Julia etc.* неудобны для составителей дигестъ, отчего бы имъ не вычеркнуть ихъ, а замѣнить интерполяціей? Изъ желанія досадить современнымъ интерполяціонистамъ?

Cod. 5, 16, 20. Tam ea, quae simulate aguntur, quam quæ in uxorem a marito donationis causa tempore matrimonii procedunt, propter iuris civilis interdictum, cum proponas uxorem superstite marito rebus humanis exemptam, pro infectis habeantur. 9. Cod. 5, 16, 20.

Напротивъ, рѣшающее значеніе имѣютъ два текста изъ Ватиканскихъ отрывковъ, исключаютъ всякую мысль объ интерполяціи. Одинъ изъ нихъ, *Vat. Fr. § 269*, только что нами приведенъ и комментированъ по поводу *Dig. 23, 3, 5, 9*; но и другой ужъ упоминался по поводу возраженія де-Медіо.

Vat. Fr. § 96. Die nuptiarum virgini¹ optulit munus et duxit eam: quæro de donatione. Paulus respondit: si ante nuptias uxori futuræ situlus argenteus traditus est, donationem perfectam videri; quodsi post nuptias donatio intercessit, ius civile donationem impedisse. 10. Vat. Fr. § 96.

Изъ обоихъ текстовъ вытекаетъ, что ius civile обуславливало полную недѣйствительность дареній между супругами, снабжая дарителя не кондикціею только, но и виндикаціею.

Въ заключеніе настоящаго опроверженія замѣчу, что едва ли не большую трудность, чѣмъ всѣ приведенныя мѣста, вмѣстѣ взятыя, создаютъ для Алибранди слѣдующіе два текста: Несогласія съ теоріей Алибранди даннаго источника.

Dig. 23, 4, 27. Si liberis sublati reversa post iurgium per dissimulationem mulier veluti venali concordio ne dotata sit conveniat, conventio secundum ordinem rei gestæ moribus improbanda est. Dig. 23, 4, 27.

Dig. 24, 1, 7, 6. ...Imperator noster cum patre suo rescripsit: Si tibi maritus pignora propter dotem et pecuniam creditam data non donationis causa vendidit, quod bona fide gestum est, manebit ratum; at si titulus donationis quæsitus ostenditur atque ideo venditionem irritam esse constabit, iure publico causam pignorum integram obtinebis. Dig. 24, 1, 7, 6.

Второй изъ этихъ текстовъ, рескриптъ Севера и Кара-

¹ Моммсенъ предлагаетъ читать vir virgini; но такая вставка была бы совершенно произвольною. Гдѣ доказательство, что составитель отрывковъ не сократилъ казусъ, вы-

черкнувъ имя собственное? Иначе откуда взялся бы situlus argenteus въ отвѣтъ Павла? Притомъ, если virgo, то sponsus, а не vir.

Dig. 1, 3, 36.

каллы, несомнѣнно лишь ускользнулъ отъ вниманія Алибранди: конечно, замѣтъ онъ Dig. 24, 1, 7, 6, онъ счелъ бы данное мѣсто драгоцѣннымъ доказательствомъ въ свою пользу. Однако все его торжество омрачилось бы отъ словъ Папиніана Dig. 23, 4, 27: или слово *moribus* и тамъ интерполировано, — но тогда почему *moribus*, а не *iure civili*? въ противномъ случаѣ наоборотъ: почему въ другихъ мѣстахъ *iure civili*, а не *moribus*? — или оно также спаслось отъ интерполяціи по недосмотру составителей, — но тогда гдѣ *lex Julia* и *ius publicum*? Сомнѣваюсь, чтобы ему удалось выйти изъ этого затрудненія. Со своей же точки зрѣнія не вижу тутъ никакой трудности, благодаря свидѣтельству источниковъ, не только помогающему намъ въ данномъ случаѣ, но и наносящему смертельный ударъ всѣмъ ученіямъ отъ глоссаторовъ до Алибранди, считающимъ слова *moribus receptum est* или неточными, или интерполированными, и ищущимъ зародышей нашего ученія въ писаномъ правѣ: я имѣю въ виду Dig. 1, 3, 36, подробно разобранный выше, стр. 228. Благодаря этому тексту, столь мало оцѣненному и совершенно неиспользованному, можно считать устраненнымъ всякое сомнѣніе въ обычно-правовомъ происхожденіи недѣйствительности супружескихъ дареній и слова *iure publico* въ Dig. 24, 1, 7, 6, синонимичными съ *iure vulgato* Dig. 24, 1, 32, 24, *iure communi* и т. д., — ср. выше стр. 229—230.

Виндика-
ція и кон-
дикція.

Прежде чѣмъ кончить, мы должны еще выяснить неосновательность сдѣланнаго Алибранди противопоставленія Dig. 24, 1, 5, 18 и Dig. 24, 1, 6. Онъ выражается очень лаконично, однако его мысль вполне ясна. Онъ полагаетъ, что полная недѣйствительность дареній между супругами, въ силу которой даритель сохранялъ за собою виндикацію, началась только со времени Августа; до тѣхъ поръ недѣйствительность могла служить основаніемъ только для кондикціи. Допустимте, что такъ; но, спрашивается, почему же не только составители дигестъ въ Dig. 24, 1, 6, но и самъ Гай сталъ излагать давнымъ давно отмѣненное республиканское право? Притомъ, для такого пониманія надо подъ словомъ *quod* непремѣнно подразумѣвать *corpus* (ср. Dig. 24, 1, 3, 11: *nihil corporis eius fieri*), т. е. *quia quod corpus ex non concessa donatione retinetur etc.*; но почему же

corpus, а не напр. *lucrum*, — *quia quod lucrum ex non concessa donatione etc.*?

Послѣднее, что намъ остается, — это разрѣшить сомнѣніе, возбуждаемое въ Алибранди сопоставленіемъ юридической силы *lex Cincia* съ опредѣленіемъ *Cod. 1, 14, 5*. Конечно, если толковать слова *Dig. 24, 1, 5, 18* распространительно, то выйдетъ, что даренія, *iure civili impeditae*, простираются полная, безусловная недействительность. Очень можетъ быть, что это распространительное толкованіе совершенно въ духѣ юстиніанова права; но принципы *duplex interpretatio* липаютъ насъ возможности толковать распространительно данное мѣсто для эпохи Ульпіана, если оно сохранено дигестами въ подлинномъ видѣ, и, напротивъ, обязываютъ толковать его рестриктивно, т. е. только въ примѣненіи къ дареніямъ между супругами. Въдѣ въ предшествующихъ §§ 8—17 Ульпіанъ говоритъ о дѣйствительныхъ дареніяхъ между супругами; въ § 18 онъ переходитъ къ недействительнымъ и характеризуетъ ихъ юридическую ничтожность. Какой смыслъ въ предположеніи, будто онъ тутъ говоритъ о всѣхъ вообще дареніяхъ, *iure civili impeditis*? Все время рѣчь идетъ только о дареніяхъ между супругами, изъ которыхъ одни дѣйствительны, а другія нѣтъ, и къ этимъ-то послѣднимъ и относится § 18-й. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакого повода сопоставлять его съ *Cod. 1, 14, 5* и заподозрѣвать его подлинность. Въ итогѣ мы должны сказать, что *lex Cincia* и *Cod. 1, 14, 5* именно доказываютъ, что Ульпіана нельзя толковать въ данномъ мѣстѣ распространительно, ибо иначе онъ написалъ бы сущую бессмыслицу. Недаромъ онъ прибавляетъ въ концѣ чисто рестриктивную оговорку: *ipso enim iure, quae inter virum et uxorem donationis causa geruntur, nullius sunt momenti*. Или заподозрить подлинность этихъ словъ? Де-Медіо такъ и сдѣлалъ, особенно неодобрительно взглянувъ на невинное словечко *enim* (*I, 383*).

Dig. 24, 1, 5, 18, Cod. 1, 14, 5 et lex Cincia.

§ 23. Теорія де-Медіо.

I. Крайній интерполяціонизмъ.

Мы сочли бы на этомъ мѣстѣ законченнымъ обзоръ теорій, донынѣ высказанныхъ по нашему вопросу въ наукѣ, Недействительность ipso iure и

виндика-
ція введенъ
компиля-
торами.

если бы 1902-й годъ не подарилъ насъ еще одною новинкою въ духъ интерполяціонизма, теорією де-Медіо. Авторъ ея несогласенъ и спорить съ Алибранди, но по моему не можетъ быть сомнѣнія, что именно подъ его вліяніемъ пришелъ къ своей догадкѣ, столь же насильственной, сколь произвольной. Де-Медіо утверждаетъ, какъ отчасти и Алибранди, а раньше ихъ Фавръ, Менкенъ и послѣ него цѣлый рядъ нѣмецкихъ догматиковъ, что даренія между супругами не были безусловно недѣйствительны; только де-Медіо прибавляетъ къ этому положенію оговорку: „въ классическомъ правѣ“. Въ его собственной краткой формулировкѣ его теорія можетъ быть сведена къ слѣдующему. Всѣ современные романисты говорятъ объ абсолютной *ipso iure* недѣйствительности супружескихъ дареній и признають за дарителемъ виндикацію, если вещь на лицо; и кондикцію, если ея нѣтъ на лицо. Это положеніе вполнѣ соответствуетъ правильному толкованію источниковъ въ томъ видѣ, какъ намъ даетъ ихъ юстиніановъ сводъ. Однако надо примкнуть къ довольно основательному подозрѣнію, что всѣ мѣста, гдѣ говорится о виндикаціи и недѣйствительности *ipso iure*, принадлежатъ не классическимъ юристамъ, а составителямъ дигестъ (I, 378). Римскіе юристы знали только поворотность супружескихъ дареній для дарителя и предоставляли ему для огражденія своего права кондикцію. Къ полной недѣйствительности дареній и къ предоставленію виндикаціи дарителю пришли уже позднѣе (I, 395—396).

Полная
неудовле-
творитель-
ность теоріи
де-Медіо.

Теорія де-Медіо такъ насильственна, что едва ли способна внушить къ себѣ довѣріе; но историческая полнота обзора требуетъ знакомства съ ней и разбора ея. Однако полный разборъ потребовалъ бы значительно болѣе мѣста, чѣмъ критика теоріи Алибранди, причемъ долженъ былъ бы преимущественно касаться догматическихъ вопросовъ. Все это побуждаетъ насъ ограничиться только существенно необходимымъ.

Критическія
замѣчанія
де-Медіо.

Первая половина очерка де-Медіо (I, 361—376) посвящена обзору и критикѣ — поверхностнымъ и неполнымъ — главныхъ теорій, имѣющихъ представителей въ современной литературѣ. Поскольку критическія замѣчанія де-Медіо имѣютъ какую нибудь цѣну, мы уже воспользовались ими раньше; здѣсь ограничимся указаніемъ, что де-Медіо при-

мыкаетъ къ радикальной теоріи (I, 372) и всего тѣснѣе къ Бринцу (I, 361; 376 слл.), а частью къ Алибранди, какъ нами ужь отмѣчено немного выше.

Бринцъ, по мнѣнію де-Медіо, не углубляясь въ изслѣдованіе источниковъ, какъ они дошли до насъ на протяженіи юстиніанова свода, счумѣлъ уловить истинный ходъ историческаго развитія запрета (I, 361) и высказать, каковъ долженъ былъ быть, согласно юридической и вообще всякой логикѣ, его разумный и нормальный эволюціонный процессъ (I, 377). На первый взглядъ источники наши не даютъ никакого подтвержденія его проницательной и довольно убѣдительной догадкѣ. Изъ нихъ выходитъ, что даренія между супругами были искони недѣйствительны и притомъ недѣйствительны вполнѣ, *ipso iure*, такъ что собственность не переходила къ одаряемому и за дарителемъ сохранялась виндикація. Но нельзя ли допустить (а повидимому именно такова мысль Бринца), что полная недѣйствительность замѣнила первоначальную поворотность, давъ дарителю вмѣсто простой кондикціи болѣе вѣрное и энергичное средство — виндикацію? И въ такомъ случаѣ, спрашивается, когда могло это произойти? Конечно, раньше Ульпіана, ибо онъ уже говоритъ о безусловной недѣйствительности (Dig. 24, 1, 3, 10). Но тогда какъ объяснить исцѣленіе дареній смертью дарителя въ силу *Oratio* 206 г.? Вѣдь это было время Ульпіана: неужели тонкіе классическіе юристы допускали возможность исцѣленія сдѣлки безусловно ничтожной, юридически вовсе не существующей? Напротивъ, эта ересь вполнѣ объяснима, если мы приурочимъ ее къ эпохѣ, когда строгая юридическая логика помутилась и перебилась ображеніями „справедливости“, которыя никто не согласится привести въ связь съ удивительными догматическими конструкціями классиковъ (I, 378). И вотъ, съ этой точки зрѣнія де-Медіо приступаетъ къ анализу источниковъ.

Мысль объ интерполяціи, полагаетъ онъ (I, 378), подкрѣпляется нахожденіемъ въ титулѣ Dig. 24, 1 цѣлаго ряда отрывковъ изъ юристовъ, писавшихъ до 206 г., гдѣ говорится въ безусловныхъ выраженіяхъ о кондикціи, исключаящей недѣйствительность *ipso iure* и потому виндикацію. Эти отрывки, по мнѣнію де-Медіо, — Dig. 24, 1, 6; 24, 1, 31, 10; 24, 1, 5, 6; 24, 1, 5, 7 и особенно Paul. 2, 23, 5 (I, 379). Онъ

Мнимая
юридиче-
ская ересь.

Свидѣтель-
ства источ-
никовъ о
кондикціи,
какъ о
единствен-
номъ искѣ.

находить невозможнымъ примирить ихъ съ мыслью о виндикаціи (I, 380) и пространно (I, 380—382) возражаетъ по этому поводу Фойгту¹. Съ другой стороны де-Медіо подчеркиваетъ наличность въ пандектахъ мѣстъ, гдѣ говорится о виндикаціи и гдѣ кондикціи предоставляется только вспомогательная роль. Разногласіе, по его мнѣнію, нельзя считать безнадежнымъ, такъ какъ послѣднія мѣста должны быть признаны интерполированными (I, 382).

Недѣйстви-
тельность
ipso iure
внесена ин-
терполя-
тора ми.

По примѣру Алибранди де-Медіо спрашиваетъ, долженъ ли былъ по классическому праву быть вовсе недѣйствительнымъ, юридически не существующимъ, или только поворотнымъ въ своихъ послѣдствіяхъ юридическій актъ, совершенный въ обходъ закона, и высказывается, со ссылкой на Цинціевъ законъ, не лишавшій дѣйствительности даренія (*perfectae donationes*), превышавшія норму (I, 382, прим. 1), въ пользу второй альтернативы, подкрѣпляя это ссылкой на *Cod. 1, 14, 5*, — опять по примѣру Алибранди въ § 16-мъ. А слѣдовательно слова Ульпіана въ *Dig. 24, 1, 3, 10* интерполированы вставкой *ipso enim iure, quae inter virum et uxorem donationis causa geruntur, nullius sunt momenti*. Если не допустить здѣсь интерполяціи, то данное мѣсто немислимо согласовать съ исцѣленіемъ дареній въ силу *Oratio 206 г. (I, 382—384)*.

Отмѣна
ретенцій,
какъ при-
чина ин-
терполяцій.

Принявъ интерполяцію въ *Dig. 24, 1, 3, 10*, мы должны принять таковыя же и въ другихъ текстахъ, гдѣ говорится о виндикаціи (I, 383), какъ-то *Dig. 24, 1, 55; 24, 1, 36; 24, 1, 33, 1; 24, 1, 48; 24, 1, 7, 1; 24, 1, 39; 24, 1, 52, 1; 24, 1, 5, 18; 24, 1, 31, 2* и наконецъ *24, 1, 1, 29, 1*, — *24, 1, 30 (I, 384—393)*. Происхождение всѣхъ этихъ интерполяцій де-Медіо объясняетъ отмѣной Юстиніаномъ ретенцій (*Cod. 5, 13,*

¹ Не могу отказать себѣ въ удовольствіи позабавить читателей прелестнымъ полемическимъ выпа- домъ, который подсказала де-Медіо его пылкая фантазія южанина. Я полагаю, говорить онъ, что не обижу славнаго нѣмецкаго романиста, ска- завъ, что — быть можетъ чрезмѣрно влюбленный въ свою догматическую кон- струкцію — онъ бредитъ (I, 381). Кто зналъ хоть немного Фойгта или

хотя бы его произведенія, едва ли раздѣлилъ бы при жизни Фойгта увѣренность де-Медіо, что слав- ный романистъ на него не оби- дится; но и помимо того спокойный читатель не можетъ не прійти въ умиленіе при мысли о любовномъ бредѣ 70-лѣтняго нѣмецкаго про- фессора по адресу его собственной догматической кон- струкціи. Фойгтъ — Пигмаліонъ!

1, 5) и необходимостью замѣнить ихъ виндикаціею. Что же касается мѣстъ, гласящихъ объ одной кондикціи, то составители дигестъ смѣло могли ихъ оставить неприкосновенными, разъ былъ установленъ вспомогательный характеръ кондикціи (на случай, *si res consumpta est*) и точно разграничена область примѣненія личнаго и вещнаго иска и разъ въ оставленныхъ неприкосновенными текстахъ кондикція упоминалась въ такой связи, что съ формальной точки зрѣнія не противорѣчила новому порядку, созданному Юстинианомъ; въ текстѣ же Гая, Dig. 24, 1, 6, они просто прибавили вводное *quia* (I, 394—395).

Ограничиваясь этимъ сжатымъ изложеніемъ теоріи де-Медіо, прибавлю только, что перечисленныхъ интерполяцій для него самого еще мало, и онъ предполагаетъ цѣлый рядъ другихъ въ прим. на стр. 395; а если бы прибавить незамѣченные имъ тексты, то число интерполяцій возросло бы до невѣроятныхъ размѣровъ. Но самъ де-Медіо откладываетъ разборъ этихъ текстовъ до другого времени. Признаюсь, что эту рѣшимость нахожу лучшею мыслью, которую онъ высказалъ.

Необходимость для де-Медіо допустить еще множество интерполяцій.

II. Критика теоріи де-Медіо.

Намъ нѣтъ надобности въ исторической работѣ подвергать разбору тѣ догматическія предпосылки, изъ которыхъ исходитъ де-Медіо, и доказывать, какъ разрѣшается кажущееся противорѣчіе еретической *Oratio* 206 года и правовѣрной недѣйствительности дареній между супругами. Впрочемъ, въ слѣдующей главѣ (ниже, стр. 478) мы сами отмѣчаемъ по поводу *Oratio* 206 г., что „еретичность“ положенія дѣлъ чувствовали даже римскіе юристы, прибавляя къ слову *confirmare* ограничительную характеристику *quodammodo*. То, что де-Медіо считаетъ невѣроятной ересью для юристовъ, было дѣйствительно ересью, но ересью самими римлянами теоретически замѣченной и осужденною. Весьма поучительно для него было бы сравнить очень близкую аналогію исцѣленія *post factum* ничтожной сдѣлки, бывшую, правда, спорною между юристами, но во всякомъ случаѣ допускавшуюся нѣкоторыми изъ нихъ, и притомъ свободною отъ подозрѣній въ интерполяціи, — *Gai.* 2, 123. Однако, намъ и не нужно пересматривать всѣ перечисленные выше

„Еретичность“ недѣйствительности.

тексты и вдаваться въ догматическія построения для опроверженія де-Медіо. Допустимте, что противорѣчіе неразрѣшимо: это вовсе не значить, что теорія де-Медіо хороша. И точно, она воздвигнута на болѣе чѣмъ непрочныхъ основаніяхъ.

Согласіе
Dig. 24, 1,
3, 10 и
Cod. 1, 14, 5.

Нѣтъ надобности доказывать, что Dig. 24, 1, 3, 10 вовсе не интерполировано и обрѣтается въ полномъ согласіи съ силою Цинціева закона и конституціею Cod. 1, 14, 5: это нами уже слѣлано въ возраженіяхъ противъ § 16-го Алибранди, — см. выше стр. 405. Такимъ образомъ исходное положеніе де-Медіо сводится на нѣтъ. А засимъ намъ достаточно указать на Vat. Fr. § 269, также нами разобранный въ опроверженіи § 16-го Алибранди, — текстъ, въ которомъ мы не можемъ предположить никакой интерполяціи, который вполне вяжется съ заподозрѣнными въ ихъ подлинности мѣстами дигестъ и который непреложно удостовѣряетъ полную недѣйствительность дареній между супругами, сохраняющую за дарителемъ виндикацію, въ классическую эпоху римскаго правовѣднія.

Paul. 2, 23,
5.

Единственное, что производитъ впечатлѣніе на читателя въ пользу де-Медіо, — это приводимый имъ отрывокъ изъ Павла, Paul. 2, 23, 5:

Superstite eo, qui matrimonii tempore donaverat, ante decedente, cui fuerat donatum, id, quod donatum est, penes donatorem remanet. Quodsi simul tam is, cui donatum est, quam is, qui donavit, decesserit, quæstionis decidendæ gratia magis placuit valere donationem, quod donator non supervivat, qui rem condicere possit.

Дѣйствительно, выраженіе *rem condicere* кажется весьма вѣскимъ доводомъ въ пользу мысли о томъ, что классическое право знало только кондикцію и не знало виндикаціи: въ противномъ случаѣ какъ было бы Павлу не сказать *rem vindicare possit*: вѣдь *ita donum revocatur, ut, si quidem exstet, res vindicetur*, Dig. 24, 1, 5, 18. Значеніе отрывка еще повышается тѣмъ, что текстъ, какъ говоритъ де-Медіо (I, 382), дошелъ до насъ помимо юстиніанова свода. Последнее, казалось бы, даже безусловно рѣшаетъ дѣло...

Paul. 2, 23.
5 = Dig.
34, 5, 8.

Увы, — есть между разбираемыми де-Медіо текстами одинъ, который можно достовѣрно считать интерполирован-

нымъ составителями дигестъ: это именно данный текстъ Павла. Де-Медіо совсѣмъ упустилъ изъ виду, что помимо дигестъ намъ сохранилось только начало текста, до словъ *Quodsi simul etc.*, и что притомъ именно начало то и подверглось усиленной передѣлкѣ въ канцеляріи Трибоніана. Вотъ подлинный текстъ Павла и передѣланный изъ него отрывокъ дигестъ:

Paul. 2, 23, 5.

Superstite eo, qui matrimonio tempore donaverat, ante decedente, cui fuerat donatum, id, quod donatum est, penes donatorem remanet.

Cetera desunt!

Dig. 34, 5, 8.

Si inter virum et uxorem donatio facta fuerit, priore defuncto, cui donatum est, ad eum res redit, qui donaverat. Quodsi simul tam is, cui donatum est, quam is, qui donaverit¹, quæstionis decidendæ gratia magis placuit valere donationem, eo maxime, quod donator non supervivat, qui rem condicere possit.

Такимъ образомъ, рѣшающія слова *qui rem condicere possit* сохранились до насъ только въ дигестахъ; между тѣмъ, судя по началу, мы ихъ то и должны приписать составителямъ дигестъ: вѣдь въ подлинникѣ Павла сказано *res remanet*, а въ дигестахъ *res redit*. Павелъ имѣетъ въ виду матеріально-правовыя послѣдствія, составители дигестъ — процессуальныя. Притомъ слово *remanet* свидѣтельствуешь, что Павелъ считалъ передачу или манципацію въ полнѣ недѣйствительной, а составители дигестъ, если придирались къ ихъ словамъ, говорили о поворотности даренія. *Remanet*, остается: значить и не выходила изъ собственности; *redit*, возвращается: значить, выходила. Составители дигестъ — о *tempora*, о *mores*! — проводятъ „классическую“ теорію, а бѣдный интерполируемый Павелъ придерживается византійскихъ воззрѣній! Что касается

Полное
опровер-
женіе тео-
ріи де-Ме-
діо.

¹ Такъ даетъ Флорентійская рукопись дигестъ; у де-Медіо мѣсто выписано съ поправкою Студемунда *qui donavit decesserit*, кото-

рая, конечно, несравненно лучше, чѣмъ предлагаемая Моммсеномъ вставка *quam is, qui donaverit, defunctus erit*.

второй половины, то ни языкъ ея не похожъ на языкъ Павла (1, *eo maxime*: Павелъ сказалъ бы: *maxime* или *eo magis*; 2, *donatum est* и *donaverit*: странное сочетаніе наклоненій въ одинаковомъ придаточномъ предложеніи; 3, загадочный *coniunctivus* въ словахъ *supervivat* и *possit*), ни конструкція не имѣетъ непринужденной легкости, ни, наконецъ, разсмотрѣніе вопроса съ точки зрѣнія процессуальныхъ послѣдствій нельзя признать правдоподобнымъ, принявъ во вниманіе передѣлку въ этомъ отношеніи первой половины отрыва. Въ итогѣ, стало быть, *rem condicere* мы смѣло можемъ приписать составителямъ дигестъ. Полагаю, что сказаннаго достаточно и дальнѣйшіе счеты съ теоріею де-Медіо каждый читатель счелъ бы съ моей стороны лишними.

§ 24. Заключение.

Общій обзоръ всей литературы:

Оглянемся на четыре столѣтія научныхъ усилій, затраченныхъ человѣчествомъ на истолкованіе нѣсколькихъ словъ Ульпіана. Передъ нами длинною вереницею прошли представители всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, всѣхъ ученыхъ школъ и направленій. Мы видѣли выдающіеся умы безсильными, блестящія догадки рассыпающимися въ прахъ, замысловатая теорія обусловленными очевиднымъ недосмотромъ. Мы видѣли, какъ одна и та же мысль проводится на множество ладовъ, окончательно теряетъ всякое къ себѣ довѣріе, забывается, — возрождается снова, находитъ поборниковъ, опять опровергается и забывается, — и только для того, чтобы вскорѣ опять возродиться въ новомъ изложеніи. Наконецъ — и это самое главное — ни одной изъ этихъ теорій мы не сочли возможнымъ признать въ цѣломъ удовлетворительной, отмѣчая нерѣдко тонкія мысли, наблюденія и замѣчанія, съ ними связанныя, преклоняясь передъ ученостью, искусствомъ, узорною діалектикой и творческою находчивостью, которыя въ нихъ сказываются. Неужели умъ человѣческій попалъ здѣсь на такое заколдованное мѣсто, съ котораго ему не сойти? Неужели дѣйствительно исчерпано все, что могло быть сдѣлано, и ученой мысли не вырваться изъ калейдоскопическаго круговорота неустойчивыхъ воззрѣній? Не найдется ли въ прежнихъ неудачахъ

такихъ указаній, которыя могутъ вывести насъ на истинный путь?

На послѣдній вопросъ внимательному читателю не трудно уже дать нѣкоторый отвѣтъ. Помимо отрицательнаго вывода — непригодности прежнихъ теорій — мы, при разборѣ отдѣльныхъ ученій, имѣли случай замѣчать и нѣкоторые положительные выводы, разграничивать близкія понятія, запоминать частныя замѣчанія, не находящія возраженій. Съ сознательнымъ умысломъ эти положительные матеріалы собраны преимущественно въ послѣднихъ частяхъ нашего обзора, при анализѣ новѣйшихъ мнѣній, которыя имѣютъ живыхъ представителей или поборниковъ. Свое полное примѣненіе они могутъ получить на всестороннемъ изслѣдованіи римскаго ученія о супружескихъ дареніяхъ; но главный выводъ изъ нихъ можетъ быть сдѣланъ безотлагательно.

Что же удалось намъ установить до сихъ поръ?

Мы удостовѣрили, что недѣйствительность супружескихъ дареній не могла быть послѣдствіемъ писанаго права: она должна была сложиться *moribus*, обычно-правовымъ путемъ. Отсюда ясно, что зарожденія сингулярнаго права супружескихъ дареній мы должны искать не въ какомъ либо прямомъ запретѣ, но въ правовой невозможности. Недѣйствительность дареній въ бракѣ подручномъ мы признали вполне объяснимою на этой почвѣ и такимъ образомъ сѣзузили свою задачу: объясненіе требуется только для вольныхъ браковъ. Здѣсь мы можемъ еще тѣснѣе провести границы нашего вопроса. Во первыхъ, намъ нечего искать объясненія для случаевъ дарственнаго отчужденія женою *res mancipi sine tutoris auctoritate*, которые недѣйствительны въ силу ихъ собственнаго порока, независимо отъ спеціальной невозможности между супругами, *Gai 2, 80, Vat. Fr. § 1*. Такимъ образомъ, объясненіе требуется только для вольныхъ браковъ и притомъ, если дарить жена, для случаевъ ея свободы отъ опеки, а при ея состояніи подъ опекою для дареній вещей *res mancipi*. Недѣйствительность касалась только дареній и только между супругами, а не, напр., дареній между родителями и эманципированными дѣтьми: это приводитъ къ заключенію, что не въ личныхъ, а въ имущественныхъ отношеніяхъ сторонъ должна скрываться раз-

Положительные выводы изъ разбора прежнихъ теорій.

Недѣйствительность зародилась на почвѣ дотального иска.

гадка и что изъ этихъ отношеній она можетъ таиться въ природѣ лишь тѣхъ, которыя свойственны только супругамъ. Отдѣливъ, наконецъ, даренія въ юридическомъ смыслѣ отъ дареній фактическихъ, мы имѣли случай убѣдиться, что нашему разсмотрѣнію подлежатъ только первыя и что вопросъ о нихъ можетъ возникнуть только на почвѣ процессуальной нормировки имущественныхъ отношеній супруговъ, т. е. на почвѣ прекращенія брака. Сводя все это воедино, мы получимъ опредѣленное указаніе: недействительность дареній между супругами могла сложиться въ юридическую норму только на почвѣ дотальныхъ исковъ и должна была быть обусловлена самою природою этихъ исковъ и дотальныхъ отношеній, чтобы сложиться помимо закона, *moribus*.

Недействительность, какъ продуктъ познанія.

Первый ближайшій отсюда выводъ, предрѣшающій для историка весьма многое, тотъ, что недействительность супружескихъ дареній не была разомъ введена, а только постепенно могла проникать въ общее сознаніе и въ немъ укореняться. Ее требовалось не столько создавать, сколько сознать. Стало быть, основными факторами ея созиданія были органы познанія права.

Хронологическія данныя.

Съ другой стороны, будучи тѣсно связанъ съ самымъ существомъ имущественныхъ отношеній супруговъ, вопросъ о дареніяхъ между супругами не могъ не возникнуть при первыхъ же случаяхъ дотального иска и, стало быть, долженъ былъ разрѣшиться одновременно съ зарожденіемъ *actio rei uxoriae*. Выяснивъ, когда зародился дотальный искъ, мы тѣмъ самымъ установимъ, когда началась недействительность супружескихъ дареній. Но это будетъ только моментъ факческаго зарожденія нашего сингулярнаго права. Едва ли сознаніе не отстало въ нашемъ случаѣ отъ быта. И во всякомъ случаѣ сознаніе не могло сразу охватить все учрежденіе во всемъ его объемѣ. Отсюда дальнѣйшее заключеніе, — что сингулярное право супружескихъ дареній должно было слагаться постепенно, подъ преимущественнымъ воздѣйствіемъ органовъ правосознанія, т. е. юристовъ, но что его правовая концепція должна была предрѣшиться фактическими условіями его первоначальнаго бытія: т. е., что юристамъ приходилось обобщать, а не создавать; создавала сама жизнь, сами бытовые условія. Стало быть, мы

болѣе должны вѣрить фактамъ, чѣмъ объясненіямъ; матеріалу, чѣмъ обобщеніямъ; праву, чѣмъ юристамъ. И въ концѣ концовъ, стало быть, даже достовѣрный исторически моментъ обобщенія или установленія той или другой частной нормы въ дѣлѣ дареній между супругами нисколько не можетъ служить хронологическимъ показаніемъ о ея возникновеніи.

Итакъ, обратимся къ обсужденію природы дotalьнаго иска и особенностей его бытовой обстановки. Прежде всего, нельзя упускать изъ виду, что, говоря о первоначальной *actio rei uxoriae*, мы должны считаться съ расцвѣтомъ юридическаго значенія родительской власти. Ранній возрастъ брачной дѣеспособности въ Римѣ и первоначальное нахожденіе женщинъ или во власти родителей, или подъ опекой агнатовъ обусловливали преобладающую роль домовладыкъ въ судьбѣ брачныхъ отношеній. Истцами и отвѣтчиками по дotalьнымъ искамъ должны были быть граждане *sui iuris* и женщина вовсе не могла играть активной роли въ эпоху ея подопечнаго состоянія. Если же мы въ дальнѣйшемъ и будемъ говорить, для наглядности и краткости, о самихъ мужѣ и женѣ, то подъ этими выраженіями надо разумѣть не только ихъ самихъ, но и ихъ владыкъ, лицъ *sui iuris*, между которыми одними въ первоначальную эпоху разыгрывался дotalьный искъ по случаю прекращенія брака. Это соображеніе сразу проливаетъ яркій свѣтъ на ту особенность нашего учрежденія, что даренія были недѣйствительны не только между супругами, но и всѣми лицами, связанными съ ними единствомъ семейной власти или подчиненности. Вполнѣ понятно, почему: если наши исходныя положенія правильны, то недѣйствительность дареній могла первоначально сказаться не столько между супругами, сколько между сторонами въ дotalьномъ искѣ; этими сторонами могли быть только лица *sui iuris*, которымъ были подвластны супруги или, во всякомъ случаѣ, жена, до отмѣны опеки надъ женщинами; словомъ, недѣйствительность супружескихъ дареній не съ супруговъ перешла на ихъ властителей и подвластныхъ, а наоборотъ, и, засимъ, не столько подвластность или неподвластность опредѣляла недѣйствительность дареній, сколько причастность или непричастность подлежащихъ третьихъ лицъ къ дotalь-

Стороны
въ дotalь-
номъ искѣ.

ному иску: такъ надо объяснить Dig. 24, 1, 3, 7, въ которомъ вѣрно положеніе, но безсмысленна добавка *quia hic ius potestatis non vertitur*. Не въ potestas дѣло, а въ томъ, что дотальный искъ не могъ коснуться имущественныхъ отношеній свекрови съ невесткою.

Положеніе
сторонъ.

Чѣмъ обусловливалось положеніе сторонъ въ дотальномъ искѣ? Съ бытовой и юридической точки зрѣнія тѣмъ, что въ немъ роль отвѣтчика всегда принадлежала сторонѣ мужа, роль истца—всегда сторонѣ жены. Съ юридической точки зрѣнія это вполне ясно и выраженія исчерпываютъ отношенія; но съ бытовой нужны поясненія.

Бытовая
обстановка.

Несомнѣнно, первоначальный бытъ требовалъ, чтобы домомъ супруговъ былъ домъ мужа (*deductio in domum mariti*), чтобы хозяйствомъ супруговъ было хозяйство мужа. Въ римскомъ бракѣ жена входила въ семью мужа, а не мужъ въ семью жены. Если прекращался бракъ, то и уходить надо было женѣ, а не мужу. *Repudiare* первоначально могъ только мужъ жену, ибо она была въ его домѣ. Подсудность иска опредѣлялась всегда мѣстожительствомъ мужа, Dig. 5, 1, 65. Вспомните, что Кв. Муцій *primus admisit, mulierem, si ei usus domus relictus sit, posse et cum marito habitare*, Dig. 7, 8, 4, 1, и дальше, что обратный случай никогда и сомнѣній не возбуждалъ; — см. выше, стр. 157—162. Такимъ образомъ фактически все имущество жены всегда должно было оказываться во власти мужа. Чтò въ ней не оказывалось, считалось *res amotae*. Позднѣй это во многомъ измѣнилось; но мы занимаемся возникновеніемъ ученія о супружескихъ дареніяхъ, современнымъ началу дотальныхъ исковъ, т. е. ихъ древнѣйшему характеру.

Юридическая
обстановка.

Фактической обстановкѣ вполне соответствовала юридическая. Приданое непременно выдавалось мужу. Онъ владѣлъ имъ для давности по титулу *pro dote*. Онъ былъ собственникомъ вещей, кредиторомъ по требованіямъ. Прекращеніе брака этого не мѣняло *ipso iure*. Искъ о приданомъ былъ искомъ личнымъ. Мужъ оставался и отвѣтчикомъ, и собственникомъ. Даже недотальное имущество жены должно было вначалѣ безо всякаго интердикта оказываться въ его владѣніи.

Opus pro-

Послѣдствія вырисовываются сами собою. Мужъ былъ

отвѣтчикомъ и владѣльцемъ; искать должна была жена: *Actore non probante, reus absolvitur*: бремя доказыванія ложилось всецѣло на жену. Вполнѣ ясно, что, будучи фактически въ обладаніи мужа, все изъ ея имущества, на что она была не въ состояніи доказать свои права, *ipso facto* и оставалось въ этомъ обладаніи. Мужу нечего было что либо доказывать. Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ и такъ называемая Муціева презумпція. Она только вывела за предѣлы мужняго дома объемъ его полномочій, какъ отвѣтчика въ *actio rei uxoriæ*. Словомъ, по дотальному иску жена могла получить только то, на что ей удавалось доказать свои права; то же вѣрно и для парафернальнаго имущества, этимъ искомъ не ограждаемаго (*Vat. Fr. § 103*).

Мы должны однако принять въ соображеніе, что римское брачное право испытало въ исторіи великій, существенный надломъ. Идеалы и понятія пережили эту катастрофу въ полной неприкосновенности, но дѣйствительность разошлась съ ними рѣзко и безповоротно. Древнѣйшій подручный бракъ породилъ, какъ идеаль, представленіе о *consortium totius vitae, divini et humani iuris communicatio*. Въ области имущественнаго права эта неразрывность выразилась тѣмъ принципомъ, что *dotis causa perpetua est*, что приданое дается, *ut semper apud maritum sit*. Въ дѣйствительности браки расторгались столь же легко, сколь легко заключались, и *ius divinum* и *ius humanum* супруговъ оставалось въ полной раздѣльности. Приданое приобрѣло такую же подвижность, какъ самые браки.

Насильственность перемѣны, ея историческое происхождение отъ перелома, а не отъ естественнаго измѣненія условій, сказывается въ той юридической двойственности, которою характеризуется римское приданое. Мужъ признается собственникомъ приданого, и однако долженъ его возвратить при разводѣ. Онъ долженъ возвратить приданое, и однако имѣетъ право дѣлать изъ него удержанія. Онъ долженъ возвратить приданое, и однако требуются *cautiones rei uxoriae, stipulationes de reddenda dote* и др. *remedia*.

Если мы сопоставимъ различіе имущественныхъ отношеній супруговъ въ подручномъ бракѣ и въ бракѣ вольномъ съ различіемъ правъ залогодержателя въ *fiducia, pignus* и *hypotheca*, то мы особенно остро почувствуемъ про-

bandi и
praesump-
tio Marcia-
na.

Переломъ
въ исторіи
римскаго
брачнаго
права.

Юридиче-
ская двой-
ственность
приданого,
какъ по-
слѣдствіе
этого пере-
лома.

Сопоставле-
ніе трехъ
формъ за-
лога и
двухъ

формъ
брачно-иму-
ществен-
наго права.

тивоестественность собственности мужа на приданое. Въдѣ къ *fiducia*, дававшей залогодержателю собственность, совершенно неприложима мысль, что *causa* манципированной вещи *perpetua est*, что она манципируется, *ut semper apud creditorem sit*: уплата долга является какъ бы резолютивнымъ условіемъ манципации. Еще менѣ примѣнимо что либо подобное къ *pignus*. Третьей же формы, дающей мужу исключительно супружескія права на имущество жены, аналогично ипотека, которая даетъ кредитору только чистое залоговое право, въ римскомъ правѣ не образовалось и собственность попрежнему признавалась безповоротно за мужемъ, если не уподобить фидуциарной нункупации *cautiones rei uxoriae* и *stipulationes de reddenda dote*. Ясно, что когда то въ брачномъ строѣ произошелъ надломъ, отъ котораго теорія и дѣйствительность разошлись между собою. Юридическая противоестественность правъ мужа на приданое до нашихъ дней смущаетъ и тревожитъ послѣдовательныхъ теоретиковъ.

Связь съ
надломомъ
недѣйстви-
тельности
супруже-
скихъ даре-
ній.

Недѣйствительность дареній между супругами, столь „неожиданная“ съ точки зрѣнія нравственного чувства, столь несогласная съ самымъ существомъ совмѣстной супружеской жизни и съ неизбѣжностью тратъ мужа на жену, родственная притомъ иску о приданомъ, являетъ признаки несомнѣнной связи съ указаннымъ переломомъ въ исторіи брачнаго римскаго права. И приданое, и даренія исключаютъ теоретически поворотность, а фактически ее допускаютъ, причемъ даренія даже въ видѣ полной недѣйствительности: ясно, что приданое было уже конструировано римлянами на предметъ неразрывности брака къ тому времени, когда началась практика его расторженій разводами, и ясно, что непредусмотрѣнная ни бытомъ, ни нравами, ни правомъ необходимость возвращать приданое должна была повлечь за собою столкновеніе со всѣми фактами и сдѣлками, это возвращеніе затруднявшими или сводившими на нѣтъ. Къ числу такихъ фактовъ и сдѣлокъ несомнѣнно принадлежали даренія, какъ фактическія, такъ и юридическія.

Неизбѣж-
ность отри-
цательнаго
отношенія
къ безпово-

Не слѣдуетъ при этомъ забывать общеизвѣстной, Полютивіемъ удостовѣренной, бытовой несклонности римлянъ къ дареніямъ. Цѣлый рядъ законовъ свидѣтельствуетъ о ихъ неодобрительномъ отношеніи ко всему, что, даже не будучи

расточительностью, могло показаться излишнею щедростью. Еще менѣе позволительно, упускать изъ виду, что легкомысленные, новые браки и новыя семьи не могли встрѣчать ни одобренія, ни сочувствія цензоровъ, блюстителей строгихъ нравовъ достопочтенной старины. Вполнѣ понятно, поэтому, что съ той поры, какъ цензура оказалась безсильною бороться съ новыми браками и свободою разводовъ, а возвраты приданого могли встрѣтиться съ затрудненіями въ видѣ семейныхъ фактическихъ дареній, судебное разбирательство неизбежно должно было отнестись къ этимъ сдѣлкамъ совершенно отрицательно. Бракъ можетъ являться обогащеніемъ мужа или жены, но расторгеніе брака ни въ какомъ случаѣ. Разводъ долженъ явиться какъ бы *in integrum restitutio*, возвращеніемъ супруговъ въ первобытное состояніе. Разумѣется, при этомъ должны были казаться лишенными всякаго значенія всѣ хозяйственныя дѣйствія, рассчитанныя на продолжающееся супружество, и только сдѣлки, рассчитанныя и на возможность прекращенія брака, хотя бы и не разводомъ, могли показаться третьей стороне судѣ достаточно крѣпкими, чтобы не пострадать и отъ развода.

Возстановивъ эту правовую и бытовую картину, посмотримъ, какая судьба могла ждать обоюдныя супружескія даренія. Фактически сліяніе двухъ имущественныхъ массъ, приданого и хозяйства мужа, нимало не предвѣщало юридической судьбы приданого: не все дарится, что дается, — ср. *Vat. Fr. § 269: constat, quod utendum datum est, non esse donatum*. А въ какихъ случаяхъ эта судьба рѣшалась? При томъ или другомъ способѣ прекращенія брака. Разсмотримъ же главный случай прекращенія брака для стороны одарившей и для стороны одаренной, а именно разводъ.

I. Даренія жены. Истецъ вчиняетъ *actio rei uxoriæ*. Отвѣтчикъ хочетъ иное сохранить за собою, ссылаясь на дареніе. Можетъ ли онъ рассчитывать на успѣхъ? Да, если докажетъ основательность своего возраженія. Какъ это доказать? Кромѣ исключительныхъ случаевъ, едвали это было возможно: вѣдь на согласіе опекуна въ дарственныхъ сдѣлкахъ женщинамъ, по справедливому замѣчанію Кейссера, трудно было рассчитывать. Для болѣе поздней эпохи дѣло нѣсколько усложняется, — опекуна нѣтъ; но

ротнымъ дареніямъ между супругами.

Прекращеніе брака и *actio rei uxoriæ*.

Даренія жены.

вопросъ о доказательствѣ все же лежитъ на отвѣтчикѣ, а при неформальныхъ сдѣлкахъ безъ свидѣтелей, при отрицаніи истца, что можно доказать? Иное дѣло, если со стороны истца нѣтъ спора: тогда дареніе дѣйствительно. Такія даренія сложились въ послѣдствіи въ особый типъ дѣйствительныхъ дареній, — *divortii causa*. Или если отвѣтчикъ докажетъ, что дареніе было сдѣлано на случай смерти: опорочить такое дареніе очевидно нѣтъ никакой возможности. Отсюда положеніе, что *inter virum et uxorem mortis causa donationes receptae sunt*, Dig. 24, 1, 9, 2. Въ послѣдствіе юристы усматривали въ этихъ случаяхъ изъятія изъ запрета, но на самомъ дѣлѣ въ нихъ дѣйствительность обуславливалось доказуемостью чрезвычайнаго даренія, даренія на случай, или не исключая случая, прекращенія брака.

Даренія
мужа.

II. Даренія мужа. Прежде всего, такія даренія могли совершаться только мужьями *sui iuris*, ибо для подвластныхъ шансовъ на согласіе *patris familias* было еще меньше, чѣмъ у женщинъ на согласіе опекуновъ. Но затѣмъ и здѣсь истцу необходимо было доказать, что передъ судьей дареніе, а не простое супружеское распоряженіе. Да юридическія даренія были бы въ вольномъ бракѣ и не дареніями женѣ, а ея властителямъ или опекунамъ. Позднѣе, конечно, для мужа *sui iuris* не было никакихъ препятствій по доброй волѣ предоставить женѣ при разводѣ ея прекарное сверхдотальное имущество, на его счетъ приобрѣтенное: вѣдь и по древнему праву, до Oratio 206 г., въ случаѣ прекращенія брака, *si maritus uxori donatum volt, valet donatio*, Dig. 24, 1, 32, 10; *si divortii causa facta sit donatio, valere*, Dig. 24, 1, 11, 11, — ср. 24, 1, 60, 1 сл. То же и для *capitis deminutio*: *exilii causa donationes receptae sunt*, Dig. 24, 1, 43, ср. Dig. 24, 1, 13, 1. Однимъ словомъ, можно выставить очень простое положеніе. Даренія между супругами дѣйствительны лишь постольку, поскольку можетъ быть доказана ихъ безповоротность; а такъ какъ доказать юридическую безповоротность простыхъ дареній между супругами никогда невозможно, ибо, не нуждаясь, при нормальныхъ условіяхъ, въ юридическихъ формальностяхъ, супруги всегда довольствуются дареніями фактическими, то и должно было выходить, что въ предѣлахъ

дотальнаго иска простыя даренія между супругами оказывались: недѣйствительными. А естественная осторожность и простое благоразуміе должно было удерживать не только властителей, но и сами стороны, отъ совершенія дарственныхъ юридическихъ актовъ, предусматривающихъ расторженіе или прекращеніе брака. Завѣщаніе — другое дѣло; но вѣдь даренія между супругами никакого отношенія къ завѣщаніямъ и не имѣютъ.

Поставленная намъ задача рѣшена. Безо всякаго закона, безо всякаго эдикта, безо всякаго запрета, безо всякой недѣйствительности, какъ признаннаго свойства дареній между супругами, словомъ, *ipso facto*, по логикѣ вещей, *moribus*, природа дотальнаго иска влекла за собою то послѣдствіе, что *simplices donationes* между супругами оказывались недѣйствительными въ случаѣ прекращенія брака. Вполнѣ естественно также, что эта недѣйствительность была возможна именно только при *actio rei uxoriæ*. Гдѣ не было приданаго, мѣнялось положеніе сторонъ и даренія становились возможными, т. е. дѣйствительными въ предѣлахъ оспоримости. При этомъ, конечно, доказуемость была легче въ силу перестановки ролей въ отношеніи *onus probandi* и возможности интердиктной защиты. Подарки наложницъ, любовницъ, будь она незамужней или замужней, публичной женщинъ, — всѣ сохраняли свою силу, ибо ими владѣли одаренныя и *onus probandi* ложился на ищущаго дарителя. Ужъ одно это вполнѣ выясняетъ причину рѣзкаго различія дареній между супругами и между родителями и неподвластными дѣтьми. Историческій корень недѣйствительности дареній между супругами — существо дотальнаго иска.

Мы однако сочли бы свою обязанность не до конца исполненной, если бы не провели нашу мысль нѣсколько далѣе, до ея ближайшихъ послѣдствій. Въ сущности, мы покамѣстъ выяснили только то, какъ первоначально *ex ratione* должна была сложиться склонность игнорировать даренія между супругами въ *actio rei uxoriæ* и считаться съ ними только въ случаяхъ очевидной доказуемости. Передъ нами еще цѣлый рядъ вопросовъ.

И прежде всего, можно ли съ установленной точки зрѣнія считать разъясненнымъ, почему даренія между

Послѣдній
выводъ.

Априорныя
трудности.

Вопросъ о
недѣйстви-
тельности.

супругами оказались впоследствии недѣйствительными даже при ихъ доказуемости? Далеко нѣтъ. Въ лучшемъ случаѣ мы только нашли ключъ къ нѣкоторымъ позднѣйшимъ странностямъ ученія, донинѣ мучающимъ догматиковъ, вродѣ, напр., того, что при дареніяхъ между супругами возможно владѣніе *voluntate domini*, но *mala fide*, владѣніе *pro possessore*, снабженное интердиктами, и т. п. Но гораздо ближе этихъ частныхъ вопросъ, откуда же могла взяться не только недѣйствительность, но хотя бы поворотность, какъ всеобщій принципъ?

Сознаніе
непроч-
ности да-
реній.

Такъ; но мы вполне, надѣмся, выяснили, что сама собою, *moribus*, на судѣ при *actio rei uxoriæ* должна была всплывать юридическая неустойчивость, фактическая прекарность дареній между супругами. Получить что либо во время брака было нетрудно, но удержать вопреки желанію дарителя послѣ прекращенія брака — невозможно. Само собою разумѣется, что такая прекарность не могла остаться незамѣченной при сколько нибудь образовавшейся практикѣ дotalныхъ исковъ и, бывъ замѣченной, не повести съ одной стороны къ попыткамъ упрочить даренія, а съ другой — извлечь всѣ представляемая такою непрочностью выгоды. Пользуясь удобствами своего положенія въ *actio rei uxoriæ*, практичные мужья не могли не усвоить себѣ той мысли, что даже безповоротныя по существу даренія нетрудно свести передъ судьей на нѣтъ, особенно въ случаѣ развода, а жены или ихъ опекуны — что нужна большая осторожность въ дареніяхъ мужьямъ, сколько бы тѣ ни дарили женамъ: ср. *Dig. 24, 1, 48*. Это сознаніе, въ свою очередь, не могло не отразиться и на бытовомъ строѣ семейной жизни. Что же касается попытокъ упрочить однажды полученныя даренія окольными путями, то тутъ положеніе сторонъ было обратнымъ. Рядный сказъ или рядная записъ, *instrumenta dotalia*, гарантировали женѣ возвратъ ея приданого; параферны же мужу было не трудно сохранить за собою даже безо всякаго даренія: *beati possidentes*. Упрочить тутъ было очень мудро, — развѣ перепискою рядной записи: но такую переписку можно было и оспорить; изъ переписыванія рядныхъ записей и оспариванія такихъ переписанныхъ грамотъ образовалась въ Римѣ, какъ мы знаемъ, значительная масса дошедшаго до насъ ма-

теріала источниковъ по нашему вопросу. Напротивъ, природа *actio rei uxoriae* сама подсказывала женѣ, какъ упрочить за собою полученныя даренія: достаточно вывести изъ обладанія мужа и припрятать въ надежномъ мѣстѣ то, что поцѣннѣй, а затѣмъ получить сполна по дотальному иску. Наравнѣ съ этимъ денежные подарки или вырученные отъ продажи подаренныхъ вещей деньги могли быть не только припрятаны, но и затрачены на приобрѣтенія: формальная принадлежность такого парафернальнаго имущества женѣ безъ труда могла быть доказана въ случаѣ надобности.

Итогъ не трудно подвести. Какъ только непрочность браковъ и дареній между супругами вошла въ общее сознаніе, такъ должны были создаться разныя уловки, направленные къ упроченію столь ненадежныхъ сдѣлокъ. И природа дотальныхъ отношеній вела къ тому, что мужьямъ такія уловки были бесполезны, кромѣ случаевъ расточительности; напротивъ, женамъ онѣ открывали кружный, но вѣрный путь къ наживѣ. *Juris rigore* по вопросу о дареніяхъ сильнѣе былъ мужъ, а *via facti* — жена. Одураченнымъ мужьямъ въ случаѣ развода не оставалось даже того утѣшенія, что они хоть и обмануты и осмѣяны, да по крайней мѣрѣ не обобраны; а ихъ наслѣдникамъ приходилось голодными глазами посматривать на благоприобрѣтенные достатки догадливой вдовы и ея родственниковъ. Римляне смотрѣли на вещи очень трезво и такого рода прогрессивныя теченія въ области семейнаго права не могли рассчитывать на сочувствіе людей *latinæ frugalitatis*. Обходя непрочности супружескихъ дареній предполагалъ, что она уже стала дознаннымъ фактомъ: но это же сознаніе должно было повести и къ неодобрительному воззрѣнію на обходныя уловки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послужить опорой для мѣръ борьбы съ ними, придать имъ отгѣнокъ *fraudis moribus factæ*.

Неизбѣжность попытокъ ихъ упрочить.

Такъ объясняется, по моему, возникновеніе *retentiones propter res donatas*. Я въ нихъ вижу не преимущество мужей, а помощь имъ въ виду неравенства сторонъ и переѣса женщинъ на судѣ. Женщинамъ, благодаря дотальнымъ сказамъ и записямъ, ненужны были аналогичные способы защиты; но интересы мужей требовали огражденія. Далѣе, ретенціи были бы совершенно нелѣпы на почвѣ не-

Возникновеніе ретенцій.

дѣйствительности и едва ли цѣнны на почвѣ поворотности дареній; напротивъ, на почвѣ ихъ непрочности удержанія были незамѣнимы: они ограждали мужа отъ наживы жены на его счетъ посредствомъ ли фактическихъ дареній, посредствомъ ли самовольнаго присвоенія. Наконецъ, какъ вѣрно замѣтили Дернбургъ и Граденвитцъ, возникновеніе ретенціи *propter res donatas* отнюдь не предполагаетъ ни недѣйствительности, ни поворотности; зато можно ли сказать, что оно не предполагаетъ непрочности этихъ дареній? Цѣль ретенцій и сводится къ тому, чтобы по прекращеніи брака у жены не оказалось болѣе, чѣмъ она могла получить законнымъ путемъ, т. е. свыше предѣловъ дотальнаго иска, — болѣе, чѣмъ она внесла въ домъ мужа, какъ приданое и параферны.

Участіе
эдикта.

Если мы допустимъ, что дѣло было именно такъ (а не допустить этого можно только доказавъ невозможность намѣчаемаго пути развитія, или возможность по существу иного пути), то мы значительно подвинемся впередъ въ пониманіи нашего загадочнаго ученія. Но прежде всего сдѣлаемъ важную оговорку. Хотя я и думаю, что ретенціи были при ихъ первоначальномъ зарожденіи вѣсудебнымъ средствомъ, что онѣ были не процессуальнымъ актомъ, а контумаціальнымъ приемомъ, способомъ принудить противника вчинить искъ, — тѣмъ не менѣе мнѣ представляется совершенно невозможнымъ, чтобы онѣ могли стать правовымъ учрежденіемъ помимо санкцій эдикта. Однако, не убиваемъ ли мы обычно-правовой характеръ нашего учрежденія, признавая въ его созиданіи участіе преторовъ и эдикта? По моему, ни въ какомъ случаѣ. Обычай тутъ вовсе не замѣнялся нормою писанаго права: обычай, народное воззрѣніе на супружескія даренія, какъ на юридически-безразличныя сдѣлки, одни могли дать основаніе претору, который *ius facere non potest*, выставить въ эдиктѣ надлежащія нормы, оформить ретенціи. Писаное право эдикта лишь ограждало отъ обходовъ неписаное право нравовъ.

Послѣд-
ствія ре-
тенцій.

Но зато съ другой стороны я далекъ отъ мысли, будто бы участіе преторовъ и эдикта не сыграло важной и своеобразной роли въ исторіи нашего ученія. Только благодаря ретенціямъ и эдикту фактъ непрочности дареній между

супругами могъ получить юридическое значеніе. Невозможность дареній стала, при ихъ содѣйствіи, живымъ факторомъ правосудія, а не одного только быта. Ретенціи какъ бы обязывали жену къ тому, къ чему приданое обязывало мужа: по прекращеніи брака сполна сдать на руки полученное при его заключеніи. Безконтрольность жены въ хозяйствѣ мужа ими устранялась юридически. Наконецъ, вся судьба дареній между супругами получала, если такъ можно выразиться, юридическій центръ. Доказуемость или недоказуемость дареній женѣ должна была рѣшаться по поводу допустимости или недопустимости ретенцій, какъ для даренія мужу она рѣшалась по поводу возврата приданого.

Итакъ, появленіе ретенцій *propter res donatas* должно было существенно преобразовать прежнее чисто бытовое явленіе. Разъ можно было юридически обезсилить даренія между супругами, хотя бы посредствомъ ретенціи, то ихъ фактическая непрочность обобщалась въ какое-то правовое понятіе. Конечно, ретенція вынуждала только къ компромиссамъ: непосредственно опорочить самыхъ дареній она не могла. Вещное право совсѣмъ отъ нея не зависѣло. Но и въ предѣлѣ личныхъ правъ она не могла дѣйствовать неограниченно. Мы допустили, что ретенціи создались для борьбы съ обогащеніемъ женъ на счетъ мужей: можно ли сомнѣваться, что тутъ шла и могла идти рѣчь лишь о явномъ, доказуемомъ обогащеніи? А съ другой стороны очевидно, что вопросъ могъ возникнуть только при обогащеніи жены, а вовсе не при обѣднѣнн. мужа. Тратясь *supra vires dotis*, онъ *de se quæri debet, suam rem perdit*. Вотъ, по моему, зародышъ, изъ самаго существа ретенцій, всего позднѣйшаго ученія о необходимомъ для недѣйствительности экономическомъ составѣ супружескихъ дареній, — обогащеніи одной и въ то же время обѣднѣнн другой стороны.

Но не это для насъ главное. Самое существенное то, что ретенціи создавали нѣкоторую, частичную, экономическую, но все же—поворотность дареній. Дарственная сдѣлка лишалась юридической силы не столько въ послѣдствіяхъ, сколько въ существѣ, — что очень близко къ праву Цинціева закона, бывшаго только *lex imperfecta*, — но во всякомъ случаѣ лишалась не такъ, какъ въ эпоху до ретенцій. Для юриста поэтому возникала крайне трудная и

Поворотность дареній.

Принципальный вопросъ о дѣйствительности дареній между супругами.

сложная дилемма. Если даренія между супругами дѣйствительны, — о чемъ свидѣлствуютъ послѣдствія, — то какъ объяснить догматически ретенціи; если недѣйствительны, — на что намекають ретенціи, — то какъ объяснить дѣйствительность послѣдствій; иными словами, въ концѣ концовъ, дѣйствительны даренія или недѣйствительны?

Послѣдствія поворотности.

Мы знаемъ, что дилемма была разрѣшена въ пользу второй альтернативы; мы имѣемъ всѣ данныя приписывать это рѣшеніе толкованіямъ юристовъ; но нѣтъ ли у насъ указаній, что побудило ихъ именно къ этому заключенію? Вѣдь оно должно было діаметрально перевернуть точку зрѣнія.

Перестановка общаго правила и исключеній.

Даренія между супругами, какъ мы видѣли, были непрочны фактически, а не по существу; наряду съ дѣйствительностью прочныхъ дареній *mortis causa*, *exilii causa*, *divortii causa* и т. д., непрочность простыхъ дареній должна была казаться исключеніемъ. Однако, провозгласивъ даренія между супругами непрочными юридически, приходилось признать эти нормальные случаи исключеніями, а исключенія — нормой. Опять-таки мы знаемъ, что именно такъ и случилось; но какимъ путемъ, на какой почвѣ?

Исцѣлимость и недѣйствительность.

И это еще не все. Непрочность дареній зависѣла, въ концѣ концовъ, отъ усмотрѣнія стороны подарившей: она могла не оставлять у себя дареній, не искать искомъ *rei uxoriae* подареннаго изъ приданаго; примирима ли эта исцѣлимость по усмотрѣнію съ безусловно недѣйствительностью? Вспомните правовѣрное смущеніе де-Медіо передъ такою ересью. Но дѣло въ томъ, что юридически вопросъ о дареніяхъ возникалъ, какъ мы настойчиво оговаривались, только на почвѣ дотальнаго иска, а не матеріальнаго права. Дотальный же искъ былъ возможенъ только подъ условіемъ прекращенія брака. Исходъ открывался самъ собою: признавъ недѣйствительными даренія между супругами, достаточно было подчеркнуть выраженіе „между супругами“, чтобъ ограничить недѣйствительность дареній предѣлами дѣйствительности брака.

Дѣйствительность дареній при недѣйствительности брака.

Но отсюда логика вела и дальше. Съ одной стороны, приходилось допустить дѣйствительность дареній тамъ, гдѣ бракъ окажется недѣйствительнымъ, — и что логичность этого вывода признавалась римлянами, свидѣлствуетъ Dig. 24, 1, 3, 1. Съ другой стороны, напрашивалась мысль, что именно бракъ является причиною, препятствующею дѣйст-

вительности дареній между супругами. Такъ логика должна была вести къ полному извращенію въ догмѣ подлинной исторической природы нашего учрежденія.

Но спрашивается, все-таки, откуда могло возникнуть представление о недѣйствительности. Я полагаю, что на почвѣ однихъ ретенцій оно не могло бы сложиться. Дѣло въ томъ, что дотальный искъ не исчерпывалъ имущественныхъ отношеній между супругами. Ретенціи ограждали интересы мужа только тамъ, гдѣ приданое было не меньше сдѣланныхъ дареній, а тѣмъ меньше ограждали тамъ, гдѣ приданого совсѣмъ не было. Но если практика ретенцій не могла не укоренить въ общемъ сознаніи вытекающаго изъ нихъ принципа, что неодобрительны съ точки зрѣнія нравовъ обременительныя для мужа обогащенія жены на его счетъ изъ дарственныхъ сдѣлокъ, то не могло быть признано допустимымъ неравенство сторонъ и преобладаніе на судѣ интересовъ жены. Между тѣмъ, можно ли отрицать это преобладаніе въ указанныхъ выше случаяхъ? Жена имѣетъ искъ rei uxoriæ, активное средство; мужъ имѣетъ только ретенцію, пассивное. Его обогащеніе на счетъ жены невозможно; а ея обогащеніе на счетъ мужа возможно; съ точки же зрѣнія нравовъ всякое обогащеніе на счетъ супруга неодобрительно. Всеобщая недѣйствительность супружескихъ дареній не могла не напрашиваться мысли юристовъ, какъ прямое обобщеніе дѣйствительнаго порядка вещей. Ясно, что рано или поздно жизнь должна была повести къ предоставленію мужу кондикціи; но разъ дана была кондикція, вопросъ оказался предрѣшеннымъ.

Достигнувъ этихъ итоговъ, мы безъ труда уяснимъ себѣ дальнѣйшее развитіе ученія. Какъ только было установлено, что бракъ служить причиною недѣйствительности дареній между супругами, нетрудно было заключить, что даренія въ бракѣ запрещены. Съ точки зрѣнія слога послѣднее выраженіе гораздо предпочтительнѣе въ виду краткости и большей — синтаксически — гибкости. *Donationes sunt interdictæ* или *prohibitæ*, *interdictum donationum*, *donationibus interdictum* est и т. д. гораздо выразительнѣй и легче, нежели громоздкое, длинное и трудно согласуемое синтаксически *reservatum est, ne donationes valerent*. А по содержанію (догматически) никакихъ неудобствъ отъ такой замѣны выраженій не получалось: и то, и другое равно выражало, что даренія

Кондикція, какъ начало недѣйствительности.

Понятіе запрета.

недѣйствительны. *Lex perfecta est, quæ vetat aliquid fieri et, si contra factum sit, rescindit; donationes inter virum et uxorem rescinduntur: quin vetitæ sunt!* Нечего ссылаться на то, что не всѣ республиканскіе законы были *leges perfectæ*; имѣло бы смыслъ возражать только въ томъ случая, когда бы въ ихъ числѣ вовсе не было *leges perfectæ*. А притомъ въ данномъ выраженіи была еще болѣшая неточность: вѣдь *leges* не могутъ имѣть запретительной силы, какъ мы показали.

Виндика-
ціи.

Второе послѣдствіе должно было коснуться послѣдствій дареній между супругами въ области вещнаго права. Провозгласивъ недѣйствительность дареній, логика требовала признать недѣйствительными и ихъ послѣдствія. Это проведеніе принципа недѣйствительности наблюдается даже въ классическую эпоху, судя по текстамъ, дошедшимъ до насъ въ дигестахъ и кодексѣ. Оно тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что идетъ одновременно съ развитіемъ противоположнаго теченія, замѣченного нами ужъ у Кв. Муціи и преимущественно свойственнаго императорскому законодательству, которое постепенно суживало кругъ примѣненія недѣйствительности. *Oratio* 206 г. довела движеніе этого законодательства до точки пресѣченія съ влеченіемъ къ послѣдовательному проведенію недѣйствительности и преградила ему дальнѣйшій путь. Во всякомъ случаѣ, трудно сомнѣваться, что предоставленіе дарителю виндикаціи могло возникнуть только на почвѣ признанной и укоренившейся въ умахъ мысли о недѣйствительности супружескихъ дареній.

Древность
недѣйстви-
тельности.

О томъ, что все это совершилось еще задолго до классическихъ юристовъ и даже задолго до имперіи, свидѣлствуютъ намъ *rationes interdicti*. Всѣ онѣ предполагаютъ не только полную достовѣрность безусловной недѣйствительности дареній между супругами, но и значительную древность такого на нихъ воззрѣнія, такъ какъ въ этихъ *rationes* очень смутно сказались слѣды дѣйствительнаго историческаго хода дѣлъ. Притомъ, всѣ эти доводы — гипотезы, да еще, какъ выражается Ретесъ, *mere politicæ*. Онѣ отвѣчаютъ не на вопросъ „почему“ или „какъ“, а на вопросъ „зачѣмъ“. Ясно, что истинная обстановка дѣла совершенно забылась къ тому времени, когда начали слѣгать столь превратныя догадки о ней.

IV

ORATIO 206 Г.

§ 1. Dig. 24, 1, 23 и 24, 1, 32, 1. Глоссаторы.

I. Исходная трудность.

Древнее право было преобразовано въ 206 г. по Р. Х. Преобразованіе 206 года. Для вѣрнаго сужденія о промежуточныхъ моментахъ развитія необходимо выяснитъ объемъ и формы преобразованія. Между тѣмъ, несмотря на кажущуюся простоту дѣла, его историческое изученіе представляется крайне трудной и сложною задачею.

Начиная съ глоссаторовъ и до нашихъ дней, оно производилось почти исключительно ради догматическихъ цѣлей, для разрѣшенія задачъ, лежащихъ, строго говоря, внѣ прямыхъ интересовъ историка. Исходною точкою для всѣхъ теорій служило знаменитое разногласіе двухъ мѣстъ Ульпіана: Разногласіе источниковъ.

Ulpianus l. 6 ad Sabinum. Papinianus recte putabat Orationem divi Severi ad rerum donationem pertinere; denique, si stipulanti spondisset uxori suæ, non putabat conveniri posse heredem mariti, licet durante voluntate maritus decesserit Dig. 24, 1, 23.

Ulpianus l. 33 ad Sabinum. Oratio autem imperatoris nostri de confirmandis donationibus non solum ad ea pertinet, quæ nomine uxoris a viro comparata sunt, sed ad omnes donationes inter virum et uxorem factas, ut et ipso iure res fiant eius, cui donatæ sunt, et obligatio sit civilis, et de Falcidia, ubi possit locum habere, tractandum sit: cui locum ita fore opinor, quasi testamento sit confirmatum, quod donatum est Dig. 24, 1, 32, 1. (Dig. 24, 1, 32, 1).

Въ одномъ случаѣ Ульпіанъ, одобряя Папиніана, не допускаетъ исцѣленія дареній *obligando* въ случаѣ смерти дарителя, въ другомъ заявляетъ, что исцѣляются всѣ даренія, не исключая дареній *obligando*.

II. Ацо и глосса.

Историческія согласованія.

Противорѣчіе не поддавалось согласованію догматическимъ путемъ и уже глоссаторы пытались помочь бѣдѣ историческими гипотезами. Правда, всѣ считаютъ родоначальникомъ этого приема Дюарена, но не трудно доказать, что онъ только усовершенствовалъ теорію глоссаторовъ по данному вопросу, какъ Кюжасъ въ отношеніи *mores* (см. выше, стр. 253). Со своей стороны *glossa ordinaria* Аккурсіа имѣетъ родоначальникомъ еще Ацо, такъ что историческую гипотезу приходится датировать концомъ XII-го или самымъ началомъ XIII-го столѣтія.

1553

Ацо.

Въ видѣ прибавленія къ своему конспекту 16-го титула 5-й книги Кодекса Ацо говоритъ:

1200

Illud notandum puto, quod licet dixerim confirmari donationes coniugum inter se vel parentum in liberos, videtur tamen quod locum habeat in donatione completa per traditionem. Nam si stipulatio steterit in finibus suis nec eam est secuta traditio, non putavit Papinianus conveniri posse donatoris heredem, licet durante voluntate donator decesserit, nisi vir promiserit uxori quid annuum in sui sustentationem, ut Dig. 24, 1, 33. Sed forte opinio Papiniani corrigitur per Orationem divi Severi, quæ ait donationis obligationem esse civilem præmortuo donatore, ut Dig. 24, 1, 32, 1 (520).

Аккурсіа.

Эта догадка была всецѣло усвоена, какъ непреложная истина, вѣрнымъ ученикомъ Ацо, Аккурсіемъ. Къ словамъ *Papinianus recte putabat* онъ даетъ примѣчаніе: *Et male secundum quosdam, ut statim dices*; слова *rerum donationem* поясняются: *id est traditionem, quasi non ad promissionem*; слова *non putabat* снабжены замѣткою: *scilicet Papinianus*. Слова же *posse heredem mariti* снабжены болѣе пространнѣмъ примѣчаніемъ, въ которомъ намъ особенно интересно начало: *Hodie Papinianus per divi Severi et Antonini Orationem corrigitur, ut Dig. 24, 1, 32, 1; 24, 1, 32, 22 in fin.; 24, 1, 32, 23; 24, 1, 33 pr. et 24, 1, 33, 2. Contra in Dig. 24, 1, 32 pr. in fin., ut Dig. 24, 1, 33, cum promissum est*

annuatim, petitur ex præterito tempore. Et in Dig. 24, 1, 32 fuit facta traditio et de evictione promissum, pro quo potest esse civilis obligatio: quod verius est. In 24, 1, 32, 22 fuit liberatio, non promissio¹.

Еще яснѣе та же мысль высказана въ казусъ Вивіана² Вивіанъ. къ Dig. 24, 1, 32 pr: Dicit supra 24, 1, 1 pr. donationes inter coniuges non valere. Et in hoc statu exstiterunt usque adhuc. Nunc autem imperator vocans senatores suasit eis oratione, ut statuerent, et ipse cum eis, ut in aliquo relaxentur donationes, — ut scilicet morte confirmentur donantis, nisi prius pœnituerit. Et hoc factum est.

Остается лишь указать еще на глоссу къ словамъ а Аккурсіей. viro comparata sunt Dig. 24, 1, 32, 1, принадлежащую Аккурсію: de quibus specialiter locutus est imperator.

Если тщательно вдуматься въ приведенныя толкованія, Историческія теоріи глоссаторовъ. то не трудно различить въ нихъ двѣ основныя теоріи, изъ которыхъ одну можно назвать Аккурсіевой, а другую — особымъ мнѣніемъ. Общимъ въ обѣихъ теоріяхъ надо признать историческую гипотезу Ацо; различны же въ нихъ догматическія частности.

Историческая гипотеза Ацо состоитъ въ томъ, что мнѣніе Папиніана считается отмѣненнымъ посредствомъ Oratio 206 года. Глоссаторы не дѣлаютъ необходимыхъ отсюда выводовъ, — но не трудно понять, почему: послѣдовательное проведеніе этой мысли непременно дастъ въ итогъ безсмыслицу. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемте дойти до крайнихъ послѣдствій, къ которымъ насъ обязываетъ ученіе Ацо. Общая основа и выводы изъ нея.

Ближайшій выводъ будетъ тотъ, что Папиніанъ въ Dig. 24, 1, 23 говорить не объ Oratio 206 года, такъ какъ иначе его мнѣніе не могло бы быть исправлено при ея помощи, а о какой то другой, очевидно болѣе ранней и, стало быть, съ 206 года отмѣненной. Этотъ именно выводъ 1. Два указа. и былъ позднѣе сдѣланъ Дюареномъ, а послѣ него повто-

¹ Настоящее чтеніе съ трудомъ возстановлено изъ разнородныхъ опечатокъ и описокъ моей рукописи и изданій: Corpus iuris — Lugd. 1589 г. и Digestum Vetus — Venetiis 1489 г.

² Согласно Савиньи, Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter,

V, 339, Вивіанъ жилъ приблизительно въ 1259 г. Ср. тамъ же стр. 346—347, причемъ списокъ изданій Digestum Vetus, въ которыхъ имѣются казусы Вивіана, долженъ быть пополненъ изд. 1589 г. Lügdt. F^o.

рялся множеством других писателей, такъ что мысль о двухъ *Orationes* и до XIX-го столѣтія не вымерла въ наукѣ. Ея подробнымъ разборомъ занята значительная часть настоящей главы.

2. Историческій планъ изложенія титула
Dig. 24, 1.

Другой выводъ, независимый отъ предшествоващаго, будетъ тотъ, что въ титулѣ дигестъ о дареніяхъ между супругами составители пандектъ слѣдовали историческому порядку и помѣщали не только дѣйствующее, но частью и отмѣненное право, ибо 23-й отрывокъ приходится исправлять 32-мъ. Сдѣлавшему этотъ выводъ недалеко и до заключенія, что первая половина титула, до 32-го отрывка, излагаетъ прежнее право, введенное *moribus*, а вторая — новое, преобразованное императорами. И на самомъ дѣлѣ, въ предшествовающей главѣ (см. выше стр. 294), излагая статью Менкена, мы встрѣтились со слѣдами этой мысли, высказывавшейся, стало быть, еще въ серединѣ XVIII вѣка.

Критика Бейнкерсгукъ.

Въ частности на полную несостоятельность теории Ацо кратко и мѣтко указалъ уже Бейнкерсгукъ: никакъ не могло мнѣніе Папиніана быть отмѣнено посредствомъ *Oratio Севера*, говоритъ онъ (I, 167), *nam post Orationem vixit et scripsit Papinianus, ad eam ipse disputat, et eius opinionem, tanquam in re certa, probat Ulpianus.*

Историческая несостоятельность глоссаторовъ.

Замѣтьте, притомъ, что ни первый, ни второй выводъ, ни ихъ соединеніе въ одну теорію не могли бы или, во всякомъ случаѣ, не должны бы были удовлетворить никого уже съ XVI вѣка, послѣ первыхъ же изданій дигестъ, свѣренныхъ съ флорентійскою рукописью, и особенно послѣ Лабиттова указателя. Зная заголовки отрывковъ, мы видимъ, что оба противорѣчивыя мѣста взяты изъ одного и того же произведенія одного и того же писателя — Ульпіана, причемъ онъ одобряетъ въ одномъ случаѣ мысль Папиніана, а въ другомъ кореннымъ образомъ съ нею расходится, и стало быть трудность не устранена для насъ, какой бы мы ни приняли изъ предложенныхъ выводовъ. Приходится мирить не разнорѣчіе Папиніана съ Ульпіаномъ или съ *Oratio 206 г.*, но разнорѣчіе Ульпіана съ самимъ собою.

„Recte“.

Впрочемъ и независимо отъ заголовка глоссаторамъ мѣшало одобрительное словечко *recte*. Вотъ въ отношеніи къ нему и можно различить между ними двоякое направленіе.

Первая теорія.

Одни, по свидѣтельству Аккурсія, считали неправиль-

1752 г

1733 г

нымъ мнѣніе Папиніана: *male putabat*, говоритъ онъ, *secundum quosdam*. Какъ же поступали эти *quidam* со словомъ *recte*? Мы этого не знаемъ. Можно было бы а priori допустить, или что они его вычеркивали, или что просто считали ошибкою; но на самомъ дѣлѣ надо прійти только ко второму предположенію. Противъ перваго говоритъ то, что слово *recte* не пропущено ни въ одной изъ донинѣ извѣстныхъ рукописей, и разночтеніе моей рукописи, о которомъ см. ниже стр. 439 сл. Но какъ доказывали при этомъ ошибочность текста, неизвѣстно. Судя по лаконизму Аккурсія, ея вовсе не доказывали, а просто подразумѣвали въ своемъ „*male*“. Въ эпоху научной наивности глоссаторовъ подобныя приемы были отнюдь не рѣдки.

Другой взглядъ былъ принятъ Аккурсіемъ. Насколько можно судить по его глоссамъ, онъ или читалъ или понималъ *recte*=*recto* и приводилъ его въ связь не съ *putabat*, но съ *pertinere*. При этомъ условіи текстъ получалъ, конечно, болѣе удобный смыслъ: Папиніанъ думалъ, что законъ прямо (по Аккурсію даже исключительно, *specialiter*) относится къ даренію вещей. Конечно, и такое пониманіе безусловно невозможно ни съ точки зрѣнія рукописнаго преданія, ни съ точки зрѣнія словаря и грамматики; но вѣдь и Аккурсій въ случаѣ крайности не стѣснялся такими мелочами¹.

Вторая
теорія.

Глоссаторами была намѣчена еще 3-я теорія, весьма близкая къ истинѣ; но она имѣла чисто догматическій характеръ и потому здѣсь можетъ быть оставлена безъ разсмотрѣнія. Покаместъ мы можемъ удовлетвориться тѣмъ, что выяснено въ предшествующемъ, и прослѣдить литературную судьбу историческихъ гипотезъ глоссы.

Догматическая
теорія.

§ 2. Теорія Дюарена о двухъ законахъ.

І. Дюарень.

Какъ уже сказано, первый шагъ далѣе глоссаторовъ былъ сдѣланъ Дюареномъ въ его толкованіи на титулъ Dig. 24, 3. Установивъ положеніе, что *Oratio* 206 г. равно

Два указа.

¹ Я настаиваю на томъ, что именно таково было воззрѣніе Аккурсія. Иначе его глоссы либо вовсе были бы нелѣпы, особенно глосса *contragata* Dig. 24, 1, 32, 1, либо вынуж-

дали бы насъ къ завѣдомо ложнымъ предположеніямъ, — ср. нѣмного ниже, стр. 439, мысль Фавра, принятую у Савиньи, о пробѣлѣ въ глоссаторскихъ рукописяхъ *digest*.

примѣнима ко всѣмъ дареніямъ, въ томъ числѣ и къ дареніямъ *promittendo*, и устранивъ ожидаемыя возраженія со ссылкой на *Dig. 24, 1, 32* и *33*, Дюаренъ продолжаетъ: *Fuerat quidem alia ante hanc, de qua loquimur, oratio Severi, qui Antonini huius pater fuit, de confirmandis donationibus inter virum et uxorem. Quam orationem recte putavit Papinianus ad rerum sive corporum donationem tantum pertinere, D. 24, 1, 23, non etiam ad stipulationes, quæ donationis causa contrahuntur. Nam de his tantum locutus fuerat Severus, quæ uxoris causa sunt comparata, ut ex Ulpiani verbis colligitur Dig. 24, 1, 32, 1. Sed plenior est posterior oratio, nempe Antonini, et ad omnia, quæ donationis causa geruntur, pertinet.* И притомъ, продолжаетъ Дюаренъ, если бы Трибоніанъ помѣстилъ текстъ объ *Oratio Каракаллы* сразу послѣ отрывка изъ Папиніана, никакой бы тутъ не вышло трудности, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр. *Dig. 1, 8, 6, 5* и *1, 8, 7*. Да и то, — какое неудобство въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ приводится мнѣніе Папиніана объ *Oratio Севера*, а потомъ въ другомъ мѣстѣ — *Oratio Каракаллы*, гдѣ первая нѣсколько дополняется и исправляется? Весьма вѣроятно къ тому же, заключаетъ Дюаренъ, что Папиніанъ, который былъ умерщвленъ Каракаллою, написалъ свое мнѣніе ранѣе, чѣмъ позднѣйшая рѣчь была произнесена въ сенатѣ и утверждена сенатскимъ постановленіемъ (336—337).

Успѣхъ
теоріи
Дюарена.

Я не вижу возможности сомнѣваться въ томъ, что Дюаренъ пришелъ къ своей догадкѣ при помощи глоссы, но признаю вполне очевиднымъ, что его теорія гораздо стройнѣй и законченнѣе. Немудрено, поэтому, что ей немедленно достался на долю великій успѣхъ, даже въ средѣ смертельныхъ враговъ Дюарена: Бодуэнъ, умалчивая о немъ, принимаетъ, однако же, его мнѣніе въ своемъ *Justinianus* (1150), хотя, правда, въ нѣсколько нерѣшительной формѣ, но зато и съ весьма существеннымъ дополненіемъ: *Dig. 24, 1, 23* онъ считаетъ недосмотромъ составителей *digesta*, — *Tribonianus illam Papiniani annotationem recte exrinxisset.* Или онъ самъ пришелъ къ той же мысли, благодаря изученію глоссы и не зная Дюарена? Однако послѣдній высказался семью годами ранѣе Бодуэна. Во всякомъ случаѣ, несмотря на свой успѣхъ и позднѣйшую

живучесть, эта теорія несогласима съ источниками, на что и было черезъ нѣсколько десятилѣтій указано Фавромъ во второй книгѣ его Конъектуръ, а затѣмъ повторено имъ же во 2-мъ томѣ *De erroribus pragmaticorum*, 42, 5 (II, 837).

II. Отманъ.

Одновременно съ Фавромъ, а можетъ быть и раньше его¹, къ теоріи Дюарена отнесся отрицательно и Отманъ, коснувшись противорѣчія текстовъ *Dig. 24, 1, 23* и *24, 1, 32, 1*.

Скептическая критика теоріи Дюарена.

Olim ergo, высказывается онъ, *ex stipulatione, inter coniuges donationis causa facta, civilis et efficax obligatio non nascebatur; post Senatusconsultum autem nasci coepit. Sed ecce grave certamen exoritur ex Dig. 24, 1, 23, cui certe suffragari verba illa orationis videntur: Heredem eripere durum et avarum est. Quomodo enim heres quae tradita non erant eriperet? Duarenus existimavit aliam Severi, aliam Antonini orationem fuisse, quod probari non potest, и ссылается на тексты Cod. 5, 16, 10 и 5, 16, 3. Mihi sane, ut uere dicam, заканчиваетъ онъ, hoc loco aqua haeret neque probabilior ulla sententia videtur, quam quae ab Azone et Accursio tradita est, — ut Papiniani sententia improbata ab Ulpiano fuerit, et illo loco et rursus *Dig. 24, 1, 33*, — tametsi scrupulus ex verbo recte superest, a quo satis me commode nondum expedire potui. Какъ бы то ни было, не сомнѣнія Отмана, но энергичныя возраженія Фавра повліяли рѣшающимъ образомъ на дальнѣйшую судьбу гипотезы Дюарена.*

III. Фавръ.

Прежде всего, возражаетъ Фавръ (I, 62), нигдѣ въ источникахъ нѣтъ указаній на двукратную рѣчь; а затѣмъ, невозможно согласовать мнѣніе Дюарена съ *Dig. 24, 1, 32 pr.*, гдѣ Ульпіанъ говоритъ, что Каракалла до кончины

Критика Дюарена.

¹ Выражаюсь предположительно, такъ какъ годъ первоначальнаго изданія трактата *De donationibus omnium generum* мнѣ неизвѣстенъ, — см. въ первой главѣ настоящей книги примѣчаніе на стр. 43—44. Однако, принимая во вниманіе, что въ началѣ гл. 6 своего трактата (I, 1, 608) Отманъ ссылается на свою *Disputatio de dotibus*, а мнѣ извѣ-

стно изданіе этой *Disputatio*, едва ли первое, въ сборникѣ *Tractatus de dote IV clarissimorum iurisperitorum, Coloniae Agrippinae 1591* года, трактатъ *De donationibus omnium generum* долженъ быть отнесенъ къ той же или болѣе ранней эпохѣ. Отманъ Фавра не упоминаетъ, но и Фавръ не упоминаетъ Отмана.

своего отца внесъ въ сенатъ предложеніе, чтобы супружескія даренія, дотолѣ и недѣйствительныя съ начала, и не утверждавшіяся смертью дарителя, признаны были въ послѣднемъ случаѣ дѣйствительными. Отсюда ясно, что *Oratio* была произнесена еще при жизни Папиніана¹. Не помогло бы дѣлу даже, если бы мы допустили, что обѣ рѣчи принадлежали Каракаллѣ, такъ какъ Ульпіанъ толкуетъ именно рѣчь, произнесенную при жизни Севера, говоря, что она утвердила всѣ безъ исключенія даренія, прежде бывшія недѣйствительными. Несогласны съ мыслию Дюарена и слова Ульпіана, что *Oratio* Каракаллы относилась *non solum ad ea, quæ nomine uxoris a viro comparata sunt, sed ad omnes donationes inter virum et uxorem factas*, хотя Дюаренъ и выводитъ изъ нихъ, будто первая рѣчь (Севера) касалась лишь того, что *uxoris causa comparatum esset*: вѣдь если бы это было такъ (а изъ *Cod.* 5, 16, 3 и 5, 16, 10 ясно, что это вовсе не такъ), то Папиніанъ не особенно вѣрно (*recte*) считалъ бы рѣчь Севера относящейся къ *regum donationes*. Подъ *regum donationes* онъ очевидно подразумѣвалъ не всѣ тѣ случаи, когда дарится какая нибудь вещь (вѣдь всякое дареніе непременно есть дареніе какой нибудь вещи), а только тѣ, когда сдѣлка заключается традиціей, а не сти-пуляціей, и, стало быть, считалъ *Oratio* не касающуюся вещей, *uxoris causa comparatas*, еще не переданныхъ ей мужемъ. Итакъ, ясно, что была лишь одна рѣчь Севера и Каракаллы, которая только приписывается то одному изъ нихъ, то другому, то обоимъ вмѣстѣ, такъ какъ была произнесена при жизни и во время царствованія обоихъ (I, 63).

¹ Изъ этого возраженія несомнѣнно, что Фавръ придалъ словамъ Дюарена смыслъ, которого они вовсе не имѣли. Дюаренъ вовсе не говоритъ, будто Папиніанъ былъ убитъ ранѣе, чѣмъ Каракалла произнесъ *Oratio* 206 г.: онъ говоритъ только, что Папиніанъ написалъ приводимое Ульпіаномъ мнѣніе раньше этого срока. Правда, Дюаренъ упомянулъ, что Папиніанъ былъ умерщвленъ по волѣ Каракаллы; но онъ очевидно сдѣлалъ это съ цѣлью напомнить, что

дѣятельность Папиніана должна быть съ большею вѣроятностью приурочена къ эпохѣ до *Oratio* 206 г., чѣмъ ко времени послѣ ея изданія. По крайней мѣрѣ мнѣ трудно допустить, чтобы такой крупный ученый, какъ Дюаренъ, могъ не знать, или не понять, или забыть *Dig.* 24, 1, 32 пр. Прошу сравнить нѣсколько ниже, стр. 446, теорію Бренкмана, именно въ этомъ смыслѣ излагающую мысль Дюарена.

604 г.

Собственная теорія Фавра имѣетъ чисто догматическій характеръ и потому можетъ быть оставлена безъ разсмотрѣнія, кромѣ двухъ частныхъ ея подробностей. По существу его мнѣніе состоитъ въ томъ, что онъ признаетъ разногласіе между Папиніаномъ съ одной и Ульпіаномъ съ другой стороны, отдавая предпочтеніе послѣднему; слово же *recte* въ Dig. 24, 1, 23, несогласное съ этою мыслью, считаетъ вросшею въ текстъ нелѣпою глоссою. *Verissimum autem esse quod dicimus*, прибавляетъ онъ, *manifeste apparet ex glossa Accursii*, qui ad verba illa „Papinianus recte putabat“ sic notat: et male secundum quosdam. Quæ interpretatio nimium impudentis et temerarii interpretis esset, si Ulpianus Papinianum recte putasse scripsisset; sed et interpretes ita notasset: Immo male, non: Et male. Quod evidens argumentum est in Accursii et veterum libris dictionem illam in textu defuisse (Coniect. II, 8, стр. 63). Эта догадка Фавра уцѣлѣла, можно сказать, до сихъ поръ, такъ какъ еще Савиньи (IV, 189 и прим. u) допускалъ на томъ же основаніи, не смотря на полное противорѣчіе всѣхъ безъ исключенія рукописей, что въ иныхъ глоссаторскихъ спискахъ могло и не хватать слова *recte*, и на это утвержденіе до сихъ поръ не получилъ опроверженія. Однако догадка Фавра столь же ошибочна, сколь (не спорю) остроумна¹: вѣдь Аккурсіи, какъ выше показано, приводилъ *recte* въ связь не съ *putabat*, а съ *pertinere*, а потому и могъ, и долженъ былъ поставить *et male*, а не *immo male*.

Собственная теорія Фавра.

341 г.

Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить, что въ принадлежащей мнѣ рукописи *Digestum vetus*, упомянутой въ предисловіи, текстъ глоссы имѣетъ именно ту редакцію, которую Фавръ находилъ необходимой, — именно, читается *immo male*, а не *et male*, причемъ словечко *recte* изображено во всей не-

Документальное опроверженіе Фавра и Савиньи.

733 г.

¹ Замѣчу, впрочемъ, что послѣднее качество не всѣми за нею признается: Abesse (Faber) voluit *recte*, говоритъ Вейнкерсгукъ (I, 167), *lepida coniectura ex Accursio sumpta, ad quam si non rideas, Cato severior ipso es. Miror eum simili audacia recte sive bene non mutasse in male*. Насмѣшка очень забавна, но несправедлива.

Зато вполне правильно возраженіе, которое онъ дѣлаетъ нѣсколькими строками раньше. Фавръ, говорить онъ, велитъ вычеркнуть слово *recte*. Ну, а что, еслибъ этого слова и вовсе не было? *Ideone minus auctoritatis haberet Papiniani sententia, non alio fine in Pandectas relata, quam ut valeret et censeretur auctoritate iuris?*

прикосновенности. Конечно, это не исключало бы возможности вросшей въ текстъ глоссы, но въ смыслѣ мотивировки моя рукопись бьетъ идею Фавра на голову.

Переставка
трудности
Фавромъ.

Второе замѣчаніе Фавра, которое должно быть упомянуто, не касается ни глоссы, ни Дюарена, хотя могло бы быть выдвинуто какъ очень сильное возраженіе противъ обоихъ. Дѣло было бы очень просто, говорить Фавръ, если бы текстъ Dig. 24, 1, 23 не принадлежалъ Ульпіану: *dici enim posset, dissensisse Papinianum a ceteris, neque tam de conciliatione quaereretur, quam de illo, quæ sententia probabilior videretur. Sed cum Ulpianus Papiniani sententiam probat, vix aliud dici potest, quam Ulpianum variasse et Papiniani sententiam, quam prius probaverat, postea improbasse* (I, 62).

1591

IV. Джентиле.

Фавръ и
Джентиле.

Критика Фавра нанесла жестокий ударъ теоріи Дюарена, но не смогла убить основную мысль этой теоріи. Такъ напр. Джентиле примыкаетъ къ Фавру до такой степени, что не считаетъ даже нужнымъ воспроизводить его доводы противъ Дюарена, повидимому находя ихъ достаточно исчерпывающими предметъ (450). Но въ то же время онъ со своей стороны на совершенно новыхъ основаніяхъ склоняется, хоть и не безусловно, къ мысли о двукратномъ преобразованіи. *Sed de hac quidem re, говорить онъ, quisque ut volet: parum enim in eo momenti situm est, nisi quod ea ratione Duarenus difficillimum Papiniani responsum explicare conatus fuerit* (9). Конечно, для догматическихъ цѣлей — *parum momenti*; но съ исторической точки зрѣнія любезное *quisque ut volet* совершенно недопустимо.

1604

Каковы же основанія и догадки Джентиле?

Теорія
Джентиле.

Я не сомнѣваюсь, начинается онъ (8), что Dig. 24, 1, 32 пр. и 24, 1, 3 пр. говорятъ объ одной и той же *Oratio*; это ясно изъ инскрипцій данныхъ отрывковъ; но сомнительнѣе, не произнесъ ли ранѣе въ сенатѣ Северъ другую рѣчь объ этомъ предметѣ, правда, не въ томъ смыслѣ, чтобъ исцѣлялись вообще всѣ даренія, тѣмъ менѣе какія нибудь особенныя въ частности, а только въ томъ, чтобъ исцѣлялись даренія вещей, *quæ a marito uxoris causa parata essent*: оттого Ульпіанъ и прибавляетъ въ Dig. 24, 1, 32, 1: *oratio autem imperatoris nostri ad omnes donationes inter*

virum et uxorem factas pertinet. Этому не противорѣчитъ, что въ Cod. 5, 16, 10 объявляются исцѣлимыми по Oratio Severi даренія совсѣмъ другихъ вещей, чѣмъ uxoris causa paratarum, такъ какъ здѣсь Oratio Каракаллы приписана Северу: вѣдь вторая рѣчь была произнесена при жизни Севера, который никогда не отрекался отъ власти въ пользу сына. Такъ точно Юстиніанъ, Cod. 5, 3, 20, 9, называетъ своею конституцію, которая принадлежитъ его отцу согласно Cod. 5, 3, 19. Наконецъ, кромѣ другихъ примѣровъ, всѣ распоряженія дѣлались и утверждались отъ имени обоихъ, Севера и Антонина. Но зато когда, Cod. 5, 16, 3, Каракалла по поводу рабовъ, подаренныхъ женою мужу, говоритъ et ex mea et ex divi Severi patris mei constitutione confirmata est donatio, онъ повидимому говоритъ о двухъ Orationes, одной — своей, другой — своего отца: такъ императоръ Александръ несомнѣнно говоритъ о двухъ конституціяхъ въ словахъ et quæ a divo Antonino patre meo, et quæ a me rescripta sunt, Cod. 2, 1, 8, такъ какъ обѣ онѣ имѣются въ томъ же титулѣ: Cod. 2, 1, 1 и 2, 1, 5. Однако съ другой стороны, такъ какъ о рабахъ, подаренныхъ мужу женою, нельзя сказать, что они uxoris causa parati sunt, то надо думать, что Северъ коснулся и другихъ дареній, кромѣ вещей uxoris causa paratarum. Трудно, стало быть, рѣшить, была ли одна лишь Oratio, которая впрочемъ приписывалась то Северу, то Каракаллѣ, то обоимъ вмѣстѣ, или ихъ было двѣ, но цитировались онѣ за одну потому, что первая рѣчь, Севера, была включена во вторую, Каракаллы, какъ lex Julia de maritandis ordinibus въ lex Papia Poppæa, почему и говорится то о lex Julia, то о lex Papia, то о lex Julia Papia, и то же постановленіе въ одномъ мѣстѣ приписывается lex Julia, въ другомъ lex Papia: Dig. 23, 2, 23 и 23, 2, 44 и т. п. (8—9).

Такъ какъ въ концѣ концовъ Джентиле здѣсь ничего не утверждаетъ, а только сомнѣвается, то мы отложимъ покаместъ разборъ его доводовъ, ибо ниже встрѣтимся съ ними жъ у Пухты, хотя въ менѣе ученомъ и убѣдительномъ, но зато въ болѣе рѣшительномъ изложеніи. Можно только замѣтить, что если бы Пухта зналъ разсужденія Джентиле, то едва ли опустилъ бы тѣ яркія и благодарныя аналогіи, которыми послѣдній пользуется.

Шаткость
теоріи
Джентиле.

V. Шифордеггеръ.

Защита
Фавра.

Вскорѣ послѣ Джентиле по тому же вопросу высказался пламенный нѣмецкій почитатель Фавра, написавшій цѣлые фоліанты въ истолкованіе и защиту мнѣній послѣдняго, давно забытый Шифордеггеръ. Нашему вопросу имъ посвящена 11-я глава 1-й книги *Ad Antonium Fabrum*. Пространно и витиевато изложенная, почти сплошь догматическаго содержанія, эта глава въ значительной степени посвящена полемикѣ противъ Джентиле, какъ противника Фавра, хотя Шифордеггеръ и отдастъ ему должную дань похвалъ и уваженія. Между прочимъ въ qu. 8^a Шифордеггеръ касается вопроса о Dig. 24, 1, 23. Перебравъ догматическія и историческія попытки къ согласованію этого текста съ другими мѣстами дигестъ въ теоріяхъ Кора, Дюарена, Бодуэна и Тирако, Шифордеггеръ подвергаетъ самостоятельной переработкѣ теорію Фавра. *Unus Faber, говоритъ онъ (стр. 83), in tantis tenebris oculos aperuisse videtur, cui, si non veritate lectionis offensus fuisset, civicam deberemus conservatæ sententiæ. Quamvis hoc gratiæ ipsi habendae sunt, quod digitum ad fontem intenderit. Non ego iturus sim, si non præcesserit ille, sed bene, secuturus.*

Теорія
Шифор-
деггера.

До какихъ же выводовъ дошелъ Шифордеггеръ? *Papiniani sententiam Dig. 24, 1, 23 ab Ulpiano referri tantummodo, non etiam probari: вотъ его главное положеніе, въ защиту котораго онъ въ концѣ главы пространно полемизируетъ противъ отрицающихъ, чтобы въ Corpus iuris мнѣнія юристовъ могли proponi tantum narrative a iureconsultis, non etiam approbari. Кому не видно, восклицаетъ онъ, что Ульпіанъ сообщаетъ два мнѣнія Папиніана: первое касается donationes rerum, — и его Ульпіанъ одобряетъ, говоря, что Papinianus recte putabat, Orationem divi Severi ad rerum donationem pertinere; второе касается дареній promittendo, — и его Ульпіанъ только приводитъ, но не одобряетъ словами denique si stipulanti spondidisset uxori suae, non putabat conveniri posse heredem mariti, licet durante voluntate maritus decesserit. Еслибъ онъ одобрялъ и второе мнѣніе, то онъ или повторилъ бы выраженіе recte, или не отдѣлилъ бы его отъ перваго частицею denique, или, наконецъ, сказалъ бы не ad rerum donationem pertinere, а напр. ad rerum donationem dumtaxat pertinere. Однако ни того, ни другого,*

ни третьяго предъ нами нѣтъ: *placuit illi ita loqui, ut Papiniani divideret sententias, in quarum unam itum fuit, altera autem explosa*. Немного далѣе, послѣ кроткихъ увѣщаній Джентиле, чтобъ онъ не боялся перемѣнить свое ложное мнѣніе, Шифордеггеръ объясняетъ и помѣщеніе въ дигестахъ отвергнутаго мнѣнія Папиніана. *Quapropter, заключаетъ онъ, debito testimonio non est privandus Tribonianus, qui, Justiniano obsequens et necessarium Papiniani effectum perspiciebat, hanc in Digestis posuit legem, ut doceamus aliorum sententiam Papinianae praevaluisse*.

Такова теорія Шифордеггера. Ея содержаніе сводится къ тому, что передъ нами не разногласіе императоровъ, но разногласіе юристовъ, причемъ отвергнутое мнѣніе попало въ дигесты только въ виду великаго авторитета Папиніана, чтобы засвидѣтельствовать о неудовлетворительности его общаемаго взгляда. Въ настоящей главѣ не мѣсто разбирать ее подробно и она помѣщена только для полноты обзора; ограничусь поэтому краткимъ утвержденіемъ, что, будучи несогласенъ съ нею въ томъ видѣ, какъ она выражена, я считаю ее наиболѣе близкою къ истинѣ изъ всѣхъ литературныхъ попытокъ раскрыть точный смыслъ загадочнаго текста. Впрочемъ, мнѣніе Шифордеггера еще встрѣтится намъ въ нѣсколько иномъ видѣ въ изложенныхъ много ниже теоріяхъ Рихтера и Савиньи¹.

Оцѣнка этой теоріи.

§ 3. Первое возрожденіе теоріи Дюарена.

І. Упадокъ теоріи Дюарена.

Послѣ Фавра теорія Дюарена надолго оказалась какъ бы подъ спудомъ и текстъ *Dig. 24, 1, 23* согласовывали съ другими изреченіями Ульпіана при помощи догматическихъ конструкций, весьма сложныхъ, сомнительныхъ и неубѣдительныхъ. Немудрено, что неудовлетворенные умы склонны были возвращаться къ заманчивой исторической гипотезѣ блестящаго француза и что мысль о двухъ указахъ нѣсколько разъ возрождалась въ литературѣ. Съ другой стороны, такъ какъ статья на историческую почву въ данномъ

Слабости и живучесть теоріи Дюарена.

¹ Отмѣчу и здѣсь пренебрежительный и насмѣшливый, но несправедливый отзывъ Бейнкерсгукка:

Alias... sententias... sciens praetermitto. Ne quidem Schifordeggherum tango, quia totum ulcus est (I, 167.)

случаѣ значитъ признать наличность противорѣчія въ дигестахъ, т. е. обнаружить законодательный промахъ Трибоніана, то мы а priori должны ожидать склонности къ исторической гипотезѣ со стороны исконныхъ хулителей знаменитаго византійца — интерполяціонистовъ. И точно, въ произведеніи одного изъ первыхъ представителей этого направленія, Виссенбаха, мы встрѣчаемъ возрожденіе гипотезы Дюарена ровно черезъ сто лѣтъ послѣ ея обнародованія.

II. Виссенбахъ.

Виссенбахъ не даетъ своему положенію никакой мотивировки: онъ только слилъ мысль Дюарена съ оговоркою Бодуэна о недосмотрѣ Трибоніана. Дареніе *stipulando*, говоритъ онъ, *morte mariti confirmatur, danda actione in heredem eius*, Dig. 24, 1, 32, 1; 24, 1, 32, 23; 24, 1, 33; Cod. 5, 15, 2; Nov. 162, 2. Graviter obstat Dig. 24, 1, 23. Res p. Discrimen est constituendum inter Orationem Severi, Dig. 24, 1, 23, et Orationem Antonini (filii Severi, Cod. 5, 16, 3), quæ fuit plenior, Dig. 24, 1, 32 pr. iunct. 24, 1, 32, 1 et 24, 1, 32, 23. Rectius autem fecisset Tribonianus, si illam Papiniani annotationem expunxisset. Затѣмъ Виссенбахъ тщательными ссылками перечисляетъ прежнюю литературу (Disp. 47, § 11, стр. 484—485). Возрожденіе, такимъ образомъ, объясняется направленіемъ Виссенбаха, одного изъ первыхъ интерполяціонистовъ, склоннаго вездѣ „ловить“ *emblemata Triboniani*. 1659

III. Гreve.

Однако, и независимо отъ направленія, оно не прошло безслѣдно. Не ссылаясь, правда, на Виссенбаха, но конечно подъ его вліяніемъ, ту же мысль повторяетъ черезъ 7 лѣтъ послѣ него другой голландскій ученый, Гreve. *Oratio quidem Severi*, говоритъ онъ (422), *ad rerum sive corporum donationes pertinebat*, Dig. 24, 1, 23. Sed postea pleniore *Oratione Antonini adiectum est, ut illa confirmatio ad omnes donationes porrigeretur atque donatario contra donantis defuncti heredem actio concederetur*, Dig. 24, 1, 33, 1; Cod. 5, 15, 2. 1660

IV. Вутъ.

Теорія
Вута.

Черезъ полвѣка послѣ Виссенбаха мы находимъ гипотезу Дюарена принятой у другого знаменитаго голландскаго 1704

ученаго, у Вута въ его толкованіяхъ на дигесты. Онъ точно также признаетъ два закона, *Oratio Severi* и *Oratio* 206 года. Первый, по его мнѣнію, не касался дареній *obligando et convenienter isti Orationi a Papiniano, qui sub Severo floruit, id quoque recte fuerit comprobatum, teste Ulpiano Dig. 24, 1, 23. Tamen, cum iura increocere soleant, aliud ex Oratione Antonini inductum fuit, quippe qua Oratione confirmatio extensa est ad omnes donationes inter virum et uxorem, auctore eodem Ulpiano Dig. 24, 1, 32 pr. et 1. Nec est, quod quempiam turbet, Ulpianum in Dig. 24, 1, 23 non addidisse, placitum illud Papiniani mutatum fuisse. Cum enim l. 23 desumpta sit ex Ulpiani libro 6 ad Sabinum, probabile est, eo tempore, quo hæc scripsit Ulpianus, nondum inductam fuisse mutationem, si modo consideres ab eodem Ulpiano demum in libro 33 ad Sabinum inchoari explicationem eorum, quæ Oratione Antonini mutata fuerant. Quæ et ratio est, quod Ulpianus libro 36 ad Sabinum proposuit confirmationem donationis per stipulationem factæ, Dig. 24, 1, 33, cum eius mentionem obscurius iniecisset 24, 1, 32, 1 (IV, 295—296, — замѣчу, что пагинація тутъ искажена опечатками: я цитирую въ сокращенномъ видѣ 5-ю главу комментарія Вута къ Dig. 24, 1).*

Теорія Вута — сплавъ мысли Дюарена съ наблюденіями Фавра. Вутъ допускаетъ, какъ и Фавръ, *Ulpianum variasse*, но объясняетъ это тѣмъ, что 6-я книга *ad Sabinum*, гдѣ упомянуто мнѣніе Папиніана, старше 33-й книги, гдѣ излагается собственное воззрѣніе Ульпіана, относящееся, стало быть, къ какой нибудь иной *Oratio*. Взятая сама по себѣ, эта мысль всего лучше обосновываетъ гипотезу о двухъ конституціяхъ; но, при сопоставленіи съ источниками, и она не можетъ устоять. Не говоримъ ужъ о томъ, что самый заголовокъ *Dig. 24, 1, 23* сомнителенъ и признанъ сомнительнымъ еще у Лабитта въ его *Usus indicis* (Wielsing, 119): Вутомъ совсѣмъ не выяснено, съ какой стати могли составители дигестъ включить въ свою работу отмѣненное положеніе права, внѣ всякой связи и безъ прямыхъ оговорокъ, т. е. съ усвоеніемъ ему обязательной силы. Недосмотръ съ ихъ стороны въ данномъ случаѣ совершенно невѣроятенъ: въ титулѣ, гдѣ заключается *sedes materiæ*, въ видѣ рѣшительнаго утвержденія, самостоятельнаго и отдѣльнаго, нельзя помѣстить по недосмотру отмѣненной нормы.

Разборъ
мнѣнія
Вута.

V. Бренкманъ.

Теорія
Бренкмана.

Черезъ годъ послѣ Вута, но, по всѣмъ признакамъ, независимо отъ него и во всякомъ случаѣ слабѣй и неискуснѣе, примѣнилъ тотъ же методъ къ обоснованію той же гипотезы Бренкманъ въ своемъ изслѣдованіи объ *inscriptiones* въ *Corpus iuris*. Онъ обстоятельно указываетъ на значеніе заголовковъ для исторіи права и, при ея содѣйствіи, для согласованія многихъ догматическихъ противорѣчій. Приводя примѣры послѣдняго, онъ останавливается и на *Dig. 24, 1, 23*. *Observa*, говоритъ онъ, *legem hanc Papiniani esse ac proin optime cum Dig. 24, 1, 32, 1 et 24, 1, 33 pr. conciliari, si dicamus, duplicem fuisse Orationem de liberalitatibus coniugum: alteram solius Severi, quæ minus plena fuerit, et ad hanc Papinianum in Dig. 24, 1, 23 respexisse, alteram vero pleniorum Severi et Antonini, et ad eam Dig. 24, 1, 32 et 33 referendas esse*. *Adstipulatur autem huic coniecturæ, quod, cum posterior illa Oratio prope excessum Severi in senatu habita sit per Dig. 24, 1, 32 pr., Papinianus in eam vix commentari potuisse videatur, cum proxime post mortem illius a Caracalla interemtus sit, quoniam, ut notum, prius de vita, quam de bona sententia decedere malebat* (168—169).

Разборъ
мнѣнія
Бренкмана.

Какъ видите, Бренкманъ забылъ какъ разъ о заголовкѣ *Dig. 24, 1, 23*, гдѣ стоитъ имя Ульпіана, непримиримое съ *recte* въ текстѣ. Съ другой стороны, однако, онъ не примыкаетъ ни къ Дюарену, ни къ Фавру, ни къ Виссенбаху, Греве и Вуту и даже не упоминаетъ ихъ, хотя по всѣмъ примѣтамъ знаетъ Фавра (стало быть и Дюарена — по крайней мѣрѣ изъ вторыхъ рукъ), а вѣроятно и другихъ. Старая теорія, стало быть, излагается внѣ тѣснаго историческаго преемства и на новыхъ основахъ. Правда, съ методологической точки зрѣнія привлеченіе къ дѣлу заголовка — новость сравнительно съ Дюареномъ и отчасти съ Фавромъ и въ этомъ смыслѣ замѣтенъ принципиальный успѣхъ; но только въ этомъ. Свой методъ Бренкманъ примѣняетъ совсѣмъ неумѣло, а его гипотеза не выдерживаетъ ни малѣйшей проверки источниками: онъ точно не знаетъ года произнесенія *Oratio* и года смерти Папиніана¹.

¹ Эту ошибку отмѣтилъ и опровергъ уже Менкенъ, § 24, стр. 612.

VI. Вестенбергъ.

2 г.

Въ послѣдній разъ мысль о двухъ указахъ была высказана въ Голландіи Вестенбергомъ. Онъ, какъ уже сказано въ предшествующей главѣ (см. выше, стр. 276), исходитъ изъ теоріи Гейнеке о введеніи всеобщей недѣйствительности дареній между супругами императорскимъ законодательствомъ. Даренія между супругами во время брака запрещены, говоритъ онъ (387). *Et primum quidem moribus receptum, ne inter virum et uxorem donationes valerent. Quod postea in ius abiit et Oratione Antonini (Caracallæ scil.) Augusti confirmatum est, cuius fragmentum exhibet Ulpianus Dig. 24, 1, 3 pr. Non tamen omnes donationes prohibentur, sed et admissa est donatio (388), si morte donatoris confirmata est: idem enim imperator Antoninus Caracalla, ante excessum divi Severi patris sui (qui etiam iam de ea re caverat, Dig. 24, 1, 23), auctor fuit senatui censendi, ut aliquid laxaret ex iuris rigore (389).*

Послѣдній
поборникъ
Дюарена.

Мнѣніе Вестенберга, только воспроизводящее въ послѣдній разъ въ XVIII вѣкѣ мысль о двухъ указахъ, заслуживаетъ еще вниманія въ виду несправедливыхъ возраженій, которыя достались ему на долю. Дѣло въ томъ, что нѣсколько неловкое изложеніе, разбитое притомъ на много мелкихъ §§, могло оставить впечатлѣніе, будто Вестенбергъ признаетъ не два, но три указа: 1) Каракаллы о недѣйствительности дареній; 2) Севера о дѣйствительности; 3) Каракаллы о болѣе полной дѣйствительности. Но это впечатлѣніе несомнѣнно ошибочно. Между тѣмъ Гуго (791) иронически отмѣтилъ, вѣроятно по случаю послѣдняго изданія *Principia iuris* въ 1823 г., будто Вестенбергъ дѣлаетъ изъ *Oratio* 206 г. три различныхъ законодательныхъ акта Северовой династіи.

Судьба
теоріи
Вестен-
берга.

4 г.

VII. Ноодтъ.

4 г.

Послѣ почти столѣтняго возрожденія въ Голландіи теорія Дюарена тамъ же была вновь отвергнута Ноодтомъ, хотя ни въ какую полемику онъ не вступилъ, а ограничился сводомъ соображеній и доводовъ, вполне удовлетворительно устанавливающихъ, что во всѣхъ текстахъ нашихъ источниковъ говорится объ одной и той же *oratio* Севера и Кара-

Единство
oratio 206 г.

каллы, прочитанной въ сенатѣ и закрѣпленной сенатусконсультѣ (II, 398). О его воззрѣніяхъ подробно сказано ниже, стр. 469 сл., и потому здѣсь на нихъ не будемъ останавливаться.

VIII. Гейнеке.

Полемика
на почвѣ
Ноодта.

Полемическіе выводы изъ воззрѣній Ноодта сдѣлалъ *expressis verbis* Гейнеке. Наес *oratio*, пишетъ онъ (404—405), *modo Severo tribuitur, modo Antonino, modo utrique. Adeoque non diversa exstiterunt senatusconsulta Severi et Antonini, nec ipse Antoninus primum de prohibitione donationum inter coniuges, ac postea de donationibus morte donatoris confirmatis, egit, sed unum fuit senatusconsultum, quo utrumque cautum. Denique nec ab hoc senatusconsulto differt constitutio Severi Cod. 5, 16, 2.* 1727

IX. Бейнкерсгукъ.

Бейнкерс-
гукъ про-
тивъ Дюа-
рена.

Вскорѣ послѣ Гейнеке высказался и знаменитый соотечественникъ Ноодта, Бейнкерсгукъ. Его собственные взгляды не подлежатъ нашему разсмотрѣнію и разбору, такъ какъ имѣютъ чисто догматическій характеръ. Онъ считаетъ истинною точку зрѣнія Папиніана въ томъ смыслѣ, что полагаетъ, *Orationem non pertinere nisi ad eas donationes, quæ subsecuta traditione in donatarium transiverunt* (I, 166). Прекословныя Папиніану мѣста Ульпіана онъ считаетъ сингулярнымъ правомъ, касающимся *annuum*, коего *natura* не допускаетъ традиціи (I, 167). Изложивъ свою точку зрѣнія, Бейнкерсгукъ разсматриваетъ теоріи Дюарена и Фавра. Онъ удивляется живучести первой изъ нихъ. Кого убѣдить Дюаренъ, спрашиваетъ онъ, будто Папиніанъ написалъ свое мнѣніе, Dig. 24, 1, 23, ранѣе, чѣмъ вторая *Oratio* была произнесена въ сенатѣ и утверждена сенатусконсультѣ? Извѣстно, что рѣчь Каракаллы была произнесена ранѣе кончины Севера, и вполне достовѣрно, что Папиніанъ пережилъ Севера. Притомъ, какъ быть съ Ульпіаномъ, цитирующимъ и одобряющимъ мнѣніе Папиніана даже послѣ второй, какъ полагалъ Дюаренъ, *Oratio*? (I, 167). 1733

Вторич-
ный упа-
докъ тео-
ріи Дюа-
рена.

Авторитетъ Бейнкерсгука, поддержанный и Отто во 2-мъ изданіи его Папиніана (421), окончательно превозмогъ въ этомъ спорѣ и теорія Дюарена вновь сочтена была сданною въ архивъ. Такъ на нее смотритъ Менкенъ (611), хотя, по 1718 1752

59 г.

всѣмъ примѣтамъ, судить только съ голоса Гейнеке или Отто, но не Бейнкерсгука. За Менкеномъ въ отрицательномъ смыслѣ высказывается и Рихтеръ, который, въ свою очередь, какъ будто не знаетъ ни критики Фавра, ни позднѣйшихъ поборниковъ теоріи двукратнаго преобразованія. Критика эта весьма слаба; но она заслонила въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній предшествующую, неизмѣримо болѣе глубокую и значительную, литературу, такъ что въ настоящее время именно съ ней и приходится считаться.

Х. Рихтеръ.

Первое возраженіе Рихтера (27), — будто Дюаренъ самъ себѣ противорѣчитъ, ибо сперва говоритъ, что *Oratio Севера* была писана не о дареніяхъ между супругами, а лишь о вещахъ, *ихoris causa comparatis*, т. е. просто данныхъ женѣ въ пользованіе, — простое недоразумѣніе. У Дюарена я нигдѣ не нашелъ ничего подобнаго и до сихъ поръ не понимаю, чѣмъ былъ Рихтеръ введенъ въ заблужденіе.

Первое возраженіе Дюарену.

Второе возраженіе состоитъ въ томъ, что мысль Дюарена, будто *Oratio Севера* касалась только вещей, *quæ ichoris causa comparatæ sunt*, ни на чемъ не основана, ибо соотвѣтствующія слова въ *Dig. 24, 1, 32, 1* подразумѣваютъ тѣ даренія, которыя признавались дѣйствительными между супругами еще до *Oratio ex benigna iureconsultorum interpretatione* (27). Очевидная произвольность такого толкованія и несостоятельность возраженія не нуждаются въ доказательствахъ.

Второе возраженіе.

04 г.

Что касается ссылки Джентиле на *Cod. 5, 16, 3*, являвшейся до самаго недавняго времени лучшимъ аргументомъ въ пользу двухъ конституцій (см. ниже, стр. 452 и 459, разборъ теоріи Пухты), то ея Рихтеръ не понималъ, — такъ таки просто взялъ и не понималъ: *argumentum, quo hanc sententiam probaret*, говоритъ онъ, не *ullum quidem reperi* (28). Въ итогъ его главный доводъ, что можно обойтись безъ мысли о двухъ законахъ: но этого то онъ и не доказалъ. Надо впрочемъ замѣтить, что выписка его изъ кодекса невѣрна: вмѣсто *et ex mea et ex divi Severi etc.*, онъ цитируетъ *et ex mea et divi Severi etc.* Недосмотръ этотъ былъ бы неизвинителенъ даже въ томъ случаѣ, если бы Рихтеръ пользовался какимъ нибудь изданіемъ кодекса съ такимъ разночтеніемъ (не

знаю, было ли такое?), — такъ какъ у Джентиля выписка вѣрна, да и самъ Рихтеръ даетъ ее вѣрно нѣсколькими строками ниже.

Два
указа.

Остается только прибавить, что Рихтеръ не считаетъ исполнѣ невѣроятною догадку Джентиля, по аналогіи *lex Julia et Papia*, что *Oratio* Севера вошла въ *Oratio* Антонина, и даже отъ себя допускаетъ другую, совершенно нелѣпую: будто *Oratio* Севера была подтверждена (*renovata*) Антониномъ (на протяженіи не болѣе 13 лѣтъ и при жизни самого Севера!), какъ *senatusconsultum Macedonianum* Веспасіаномъ. Впрочемъ, онъ всетаки подъ конецъ отказывается отъ теоріи Дюарена и настаиваетъ на единствѣ *Oratio*, пользуясь доводами Бейнкерсгука въ изложеніи Отто.

XI. Глюккъ.

Какъ ни слабо, какъ ни поверхностно и мелко все это разсужденіе, за Рихтеромъ осталось послѣднее слово. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Глюккъ до того расхрабился, что провозгласилъ мнѣніе о двухъ законодательныхъ актахъ глупымъ, *thöricht* (26, 97). Съ такимъ эпитетомъ вмѣсто эпитафіи мысль Дюарена заглохла до второй четверти XIX столѣтія, если не считать упомянутой уже перепечатки *Principia iuris* Вестенберга въ 1823 г.

1824

§ 4. Второе возрожденіе теоріи Дюарена.

I. Пухта.

Послѣднее возрожденіе теоріи въ XIX вѣкѣ. Въ эту эпоху ей суждено было дожидаться послѣдняго возрожденія; но оно было недолговременно и нѣсколько капель чернилъ съ пера Пухты не оживили упыря. Можно

даже сказать, что съ такими безнадежными оговорками, какъ у него, эта гипотеза еще ни разу не являлась въ литературѣ. Пересматривая вопросъ о томъ, исцѣляются ли смертью одарившаго супружескія даренія *promittendo* и отвѣчая на него утвердительно, Пухта провѣряетъ всѣ доводы, приводимые въ пользу отрицательнаго отвѣта. Всѣ они, по его мнѣнію, таковы, что никто и не подумалъ бы считать ихъ доказательствами, если бы не было въ дигестахъ 23-го отрывка нашего титула.

Dig. 24, 1, 23.

Ту трудность, что въ немъ Ульпіанъ согласенъ съ Папиніаномъ, Пухта считаетъ не единственною.

Трудности
текста.

1834

Во-первыхъ, онъ находитъ страннымъ, что Ульпіанъ въ царствованіе Каракаллы (онъ названъ царствующимъ Dig. 24, 1, 32 pr.) принадлежащую Каракаллѣ рѣчь приписываетъ Северу: естественнѣе было бы встрѣтиться съ чѣмъ нибудь противоположнымъ, въ смыслѣ комплимента или лести. *Oratio* приписана Северу несомнѣнно Ульпіаномъ, такъ какъ Палиніанъ слишкомъ мало пережилъ Севера, чтобы говорить о немъ, какъ объ умершемъ.

Первая трудность.

Во-вторыхъ, изложеніе отрывка носить явно историческій характеръ. *Putabat — non putabat* — эти выраженія гораздо умѣстнѣе въ отношеніи къ правилу, прежде дѣйствовавшему, а теперь отмѣненному, чѣмъ въ отношеніи къ правилу, нынѣ дѣйствующему.

Вторая трудность.

Въ-третьихъ, если бы мы допустили, что Ульпіанъ здѣсь излагаетъ дѣйствующее право, то его мнѣніе противорѣчило бы не только исцѣленію дареній *obligando*, но и всякихъ дареній, кромѣ только *regum donationes* (343); а развѣ напр. дареніе акцептиляціею, делегаціей, адстипуляціею можно считать за *regum donatio*? *Rei donatio* есть *donatio*, совершаемое дачею *res*, вещи: а при акцептиляціи или делегаціи точно также не дается никакой вещи, какъ и при всякой другой стипуляціи.

Третья трудность.

Такимъ образомъ Dig. 24, 1, 23 противорѣчить не только теоріи, признающей исцѣленіе дареній *obligando*, но и всякой другой теоріи, въ частности подлиннымъ мнѣніямъ самого Ульпіана съ его *obligatio remissa* и *universae donationes*. Спорящія стороны должны видѣть въ этомъ текстѣ общаго врага.

Значеніе Dig. 24, 1, 23.

Я, заканчивая Пухта, не вижу другого средства къ устраненію трудности, кромѣ какъ выяснитъ и доказать историческій смыслъ текста. Рѣшеніе Фавра было слишкомъ произвольно — и вотъ пришли къ мысли, что упомянутая здѣсь *Oratio Severi* совсѣмъ не та *Oratio Antonini*, о которой вообще говоритъ Ульпіанъ¹. Глюккъ называетъ это мнѣніе глупымъ; но эпитета болѣе заслуживаютъ доводы, которыми Глюккъ расчитываетъ опровергнуть его. Согласно жъ этому предположенію, Северъ сначала ввелъ исцѣленіе въ очень

Историческое объясненіе какъ единственный исходъ.

¹ Изъ этой фразы безспорно, что Пухта не справлялся съ подлинными текстами Фавра и Дюарена: въ противномъ случаѣ онъ зналъ

бы, что мнѣніе Дюарена на нѣсколько десятилѣтій старше, чѣмъ мнѣніе Фавра.

ограниченномъ размѣрѣ, а за четыре года до его смерти оно было по новому закону распространено на всѣ даренія (344—345).

Доказатель- Принявъ, такимъ образомъ, мысль о двухъ законахъ, ства Пухты. Пухта подкрѣпляетъ ее двойнымъ рядомъ доказательствъ. Первый рядъ почти весь до мелочей совпадаетъ съ доводами Джентиле, изложенными выше, стр. 440 сл., хотя Пухта, по-видимому, самъ додумался до мыслей, уже высказанныхъ за 200 съ лишкомъ до того лѣтъ: если бѣ онъ зналъ Джентиле, онъ не могъ бы не заимствовать у него нѣсколькихъ удачныхъ доводовъ и соображеній, съ которыми у Пухты мы не встрѣчаемся.

1. Dig. 24, 1, 32, 1 и од- Слова Ульпіана, что *Oratio non solum ad ea pertinet, quæ nomine uxoris a viro comparata sunt, sed ad omnes donationes etc.* (Dig. 24, 1, 32, 1), а также и неоднократныя подтвержденія, что по этой *Oratio* исцѣляются всѣ даренія, получаютъ, говоритъ Пухта, гораздо болѣе опредѣленный смыслъ, если ранѣе былъ законъ, исцѣлявшій только *regum donationes*.

2. Vat. Fr. § 276. Параллельно съ этимъ и рескриптъ Диоклетіана, Vat. Fr. § 276, ссылается на *Oratio Severi* при исцѣленіи даренія передачею недвижимости. И на самомъ дѣлѣ, если законодатель распространилъ исцѣленіе не на всѣ даренія, то ужъ менѣе всего могъ онъ обойти вещи, которыя были нарочно приобрѣтены однимъ супругомъ для другого и которыя въ такихъ случаяхъ вообще принято было отказывать дестина- тару въ завѣщаніи.

3. Стили- Далѣе, съ принятіемъ данной гипотезы устраняются стическія всѣ трудности нашего мѣста. Папиніанъ вѣрно говорилъ, особен- что законъ касается только *regum donationes*, что вещь ности Dig. должна быть приобрѣтена и дѣйствительно передана женѣ. 24, 1, 23.

4. Cod. 5, 16, 3. Есть наконецъ и еще болѣе опредѣленное подтвержде- ніе. О случаѣ даренія рабовъ и другихъ вещей Каракалла говоритъ Cod. 5, 16, 3, что *donatio et ex mea et ex D. Severi patris mei constitutione confirmata est*: оборотъ, всего естественнѣе предполагающій два различныхъ закона (345—346).

Опровер- Противъ этой теоріи возражали, продолжаетъ Пухта, жение воз- что Папиніанъ пережилъ Севера и стало быть зналъ *Oratio* раженій Каракаллы. Въ этомъ возраженіи, правда, нуждался Дюа- противъ

ренъ, который думалъ, будто Папиніанъ умеръ ранѣе Севера¹; но засимъ оно требуетъ, какъ предпосылки, чтобы мы допустили, будто Папиніанъ всѣ свои произведенія написалъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ своей жизни. Весьма вѣроятно, разумѣется, что онъ писалъ и въ эти годы, такъ что въ 12 книгъ своихъ Responsa могъ имѣть въ виду вторую Oratio (Vat. Fr. § 294, 1), но на этомъ основаніи никто не сочтетъ невѣроятнымъ, что наибольшая часть его произведеній появилась до этихъ послѣднихъ пяти лѣтъ. Скорѣе можно было бы сослаться на Dig. 24, 1, 32 пр., какъ на доводъ противъ болѣе ранняго закона; однако и это мѣсто не вовсе исключаетъ возможность его существованія.

историче-
ской гипо-
тезы.

Какъ бы то ни было, заключаетъ Пухта, моею цѣлью было показать, что отношеніе доводовъ за и противъ исцѣленія дареній promittendo совсѣмъ другое, чѣмъ многіе думаютъ. Ясны, опредѣленны, недвусмысленны тѣ мѣста, которыя свидѣлствуютъ за; единственное мѣсто, свидѣтельствующее противъ, неясно и приводитъ, если придать ему рѣшающее значеніе, къ отрицанію исцѣлимости не только дареній promittendo, но и всѣхъ другихъ, кромѣ только *regum donationes*. Итогъ: мы должны держаться смысла этихъ ясныхъ мѣстъ, а на Dig. 24, 1, 23 смотрѣть, какъ на загадку, въ рѣшеніи которой можетъ упражняться тотъ, кого не удовлетворяетъ затронутая выше гипотеза (346).

Оговорки
Пухты.

II. Савиньи.

841 г.

Уже черезъ восемь лѣтъ противъ Пухты выступилъ Савиньи. Правда, его возраженія во многомъ только повторяютъ и развиваютъ Фавра и Шифордеггера, какъ доводы Пухты — Дюарена; но въ нихъ есть и кое что самостоятельное.

Протестъ
Савиньи.

Едва-ли, говорить Савиньи, о такомъ обособленномъ вопросѣ могли состояться два сенатскихъ постановленія въ теченіе немногихъ лѣтъ: Oratio Каракаллы относится къ 206 г., а Oratio Севера, изданная уже во время двоевластія (Vat. Fr. § 294), не можетъ быть старше 198 г.

1. Невѣро-
ятность
двухъ ука-
зовъ.

¹ На самомъ дѣлѣ Дюаренъ вовсе не думалъ такой глупости, о чемъ уже сказано выше, стр. 438 пр., по поводу критики Фавра на его мнѣнія. И это вновь свидѣлствуетъ, что Пухта былъ незнакомъ съ по-

длинными словами Дюарена и только повторилъ — да и то, пожалуй, не изъ первыхъ рукъ — основанное на недоразумѣніи возраженіе противъ нихъ Фавра.

2. Отсут-
ствие слѣ-
довъ въ
источни-
кахъ.

Далѣе, въ тѣхъ немалочисленныхъ мѣстахъ, которыя сюда относятся, долженъ же былъ бы сохраниться хоть какой нибудь слѣдъ того, что было два закона: на самомъ дѣлѣ не только его не встрѣчается, но даже напротивъ, императоры и юристы совершенно произвольно и безъ оговорокъ пользуются самыми различными наименованіями, что можно было дѣлать только при наличности одного лишь соотвѣтствующаго постановленія. Въ особенности же важно вступленіе въ Dig. 24, 1, 32 pr.: здѣсь противопоставляется древній status дареній по ius civile и Oratio — „ut aliquid laxaret ex iuris rigore“. Если же здѣсь разумѣется вторая Oratio, 206 г., какъ думаетъ Пухта, то невозможно было бы считать ея особенностью смягченіе древняго права, разъ это смягченіе, хотя бъ и въ меньшей степени, было уже принято ранѣе (IV, 189—190).

III. Рудорффъ.

Двѣ рѣчи,
одинъ сена-
тускон-
сулътъ.

Единственный защитникъ Пухты противъ Савиньи, котораго мнѣ удалось найти въ литературѣ, это Рудорффъ въ примѣчаніи 5 къ § 425 посмертныхъ Чтеній Пухты. Однако его защита, при всей категоричности тона, такъ неудачна, что вполне понятенъ ея неуспѣхъ. Наличности двухъ Orationes, говоритъ Рудорффъ, нельзя отрицать, и ссылается на Cod. 5, 16, 3, принимая, конечно, чтеніе et ex mea et ex divi Severi etc. Однако изъ этого факта по его мнѣнію не вытекаетъ еще, какъ полагалъ Пухта, историческая преемственность этихъ двухъ актовъ: напротивъ, все приводитъ къ мысли о двухъ Orationes, о которыхъ состоялся одновременно одинъ единственный сенатусконсулътъ. Эта гипотеза, скромно заключаетъ Рудорффъ, разрѣшаетъ затрудненія Савиньи.

Вмѣсто разбора изложенной мысли, достаточно сказать, что она держится только неправильнымъ и нынѣ отвергнутымъ чтеніемъ Cod. 5, 16, 3, — см. ниже, стр. 459.

§ 5. Несостоятельность теоріи Дюарена.

I. Пересмотръ критиковъ Дюарена.

Побѣда
Савиньи.

Послѣднее слово въ разногласіи осталось за Савиньи и это, въ связи съ его авторитетомъ, исчерпало споръ въ глазахъ господствующаго мнѣнія. При томъ вѣдь и самъ

Пухта принялъ гипотезу глоссаторовъ безъ полнаго убѣжденія въ ея правотѣ. Для него самого она была крайностью, на которую онъ рѣшился только за неимѣніемъ другого исхода. Однако монографическій характеръ настоящей работы вынуждаетъ насъ еще разъ пересмотрѣть доводы сторонъ, подвергнуть послѣдней провѣркѣ безпокойную теорію и окончательно признать ее живой или забить ей осиновый колъ.

Разберемъ сначала мнѣніе Пухты. Наиболѣе характерны въ немъ оговорки, равносильныя смертному приговору главной мысли. Онъ самъ даетъ понять, что въ гипотезѣ о двухъ законахъ не было бы надобности, если бы не догматическое разногласіе: не по хорошу, стало быть, милъ, а по милу хорошъ.

Разборъ
мнѣнія
Пухты.

Однако, если гипотеза держится не собственной убѣдительностью, а только тѣмъ, что она нужна, то ея существованіе предрѣшается вопросомъ, нужна ли она, — т. е., точно ли нельзя безъ нея обойтись. Лично я полагаю, что можно и что гипотеза ненужна; однако, ее можно и здѣсь обезсилить критически, даже допустивъ, что она — единственный исходъ изъ затрудненія.

Raison
d'être исторической гипотезы.

II. Затрудненія Пухты.

Сперва рассмотримъ тѣ три новыя трудности, которыя Пухта находитъ въ Dig. 24, 1, 23. Первая трудность вся держится предположеніемъ, что Ульпіанъ въ данномъ мѣстѣ воспроизводитъ письменный отрывокъ Папиніана или, во всякомъ случаѣ, придерживается подлинной формулировки послѣдняго; если бъ это было такъ, то все, чего не могъ сказать Папиніанъ, должно было идти отъ Ульпіана; Папиніанъ едва ли могъ назвать Севера покойнымъ, — стало быть, не могъ приписать *oratio* покойному Северу, — стало быть, это сдѣлано Ульпіаномъ. Спрашивается, однако, гдѣ доказательства? Слово *putabat*, особенно *imperfectum*, указываетъ, по моему, скорѣе на устный отзывъ или отзывы, чѣмъ на письменное изреченіе.

Разборъ
главной
трудности.
Ея предполо-
сылка.

Затѣмъ, почему не могъ Папиніанъ высказать своего мнѣнія послѣ смерти Севера? Послѣ этой смерти Каракалла и Гета царствовали вмѣстѣ, — правда, не болѣе года и нѣсколькихъ дней, но зато и не менѣе 10 мѣсяцевъ 12

Разборъ
первой
трудности.

дней¹: срокъ, во всякомъ случаѣ, вполне достаточный не только для того, чтобы высказать или написать мнѣніе въ нѣсколько строкъ, но и для созданія нѣсколькихъ теорій и сочиненія книги въ значительное число печатныхъ листовъ: достаточно вспомнить, что Савиньи свое изслѣдованіе о владѣніи написалъ въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. И если даже Папиніанъ не былъ, вопреки разсказу Діона, сразу же отставленъ послѣ смерти Севера, т. е. не пользовался полнымъ досугомъ въ послѣдній годъ своей жизни, то все же едва ли принималъ по прежнему особенно дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія. Притомъ, добро бы онъ умеръ отъ старости или продолжительной болѣзни, а то вѣдь онъ былъ убитъ — по инициативѣ ли самого Каракаллы или самихъ преторіанцевъ, въ данномъ случаѣ безразлично² — а слѣдовательно могъ работать до послѣднихъ часовъ своей жизни. Но и это не все: если даже Папиніанъ не могъ сказать *divus Severus*, то почему оба эти слова должны принадлежать Ульпіану? А что, если Папиніанъ сказалъ *Severus*, а Ульпіанъ, передавая его слова, прибавилъ эпитетъ *divus*? Если мы прочтемъ гдѣ нибудь: „Гладстонъ вѣрно толковалъ слова блаженной памяти королевы Викторіи“, то неужели мы поймемъ, будто Гладстонъ говорилъ, какъ объ умершей, о пережившей его королевѣ Викторіи? — Словомъ, какъ ни повернуть, а всетаки первая странность нашего отрывка существуетъ только въ воображеніи Пухты.

Разборъ
второй
трудности.

То же можно сказать и о второй странности. *Putabat* — *non putabat* — имѣютъ историческій характеръ... Это вѣрно, хотя точнѣе было бы сказать „повѣствовательный“ характеръ. Однако, этимъ не предрѣшается вопросъ о томъ, чего касалось это повѣствованіе. Пухта находитъ мысль Папиніана непримѣнимою къ „дѣйствующему“ праву: когда дѣйствующему, — когда Папиніанъ думалъ, или когда Ульпіанъ передавалъ его мнѣніе? Возможно и то, и другое. Однако Пухта имѣлъ въ виду второе. Но онъ и тутъ произволенъ въ своемъ заключеніи. Изложеніе Ульпіана даетъ поводъ

¹ *Prosopographia imperii romani* III, 207—208. Pauly-Wissowa, *Realencyklopädie* II, 2, 2443 слл.

² *Prosopographia imperii romani*

I, 34; Schiller, *Geschichte der römischen Kaiserzeit* I, 2, 7413; Pauly-Wissowa, *Realencyklopädie* II, 2, 2446.

предполагать перемѣну какъ въ законодательствѣ, такъ и во мнѣніяхъ самого Папиніана: онъ могъ позднѣй измѣнить свое мнѣніе, но не встрѣтитъ въ этомъ сочувствія Ульпіана (*recte putabat* вначалѣ, а не потомъ). А могло быть и такъ (ср. объ этомъ нѣсколько далѣе, стр. 464), что Папиніанъ думалъ вѣрно, но съ нимъ спорили; а потомъ какойнибудь императорскій декретъ рѣшилъ дѣло согласно съ его мнѣніемъ. Словомъ, предположеніе Пухты не болѣе правдоподобно, чѣмъ много другихъ возможныхъ предположеній, вовсе съ нимъ не сходныхъ.

Третья и главная странность всего менѣе достовѣрна, хотя въ ней Пухта вполне послѣдователенъ и согласенъ съ общимъ мнѣніемъ. Если понимать Папиніана такъ, какъ все его понимаютъ, то несомнѣнно Dig. 24, 1, 23 не допускаетъ исцѣленія никакихъ дареній, кромѣ *rerum donationes*. Однако дѣло въ томъ, что все его понимаютъ невѣрно, слѣпо придерживаясь буквы текста, а не явнаго его смысла. Вѣдь у Папиніана (или Ульпіана) вовсе не сказано *ad rerum tantum donationem*¹, — сказано *ad rerum donationem*. А при этомъ условіи рѣстриктивному толкованію подлежитъ не первая, но вторая половина текста. Т. е., мы должны сказать, что по мнѣнію Папиніана не одни даренія вещей исцѣляются *ex obligatione divi Severi*, но все, кромѣ только тѣхъ, которыхъ исцѣленіе возможно лишь признаніемъ за одареннымъ иска къ наслѣднику. А вѣдь ни акцептиліція, ни делегація такого иска не требовали: онъ могъ понадобится только при непосредственной стипуляціи между супругами. Съ этой точки зрѣнія мы скорѣе можемъ подвергнуть критикѣ выраженіе *rerum donationes*, какъ не совсѣмъ соответствующее буквою смыслу изреченія. Однако и такая критика была бы слишкомъ поспѣшна. Я готовъ согласиться, что выраженіе здѣсь не безусловно точно; но я, признаюсь, не знаю, какъ можно было бы сказать точнѣе. Критика здѣсь позволительна только тому, кто покажетъ, какъ долженъ былъ выразиться Папиніанъ; пока этого не сдѣлано, нельзя считать доказаннымъ, что онъ не долженъ былъ такъ выразиться, какъ выразился. Вѣдь онъ вѣрно думалъ, что *Obligatio* относится къ вещамъ (замѣтьте, не „только къ вещамъ“, а „къ вещамъ“ просто): развѣ невѣрно, что *Obligatio* къ нимъ относится? Затѣмъ, онъ

Разборъ
третьей
трудности.

¹ Или, какъ сказано у Шифордеггера, *rerum dumtaxat donationem*.

думалъ, что *Oratio* не относится къ тѣмъ случаямъ, гдѣ сти-
пуляція должна быть взыскана пережившимъ супругомъ съ
наслѣдника умершаго супруга: спрашивается, развѣ изъ этого
слѣдуетъ, что Папиніанъ не допускалъ исцѣленія тѣхъ дарен-
ній, которыя должны были быть взысканы помимо наслѣд-
ника? Отнюдь нѣтъ. Предлагаю примѣръ: подаренная вещь
украдена при жизни дарителя; послѣ его смерти найденъ
воръ; кому принадлежит *actio furti* и виндикація, — одарен-
ному супругу или наслѣднику? Я думаю, что по мнѣнію Па-
пиніана — первому. Но то же надо сказать и о взыска-
ніи одареннымъ съ делегированнаго должника (при акцепти-
ляціи одаренному ненужно никакого иска).

Трудность,
неразъяс-
ненная
Пухтою.

Итакъ, тѣ странности, которыя открылъ Пухта въ *Dig.*
24, 1, 23, на самомъ дѣлѣ не существуютъ. Зато незамѣчен-
ной осталась у Пухты главная, дѣйствительная странность
текста, которой ничуть не объясняетъ историческая гипотеза,
— именно, какъ попало въ дигесты такое рѣзкое противорѣчіе.

III. Доводы Пухты.

Разборъ
доказа-
тельствъ
Пухты.

Перейдемте къ соображеніямъ, которыми Пухта подкрѣ-
пляетъ историческую гипотезу. Первый рядъ состоитъ изъ
трехъ доводовъ.

1. *Dig.* 24,
1, 32, 1 и
однород-
ные тек-
сты.

Первый доводъ самъ по себѣ ничего не доказываетъ; онъ
пригоденъ только на случай, что мы примемъ гипотезу о
двухъ законахъ: тогда, дѣйствительно, многія мѣста Уль-
піана приобрѣтаютъ болѣе опредѣленный смыслъ. Однако
эти мѣста и теперь не страдаютъ недостаткомъ опредѣлен-
ности: чтó же мы выигрываемъ? Только то, что при новой
гипотезѣ и старые тексты порою получаютъ новый смыслъ.
Фактъ безспорный, но ничего ровно не доказывающій.

2. *Vat. Fr.*
§ 276.

Чтó же касается рескрипта Діоклетіана въ *Vat. Fr.* § 276,
то Пухта очень неудачно ссылается на него, какъ на дока-
зательство. Вѣдь по его собственной теоріи выходитъ, что
Oratio 206 г. отмѣнила первую *Oratio*; какъ же могъ Діокле-
тіанъ ссылаться на эту послѣднюю? Если же — случай ма-
ловѣроятный самъ по себѣ — *Oratio* 206 г. лишь дополнила,
но не отмѣнила *Oratio Severi*, то какимъ образомъ послѣдняя
не попала въ дигесты?

3. *Dig.* 24,
1, 23.

Второй доводъ никуда не годится потому, что истори-
ческая гипотеза, пожалуй, объясняетъ текстъ Ульпіана, но

вовсе не объясняетъ, какимъ чудомъ этотъ текстъ попалъ въ дигесты.

Всего заманчивѣе на первый взглядъ, но зато и всего слабѣе третій доводъ, — слова Каракаллы *et ex mea et ex divi Severi patris mei constitutione* въ Cod. 5, 16, 3. Дѣйствительно, такъ читался текстъ еще во время Пухты и въ такомъ видѣ онъ весьма благопріятенъ исторической гипотезѣ. Однако мы знаемъ, что это искаженная редакція, основанная на опискѣ, и съ 1877 года Крюгеромъ восстановлено подлинное чтеніе *ex mea et divi Severi patris mei constitutione*. 4. Cod. 5, 16, 3.

Второй рядъ доводовъ Пухты еще менѣе доказываетъ, чѣмъ первый, хотя входящія въ него мысли совершенно вѣрны сами по себѣ. Отмѣтимъ кстати, что послѣдняя мысль выражена слишкомъ лаконично. Несомнѣнно, Пухта признаетъ, что Dig. 24, 1, 32 pr. неблагопріятенъ мысли о двухъ законахъ; но онъ, очевидно, имѣетъ въ виду слова *Cum hic status esset, quem antea rettulimus*: они, дѣйствительно, не исключаютъ возможности предположить, что первая *Oratio* была изложена *antea*, тѣмъ болѣе, что и при ней оставалась надобность *aliquid laxare ex iuris rigore*.

Разборъ
опровер-
женій
Пухты.

IV. Савиньи.

Обращаемся къ возраженіямъ Савиньи. Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы за промежутокъ не болѣе 8 лѣтъ понадобилось два принципиальныхъ постановленія о такомъ обособленномъ предметѣ. Добро бы за это время произошла смѣна правленій, хотя въ данномъ случаѣ и перемѣна не имѣла бы значенія, ибо Каракалла вообще продолжалъ традиціи своего отца и слѣдовалъ его принципамъ¹: однако объ *Orationes* (если допустить, что ихъ было двѣ) были изданы еще при жизни Севера. Но зато съ другой стороны есть всѣ основанія думать, что исцѣленіе супружескихъ дареній отвѣчало дѣйствительной потребности и могло быть встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ; а въ такомъ случаѣ — почему было не продолжить удачнаго начинанія, ради достиженія еще большей популярности?

Невѣ-
роятно ли
изданіе
двухъ ука-
зовъ.

Болѣе стойко второе возраженіе Савиньи: дѣйствительно, пестрота наименованій — вѣскій аргументъ въ пользу

Пестрота
наимено-
ваній.

¹ Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit, I, 2, 742; 740.

того, что мы имѣемъ дѣло съ однимъ закономъ. Однако, оно не рѣшаетъ спора, такъ какъ именно пестроты наименованій можетъ и не оказаться, если принять, что законовъ было два, а не одинъ. Для Пухты этотъ доводъ былъ бы лишь *petitio principii*.

Отсут-
ствие слѣ-
довъ въ ис-
точникахъ.

Съ другой стороны, если Савиньи правъ послѣ Крюгера, то въ 1841 году онъ могъ отрицать „всякіе слѣды“ двойственности конституцій, лишь проглядѣвъ или промолчавъ ссылку на *Cod. 5, 16, 3*: самъ Савиньи читаетъ такъ же, какъ и Пухта, — *IV, 181, прим. с.* Прибавимъ, что и Пухта не исчерпалъ всѣхъ аргументовъ въ этомъ отношеніи въ свою пользу, о чемъ подробнѣе сказано нѣсколькими строками ниже.

Наконецъ, третье возраженіе Савиньи сводится къ недоразумѣнію: онъ просто не вникъ въ истинный смыслъ черезчуръ лаконичнаго положенія Пухты, заключающаго второй рядъ его доводовъ, который мною только что былъ выше, стр. 459, выясненъ.

§ 6. Текстъ источниковъ, однородный съ Dig. 24, 1, 23.

I. *Vat. Fr. § 267.*

Заключение
о спорѣ
Пухты и
Савиньи.

Изложенное, мнѣ кажется, вполне обосновываетъ отрицательное отношеніе къ гипотезѣ о двукратной *Oratio*. Сама по себѣ она не напрашивается, понадобилась же ученымъ только въ виду неумѣнія согласовать *Dig. 24, 1, 23* съ прочими текстами.

„Новый
фактъ“.

Не скрою однакоже, что Пухта не досмотрѣлъ одного текста, который могъ бы съ большимъ внѣшнимъ правдоподобіемъ обратить въ свою пользу. Этотъ никѣмъ до сихъ поръ еще не использованный текстъ — *Vat. Fr. § 267*:

Vat. Fr.
§ 267.

Impp. Severus et Antoninus Augg. Cosoniae Hilarae. Actio nova ex promissione, quæ donationis causa facta sit, dari non solet. Proposita prid. Kal. Jan. Romæ Antonino II cons.

Данный рескриптъ остается до сихъ поръ загадкою. Не будучи въ состояніи растолковать его, ученые пробовали считать текстъ испорченнымъ.

II. Конъектуры Венка, Гассе и Бухгольца.

5 г. Венкъ (стр. LIII) предлагалъ читать *professione* вмѣсто *promissione*, думая, что въ § 267 идетъ рѣчь объ *ad acta publica professio*, но и онъ предлагалъ неувѣренно, болѣе въ надеждѣ, что это поможетъ кому нибудь другому понять трудный текстъ, чѣмъ самъ будучи въ состояніи растолковать его при помощи своей поправки. Разночтеніе Венка

7 г. Гассе, напротивъ, оставлялъ *promissione*, но зато читалъ *actio nuda* вмѣсто *pova*, полагая, что въ § 267 идетъ рѣчь о нарушеніяхъ *l. Cincia*. Поправка совершенно произвольная и насильственная; но она ничто въ сравненіи съ тѣмъ диковиннымъ разсужденіемъ, которое сопровождаетъ. Если *maximum l. Cincia* былъ превышенъ, говорить Гассе (*L. C. 194* и прим. 11), то стипуляція не имѣла силы, такъ какъ противъ нея давалась *exceptio perpetua*. Кажется даже, что, въ виду всеобщности и силы эксепции, вовсе не давалось никакой *actio*, коль скоро отвѣтчикъ дѣлалъ передъ преторомъ соотвѣтствующее возраженіе, и тогда рѣшеніе касалось только суммы даренія: по крайней мѣрѣ этимъ должно было ограничиваться дѣло, если читать *actio nuda* вмѣсто *pova* въ *Vat. Fr. § 267*. Изъ этого еще не слѣдовало бы, что обязательство недѣйствительно *ipso iure*: только въ искѣ отказывалось, такъ какъ напередъ было ясно, что бесполезно его давать въ виду эксепции, т. е. обременять судью тяжбою. Разночтеніе Гассе.

Не думаю, чтобы читатели ждали отъ меня разбора этой чепухи: я привелъ мнѣніе Гассе только для того, чтобы показать, въ какія дебри забирались ученые въ тщетныхъ попыткахъ сладить съ мудренымъ рескриптомъ.

8 г. Бухгольцу принадлежитъ послѣднее толкованіе, но и оно снабжено 1) чтеніемъ *expromissione* вмѣсто *ex promissione* (недопустимымъ грамматически) и 2) оговоркой о его собственной неувѣренности: *argumentum huius rescripti hocce esse videtur*. Все его пониманіе сложилось, повидимому, на выраженіи *actio nova. Mulier donandi animo pro aliquo expromisit seu intercessit*, говоритъ онъ въ своемъ комментаріи къ нашему тексту. *Postea vero, cum creditor eam, ut solveret, interpellasset, ad senatusconsultum Velleianum confugere voluit. Hoc beneficium ei competere rescri-* Разночтеніе и толкованіе Бухгольца.

bunt imperatores nec adversum eam creditori novam actionem dari, sed pristinam actionem in debitorem creditori restitui. Сомнительно, чтобы такое толкование могло „показаться“ вѣрнымъ кому нибудь, кромѣ самого автора. Чтеніе *expromissione* безусловно невозможно, а *causa intercessionis* была совершенно безразлична для *senatusconsultum Velleianum*. Если бы требовалось подчеркнуть именно это послѣднее обстоятельство, то какъ могъ бы рескриптъ умолчать о *senatusconsultum* — наприм. *Actio nova... facta sit, contra senatusconsultum dari non solet?* Въ сущности Бухгольца навело на мысль о *senatusconsultum Velleianum* выраженіе *actio nova* Dig. 16, 1, 13, 1. Но Гай пользуется тамъ этимъ выраженіемъ при совершенно другихъ условіяхъ: онъ говоритъ, что *senatusconsultum* не примѣняется тогда, когда женщина хоть и поручилась по обезпеченному залогомъ обязательству, но въ сущности *rem suam gerens*; однако и въ этомъ случаѣ обязанность поручительницы платить не уничтожаетъ до самой уплаты залогового права кредитора и онъ сохраняетъ *utilem Servianam*, не нуждаясь въ *nova actio*. Скажите на милость, что тутъ общаго съ *actio nova* нашего рескрипта?

III. Защита текста.

Толкованіе
Vat. Fr.
§ 267.

Первое правило толкованія — не пренебрегать ни однимъ словомъ труднаго текста и не дополнять его никакими подразумѣваемыми оговорками или подробностями, поскольку то или другое само не является логически доказанною необходимостью. Слѣдуя этому правилу, мы должны считать, что текстъ § 267-го вполне исчерпываетъ его содержаніе и что всѣ выраженія въ немъ существенно необходимы. При этихъ условіяхъ, о какой же *donatio*, какой *promissio*, какой *actio* здѣсь идетъ рѣчь? Вѣдь очевидно не о томъ, что *nuda promissio actionem non parit*: слово *nova* имѣло бы при этихъ условіяхъ отгѣнокъ игривой насмѣшливости, болѣе чѣмъ неидущей къ *gravitas* императорскихъ постановленій. *Nova actio* здѣсь надо понимать буквально: новый искъ, т. е. основанный на какомъ нибудь новомъ законѣ. Правда, Бухгольцъ ссыался на то, что терминъ *actio nova* встрѣчается въ *дигестахъ* только два

раза и оба раза не имѣть этого смысла. Но я сошлюсь на то, что дигесты знаютъ выраженіе *actio antiqua* для иска, основаннаго на XII таблицахъ (Dig. 6, 1, 23, 3), и *novae hereditates, vel ex lege vel ex senatusconsultis delatae*, которымъ противопоставляется *vetus hereditas, quae lege XII tabularum defertur*, Dig. 38, 17, 1, 8. Такъ точно можно было сказать *actio nova* о такомъ искѣ, котораго *vetus ius* не знало, но который казался (*dari non solet*) вытекающимъ изъ какого нибудь новаго закона. Итакъ, Косонніи казалось, что у ней есть новый искъ для даренія *promittendo*, неизвѣстный прежде; императоры ей отвѣтили, что этотъ искъ *dari non solet*. Можно ли сомнѣваться при этихъ условіяхъ относительно истиннаго значенія рескрипта? Онъ имѣетъ въ виду дареніе *promittendo* между супругами и рѣшаетъ вопросъ о немъ въ полномъ согласіи съ Папиніаномъ въ Dig. 24, 1, 23. Наша Косоннія очевидно вдова, желавшая взыскать съ наслѣдниковъ мужа по дарственной стипуляціи, исцѣленной, по ея мнѣнію, смертью мужа благодаря реформѣ древняго права. *Actio* была бы *nova* потому, что тутъ *veteri iuri non staretur*; эта *actio dari non solet*, — т. е. отказъ былъ уже не первымъ, былъ уже скрѣпленъ предшествующею практикою.

IV. Субскрипція.

Принявъ это толкованіе, — а оно единственное возможное, — взглянемъ на субскрипцію: она гласитъ *Antonino II conss.* Который это годъ? 205-й. Къ какому году относится наша *Oratio*? Къ 206-му. Вопросъ, повидимому, рѣшенъ: *Oratio* 206 г. была не единственной, ибо законъ 206 года нельзя толковать, со ссылкой на прежнюю практику, въ 205 году. Повидимому — да; но эта видимость обманчива.

Дѣло въ томъ, что субскрипція дошла до насъ въ сокращенномъ видѣ: изъ двухъ консуловъ названъ только одинъ. Согласно заголовку, рескриптъ не можетъ быть позже смерти Севера, т. е. 211 года. При жизни отца Каракалла былъ консуломъ 3 раза: въ 202, 205 и 208 году, въ первый разъ съ отцомъ, а во второй и въ третій — съ братомъ, причемъ въ 205 г. Гета былъ консуломъ впервые,

Загадочность субскрипціи.

Пробѣлъ въ субскрипціи.

а въ 208 г. вторично. По совершенно правильной догадкѣ Моммсена, въ субскрипціи вычеркнуто имя Геты оттого, что въ эпоху составленія *Vaticana Fragmenta* была еще въ силѣ *damnatio memorіæ* Геты. Что оно только вычеркнуто, безъ какихъ либо передѣлокъ въ субскрипціи, т. е. довольно небрежно, это ясно изъ уцѣлѣвшаго множественнаго числа *conss.* вмѣсто *cons.* При этихъ условіяхъ намъ и оставалось бы принять рескриптъ, какъ до сихъ поръ всѣми и дѣлалось, относящимся къ 205 г., т. е. ко второму консульству Каракаллы и первому Геты, если бы въ рукописи пробѣлъ не раздѣлялъ имя Антонина и цифру II. На самомъ дѣлѣ наблюдается обратное: имя и цифра раздѣлены пробѣломъ. Единственное заключеніе, на которое мы имѣемъ поэтому право, будетъ то, что цифра II принадлежала не къ имени Каракаллы, но къ вычеркнутому имени Геты, и что, стало быть, рескриптъ относится къ 208 году. Полная субскрипція, слѣдовательно, гласила: *Antonino III Geta II cons.* При этихъ условіяхъ ясно, что *actio nova dari non solebat* на основаніи *Oratio* 206 года и мысль о двухъ законахъ должна быть окончательно сдана въ архивъ. Зато recte въ Dig. 24, 1, 23 получаетъ неопровержимое удостовѣреніе и старая контроверза обостряется съ небывалою силою.

§ 7. Историческое изученіе *Oratio* 206 г. въ литературѣ.

Обзоръ литературы.

Теперь мы расчистили почву для разрѣшенія нашей задачи и можемъ приступить къ историческому изученію *Oratio* 206 года. Какъ и въ предшествующихъ отдѣлахъ, начнемъ съ обзора того, что до сихъ поръ уже сдѣлано въ наукѣ по данному вопросу, тѣмъ болѣе, что нашъ обзоръ окажется непродолжителенъ.

I. Ривайль.

Honoris
causa nomi-
natio.

Honoris causa можно начать его съ указанія на то, что *Oratio* 206 г., вѣрнѣе выписка изъ Ульпіана Dig. 24, 1, 32 пр., приведена ужъ у перваго историка римскаго права, Эмара дю Ривайля (207). Но у него только голая выписка изъ Ульпіана.

В. Ф. Чижъ.

Психологія деревенской частушки.

У насъ не только мало интересуются частушкой, но даже многіе и не знаютъ, что такое собственно частушка. Какъ мало ею интересуются даже въ серьезной литературѣ, и какъ мало о ней знаютъ, можно судить по тому, что въ самомъ обширномъ Энциклопедическомъ словарѣ — Энциклопедическій Словарь; Брокгаузъ, Эфронъ — о ней даже не упоминается, хотя частушкѣ — ставной сѣти — посвящено 13 строкъ. Только въ дополнительномъ томѣ на стр. 865—866 отведено частушкѣ всего 9 строкъ: „Частушка — одинъ изъ новѣйшихъ типовъ народной пѣсни. Ея содержаніе берется изъ современной жизни; она состоитъ изъ короткихъ куплетовъ и короткихъ словъ. См. Д. Зеленинъ, Черты современнаго народнаго творчества по частушкамъ (Русскія Вѣд. 1903, № 8); Е. Линева, Живали народная пѣсня (Русск. Вѣд. 1903, № 35); О. Ч. (Русск. Богатство 1902, № 12). Очевидно, что Редакція этого Энциклопедическаго Словаря такъ мало интересовалась частушкой, придавала ей такое ничтожное значеніе, что ограничилось крайне короткимъ, неполнымъ и даже невѣрнымъ опредѣленіемъ. Можно-лишь удивляться совершенному незнанію частушки автора этой замѣтки, такъ какъ только совершеннымъ незнакомствомъ его съ частушкой можно объяснить его мнѣніе, что частушка состоитъ изъ „короткихъ словъ“. Тѣмъ-же объясняется его утвержденіе что частушка „одинъ изъ новѣйшихъ типовъ народной пѣсни“: Въ Пѣсенникѣ (Часть 3. 1788 г.) имѣется частушка:

Около бабушки хожу
И я рѣдечку прошу
Ахъ, какъ бабушка скупа
Ахъ, какъ рѣдечка горька.

Неполнота замѣтки сказывается и въ томъ, что не указано того извѣстнаго факта, что о частушкѣ писали Костомаровъ, Соболевскій, Успенскій, Баловъ. Также необходимо отмѣтить, что частушку едва-ли правильно считать пѣсней.

Незнакомство съ частушкой и отсутствіе интереса къ ней можно объяснить неимѣніемъ сборниковъ этой формы народнаго творчества. Только въ прошломъ году изданы прекрасные сборники частушекъ: Симаковъ, Сборникъ деревенскихъ частушекъ. 1913 г. (3341 частушки). Князевъ. Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки С.-Петербургской Губерніи 1913. (1621 частушки.) Особенную цѣнность имѣетъ сборникъ Симакова, какъ по большому числу собранныхъ частушекъ, такъ и потому что имъ собраны частушки въ Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской и Петроградской Губерніяхъ.

Къ сожалѣнію мало извѣстенъ сборникъ бѣлорусскихъ частушекъ: Бѣлорусскія пѣсни „частушки“, собранныя Н. Я. Никифоровскимъ. Вильна 1911. Сборникъ этотъ напечатанъ по распоряженію Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, и содержитъ 2356 частушки; я не могъ его купить, и получилъ экземпляръ, благодаря любезности бывшаго Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа А. А. Остроумова.

Частушки заслуживаютъ всесторонняго изученія; филологи, этнографы и психологи должны съ особымъ вниманіемъ отнестись къ этому проявленію духовной жизни нашего народа, тѣмъ болѣе, что изученіе частушекъ уясняетъ намъ наименѣе извѣстное, наименѣе понятное — именно жизнь нашей деревни. Къ сожалѣнію, нѣтъ сборниковъ городской частушки; съ еще большимъ сожалѣніемъ нужно примириться съ тѣмъ, что такихъ сборниковъ, по крайней мѣрѣ, общедоступныхъ и быть не можетъ, такъ какъ между городскими частушками, насколько извѣстно, не мало цензурныхъ.

Не думаю, чтобы по силамъ одному изслѣдователю было изучить, объяснить и характеризовать частушку во всѣхъ отношеніяхъ; я ограничусь лишь посильнымъ психологическимъ анализомъ частушки, чтобы, по имѣющемуся матеріалу, хотя нѣсколько освѣтить душевную жизнь народа, поскольку она проявляется въ частушкахъ. Частушка должна намъ помочь въ пониманіи народной души, потому что, какъ прекрасно сказалъ нашъ великій историкъ-психологъ Костомаровъ „Какимъ становится народъ, такова и его пѣсня; она неизмѣнно вѣрно отражаетъ его душу, и въ этомъ ея высокое достоинство“. Слѣдовательно изученіе частушки въ психологическомъ отношеніи въ высшей степени поучительно: она является отраженіемъ души народа; было бы не-

простительнымъ упущеніемъ не изучить это отраженіе недоступной нашему изслѣдованію, и потому намъ непонятной, души народа.

Чтеніе вышеназванныхъ сборниковъ убѣждаетъ, что всѣ безъ исключенія частушки созданы „молодой деревней“, уже совершенно забывшей о крѣпостномъ правѣ; положительно можно утверждать, что эти частушки созданы дѣтьми тѣхъ, которые уже не знали крѣпостнаго права; ни одного намека, ни одного воспоминанія о крѣпостномъ правѣ въ частушкахъ нѣтъ. Поэтому частушка является матерьяломъ для изученія душевной жизни молодого поколѣнія, а слѣдовательно и для пониманія будущаго нашего народа, а слѣдовательно и будущаго нашего отечества. Частушка — это дѣйствительно форма творчества, полюбившаяся молодому поколѣнію; эта именно та форма, которую онъ нашелъ наиболѣе удобной для высказыванія своихъ мыслей, своихъ переживаній. Конечно намъ извѣстны лишь немногія изъ созданныхъ и создаваемыхъ частушекъ; собирателей частушекъ пока немного, частушками мало интересуются. Мы даже приблизительно не можемъ опредѣлить числа извѣстныхъ въ народѣ частушекъ, и едва ли я очень ошибаюсь, полагая что ихъ не менѣе чѣмъ въ десять разъ больше того матерьяла, который уже напечатанъ. Если мы примемъ во вниманіе, что далеко не всѣ созданныя частушки становятся извѣстными, становятся распространенными, то должны будемъ заключить, что число всѣхъ частушекъ по истинѣ громадно. Во первыхъ нѣкоторыя частушки быстро, такъ сказать, умираютъ, потому что, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не нравятся, не находятъ отклика, очень субъективны, на много выше общаго пониманія и вкуса, или-же ниже ихъ. Во вторыхъ нѣкоторыя частушки скоро умираютъ, потому что созданы въ маленькихъ, отдаленныхъ деревняхъ, и потому не могли завоевать себѣ извѣстности и распространенія. Такимъ образомъ извѣстныя намъ частушки суть тѣ частушки, которыя наиболѣе понравились большинству, лучше другихъ выражаютъ и мысли и настроенія народа. Понятно поэтому какую громадную цѣнность для психологіи народа имѣютъ частушки: это именно произведенія коллективнаго творчества, созданія молодой деревни, нашедшія одобреніе большинства, и нашедшія распространеніе, какъ самое вѣрное отраженіе народной души. Громадную цѣнность для уразумѣнія души народа, и притомъ его громаднаго большинства, имѣетъ частушка и потому, что эту форму творчества избралъ и разработалъ самъ народъ, совершенно самостоятельно, независимо отъ

какихъ либо вліяній, какихъ либо данныхъ ему образцовъ. Именно въ частушкѣ нѣтъ подражанія, нѣтъ заимствованія ни въ формѣ, ни въ содержаніи; никто не навязывалъ народу этой формы творчества; народъ самъ, намъ неизвѣстно почему, избралъ частушку для выраженія своихъ мыслей и настроеній, и почему то не воспользовался другими извѣстными ему формами. Мы даже не знаемъ исторіи распространенія частушки, не знаемъ исторіи ея развитія и разцвѣта; поэтому даже приблизительно не можемъ предвидѣть ея дальнѣйшей судьбы.

До сихъ поръ мы не знаемъ — почему частушка такъ полюбилась народу, почему онъ отдаетъ теперь предпочтеніе этой формѣ творчества¹⁾; это современное намъ явленіе въ жизни народа намъ совершенно непонятно. Конечно и самъ народъ не можетъ объяснить почему онъ выражаетъ свои мысли и переживанія именно въ частушкѣ, которая прежде была мало использованной формой народнаго творчества.

Конечно можно разсматривать разцвѣтъ частушки, какъ проявленіе упадка народнаго творчества, какъ явленіе отрицательное въ духовной жизни нашего народа. Дѣйствительно частушка, и по формѣ и по содержанію, уступаетъ и былинѣ, и пѣснѣ, и сказкѣ. Но такой взглядъ, мнѣ кажется, несовсѣмъ правильнымъ, и современную деревенскую частушку не слѣдуетъ сопоставлять съ лучшими произведеніями народнаго творчества. Во первыхъ, долго жили, сохранились и намъ извѣстны лучшія произведенія, т. е. созданныя гениальными творцами; конечно гениальныхъ творцовъ мало, и за нѣсколько вѣковъ во всей Россіи создано, поэтому нѣсколько дѣйствительно чудныхъ произведеній народнаго творчества; слабыя, не нашедшія отклика въ народной душѣ былины и пѣсни извѣстны лишь немногимъ любителямъ и знатокамъ народной поэзіи. Во вторыхъ, и на это необходимо обратить вниманіе, частушка создается молодежью, даже незрѣлой молодежью, а былины и пѣсни создавались и могутъ создаваться только людьми много пережившими, много передумавшими, много перечувствовавшими.

1) Статья эта была уже написана, когда я имѣлъ возможность убѣдиться, насколько частушка нравится нашему народу: въ одномъ изъ лазаретовъ я давалъ раненымъ солдатамъ книги для чтенія, выбирая такія, чтеніе которыхъ, по моему мнѣнію, могли быть имъ интересно и полезно; только сборники Симакова и Князева имъ доставили большое удовольствіе; солдаты зачитывались частушками и очень благодарили за эти двѣ книги.

Народные поэты, также какъ и Гомеръ, старцы, и потому умудрены жизнію; частушку также нельзя сопоставлять и сравнивать съ чудными произведеніями народнаго творчества, какъ юношескія произведенія Пушкина съ его безсмертною драмой — Борисъ Годуновъ или поэмой — Евгеній Онѣгинъ. Мы должны всегда имѣть въ виду, что частушки — это созданіе деревенской зеленой молодежи, имѣющія достоинства и недостатки юношескаго творчества. При такомъ пониманіи частушки можно отнести къ ней съ должной справедливостью. Можно лишь радоваться, что именно въ послѣднія десятилѣтія деревенская молодежь приняла большее участіе въ народномъ творествѣ. Понятно, что зеленая деревенская молодежь полюбила частушку, нашла въ ней наиболѣе подходящую форму для выраженія того, что ей хочется высказать; ее безпорно, соблазняетъ легкость формы, въ которой она можетъ высказывать и свои короткія мысли, и свои неразвитыя жизненнымъ опытомъ и, увы, высшей культурой, переживанія. Частушку можетъ создать далеко не гениальный парень или дѣвушка, частушка можетъ понравиться и воплотить любую мысль, любое настроеніе. Естественно, что многимъ желательно дать въ принятой и легкой формѣ воплощеніе своимъ мыслямъ, многимъ хочется творить; эти созданія заурядныхъ авторовъ нравятся людямъ одинаковаго съ ними развитія, живущихъ въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ. Также вполнѣ естественно, что народныя пѣсни, созданныя при другихъ условіяхъ, выражающія переживанія, недоступны зеленой молодежи, ей не интересны; она поэтому объ нихъ забываетъ, и можетъ быть, лишь немногія деревенскія дѣвушки, надѣленные поэтическй душой, цѣнятъ наши чудныя народныя пѣсни. Условія жизни за послѣднія десятилѣтія рѣзко измѣнились, и среди народа вѣроятно, не больше, чѣмъ среди интеллигенціи, лицъ, способныхъ восхищаться истинно поэтическими произведеніями. Я зналъ почтенныхъ людей, съ университетскимъ образованіемъ, не читавшихъ Фауста и Гамлета, имѣвшихъ лишь смутныхъ воспоминанія объ Иліадѣ, какъ о чемъ-то очень скучномъ. Было-бы странно, если-бы наша деревенская молодежь обладала-бы большей любовью къ высокому искусству чѣмъ интеллигенція, которую и дома и въ школѣ учатъ понимать лучшія произведенія поэтовъ.

Частушка уже потому должна вызывать симпатію, что ея широкое распространеніе указываетъ на напряженную духовную жизнь нашей деревенской молодежи: она самостоятельно, безъ

чьей-либо помощи, сумѣла найти наиболѣе подходящую форму своего творчества, создала множество частушекъ, въ которыхъ, какъ умѣла, высказала свои мысли и переживанія. Деревенская молодежь внесла свою долю въ общую сокровищницу народнаго творчества, и было-бы крайне несправедливо, принимая во вниманіе возрастъ творцовъ, степень ихъ развитія, требовать отъ нея больше, чѣмъ она дала. Конечно, можно сожалѣть, что школа и книги не привили въ нашей деревенской молодежи любви къ великимъ образцамъ нашей поэзіи. Полное безсиліе школы по отношенію къ нашей деревенской молодежи доказывается и языкомъ деревенской частушки; очевидно, что школа даже не пріучила нашу деревенскую молодежь къ литературному языку, почему даже лингвинистически деревенская частушка вполне самобытное созданіе народа. Частушка подчеркиваетъ полную отчужденность интеллигенціи и школы отъ народа, и конечно не русскій народъ виноватъ въ томъ, что какъ въ Россіи, такъ и въ Австріи меньше всего грамотныхъ между русскими¹⁾. Частушка доказываетъ, что наша деревенская молодежь стремится найти выходъ своей потребности въ духовной жизни, и вина въ отчужденности народа отъ интеллигенціи лежитъ всецѣло на послѣдней. Вполне понятно, что наша интеллигенція не можетъ вліять на народъ, потому что она даже не знаетъ его духовной жизни, какъ-то доказываетъ замѣтка Энциклопедическаго Словаря Брокгаузъ-Эфрона о частушкѣ.

Изученіе деревенской частушки особенно важно, потому что она хотя нѣсколько уясняетъ намъ самое сокровенное, наименѣе изученное и понятное — душу русской крестьянской дѣвушки. Несомнѣнно, что ни народная поэзія, ни вообще памятники искусства, ни обычаи, ни юридическія воззрѣнія народа не могутъ намъ уяснить душу крестьянской дѣвушки, потому что въ созданіи ихъ она совершенно не участвовала, или почти не участвовала. Намъ ничего не извѣстно и томъ — какъ мыслить, какъ чувствуетъ, чего желаетъ и какъ осуществляетъ свои желанія въ наше время крестьянская дѣвушка. Понятно поэтому, какую громадную цѣнность имѣетъ деревенская частушка, какъ „человѣческій документъ“, объясняющій намъ психологію современной деревенской дѣвушки. Чтеніе частушекъ съ очевидностью убѣждаетъ, что большинство ихъ создано дѣвушкой; въ этомъ не можетъ сомнѣваться тотъ, кто прочелъ по крайней мѣрѣ 1000 ча-

1) Niederle, La Race Slave (traduit du Tcheque par Leger) p. 38.

штушекъ. Я не берусь опредѣлить съ точностью сколько именно частушекъ создано дѣвушкой, но полагаю, что около двухъ-третей напечатанныхъ деревенскихъ частушекъ создано или, по крайней мѣрѣ, передѣлано дѣвушкой. Собиратель и знатокъ частушекъ Князевъ даетъ слѣдующія цифры объ авторствѣ обоихъ половъ въ созданіи частушекъ; изъ 1621 изданныхъ имъ частушекъ создано дѣвушками 1205 частушки; создано парнями 354 частушки; „темныхъ“ частушекъ 62. „Темными“ частушками Князевъ называетъ тѣ, относительно которыхъ нельзя сказать окончательно — дѣвушкой онѣ созданы или парнемъ, въ виду отсутствія вариантовъ, или специальныхъ указаній на то даннаго варианта. Князевъ утверждаетъ, что главная роль въ творчествѣ молодой современной деревни принадлежитъ дѣвушкѣ. Вполнѣ понятно, что громадное большинство частушекъ, посвященныхъ любви, создано дѣвушкой; необходимо отмѣтить, что изъ 278 частушекъ, посвященныхъ радостямъ любви, создано дѣвушкой 210; создано парнемъ 60; „темныхъ“ 8; частушекъ, посвященныхъ любовнымъ мукамъ 84; изъ нихъ создано дѣвушкой 76; создано парнемъ 8, слѣдовательно менѣе 10%; нужно думать, что переживать любовныя муки парнямъ приходится относительно рѣже, чѣмъ радости любви; дѣвушки, наоборотъ, любовныя муки переживаютъ относительно чаще, чѣмъ радости любви. Не смотря на то, что солдатчина поражаетъ главнымъ образомъ парня, дѣвушку же ранить лишь рикошетомъ, наиболѣе заинтересована въ солдатчинѣ дѣвушка, что видно изъ того, что изъ 208 частушекъ посвященныхъ солдатской жизни создано парнемъ 102 частушки, и дѣвушкой 106. Князевъ утверждаетъ, что изъ 354 частушекъ, созданныхъ парнемъ и собранныхъ въ его книгѣ, дѣйствительно имъ создано 236 частушекъ, а 118 заимствовано имъ отъ дѣвушки. Такимъ образомъ изъ 1621 частушекъ создано дѣвушкой въ сущности 1385 частушекъ.

Слѣдовательно, если мы даже признаемъ вѣрными цифры, данныя Князевымъ, лишь по отношенію частушекъ Петроградской Губерніи, то все-же приблизительно тѣ-же отношенія необходимо допустить по отношенію къ деревенскимъ частушкамъ вообще; во всякомъ случаѣ, едва-ли изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ деревенскихъ частушекъ не менѣе двухъ третей ихъ создано дѣвушкой. Слѣдовательно деревенская частушка, пока единственный памятникъ творчества деревенской дѣвушки, единственный имѣющійся у насъ ключъ къ проникновенію въ совершенно неизслѣ-

дованную, въ совершенно намъ непонятную, психологію деревенской дѣвушки. Это обстоятельство обуславливаетъ высокую цѣнность для психолога, деревенской частушки, обязываетъ его изслѣдовать деревенскую частушку для уясненія душевной жизни современной деревенской дѣвушки. Само собою разумѣется, что психологическій анализъ деревенской частушки не можетъ уяснить намъ всей душевной жизни крестьянской дѣвушки, но мы должны, воспользоваться деревенской частушкой для уразумѣнія, по крайней мѣрѣ, того, что она можетъ намъ объяснить. Конечно не нужно говорить какъ важно понять, хотя отчасти, психологію деревенской дѣвушки для пониманія психологіи русскаго народа вообще. Какъ извѣстно до сихъ поръ не было даже попытокъ въ этомъ направленіи.

I.

Съ особымъ вниманіемъ слѣдуетъ отнести къ частушкамъ, посвященнымъ любви, во первыхъ потому, что въ творествѣ молодыхъ людей эти частушки имѣютъ большое значеніе, и во вторыхъ потому, что душа, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего народа, яснѣе и полнѣе всего проявляется именно въ любви. Вполнѣ понятно громадное значеніе частушекъ, посвященныхъ любви, вполнѣ понятно, что именно этѣ частушки выливаются непосредственно изъ народной души, или говоря иначе, народъ въ этѣ частушки вкладываетъ всю свою душу. Во всей міровой поэзіи, какъ извѣстно, любви отведено самое большое, самое почетное мѣсто; изъ вѣхъ безсмертныхъ большихъ поэтическихъ произведеній только въ одномъ не говорится о любви — это Мертвыя Души. Такъ какъ частушки создаются молодежью, то изображенія любви въ ея безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ являются самымъ цѣннымъ матерьяломъ для изученія души народа. Изучая изображенія любви въ частушкахъ, мы проникаемъ въ сокровенные тайники народной души, постигаемъ самыя тонкія, наинѣе уловимыя оттѣнки духовной жизни народа. Fouilleé прекрасно формулировалъ эту общеизвѣстную истину: *Le vrai fond du caractère, pourrait on dire, s'est surtout notre manière d'aimer*¹⁾. Чтобы уразумѣть вполнѣ душу народа, а тѣмъ болѣе молодежи, необходимо знать какъ онъ любитъ, а на этотъ вопросъ могутъ намъ отвѣтить только частушки, посвященные любви.

1) *Temperament et Caractère.* p. 104.

Эти частушки заслуживают преимущественнаго изученія и потому, что какъ удивительно вѣрно говорить Stendhal¹⁾ — авторъ лучшей, и даже единственной дѣнной книги о любви — „L'amour est le miracle de la civilisation“. Это чудо цивилизаціи, конечно, создавалось, развивалось, усложнялось и одухотворялось медленно, росло параллельно съ ростомъ цивилизаціи, и слѣдовательно степень совершенства цивилизаціи народа мы можемъ опредѣлить по тому, какъ, онъ любить, какое значеніе въ его жизни имѣетъ любовь, насколько духовна его любовь, или говоря иначе, насколько психологическій элементъ преобладаетъ въ его любви надъ фізіологическимъ. Eine Natur, unfähig der Begeisterung, ist auch unfähig der Liebe²⁾ — это конечно вѣрно не только относительно индивидуума, но и цѣлаго народа. Понятно какъ важно, по возможности, разъяснить — насколько цивилизована наша деревенская молодежь, въ какомъ развитіи ея цивилизація, насколько эта цивилизація совершенна и симпатична. Какъ извѣстно этотъ столь важный вопросъ пока остается безъ отвѣта, по крайней мѣрѣ, хотя сколько нибудь доказательнаго. Это вполне понятно, такъ какъ наблюдатели молодой деревни не могли проникнуть въ сокровенное народной души, ограничивались хотя и добросовѣстными, но отрывочными наблюденіями. Частушки даютъ намъ объясненіе, почему именно интеллигенція не можетъ понимать народа, почему интеллигенція какъ бы не существуетъ для народа. —

Наконецъ изученіе частушекъ посвященныхъ любви, заслуживаетъ вниманія и потому, что уясняютъ намъ насколько нашъ народъ проникнуть христіанствомъ, насколько христіанство проникло въ плоть и кровь нашего народа. Еще Лессингъ ясно указалъ, что любовь, въ современномъ ея пониманіи, возможна только у христіанъ, такъ какъ (онъ говоритъ о Вертерѣ): Solche klein-grosse, verächtlich-schätzbare Originale hervorzubringen war nur der christlichen Erziehung vorbehalten, die ein körperliches Bedürfniss so schön in eine geistige Vollkommenheit zu verwandeln weiss³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, насколько „христіанское воспитаніе“ переродило нашъ народъ, насколько правъ Достоевскій, учившій насъ, что нашъ народъ „богоносецъ“, что нашъ народъ самый христіанскій изъ всѣхъ народовъ; подтвердить еще разъ эту ис-

1) De l'amour p. 56.

2) Duboc. Psychologie der Liebe. s. 76.

3) Brief an Eschenburg. Octob. 1774.

тину — а для меня это непреложная истина — по меньшей мѣрѣ, интересно.

Вотъ основанія, почему частушки, посвященныя любви, наиболѣе интересны и заслуживаютъ тщательнаго изученія и болѣе подробнаго психологическаго анализа.

По этимъ частушкамъ мы можемъ прослѣдить начало, развитіе и исходъ любви въ нашей деревенской молодежи, можемъ понять насколько глубоко захватываетъ всю душу это душевное состояніе, насколько любовь скрашиваетъ тяжкую жизнь нашего народа. Такъ какъ частушка намъ объясняетъ любовь многихъ миллионовъ, то очевидно громадное значеніе частушки, очевидно насколько частушка важнѣе и цѣннѣе современныхъ повѣстей и романовъ, рисующихъ намъ любовь нѣкоторыхъ, немногочисленныхъ группъ общества.

Народъ оцѣнилъ великое значеніе любви въ его жизни, выразилъ какую огромную цѣну имѣть это переживаніе:

Деньги дѣло наживное
По имъ нечего тужить
А любовь дѣло иное
Ею надо дорожить.

Такъ категорически опредѣливъ высокую цѣнность любви, частушка еще болѣе категорически, формулируетъ необходимость любви, высказываетъ призывъ къ людямъ неспособнымъ любить:

Кто любви не имѣетъ
Тотъ проклятый человѣкъ.

Въ этомъ афоризмѣ высказана глубокая истина; дѣйствительно — неспособность любить доказываетъ или несовершенство душевной организаціи, недоразвитіе психическихъ силъ, или крайнее озвѣреніе, притупленіе психическихъ силъ, ослабленіе душевныхъ способностей.

Въ жизни деревенской молодежи лучшимъ періодомъ считается молодость, когда дружба и любовь скрашиваютъ жизнь; деревенская дѣвушка понимаетъ, что съ выходомъ замужъ приходится навсегда позабыть и о подругахъ и о поклонникахъ:

Прощай подружка моя мила
Прощай жизнь моя весела
Прощай родная сторона
Прощай веселая гульба!

Частушка разъясняетъ намъ какъ скромны запросы деревен-

ской дѣвушки, какъ она понимаетъ „веселую гульбу“. Очень мило дѣвушка описываетъ впечатлѣнїе, которое на нее производитъ избранникъ ея чистаго сердца, ея переживанїя при его посѣщенїи:

Онъ пришелъ да поздоровался
Я руку подала
Сама дѣвчека пристыдилась
На него глазъ не повела.

Любовь овладѣваетъ дѣвушкой; ей прїятно общество милаго:

Половица лавки ниже
Подвигайся милый ближе
По тесовой лавочкѣ
Ко моей ко прялочкѣ.

Деревенская дѣвушка стыдлива, она уже оцѣниваетъ какое глубокое, сокровенное чувство она переживаетъ, она хранитъ эту святыню отъ постороннихъ глазъ, а потому, хотя ей уже доставляетъ наслажденїе рѣчи милаго, она избѣгаетъ говорить съ нимъ при всѣхъ:

Не ходи миленокъ, садомъ
Не садись при мамѣ рядомъ
Сядь къ подружкѣ, не ко мнѣ
Подружка перескажетъ мнѣ.

Чтобы скрывать возникающую любовь, чтобы оградить отъ чужого любопытства сокровенныя, мало понятныя молодому сердцу, переживанїя, влюбленныя наивно и мило хитрятъ:

Мы съ подружкой хитрыя
Хитры милые у насъ
Бывало сиживали четверо
Никто не видѣлъ насъ.

Едва-ли нужно прибавлять, что тѣ, кто довѣряетъ свои тайны такимъ-же влюбленнымъ, ясно сознаютъ, что ничего дурнаго онѣ не дѣлаютъ, онѣ только не хотятъ профанировать то, что для нихъ свято. Взаимная симпатїя развивается, и потому высшимъ наслажденїемъ является бесѣда, духовное общенїе; было-бы ошибкой думать, что у людей мало образованныхъ нѣтъ большаго запаса мыслей, и потому они не могутъ подолгу бесѣдовать между собою. Частушка намъ свидѣтельствуетъ, что влюбленные цѣлые ночи проводятъ въ бесѣдѣ, находятъ въ такомъ времяпровожденїи высшее наслажденїе:

Не смотрѣли мы съ забавой
 Что ненастная пора
 Точно голубки у дома
 Ворковали до утра.

Внѣшнія препятствія, запрещенія со стороны родителей уже безцѣльны; общество милаго доставляетъ величайшее наслажденіе, которое и управляетъ волею; влюбленные не могутъ устоять противъ желанія быть вмѣстѣ:

Пусть что будетъ, то и будетъ
 А миленка не забудемъ
 Кажду ночь напролетъ
 Сидимъ съ милымъ у воротъ.

Дѣвушка все болѣе и болѣе увлекается молодымъ человѣкомъ, сама боится своего увлеченія, боится той власти, противъ которой ей уже трудно бороться. Конечно, какъ и всегда и всюду, въ развитіи любви, въ началѣ ея, большое значеніе имѣетъ наружность

Говорила сколько разъ
 Не садись напротивъ насъ
 Твои сѣренькіе глазки
 Завлекательны гораздъ.

Красота усиливаетъ любовь, но не она опредѣляетъ выборъ; дѣвушка сознаетъ, что она уже любитъ, но красивая наружность ея милаго усиливаетъ очарованіе, дѣлаетъ его еще привлекательнѣе:

Ваши черненькіе глазки
 Завлекательны гораздъ
 Вы зачѣмъ приворожили
 Я и такъ любила васъ.

Естественно, что дѣвушка хочетъ быть привлекательнѣе, желаетъ намекнуть милому, что она хочетъ ему нравиться.

Купика-ка батюшка на платьѣ
 Голубова кумачу
 У цвѣтка така рубашка
 Подъ одиизъ манеръ хочу.

Дѣвушка радуется, когда она нравится, когда она производитъ впечатлѣніе; она начинаетъ сознавать свою силу, и ей доставляетъ удовольствіе сознаніе своего превосходства:

Мои глазки какъ алмазки
 Брови очень хороши

Кто ни взглянетъ — сердце свянетъ
Останется безъ души.

Естественно, что дѣвушка желаетъ убѣдиться въ любви своего поклонника, хочетъ испытать его любовь и проявить свою власть, силу своего обаянія. Частушки хорошо изображаютъ этотъ неизбѣжный фазисъ любви:

Ко мнѣ миленькій нейдетъ
Отъ меня приказу ждетъ
Я приказику не дамъ
Если любишь — приди самъ.

Тоже самое отношеніе, но въ болѣе грубой, хотя и наивной формѣ, выражено:

Ко мнѣ милый пробирается
Возлѣ стѣнъ обтирается
Будь доволенъ, милый тѣмъ
Что потеря возлѣ стѣнъ.

Еще въ кодексѣ любви двѣнадцатаго вѣка, XX-ый тезисъ гласилъ: *Amorossus semper est timorossus*, а потому и деревенская дѣвушка боится признаться въ любви, не убѣдившись, что она уже любима:

Кабы знала совершенно
Что вы любите меня
Я бъ сказала откровенно
Дорогой люблю тебя.

Stendhal¹⁾ вторымъ моментомъ въ развитіи любви считаетъ: *On se dit: „quel plaisir de lui donner des baisers, d'en recevoir“*. Частушки подтверждаютъ справедливость этого наблюденія; много частушекъ посвящены поцѣлуямъ; въ нихъ выраженъ задоръ молодой любви; трудно рѣшиться на первый поцѣлуй, затѣмъ уже появляется желаніе поцѣлуевъ:

1) *Op. cit* p. 4. Вообще о всѣхъ сочиненіяхъ о любви, кромѣ книги Stendhal можно повторить сказанное Schopenhauer'омъ о его предшественникахъ, писавшихъ о любви (*Metaphysik der Liebe*). „weder zu benutzen noch zu widerlegen“. Какъ образчикъ того, какой вздоръ подъ видомъ философіи писалось о любви, слѣдуетъ упомянуть о книгѣ Teichmüller'a. *Über das Wesen der Liebe*, 1879. Нужно согласиться съ Rosenthal'емъ въ его сужденіи (*Die Liebe*. s. 155) о книгѣ Teichmüllera; онъ называетъ эту книгу „Muster des blöden Dunkels“. Психологія любви совершенно не разработана, чѣмъ и объясняется успѣхъ „Muster des blöden Dunkels“.

Проводилъ милый до дому
Сказалъ — позволь поцѣловать
Разъ пятнадцать побожился
Что никто не будетъ знать.

Цѣловаться не любила
Когда маленька была
Какъ побольше подросла
Въ цѣлованьи страсть нашла

Это откровенное признаніе дѣвушки подтверждается частушкой, сочиненной парнемъ:

У моей у Любушки
Призасохли губушки
Призасохли изъ за того
Что не цѣлованы давно

Неудовлетвореніе этой потребности вызываетъ неудовольствіе и даже насмѣшку надъ неловкимъ поклонникомъ:

Ахъ, какой большой, высокій
Только вѣники ломать
А молоденьку дѣвченку
Не сѹмѣлъ поцѣловать.

Нѣсколько груба, хотя и не лишена благодушенія, частушка:

Только стоило-бы милому
По харѣ надавать
Проводилъ меня до дому
Не сѹмѣлъ поцѣловать.

L'amour est le desir d'embrassements говорить Montegazza¹⁾, а потому и въ частушкахъ говорится объ объятіяхъ, высказывается желаніе быть обнятой.

Мой-то милый дуралей
Провожаетъ до сѣней
Праву ручку крѣпко жметъ
Никогда не обойметъ.

Очень скромно и мило выражено тоже желаніе:

Сегодня ночка холодна
Надѣвать нужно сочекъ

1) Physiologie de l'amour.

Навѣрно нечего надѣтца
На дролинъ пиджачекъ.

Однако нравы въ деревнѣ такъ строги, что возвращеніе домой обнявшись, находить правда не строгое, но все-же, порицаніе.

Это дѣвушки не мода
Подъ полой ходить домой
Настоящая-то мода
Съ вечериночки — одной.

Частушка, конечно, не можетъ дать абсолютно точныхъ свѣдѣній о строгости нравовъ современной деревни, но она сообщаетъ намъ какъ смотреть современная деревня на чистоту нравовъ, сообщаетъ намъ, что думаетъ о чистотѣ нравовъ современная деревня, что она считаетъ дозволеннымъ и что нежелательнымъ:

Подговаривалъ милой
Молоденькую дѣвушку
Я опустила ясны очи
Во сыру земелюшку.

Деревенская дѣвушка стыдлива, но не наивна; она знаетъ, что дозволено, и что запрещено, и потому ведетъ себя съ достоинствомъ:

Дроличка не проводи
Про любовь не говори
Знаю, што ты добиваешься
Но этова не жди.

Паденія бываютъ въ современной деревнѣ, какъ всюду и всегда; дѣвушка сожалѣетъ о своемъ паденіи, парни смѣются надъ такой дѣвушкой:

Что родители глядѣли
Какъ загуливала я
Теперь видно погибаетъ
Буйна голова моя

Какъ во нынѣшнемъ году
Милашка сдѣлала бѣду
Двадцать пятого числа
Милашка сына принесла.

Частушка хорошо объясняетъ намъ воззрѣнія деревенской молодежи на любовь; влюбленные считаютъ себя счастливыми,

когда видятъ другъ друга, вмѣстѣ работаютъ; они счастливы и тѣмъ, что думаютъ о предметѣ своей любви:

Не любите дальнихъ милыхъ
Дальній милый сухота
Во своей деревнѣ миленькій
Поглядочка своя.

Едва-ли нужно говорить, что въ этой хорошей частушкѣ проявлена трезвость и ясность русскаго ума. Очень хороша частушка нашей земледѣльческой деревни:

Люблю я въ томъ полѣ работать
Гдѣ мой миленькій ореть
Мимо ходить, глазъ не сводить
Божью помощь подаетъ.

Любовь наполняетъ душу, даетъ содержаніе душевной жизни, поднимаетъ настроеніе, создаетъ частушки, не лишенныя прелести, и даже поэтическія:

Есть отъ милаго колечко
Поношу и положу
Растоскуется сердечко
На колечко погляжу.

Я тебя моя хороша
Вспоминаю каждый часъ
На часу двѣнадцать разъ.

Любовь создаетъ поэтическое настроеніе, какъ о томъ свидѣтельствуютъ частушки влюбленныхъ:

Хоть не вмѣстѣ мы съ тобой
Часть души во мнѣ твоей

Милый мой, милый мой
Милый нарѣченный
Приходи меня жалѣть на зарѣ вечерней.

Это частушка весьма характерна для чисто русскаго пониманія любви (жалѣть), въ ней много теплоты и сердечности. Вообще частушки влюбленныхъ самыя лучшія; онѣ содержательны, каждая передаетъ опредѣленное душевное настроеніе: —

Чернобровая бѣляночка
Съ ума меня свела

Спать ложился, не молился

Все я думалъ про тебя.

Тоже настроеніе, но другими образами, передаетъ частушка:

Знаю сорокъ пѣсень я

Въ каждой пѣснѣ, въ каждомъ словѣ

Васъ цвѣтокъ упомяну.

Радость при свиданіи влюбленныхъ составляетъ сюжетъ многихъ частушекъ.

Лучше нѣту тово цвѣту

Когда яблонька цвѣтетъ

Лучше нѣту того времени

Когда миленькій придетъ

Полно бѣляночка хороша

Меня глазками ласкать

Твои очи въ темны ночи

Не даютъ покойно спать.

Также трогательно и образно въ частушкѣ выражена грусть, и даже скорбь при разлукѣ:

Много звѣздочекъ не небѣ

Полуночной звѣзды нѣтъ

Всѣ ребята на бесѣдѣ

Моего милаго нѣтъ.

Меня росой не нарумянить

И зарей не набѣлить

Красно солнышко не грѣетъ

Свѣтлый день не веселить.

Въ частушкахъ видно стремленіе образно выразить свое душевное настроеніе; правда не всегда имѣется гармонія:

Рано солнушко восходить

По небесной красотѣ

Я по ягодкѣ страдаю

По его по красотѣ

Милый въ новомъ пиджакѣ

Самъ какъ ягодиночка

Зазнобилъ мое сердечко

Какъ на рѣчкѣ льдиночка.

Насколько хорошо начало первой частушки, настолько-же прекрасенъ конецъ второй; начало второй частушки по крайней мѣрѣ для нашего вкуса, дурно, но есть частушки несомнѣнно прекрасныя; на примѣръ частушка, описывающая горе дѣвушки при разлукѣ съ милымъ:

Проводила я пріятку
За чугунный литый мостъ
Отъ росы-ли тропка смокла
Отъ моихъ горячихъ слезъ.

Также прекрасна частушка влюбленного парня, счастливаго любовью къ нему его милой:

Одна звѣздочка сіяетъ
Въ небосклонѣ, въ высотѣ
Одна дѣвушка мечтаетъ
Обо мнѣ, объ сиротѣ.

Богатство образовъ частушки влюбленныхъ безспорно свѣдѣтельствуемъ о поэтическомъ дарованіи нѣкоторыхъ творцовъ частушекъ:

Шура, аленькій цвѣтокъ
Шура, ягодка моя
Не съ росой-ли ты спустилась
Не во снѣ-ли вижу я?

Вмѣстѣ съ поэтическимъ подъемомъ, влюбленный остается прирожденнымъ земледѣльцемъ, даже въ любовныхъ порывахъ помнящемъ о главномъ содержаніи своей жизни:

Эта чья полоска съ краю
Низенькая жнивущка?
Эту кто полосу жалъ?
Не моя-ли милущка?

Чтобы закончить поэтическія частушки влюбленныхъ, приведу еще одну частушку, полную нѣжности и героизма:

Не ходи милашка, тутъ
Ты утонешь: берегъ крутъ;
Ягодиночка, ты мой
Рада я тонуть съ тобой.

Деревенская дѣвушка ясно сознаетъ обязанности, возлагаемыя любовью, очень чутко понимаетъ, что она не должна дѣлать

того, что можетъ быть непріятно ея милому, хотя бы сами по себѣ эти поступки были и безразличны :

Поплясала-бы еще
Но болѣе не умѣю
Строго милый посмотриль
Я его не смѣю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвушка сознаетъ, что она лишь, по собственному желанію, не должна дѣлать то, что непріятно ея милому, что она свободна, что надъ ней милый не имѣетъ власти, а она сама добровольно подчиняется своему возлюбленному, противъ произвола котораго она должна бороться :

Что ты милый учиtaешь
Что за дѣло до меня
Я съ тобой не повѣнчалась
Я живу не у тебя.

Трезвый, ясный умъ русскаго народа проявляется, какъ то свидѣтельствуютъ частушки, въ его пониманіи смысла любви ; любовь должна вести къ браку, слѣдовательно умножать счастье жизни ; поэтому свободу своему сердцу можно давать лишь тогда, когда любовь можетъ закончиться бракомъ, слѣдовательно необходимо согласіе родителей на сближеніе :

Я сегодня у родителя
Стояла у колѣнъ
Чтобъ гулять позволилъ дѣвчкѣ
Съ которымъ не велить.

Однако не всегда побѣждаетъ голосъ благоразумія, не всѣ дѣлаютъ то, что слѣдуетъ ; одна изъ самыхъ скверныхъ частушекъ говорить о побѣдѣ чувства надъ разумомъ :

На родимую на мать
Все равно, что наплевать
Неужели изъ-за матери
Да дролю забывать.

Дѣвушка считаетъ, что любить можно лишь того, за кого можно выйти замужъ, считаетъ неразумнымъ увлеченіе парнемъ, выйти замужъ за котораго невозможно, упрекаетъ себѣ за такое увлеченіе и борется съ нимъ :

Я любила тебя дроля
Не для дружбы для одной

За тебя собиралась замужъ
Вѣрной быть тебѣ женой.

Сама знаю — не женихъ
Зачѣмъ и занимаюсь
Посижу, поговорю
Послѣ сдуру каюся.

Также на любовь смотреть и парень; цѣль сближенія —
это бракъ:

Хорошо траву косить
Котора сама косится
Хорошо милку любить
Котора замужъ просится.

Трезвый умъ нашего народа хорошо отражается въ частушкѣ:

Не люби, парень, мѣщанку
Люби дѣвушку-крестьянку,
Вѣдь крестьянка жнетъ и косить
А мѣщанка чаю просить.

Мнѣ особенно нравится въ этой частушкѣ — сознаніе своего
достоинства, пониманіе достоинства крестьянскаго труда.

Трезвый умъ нашего народа проявляется въ пониманіи не-
обходимости разочарованій въ любви, разумномъ къ нимъ отношеніи:

Мало-ли случается
Любятъ, отступаются.

Не смотря на молодость создателей частушекъ, въ нихъ
высказывается убѣжденіе въ непрочности любви; нашему народ-
ному духу чужды сентиментальность и романтизмъ; онъ вполне
трезво смотритъ на любовь, мирится съ ея непрочностью, пони-
маетъ, что вѣчной любви быть не можетъ. Наша молодежь не
обманываетъ себя даже въ чаду любви, и не прибѣгаетъ къ кра-
сивымъ фразамъ о вѣчности любви, о трагизмѣ разбитой любви
и т. п. вздоръ:

Не найти такой березки
Чтобы дождикъ не полилъ
Не найти такого дружка
Чтобы во вѣки не забылъ.

Раньше рѣченька бѣжала
Нынче высохла она

Раньше милочка любила
Теперь бросила меня.

Конечно покинутая своимъ возлюбленнымъ тоскуеть и не стыдится въ этомъ признаться, но она находитъ въ сознаніи своего достоинства поддержку для перенесенія постигшаго ея удара:

Ты женись, найди другую
Меня онымъ не проймешь
Я одиново поплачу
Ты навѣки пропадешь.

Вотъ частушка наивно и образно описывающая горе дѣвушки, разставшейся съ милымъ:

Какъ съ миленкомъ разставалась
Два дня кубышкомъ каталась
Три дня шарикомъ вилась
Недѣлю хлѣба лишилась.

Горе покинутой дѣвушки можетъ быть такъ сильно, что она подумываетъ и о самоубійствѣ, но въ концѣ концовъ она овладѣваетъ собою, и даже упрекаетъ себя за такое „глупое“ желаніе.

Спасибо милая подружка
Уняла меня тужить;
Я хотѣла глупо сдѣлать
На грудь ручки положить.

Думаю, что эта частушка свидѣтельствуетъ о глубокомъ умѣ нашей деревенской молодежи; эту частушку полезно было-бы заучить и интеллигентной молодежи.

Подойти-то къ рѣчкѣ можно
Утонуть-то каково
Ты подумай, сѣроглазенькій
Тону изъ за кого.

Деревенская дѣвушка настолько умна, что съ насмѣшкой относится къ угрозамъ покончить самоубійствомъ ея неудачнаго поклонника; она убѣждена, что это только пустые застрасчиванія:

Побѣжишь, милый, топигца
Ты зайди ко мнѣ проститца
Я до рѣчки провожу
Глубже мѣсто укажу.

Частушки еще разъ доказываютъ удивительное богатство нашего языка, въ чемъ конечно проявляется богатство душевной

жизни. Естественно, что любовь наиболѣе способствуетъ творчеству, и потому всегда и всюду языкъ любви относительно очень богатъ. Я насчиталъ 57 названій предмета любви; къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить сколько этихъ словъ создано дѣвушкой и сколько парнемъ; многія изъ нихъ созданы молодежью. Вотъ эти слова

Миленькій	Родненькій
Миленочекъ	Желаненькій
Милашка	Ненаглядный
Миленокъ	Душечка
Милушка	Завѣтная
Милая	Пріятка
Милка	Пріяточка
Перемилка	Дружечекъ
Милашечка	Отрада
Хорошій	Забава
Хорошенькій	Забавочка
Расхорошенькій	Забавушка
Дорогой	Игровой
Любой	Игровенькій
Любушка	Сударушка
Сударка	Кровиночка
Краля	Статейка
Золотце	Сухотиночка
Золотинушка	Жадоба
Цвѣтокъ	Жадобиночка
Ягодка	Лебединочка
Ягодиночка	Пай
Земляничка	Паичка
Травиночка	Шарочка
Виноградинка	Шурочка
Картиночка	Фартовая
Карамеличка	Дроля
Дорожиночка	Дролечка
Кривочка.	

Нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ синонимовъ хорошо извѣстны и вполне понятны; нѣкоторые синонимы непонятны въ томъ смыслѣ, что намъ непонятно, почему, какъ, данное слово напримѣръ „кровоночка“ употребляется для обозначенія предмета любви. Я не могъ узнать отъ компетентныхъ лицъ происхожде-

нія и объясненія словъ „дроля“, „дролечка“; думаю, что для большинства образованныхъ людей онѣ совершенно неизвѣстны. Перечитывая вышеприведенныя слова, мы убѣждаемся, что влюбленные называютъ предметъ своей любви самыми разнообразными названіями, приравнивая ихъ къ тому, что, по ихъ мнѣнію, имѣетъ наибольшую цѣнность, наибольшее значеніе. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ не могутъ пріобрѣсти всеобщаго распространенія, напр. „виноградинка“, потому что для насъ, конечно, виноградинка не имѣетъ той цѣнности, какъ для деревенской молодежи. Несомнѣнно, что когда виноградъ будетъ болѣе извѣстенъ въ деревняхъ сѣверной Россіи, никто не будетъ называть „виноградинкой“ предмета своей любви; будутъ найдены другія названія въ соотвѣтствіи съ новыми условіями жизни.

Я уже указалъ, что частушки, посвященныя любви, создаются только молодежью; необходимо добавить, что онѣ созданы такъ называемой зеленой молодежью. Деревенская молодежь переживаетъ періодъ любви — эту лучшую эпоху въ своей жизни, очепь рано; какъ извѣстно, въ деревнѣ въ бракъ вступаютъ рано, и потому ухаживать, сближаться, влюбляться можно только въ первой молодости. Если дѣвушка выходитъ замужъ восемнадцати лѣтъ и даже ранѣе, то ей нужно воспользоваться своей первой молодостью, чтобы скрасить всю свою жизнь любовью. Если вѣрить частушкамъ, то дѣвушки влюбляются уже съ пятнадцати лѣтъ, чѣмъ, конечно, и объясняется весь характеръ любви:

Со пятнадцати годовъ
Мучить проклятая любовь

У меня у дѣвушки
Серце не нывало
Со пятнадцати годовъ
Покоя не бывало

Сокрушилась я, дѣвченка
Съ пятнадцати годовъ

Лѣтъ съ пятнадцати слюбилась
И попалася въ обманъ

Обмануль меня забавочка
Въ семнадцати лѣтахъ

Едва-ли можно согласиться съ объясненіемъ ранней зрѣлости нашей молодежи, даваемомъ Марро¹⁾. Этотъ извѣстный ученый думаетъ, что это явленіе зависитъ оттого, что нашъ народъ живетъ въ теплыхъ жилищахъ. Болѣе правдоподобно, что это явленіе зависитъ отъ степени цивилизаціи вообще, отъ всей суммы условій жизни. Какъ нейропатологъ, могу отмѣтить, что нейрастеническія явленія, на половой почвѣ, неизмѣримо чаще наблюдаются у ничемъ не занятыхъ барышень, чѣмъ у курсистокъ; на это явленіе слѣдуетъ обратить вниманіе для правильнаго объясненія вліянія умственнаго труда на половую жизнь.

Деревенская дѣвушка любить въ ранней молодости; она искренно убѣждена, что въ этомъ возрастѣ она имѣетъ право увлекаться любовью, такъ какъ скоро выйдетъ замужъ и уже потеряетъ это право; она потомъ будетъ вспоминать объ этой лучшей порѣ въ ея жизни:

Неужели родима матушка
Молода не была?
На гулянья не ходила
И — любви не знала?

Безтолковые родители
За ягодку бранять
Будто — сами таки не были
Молоденьки, какъ я.

Эта молодая любовь чиста, и грубый, половой элементъ въ ней не играетъ роли; объ этомъ элементѣ великорусская частушка не упоминаетъ; среди бѣлорусскихъ частушекъ встрѣчаются нецензурныя, но великорусскія деревенскія частушки можетъ читать самая наивная барышня. Едва-ли это можно объяснить тѣмъ, что собиратели частушекъ не записали нецензурныхъ или скабрезныхъ частушекъ. Конечно я знаю, что и въ деревняхъ создаются много крайне нецензурныхъ частушекъ, но онѣ, во первыхъ создаются парнями, во вторыхъ онѣ трактуютъ данную тему совершенно въ другой плоскости. Кто знаетъ нецензурныя частушки, тотъ согласится съ моимъ мнѣніемъ, что нашъ народъ проводить рѣзкую грань между любовью и нарушеніемъ седьмой заповѣди, и совершенно различно относится къ обоимъ этимъ явленіямъ. Я не знаю ни одной деревенской частушки, въ

1) Marro. La Puberté. p. 24.

которой нарушение седьмой заповѣди было-бы окружено поэтическим ореоломъ, воспѣвалось-бы какъ нѣчто прекрасное и интересное.

Это соображеніе подтверждается и тѣмъ фактомъ, что деревенская частушка не упоминаетъ объ адультерѣ; едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что и въ деревняхъ женщины, вѣроятно очень немногія, нарушаютъ седьмую заповѣдь; также нельзя сомнѣваться въ томъ, что деревенская молодежь знаетъ о такихъ случаяхъ. Но нашъ народъ такъ деликатенъ, такъ чутокъ къ добру и злу, что даже не говоритъ о томъ, о чемъ по его понятіямъ, не слѣдуетъ говорить. Также не говоритъ частушка объ ухаживаніи за дѣвушкой или женщиной женатаго мушны; объ этомъ нашъ народъ не считаетъ приличнымъ говорить; ухаживаніе женатаго деревенской дѣвушкѣ представляется настолько зазорнымъ, что не можетъ быть темой даже для частушки. Несомнѣнно, что ухаживаніе за дѣвушкой женатаго такъ противно дѣвушкѣ, такъ противорѣчитъ глубоко вкоренившимся въ народѣ понятіямъ о любви, ея значеніи и цѣли, что о такомъ явленіи не говорятъ. Всѣмъ извѣстно, что нашъ народъ не выноситъ лицемерія, трезво смотритъ на вещи и не закрываетъ глаза на отрицательныя явленія жизни, и потому умолчаніе деревенской частушки объ адультерѣ вовсе не доказываетъ что онъ умышленно, подъ влияніемъ ложной стыдливости, не говоритъ въ частушкѣ объ адультерѣ. Народъ не хочетъ говорить объ этомъ отрицательномъ явленіи, потому что о томъ, что скрываютъ, о томъ, что дѣлается втихомолку, дѣйствительно ничего интереснаго или поучительнаго сказать нельзя. Въ этомъ отношеніи нашей беллетристикѣ, особенно современной, нужно поучиться у народа; къ сожалѣнію образованные классы далеко отстали отъ народа въ пониманіи добра и зла, и опоэтизировали то, о чемъ слѣдуетъ просто молчать.

Объ ухаживаніи женатаго за замужней говорится въ бѣлорусской частушкѣ:

А кумъ кумѣ радъ
 Повеу куму у садъ
 Посадіу куму
 У зяленомъ саду
 Щипи кума ягодки
 Которы солодки
 А которы горки
 Для моея женки.

Даже такое невинное ухаживаніе вызываетъ насмѣшливое отношеніе у бѣлорусса; великоруссъ даже не удостоиваетъ своимъ вниманіемъ ухаживаніе кума за кумой, и въ этомъ нужно видѣть нравственную чуткость нашего народа. Адультеръ можетъ, по понятіямъ нашего народа, быть темой для нецензурныхъ частушекъ, потому что о немъ ничего другого сказать нельзя. Деревенская женщина знаетъ, что пора любви для нея прошла, знаетъ, что бѣсъ силенъ, и что, поддавшись искушенію, она вызываетъ или молчаливое порицаніе, или насмѣшку въ формѣ нецензурной частушки. Поэтому она снисходительно относится къ любовнымъ увлеченіямъ своихъ дочерей, зная, что только дѣвушка можетъ имѣть милаго: ея сердце свободно. Какъ извѣстно, Татьяна останется навсегда вѣрнѣйшимъ типомъ истинно русской дѣвушки и женщины, еще не испорченной ложной цивилизаціей.

II.

Частушку мы можемъ опредѣлить словами Пушкина:

На всякій звукъ, свой откликъ въ воздухъ пустомъ, родишь ты другъ.

Дѣйствительно деревенская молодежь въ частушкахъ высказываетъ свои воззрѣнія на весь окружающій міръ, по поводу всѣхъ ея интересующихъ вопросовъ. По частушкамъ мы можемъ узнать, о чемъ думаетъ деревенская молодежь, и какъ думаетъ, зная, что ее волнуетъ, зная различныя ея отношенія къ интересующимъ ея вопросамъ.

Если-бы этнографъ, не имѣя другихъ источниковъ, пожелалъ бы охарактеризовать нашу деревенскую молодежь, онъ нашелъ бы въ частушкахъ достаточно данныхъ не только для пониманія ея духовной жизни, но даже и бытовыхъ условій, въ которыхъ она живетъ, уровня ея цивилизаціи, и даже степени ея матеріальнаго благосостоянія. По частушкамъ мы можемъ даже сравнивать бытовые условія великоруссовъ и бѣлоруссовъ. Напримѣръ о тяжелой жизни бѣлоруссовъ хорошо свидѣтельствуетъ частушка:

А тамъ, на горѣ
Мужикъ жонкой оре;
А другая подбигая
Запражи-жь ты мѣне.

Среди великорусскихъ частушекъ мы не находимъ ни одной, свидѣтельствующей о такомъ тяжеломъ положеніи народа; оче-

видно тяжкое положеніе, крайняя бѣдность среди бѣлоруссовъ столь обычны, что никого не удивляютъ, никого не возмущаютъ и не огорчаютъ. Частушки свидѣтельствуютъ намъ и о различіи душевнаго склада великоруссовъ и бѣлоруссовъ.

Великоруссъ не находитъ нужнымъ въ частушкахъ описывать явленія внѣшняго міра, если онѣ не имѣютъ отношенія къ міру внутреннему; онъ пользуется описаніями явленій природы лишь для уясненія своихъ переживаній, пользуется ими, какъ образами для сравненія. Бѣлоруссъ въ частушкѣ описываетъ внѣшній міръ безъ всякой посторонней цѣли. Напримѣръ въ великорусскихъ частушкахъ мы не находимъ сходной со слѣдующей бѣлорусской частушкой, а такихъ можно отмѣтить не мало:

А у поли кусть калины
 Ли калины — кусть малины
 На калины соловейка пяецъ
 Горку ягодку — калинку клюецъ
 Клюецъ, клюецъ, да поклевываецъ
 А малинкой закусывайцъ.

Также характерно для бѣлорусской частушки упоминаніе о томъ, что совершенно неизвѣстно народу; въ великорусскихъ частушкахъ, въ отличіе отъ бѣлорусской, мы находимъ послѣдовательный реализмъ; напр. въ Дриссенскомъ уѣздѣ записана частушка, начало которой вызываетъ лишь удивленіе:

Я на мори родзилася
 На Дунаи росла

То-же самое находимъ въ частушкѣ, записанной въ Вилейскомъ уѣздѣ:

Я бо на мори родзилась
 На Дунаи росла.

Еще болѣе дана воля фантазіи въ частушкѣ, записанной въ томъ-же уѣздѣ:

Я и у мори купалася
 У криницу попалася
 Хуць по шію ў воду ўлѣзу
 Охвицеру у морду зѣ́жжу
 Хуць по вуши у воду
 За хвицера ни пойду.

Великорусская частушка поражаетъ не только своимъ яркимъ реализмомъ, но и трезвостью мысли, практичностью воз-

зрѣній, въ ней изложенныхъ. Можно лишь удивляться, съ какой послѣдовательностью деревенская дѣвушка, не смотря на свою крайнюю молодость, и малое знаніе жизни, цѣнить въ своемъ поклонникѣ, возлюбленномъ и женихѣ, умъ; именно умъ составляетъ *conditio sine qua non* успѣха парня; конечно красивая наружность плѣняетъ дѣвушку; богатство способствуетъ успѣху, но красивый и богатый дуракъ просто невозможенъ ни въ качествѣ поклонника, ни въ качествѣ жениха. Это поклоненіе уму и пониманіе всего ужаса глупости высказывается во многихъ частушкахъ:

Думала : съ умненькимъ гуляю

Разглядѣла . . . съ дуракомъ.

Деревенская дѣвушка умѣетъ оцѣнить глупаго парня, хотя бы и съ лоскомъ столичнаго франта; она быстро опредѣляетъ глупость за внѣшнимъ покровомъ столичнаго просвѣщенія;

Пусть хоть ты и питерякъ

Но скажу, что ты дуракъ.

Ухаживаніе дурака просто непріятно деревенской дѣвушкѣ:

Расхорошая дѣвица

Позвольте проводить.

Я съ такими дураками

Не желаетъ говорить.

Для дѣвушки вполне понятно, что выходить замужъ за дурака не слѣдуетъ, что прожить жизнь съ дуракомъ очень тяжело:

Не пойду за Ваньку замужъ

За такого дурака.

Не ходи за дурака

Съ нимъ одна забавушка.

Тятенька, жени меня

Пока не знаютъ дурака

Какъ разузнаютъ дурака

Не пойдетъ замужъ никака.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта злая частушка создана дѣвушкой, а не парнемъ. Насколько презирается глупость, настолько цѣнятся умъ:

Не бойтесь хитрыхъ

Бойтесь дураковъ.

Деревенская дѣвушка понимаетъ высшую цѣнность душевныхъ качествъ, признаетъ за ними право на поклоненіе; она и

въ себѣ цѣнить умъ и хорошій характеръ выше богатства и красоты:

Ничего, что бѣдная
Изъ бесѣды первая.

Погуляй, милый, въ разлукѣ
Поищи лучше меня
Красотой лучше найдешь
Характеромъ не подберешь.

Трезвый умъ деревенской дѣвушки проявляется въ ея практической смѣткѣ, въ ясномъ пониманіи жизни, своей судьбы:

Не о всякомъ горѣ плакать
Не о всякомъ и тужить
Хотя замужемъ и худо
Да и въ дѣвкахъ худо жить.

Эта трезвость ума, правильное пониманіе жизни даетъ силу русской крестьянкѣ мужественно переносить ея тяжелую жизнь, мириться, какъ съ необходимыми, съ жизненными невзгодами. Деревенская дѣвушка уже въ ранней молодости внимательно присматривается къ жизни, трезво смотритъ на свою судьбу, и потому вѣрно и мѣтко формулируетъ въ частушкахъ свою житейскую мудрость; едва-ли можно лучше опредѣлить жизнь деревенской женщины:

По охотѣ выйдешь замужъ
По неволѣ будешь жить.

Какъ ни тяжела жизнь деревенской дѣвушки въ родительскомъ домѣ, а потомъ въ домѣ мужа, все-же эта жизнь неизмѣримо лучше жизни дѣвушки, принужденной искать хлѣба въ чужомъ домѣ:

Та не знала горя дѣвушка
Коя въ людяхъ не жила.

Понятно, что при такомъ трезвомъ взглядѣ на жизнь, деревенская дѣвушка, даже увлеченная любовью, не забываетъ о разумномъ устройствѣ своей жизни, понимаетъ, что въ предстоящей ей семейной жизни, даже съ избранникомъ ея сердца, необходимы ея работоспособность, подготовленность къ трудовой жизни, и хотя небольшой достатокъ, что нельзя вступать въ бракъ, не умѣя работать, ничего не имѣя:

Ты бери, забава, замужъ
Я умѣю работать

Жать, косить, коровъ доить
На обѣ руки молотить.

Погоди милый жениться
У тебя изба валится
Сперва избу станови
Потомъ и дѣвку приводи.

Едва-ли можно сомнѣваться въ великомъ будущемъ народа, который смолоду такъ уважаетъ трудъ, который такъ отчетливо понимаетъ, что міръ не храмъ, а мастерская.

Серьезное, трезвое отношеніе даетъ деревенской дѣвушкѣ нравственную самостоятельность; она довѣряетъ собственному сужденію, стремится быть независимой въ своей интимной жизни, не боится общественнаго мнѣнія, ясно понимая его неустойчивость:

Вѣтерочки на кусточки
Всѣ листочки разнесли
На меня худая слава
Точно вѣтромъ разнесла.

Понимая неизбежность пересудовъ, уподобляя ихъ стоящимъ внѣ нашей власти явленіямъ природы, деревенская дѣвушка гордится своею добродѣтелью, вѣрить въ ея силу:

Пускай говорятъ
Славушку проносятъ
Знаю, что неправда
Поговорять, да бросать.

Пропускай подружка, славу
Этой славы не боюсь
Этой славы не боюсь
Когда сама не промахнусь.

Сатирическіе и юмористическіе частушки свидѣтельствуютъ, что народъ отрицательно относится, смѣется надъ претензіей казаться богатымъ, смѣется не надъ бѣдностью — нашъ народъ такъ деликатенъ, что не можетъ смѣяться надъ бѣдностью, а надъ показнымъ богатствомъ, отвѣчаетъ насмѣшкой на хвастовство богатствомъ:

Ты, миленокъ не форси
У тя фальшивые часы
Какъ не гляжъ, не погляжъ
Завсегда девятый часъ

Не форси цвѣточекъ алый
 Не богатѣ ты насъ
 Я ишла мимо окошка
 Вы хлѣбали съ лукомъ квасъ.

Съ злой насмѣшкой деревенская молодежь относится къ лѣ-
 ности и кокетству :

Какъ семеновски дѣвченки
 Не умѣютъ работать
 Только знаютъ одно дѣло
 Свои рожь намывать.

Юмористическія частушки не лишены остроумія :

Какъ чалагинскихъ ребятъ
 На портретахъ срисовать
 Ни черниломъ, ни перомъ
 Изъ лоханки помеломъ

Нюра, Нюра, Нюрочка
 Ты, что сдобна булочка
 Поцѣлуйчикъ твой отвѣдать
 Такъ недѣлю не обѣдать.

Едва-ли не лучшей юмористической частушкой слѣдуетъ счи-
 тать слѣдующую :

Я стояла у омета
 А сложили — про Федота
 Я стояла — горевала
 А сказали — цѣловала
 Я стояла опершись
 А сказала — обнявшись.

Ту-же тему излагаетъ бѣлорусская частушка такъ :

Я стояла — распоцѣла
 Спoлюбить яго хоцѣла
 Я стояла рядомъ зъ братомъ
 А сказали што зъ солдатомъ
 Я стояла руки узняуши
 А сказали, што обняуши.

Какъ примѣръ весьма старой частушки, сохранившейся и те-
 перь, слѣдуетъ, считать слѣдующую :

Кумъ-то шелъ стороной
 Кума улицей
 Кумъ пѣлъ пѣтухомъ
 Кума курицей

О пьянствѣ сложено много частушекъ, въ которыхъ ясно формулировано рѣзко отрицательное къ нему отношеніе; частушка ярко изображаетъ безобразіе пьянства, его вліяніе на всю судьбу человѣка, его значеніе въ жизни семьи:

Ужъ какъ наши то ребята
 Любятъ водку выпивать
 Попадетъ бутылка съ водкой
 Рады съ горломъ оторвать

Стаканчики да рюмочки
 Доведутъ до сумочки

Кабы былъ хорошій (шенькій)
 Казался-бы вѣкъ коротенькій
 Пьяница наваяжетца
 Дологъ вѣкъ покажетца.

Служба въ арміи, горе разлуки съ милой и близкими, составляетъ тему многихъ частушекъ; не мало частушекъ на эту тему созданы дѣвушкой, расстающейся съ своимъ милымъ. Но среди частушекъ, излагающихъ горе, причиняемое наборомъ, встрѣчаются частушки, свидѣтельствующіе о томъ, что народъ примиряется съ воинской повинностью, понимаетъ, что служба въ арміи почетна и не тяжела, понимаетъ, что къ отбыванію воинской повинности привлекается лучшая часть населенія:

Какъ во людяхъ-то ребята
 Остаются на всегда
 На одинъ я годъ остался
 Закорили всѣ меня
 Будто царска негодъ я.

Туже мысль высказываетъ и бѣлорусская дѣвушка:

Уси молодцы красивы
 Да и пошли Царю служить
 Уси обориши паршивы
 Остались насъ смѣшить.

Частушка свидѣтельствуеѣ, что деревенскій паренѣ уже знаетѣ насколько не тяжела теперь солдатская служба, и потому не боится воинской повинности:

Хорошо въ солдатахъ жить
Хорошо Царю служить
Кабы любушку съ собой
Такъ не подумаль-бы домой.

Также деревенскій паренѣ знаетѣ, что военная служба открываеѣ дорогу для человѣка учившагося, что на военной службѣ можно сдѣлать блестящую карьеру, такъ какъ именно въ арміи очень цѣнятся образованіе:

Ты не плачь моя милая
Я циперь не припаду
Много грамоци научіуся
У охвицеры пыпаду.

Деревенская дѣвушка примиряется съ воинской повинностью въ виду ея непродолжительности, и обнаруживаетѣ большую гражданскую зрѣлость: она не только понимаетѣ необходимость службы въ арміи, но и знаетѣ, въ чемъ состоитѣ главная обязанность солдата; она даже проситѣ своего милаго не забывать долга службы настолько-же, какъ и ее самую:

Иди забавочка въ солдаты
Я объ этомъ не тужу
Ты служи четыре года
Хоть и восемь — подожду

Служи забавочка въ солдатахъ
Служи не унывай
Служи начальникамъ вѣрнѣ
И меня не забывай.

Вообще солдатская служба не пугаетѣ народъ, такъ какъ народъ убѣдился, что казарма не прерываетѣ связи солдата съ деревней, что солдаты за время отбыванія воинской повинности содержатѣ хорошо, и потому развиваются какъ духовно, такъ и физически:

Забава снялся, срисовался
Портретъ дѣвочки прислалъ
Посмотри моя бѣляночка
Какимъ въ солдатахъ сталъ.

Изъ солдатъ милый пришелъ
 Такой бравый, бѣленькій
 Здравствуй, бѣляночка моя
 Теперь узнала-ли меня.

Частушка крайне отзывчива на всѣ явленія жизни, и даже разныя теченія политической мысли нашли себѣ выраженіе въ этой излюбленной, въ наше время, формѣ народнаго творчества. Извѣстно, какъ трудно, или лучше сказать невозможно, знать политическія воззрѣнія деревни; всѣ политическія партіи увѣряютъ, что именно ихъ воззрѣнія исповѣдуются народомъ; событія рѣдко подтверждаютъ увѣренія даже опытныхъ государственныхъ людей, и оказывается, что народъ мыслить иначе, чѣмъ въ томъ были увѣрены лица, считающіе себя знатоками народа. Насколько можно судить по частушкамъ, народъ мало интересуется политической и относится скептически къ лѣвымъ:

Напишу Царю прошеніе
 Я на гербовомъ листу
 Чтобы вышло разрѣшеніе
 Сватать дѣвокъ во посту

Пьемъ мы водку, пьемъ мы ромъ
 Идѣмъ мы дзенюшки бяремъ
 Наши дзенъги бѣлыя
 Государь намъ дзѣлая.

Въ Петроградской Губерніи записана частушка, свидѣтельствующая объ успѣхѣ антиправительственной пропаганды; вліяніе большаго города объясняетъ это явленіе:

По дорожкѣ шла
 Прокламацію нашла
 Не пилося, не ѣлося
 Прочитать хотѣлося.

Увлеченіе политикой, однако, не пользуется всеобщимъ одобреніемъ, и даже вызываетъ порицаніе:

Какъ тверскія модницы
 Сидятъ съ газетамъ въ горнищѣ
 По дню хлѣба не ѣдятъ
 За политикой слѣдятъ.

Частушка даетъ намъ свѣденія, конечно, неполныя, какъ народъ смотритъ на Государственную Думу, и на главные поли-

тическія партіи. Собираніе частушекъ только началось, и потому дѣлать какіе либо выводы преждевременно, но едва-ли можно сомнѣваться, что чѣмъ болѣе будетъ собрано частушекъ, тѣмъ лучше мы будемъ знать, что думаетъ деревенская молодежь о текущихъ политическихъ событіяхъ:

Всѣ ребята демократы
Мой миленокъ депутатъ
Всѣ ребята на бесѣдѣ
Моему нельзя никакъ
Онъ во думушкѣ сидитъ
Умны рѣчи говоритъ.

Восторженное состояніе авторши этой частушки объясняетъ неправдоподобность, допущенную въ этой частушкѣ: молодые парни, ухаживающіе за деревенскими дѣвушками не избираются, по возрастному цензу, въ депутаты. Болѣе просто смотреть на званіе депутата деревенскій парень; онъ и не скрываетъ, чего онъ собственно хочетъ, въ чемъ состоитъ прелесть званія депутата:

Погодикоте ребята
Попаду какъ въ депутаты
Депутату-то почетъ
Съ министромъ рѣчь ведетъ.

Свое разочарованіе въ депутатахъ первыхъ созывовъ народъ высказалъ довольно ясно:

Депутатъ у насъ хорошъ
Только толку ни на грошъ
Засѣдаетъ третій годъ
Только дѣло плохо претъ.

Вотъ частушки, характеризующія взглядъ деревенской молодежи на политическія партіи:

Не ходите вы, дѣвченки
Съ Октябристами гулять
Октябристамъ даже власти
Разрѣшили цѣловать

Деревенскіе ребята
Настоящи демократы
Изъ за сотки раздерутся
Расцарапаются въ кровь.

Законъ 9 Ноября затрагиваетъ самые жизненные, самые важные интересы, измѣняетъ самые основы крестьянской жизни, и потому народъ тотчасъ-же высказалъ свой взглядъ на этотъ законъ; естественно, что онъ нашелъ горячее одобреніе у однихъ, и рѣзкое порицаніе у другихъ. Теперь мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы судить — большинство или меньшинство молодежи одобряетъ этотъ законъ; также нельзя сдѣлать какого либо вывода на основаніи собранныхъ пока частушекъ:

Какъ девято Ноября
Милость вышла отъ Царя
Заложить можно, продать
Иль въ долгосрочную отдать

Мы на хуторѣ живемъ
Хлѣбецъ собственный жуемъ
Вы въ деревнѣ мааетесь
Выпивать стараетесь.

Столь же категорично высказывается и отрицательное отношеніе къ закону 9 Ноября; деревенская молодежь понимаетъ, что этотъ законъ разрушаетъ сложившійся вѣками строй жизни, идетъ въ разрѣзъ съ вѣками усвоенными воззрѣніями; не менѣе ясно молодежь понимаетъ тѣ опасности ея будущему, которыми чреваты этотъ законъ:

Эхъ, какое стало время
Эхъ, какія времена
Вѣковая-то кормилица
На хутора подѣлена

Я отца разувѣрлялъ
Чтобъ надѣлъ не закрѣплялъ
Не послушалъ — укрѣпилъ
Черезъ годъ, гляжу, пропилъ.

Въ высшей степени важно собраніе частушекъ для пониманія современныхъ деревенскихъ настроеній; только въ частушкахъ мы можемъ, хотя отчасти, узнать, что думаетъ народъ, или, по крайней мѣрѣ, деревенская молодежь о злобахъ дня. Искренность, непосредственность частушекъ не подлежитъ сомнѣнію; въ частушкахъ народъ охотно высказываетъ свои мысли, именно потому что мысли не стѣснены формой, легко выливаются въ ча-

стушку. Конечно очень важно установить распространение и живучесть каждой частушки, потому что особенную цѣнность для пониманія духовной жизни народа имѣютъ только распространенныя, полюбившіяся многимъ, частушки. Громадное значеніе для пониманія нашего народа частушки имѣютъ потому, что между нашимъ народомъ и нашей интеллигенціей уже давно встала непроницаемая стѣна, взаимное пониманіе рѣшительно, по крайней мѣрѣ, пока, невозможно. Наша интеллигенція порвала всякую связь съ народомъ, и самыя настойчивыя попытки нѣкоторыхъ народолюбцевъ и вліять на народъ и изучать его, при непосредственномъ съ нимъ общеніи, какъ извѣстно, кончались всегда неудачами. Народъ живетъ своей непонятной для насъ жизнью; онъ упорно сторонится отъ интеллигенціи; онъ ея не знаетъ и не хочетъ знать. Въ нашемъ народѣ настолько сильно развито чувство собственнаго достоинства, что онъ даже не желаетъ подражать, не желаетъ чего-либо перенимать у „господъ“; деревня просто игнорируетъ господъ, живетъ собственной жизнью. Деревенская частушка не только констатируетъ это весьма печальное, какъ я думаю, для нашей интеллигенціи, явленіе, но даже до извѣстной степени его и объясняетъ:

Гимназисты якъ хворисисты
 На вси выдумки готовы
 А якъ спросить объ уроки
 Дакъ стояць, быць болваны

Народъ не можетъ относиться съ довѣріемъ къ интеллигенціи, потому что онъ больше всего, выше всего, цѣнитъ трудъ; народъ не уважаетъ того, кто не работаетъ и не завидуетъ ему; по крайней мѣрѣ въ частушкахъ не высказывается ни малѣйшей зависти къ богатымъ, къ тѣмъ, кто не работаетъ. Едва-ли теперь у насъ возможна, по крайней мѣрѣ, въ деревнѣ, классовая ненависть и борьба: нашъ народъ очень благороденъ и цѣнитъ трудъ. Такъ какъ нашъ народъ не видитъ и не знаетъ работающей, трудовой интеллигенціи, онъ и не можетъ уважать интеллигенцію; даже народный учитель не оцѣненъ народомъ:

Милые родители
 Отдайте за учителя
 Онъ будетъ книжечки читать
 А я слухать, да лежать.

Эта частушка, ярко характеризующая отношеніе деревенской

молодежи, къ народному учителю создана поколѣніемъ, посѣщавшимъ школу, оцѣнившимъ пользу грамотности :

Слава Богу научилась
Письма милому писать
Напишу дружку записочку
Никто не будетъ знать.

Цвѣтокъ, вашу-то записочку
Въ карманѣ проношу
Соскучаю — прочитаю
Точно съ нимъ поговорю.

Также деревенская молодежь оцѣнила пользу фотографіи :

Снимись, забавочка, на карточкѣ
Пришли мнѣ на показъ
Скучно дѣвушкѣ мнѣ станетъ
Погляжу кажинный радъ.

Вполнѣ понятно отрицательное отношеніе деревенской дѣвушки къ желѣзнымъ дорогамъ :

Какъ для дѣвушекъ машина
Первая досадница
Увезетъ милова въ Питеръ
Нѣту и свиданьица.

Едва-ли можно упрекнуть деревенскую молодежь за то, что во всей цивилизаціи ее больше всего интересуютъ моды, что только эта сторона цивилизаціи широко захватываетъ деревню; частушка вполнѣ откровенно и правдиво объясняетъ интересъ молодежи къ туалету :

Купилъ тятенька калоши
Два полushалочка хороши
На грудишку часы
Прибавилъ дѣвушкѣ красы.

По частушкамъ мы узнаемъ, какіе туалеты нравятся нашей деревенской молодежи, во что желаютъ одѣваться дѣвушки и парни. Частушка настолько подробно и правдиво изображаетъ жизнь современной деревни, что можно перечислить принадлежности туалета, какъ дѣвушекъ, такъ и парней, при чемъ вполнѣ понятно, что принадлежностей туалета дѣвушки упоминается гораздо больше чѣмъ парня, именно :

Шляпочка
 Черепахова гребенка
 Голубой платокъ
 Шаль
 Полушалокъ
 Новенькій корсетъ
 Кофточка бордовая
 Кофточка люстриновая
 Кофточка красенькая
 Блуза бумазейная
 Шелковый поясъ
 Юбочка съ оборкой
 Сарафанъ съ оборкой
 Двѣ оборки да бія
 Капотъ

Машинное шитье
 На подолѣ бѣлый пухъ
 Голубой сатинетъ
 Полосатая чулки
 Туфли
 Ботинки
 Бархатна ротонда
 Ротонда безрукавна
 Въ талію пальто
 Дипломатъ (тепломатъ)
 Голубой казакъ
 Казакъ 8 пуговицъ назадъ
 Сачекъ
 Зонтинъ голубой пуговка въ
 середкѣ.

Франтъ не столь прихотливъ, какъ франтиха; его желанія ограничиваются меньшимъ числомъ предметовъ.

Сѣрая кепочка
 Каленкорова рубашка вы-
 шитая гладью
 Манишка
 Рубашка белрентиновая
 Жикетка
 Голубой пиджакъ
 Сюртукъ

Троечка трековая
 Полосаты брючки
 Высокіе каблуки
 Лакированный сапогъ
 Часы
 Свѣтлая цѣпочка
 Трость.

Какъ франтихи, такъ и франты очень цѣнятъ калоши; я насчиталъ упоминаніе о калошахъ болѣе чѣмъ въ тридцати частушкахъ; это наблюдалъ деревенскую молодежь лѣтомъ въ праздники, тотъ знаетъ, что гулять въ калошахъ считается щегольствомъ.

Чтобы закончить характеристику частушекъ, необходимо упомянуть о дурныхъ, не дѣлающихъ чести молодежи, частушкахъ. Частушки, какъ правдивое отраженіе жизни народа, изображаютъ и отрицательныя явленія въ его жизни. Нецензурныя частушки не могутъ быть объектомъ изученія, да онѣ и не могутъ давать матеріалъ для характеристики народа, потому что сквернословіе есть порокъ, свойственный всѣмъ классамъ общества. Къ сожалѣнію *nostalgie de la boue* присуще почти всѣмъ, и на примѣръ самое грязное изъ извѣстныхъ мнѣ стихотвореній принадлежитъ одному нашему извѣстному идеалисту. Самыми дурными частуш-

ками слѣдуетъ считать созданныя хулиганами, выражающія при-
зрѣніе къ уголовному возмездію и восхваленіе преступленія:

Не испугаемся мы
Бѣлокаменной тюрьмы
Тамъ не жать, не молотить
А на лавочкѣ сидѣть
Да въ окошечко глядѣть.

Мы Сибири не боимся
Изъ Сибири убѣжимъ
Кунимъ ножики подольше
Всѣхъ людей пересвѣжимъ.

Какъ бывшій тюремный врачъ, могу засвидѣтельствовать, что эти частушки совершенно точно формулируютъ взгляды большинства арестантовъ и на тюрьму и на каторгу; тюрьма ихъ ничуть не устрашаетъ, и всѣ они увѣрены, что изъ каторги убѣжать не трудно.

Также только отрицательное отношеніе должны вызывать частушки, лишенная смысла, съ попытками на неудачное остроуміе; ихъ, къ сожалѣнію не мало; конечно вполне естественно, что между сочинительницами частушекъ не мало неудачницъ, не способныхъ сказать чего либо интереснаго. Нехорошо то, что эти нелѣпыя частушки получаютъ распространеніе, значить, нравятся. Я не берусь классифицировать эти бессмысленныя частушки, и для примѣра приведу три, насколько могу судить, вполне разнородныя:

Хороши носовики
Плохо прострочены
У милаго у тальяночки
Ножки золоченныя.

На нашей рѣчкѣ горить свѣчка
Я пойду и потушу
Со своимъ гулять не буду
И чужова сокрушу

Милочки фатовыя
Сердетца которыя

Сердетца, бухарятца
На конфетки зарятца.

Конечно такіа жалкіа частушки нельзя объяснять вырожденіемъ, считать чѣмъ то патологическимъ; такое объясненіе было бы еще большею натяжкой, чѣмъ попытка объяснять декадентство, символизмъ, импрессионализмъ, кубизмъ и т. п. направленія вырожденіемъ. Я позволяю себѣ думать, что всѣ эти явленія обусловлены „празднословіемъ“, которое такъ присуще людямъ, что въ одной изъ прекрасныхъ нашихъ молитвъ, мы просимъ освободиться отъ этого порока хотя-бы въ теченіи великаго поста¹⁾. Отцы Церкви хорошо знали человѣческую душу, знали слабости наши, знали какъ трудно съ ними бороться; „духъ праздности“ такъ силенъ, такъ властенъ, что навсегда или по крайней мѣрѣ, надолго, мы не можемъ отъ него освободиться, и потому насъ научили молиться лишь о томъ, чтобы хотя въ дни покаянія мы не празднословили. Нѣтъ ничего удивительно, что среди изнывающей отъ праздности интеллигенціи находятся люди, занимающіеся празднословіемъ, хотя бы вмѣсто звуковыхъ образовъ, зрительными, а еще больше людей, которымъ нравится это празднословіе. Нѣкорую роль играетъ оригинальничаніе, мода, и наконецъ тщеславіе и корыстолюбіе празднослововъ, отсутствіе самостоятельности и цѣнителей этихъ направленій въ искусствѣ. Поэтому можно не удивляться и не огорчаться тому, что праздные, мало учившіеся интеллигенты тратятъ на пустяки время, котораго у нихъ такъ много. Жаль, что нашъ трудящійся народъ, хотя и мало, занимается празднословіемъ; въ длинные осенніе и зимніе вечера молодежь, не имѣя, по недостатку образованія, темъ и мотивовъ для творчества, или, по крайней мѣрѣ, для сочинительства, празднословить, т. е. создаетъ и повторяетъ бессмысленныя частушки. Однако порицать за это деревенскую молодежь мы не имѣемъ права, потому что не она виновата въ томъ, что наука и искусство, какъ то свидѣтельствуешь частушка, совершенно неизвѣстны нашей деревенской молодежи. Частушки съ полной очевидностью убѣждаютъ насъ въ этомъ печальномъ фактѣ. Интеллигенція, живущая на счетъ народа, пока ничего не дала народу, который знаетъ, что она мало работаетъ (не знаетъ уроковъ) и ограничивается чтеніемъ „книжечекъ“; издатели хорошо знаютъ, что именно наша интеллигенція больше читаетъ „книжечки“, чѣмъ

1) Они не виноваты, что ихъ языкъ „празднословный и лукавый“.

книги. Народъ ничего не получаетъ отъ интеллегенціи; наука и искусство не проникли въ народъ, не существуютъ для народа, и даже молодая деревня, при всей ея воспріимчивости, не подозреваетъ о существованіи науки и искусства.

Мартъ. 1914 г.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходить съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: officialный и научный.

Въ officialномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотою медалію.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**

Воззваніе.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВНЪ благоутодно было образоватъ въ составъ Верховнаго Совѣта Особую Комисію по призрѣнію пострадавшихъ за время настоящей войны офицерскихъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ, вольнонаемныхъ лицъ и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ районахъ военныхъ дѣйствій, а также служащихъ въ тѣхъ же районахъ на правительственныхъ и земскихъ шоссеиныхъ и грунтовыхъ дорогахъ, а равно на водныхъ путяхъ, а также семей всѣхъ этихъ лицъ, какъ погибшихъ, такъ и пострадавшихъ на войнѣ, а предсѣдательствованіе въ этой Комисіи ВСЕМІЛОСТІВѢЙШЕ возложить на меня.

Стремясь возможно полнѣе осуществить возложенныя на Особую Комисію задачи и считая, что самою главною ея цѣлью должно быть повышеніе трудоспособности пострадавшихъ, я буду добиваться всѣми способами, дабы, по возвращеніи пострадавшихъ въ свои родныя семьи, они не только не были имъ въ тягость, а были бы такими же, какъ другіе, работниками, работающими, по волѣ ВСЕВЫШНЯГО, на другомъ поприщѣ.

Сознавая всю трудность поставленной цѣли, я вѣрю, однако, что милостью БОЖІЕЙ и благодаря содѣйствію всѣхъ русскихъ людей своими знаніями, трудами и пожертвованіями, по всей Россіи будутъ устроены необходимыя временныя и постоянныя убѣжища для возстановленія здоровья пострадавшихъ, обученія каждаго сильнымъ для него знаніямъ и ремесламъ, которые дадутъ имъ душевную бодрость трудового человѣка, достатокъ, а, вмѣстѣ съ ними, всѣ остальные радости жизни, а тяжело увѣчнымъ, не могущимъ обходиться безъ посторонней помощи и требующимъ помѣщенія въ постоянныя убѣжища, душевный и тѣлесный покой.

Для дѣтей павшихъ и пострадавшихъ героевъ предположено устраивать пріюты, школы и вообще всемѣрно заботиться объ ихъ воспитаніи и обученіи.

Всѣ, кто согласенъ работать въ указанномъ направленіи, всегда найдутъ во мнѣ и особой Комисіи полное сочувствіе, нравственную и посильную денежную помощь своимъ начинаніямъ.

Откликнитесь Русскіе люди.

Помогите устроить тяжело увѣчныхъ, а кто можетъ изъ нихъ работать, тѣмъ дать вѣрный заработокъ.

Дѣтей же героевъ-воиновъ, отдавшихъ жизнь свою за Вѣру, ЦАРЯ и Отечество, воспитать достойными ихъ отцовъ.

Великая Княгиня КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

20 Августа 1915 г.